

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

0-23

Образование.
1808г. №11

№ 4327 ж. ф.

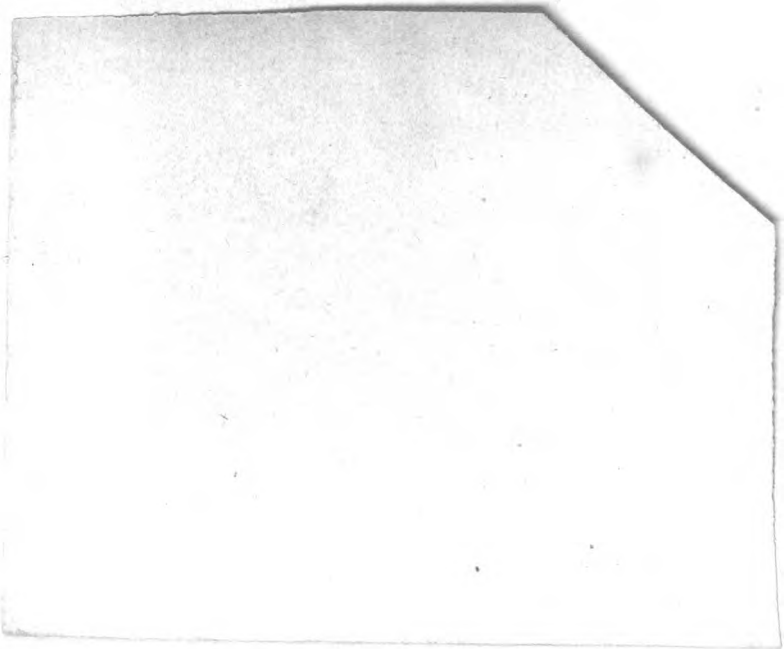
UC-NRLF

B 2 984 345

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

1959

Июль 1936

4р 50к

ОБРАЗОВАНИЕ

0-23

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ

И

НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ

408/11

ЖУРНАЛЪ.

№ 11.

Н О Я Б Р Ъ

1898.

№ 4327

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ

Пл. Лассалля, д. 4.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ГОРОДСКОЙ
УЧИЛИЩНЫЙ ДОМЪ
ИМЕНИ

А. С. ПУШКИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Б. Ружейная ул., д. № 14.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая ул., д. 15.
1898.

Изд 1889

ЛЦБ 1934

Дозволено цензурю. С.-Петербургъ 2 Ноября 1898 года.

ГОРОДСКОЙ
УЧИЛИЩНЫЙ ДОМЪ
ИМЕНИ
А. С. ПУШКИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Б. Ружейная ул., д. № 14

251
035
1.7.11

Основы воспитанія по взглядамъ
Добролюбова *).

ГЛАВА IV.

Задачи рациональнаго воспитанія.

Взглядъ на условія нормальнаго развитія какъ выводъ изъ предыду- щихъ главъ.—Вредныя стороны системы воспитанія, основанной на силъ привычки.

Соединяя въ одно взгляды Добролюбова, видимъ, что онъ стоитъ за свободное и самостоятельное развитіе ребенка, не стѣсненное никакими педагогическими теоріями и искусственнымъ обереганіемъ отъ жизни. На обязанность же воспитателя онъ возлагаетъ: 1) заботу о доставленіи правильнаго матеріала впечатлѣній, изъ котораго собственно складывается характеръ **) и 2) наблюденіе за здоровымъ состояніемъ всего организма, безъ чего не можетъ совершаться правильной дѣятельности мозга и, въ частности, забота о томъ, чтобы мозгъ не былъ переутомленъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и не оставался во вредномъ бездѣйствіи.

Итакъ, надо признать вмѣстѣ съ Добролюбовымъ, что никоимъ образомъ нельзя, во имя правильнаго образованія ребенка, развивать въ немъ умъ, чувства или волю, въ отдѣльности, такъ какъ всѣ эти душевныя силы должны развиваться и формироваться одновременно, съ помощью окружающихъ впечатлѣній и самостоятельной, практической жизни. Развитой умъ еще не обуславливаетъ нравственнаго и сильнаго характера точно такъ же, какъ при развитыхъ чувствахъ и сильной волѣ, но при отсутствіи пра-

*) См. «Образованіе» № 10.

**) «Слѣдуетъ помнить, что хорошо организованный, сильный, цѣль- ный характеръ», говоритъ Ушинскій: «не есть непременно характеръ нравственный, — направленіе вполнѣ зависитъ отъ того матеріала впечатлѣній, который усваивается ребенкомъ, изъ котораго онъ почерпаетъ свои желанія; въ этой-то доставкѣ цѣлесообразнаго матеріала выступаетъ роль воспитателя». («Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія»).

вильныхъ основныхъ понятій все направленіе характера можетъ получиться ошибочнымъ или дурнымъ. Основа сильнаго и нравственнаго характера, это—правильный матеріаль впечатлѣній для образованія ума, въ связи съ подборомъ (ассоціаціей) нравственныхъ чувствованій и ощущеній для правильнаго направленія чувствъ. Слѣдуетъ помнить кромѣ того, что умъ, чувство и воля не могутъ развиваться безъ простора, безъ самодѣтельности, и что только, думая, чувствуя и дѣйствуя самъ, ребенокъ развивается нормально, и характеръ у него получается цѣльный и сильный.

Не мало есть воспитателей, которые думаютъ, что можно выработать нравственный характеръ, основавъ всю систему воспитанія «на привычѣ». Хотя привычка и является въ нѣкоторыхъ случаяхъ благодѣтельнымъ орудіемъ въ рукахъ умѣлаго педагога, въ общемъ она всегда суживаетъ сферу душевной дѣятельности (какъ это показываетъ психологія); между тѣмъ, задача воспитателя никакъ не подавленіе, а, напротивъ, «расширеніе» и «развитіе» внутреннихъ силъ человѣка.

Наконецъ, простая привычка является уже потому нежелаемой, что она убиваетъ личность ребенка, дѣлаетъ его окончательно отраженіемъ окружающаго міра, среды, направляетъ всѣ душевныя его силы не на самостоятельное развитіе, а на дѣйствія подражательныя. При однихъ же дѣйствіяхъ подражательныхъ, безъ достаточнаго простора для проявленія своей личности, своей инициативы, въ ребенкѣ не только не можетъ развиваться, но не въ состояніи даже зародиться инициатива, самостоятельность, самостоятельность.

Стало быть, говоря словами Ушинскаго, «близоруко то воспитаніе, которое ограничивается только такими средствами, какъ подражаніе и привычка, не дѣйствуя, а, можетъ быть, даже мѣшая образованію самостоятельной дѣятельности, хотя бы, напр., тѣмъ, что оно поглощаетъ все время дитяти на дѣйствія подражательныя или привычныя, не оставляя ему ни времени, ни сферы для самостоятельной жизни». («Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», стр. 466).

«Нѣтъ сомнѣнія, что дитя болѣе всего учится подражая», говоритъ тотъ же Ушинскій: «но ошибочно было бы думать, что изъ подражанія сама собой вырастаетъ самостоятельная дѣятельность».

«Подражаніе даетъ много матеріала для самостоятельной дѣятельности, но если бы не было самостоятельной дѣятельности, независимо отъ подражанія, то нечему было бы и подражать. Самостоятельная дѣятельность не появляется потомъ съ возрастомъ, но зерно ея коренится въ свободной волѣ человѣка, рождающейся вмѣстѣ съ душою, и этому зерну должно дать и время, и сферу для развитія. Вотъ почему воспитатель по временамъ долженъ отступать отъ ребенка и совершенно предоставлять его самому себѣ. Зерно самостоятельности скрывается глубже въ душѣ ди-

тяти, чѣмъ можетъ проникнуть туда воспитаніе, и самыя попытки туда проникнуть могутъ только помѣшать развитію зерна. Воспитаніе можетъ сдѣлать многое, но не все». (Ушинскій. «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія», стр. 462).

Поэтому-то Ушинскій совѣтуетъ воспитателю поменьше вмѣшиваться не только въ жизнь дѣтей, но и въ самыя ихъ игры и не направлять этихъ игръ, какъ принято въ системѣ Фребеля, чтобы уже и въ этой маленькой дѣятельности ребенокъ могъ упражнять свою самостоятельность.

Довольно характерно выражаетъ эту мысль Лестафть: ребенокъ сначала видитъ, потомъ подражаетъ и, наконецъ, разсуждаетъ. Если лишить ребенка послѣдняго и основать всю систему воспитанія на одномъ подражаніи старшимъ, на одной привычкѣ къ послушанію, развѣ это будетъ нормальное развитіе ребенка?! Послѣ высказанныхъ взглядовъ Добролюбова понятно, что такое воспитаніе, извращающее нормальное образованіе характера не могло быть имъ одобрено. Добролюбовъ ставитъ условіемъ, чтобы ребенокъ научился быть нравственнымъ» не по привычкѣ, а по сознанію и убѣжденію» (Т. I, стр. 206).

Однако, хотя Добролюбовъ и возстаетъ противъ системы безусловнаго подчиненія авторитету старшихъ, это все же еще не значитъ, что онъ рекомендуетъ окончательно предоставить ребенка самому себѣ и нисколько не вліять на ходъ его развитія. Напротивъ, Добролюбовъ стоитъ за возможность со стороны воспитателя направлять развитіе ребенка, вліять на него, настаивать на исполненіи разумныхъ и законныхъ требованій, къ нему предъявляемыхъ, но только вліяніе воспитателя не должно быть, какъ говоритъ Добролюбовъ, основано на запугиваніи авторитетомъ, на бессознательномъ подчиненіи, достойномъ дрессировки животныхъ, а должно достигаться путемъ разумныхъ разъясненій каждаго приказанія, обращеннаго къ ребенку. Воспитанникъ долженъ знать и понимать, почему отъ него хотятъ того или другого, всякое требованіе наставника должно оправдываться въ сознаніи дитяти. Если вы хотите, чтобы вашъ ребенокъ отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ, чтобы со временемъ онъ являлся человѣкомъ мыслящимъ и разсуждающимъ, разъясняйте ему ясно и толково ваши требованія, пусть онъ привыкаетъ понимать и причину, и слѣдствіе; только тогда съ вашимъ ребенкомъ рѣже будутъ случаться несчастія, только тогда меньше будетъ дѣлать онъ ошибокъ по незнанію и непониманію; путемъ личнаго опыта онъ будетъ находить подтвержденіе вашимъ приказаніямъ и своимъ разсужденіямъ, по этой причинѣ и понятія у него сложатся тогда правильныя, органическія. Часто случается, что родители говорятъ ребенку просто: «не смѣй этого трогать», или: «смотри, не дѣлай того-то, а то плохо будетъ», вмѣсто того, чтобы объяснить, по возможности просто, причину своего запрещенія и вредъ, какой вытекаетъ для самого ребенка или для окружающихъ изъ его поступка. Въ такомъ случаѣ ре-

бенокъ изъ одного любопытства можетъ совершить проступокъ, чтобы самому увидѣть его послѣдствія. Разумѣется, недостаточно объяснить разъ или два ребенку причину запрещеній или требованій, для того чтобы приучить ребенка вѣрить вашему слову и слушаться, такъ какъ ребенокъ, не привыкшій мыслить и рассуждать, не въ состояннн будетъ сразу даже уловить связи между причиной и слѣдствіемъ; такой приѣмъ возможенъ только въ томъ случаѣ, когда онъ примѣняется вами постоянно, когда онъ выдерживается во всѣхъ случаяхъ жизни, и тогда только ребенокъ научается задумываться надъ своими поступками и поступать сознательно. Разумными доводами, ясными толковыми разсужденіями вы приучаете его мыслить, вы научаете его различать добро и зло, истину и заблужденіе. «Если ребенокъ въ раннемъ возрастѣ не приучился рассуждать надъ своими впечатлѣніями и дѣйствіями, то онъ впослѣдствіи очень трудно къ этому привыкаетъ» *). И вотъ, если вы заставите вашего ребенка только слѣпо, безъ разсужденій повиноваться вашимъ приказаніямъ, то когда научится онъ мыслить самостоятельно? «Я съ вами согласенъ», говоритъ Добролюбовъ: «что дѣти не развиты для яснаго пониманія своихъ обязанностей, но въ томъ-то и состоитъ ваша обязанность, чтобы развить въ нихъ это пониманіе» (Т. I, стр. 206). «Увѣрившись, что дѣти не понимаютъ васъ, вы преспокойно сидите сложа руки, воображая, что вамъ и дѣлать нечего больше, какъ сидѣть у моря и ждать погоды: авось, дескать, какъ нибудь раскроются способности, когда подрастетъ ребенокъ, — тогда и потолковать съ нимъ можно будетъ, а теперь пусть дѣлаетъ себѣ, что приказано. Въ такомъ случаѣ, на что же вы и поставлены, о глупо-бо-мудрые педагоги? Зачѣмъ же тогда и воспитаніе? Вѣдь вашъ прямой долгъ — добиться, чтобы васъ понимали!.. Вы для ребенка, а не онъ для васъ, вы должны приноравливаться къ его природѣ, къ его духовному состоянню, какъ врачъ приноравливается къ больному, какъ портной къ тому, на кого онъ шьетъ платье» (Томъ I, стр. 20).

«Ребенокъ еще не развитъ, да какъ же онъ и разовьется, когда вы насколько не стараетесь объ этомъ», спрашиваетъ дальше Добролюбовъ: «а еще, напротивъ, задерживаете его самобытное развитіе? По вашей логикѣ, значить, нельзя выучиться незнакомому языку сколько-нибудь разумнымъ образомъ, потому что, начиная учиться, вы его не понимаете, а надобно вести дѣло, заставляя ученика просто повторять и заучивать незнакомые звуки, безъ знанія ихъ смысла; послѣ, дескать, когда много словъ въ памяти будетъ, такъ и смыслъ ихъ какъ-нибудь мало-по-малу узнается!» (Томъ I, стр. 207).

Надо помнить, что мыслить, рассуждать человекъ научается только путемъ долгаго, самостоятельнаго опыта и упражненія. «Только при постепенномъ и послѣдовательномъ возбужденн ум-

*) Лесгафтъ, «Семейное воспитаніе ребенка», стр. 57.

ственной дѣятельности», скажемъ опять словами Лесгафта: «прокладываются пути къ центрамъ, связаннымъ съ этой дѣятельностью, и вырабатывается такимъ образомъ способность разсуждать». («Семейное воспитаніе ребенка», стр. 33).

Разсудокъ, какъ и другія духовныя свойства, крѣпнеть отъ упражненія, т. е. отъ переработки соответствующаго матеріала; находясь же въ бездѣйствіи, онъ не можетъ способствовать развитію ума и организаціи характера, слѣдовательно, не содѣйствуетъ цѣли, намѣченной воспитаніемъ.

Признавая за ребенкомъ полную разумность, Добролюбовъ вѣрить, что на ребенка можно дѣйствовать разумными разсужденіями. Дѣти правильно составляютъ свои понятія, сужденія и умозаключенія, они способны къ наведенію и аналогіи, они понимаютъ причину и слѣдствіе,—въ этомъ, именно, и заключается актъ сознанія или, иначе, разсудочный процессъ. Чѣмъ обширнѣе и разностороннѣе матеріалъ, который перерабатываетъ ребенокъ разсудочнымъ процессомъ, тѣмъ правильнѣе онъ мыслить, но основа-то разума въ немъ существуетъ съ самаго начала. Если же въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ ребенка встрѣчаются ошибки, то вина не въ самомъ разумѣ ребенка, а въ недостаткѣ или односторонности матеріала, надъ которымъ приходится ему работать. Сознаніе всегда работаетъ безошибочно, говоритъ Ушинскій, но за нимъ водится два недостатка: при скудости матеріала зданіе, возведенное сознаніемъ, является одностороннимъ, и при новыхъ фактахъ сознаніе зачастую перестраиваетъ, передѣлываетъ всю постройку. Это одна ошибка въ выводахъ разсудка; но есть еще вторая: при неожиданномъ обиліи матеріала сознаніе тускнѣетъ, слабѣетъ и, чувствуя свое безсиліе сразу обнять весь новый, обильный матеріалъ впечатлѣный, разбрасывается и работаетъ только тогда хорошо и правильно, когда ему даютъ для переработки матеріалъ не обильный, сообщая послѣдовательно фактъ за фактомъ и выбирая факты разнообразныя и разностороннія, но не по многу за-разъ. Поэтому нельзя винить разсудокъ ребенка за то, что онъ дѣлаетъ невѣрные заключенія и выводы, пока онъ не обладаетъ еще достаточнымъ количествомъ фактовъ или теряется въ ихъ обиліи и когда неумѣлый наставникъ обременяетъ ими его молодой разсудокъ. Добролюбовъ утверждаетъ, что обязанность воспитателя вся и состоитъ въ томъ, «чтобы сообщить дитяти, сколько возможно скорѣе, возможно наибольшее количество всякаго рода данныхъ, фактовъ; забывая при этомъ особенно о полнотѣ и правильности воспріятія ихъ ребенкомъ. Поводы къ подобному сообщенію фактовъ можетъ представлять самое противорѣчіе ребенка, на которое не отвѣчать можетъ наставникъ только по лѣности или по трусости своей, а никакъ не по разумному убѣжденію. Вы заставляете вашего воспитанника сдѣлать что нибудь; онъ говоритъ, что сдѣлать этого нельзя; а вы ему покажите, какъ это сдѣлать. Онъ самъ что нибудь хочетъ совершить, а вы говорите, что это невозможно, и спрашиваете его, какъ онъ хотѣлъ

бы исполнить свое намѣреніе. Онъ рассказываетъ свои мечтательные планы; въ послѣдовательно и подробно доказываете неисполнимость его предпріятія. И въ этомъ одномъ сколько представляется вамъ прекрасныхъ поводовъ передать ребенку множество вѣрныхъ, живыхъ свѣдѣній о законахъ природы, о явленіяхъ духовной жизни человека, объ устройствѣ общества. И повѣрьте, что ребенокъ сумѣетъ понять ваши объясненія и принять ихъ къ свѣдѣнію». (Томъ I, стр. 209).

Когда воспитатель даетъ вѣрные факты, ребенокъ сдѣлаетъ изъ нихъ правильный выводъ; но при ложныхъ фактахъ ребенокъ не можетъ не вывести и ошибочныхъ заключеній, такъ какъ логика его работаетъ правильно. Сплошь и рядомъ, логика ребенка извращается самими взрослыми, ихъ сбивчивыми, неудовлетворительными объясненіями. Многія нелогичности, съ которыми свыклись уже взрослые, поражаютъ ребенка и извращаютъ чистоту его мышленія. Почему, на примѣръ, спрашиваетъ Добролюбовъ, предполагается, что нелогичное убѣжденіе дѣйствуетъ на ребенка сильнѣе, чѣмъ логичное? «Утѣшить дитя разумно, если оно плачетъ,—нельзя; а сказать «не плачь, а то тебя бука съѣстъ», или «перестань, а не то выскѣку»,—можно.

Желалъ бы я знать, какое отношеніе между дѣтскимъ плачемъ и букой или розгой, и какая логика предполагается въ ребенкѣ при такихъ увѣщаніяхъ? (Томъ I, стр. 209).

Къ разряду явленій, вліяющихъ на извращеніе логики ребенка, Добролюбовъ относитъ синтетическій методъ обученія, вмѣсто аналитическаго. Природа ребенка не извращена житейскими условностями, нелѣпостями и призраками, въ родѣ интереса къ чинамъ, къ орденамъ, къ геральдикѣ и т. п.; онъ интересуется живыми явленіями, онъ любознателенъ, стремится изучитъ природу, близко его окружающую, не вдаваясь въ отвлеченности. Надо исходить изъ знакомаго ребенку и затѣмъ уже переходить къ выводу—синтезу. По тому же поводу, въ своей статьѣ «Рѣчи и Отчеты Московской Практической Академіи Коммерческихъ Знаній», Добролюбовъ высказывается за естествознаніе, за ознакомленіе дѣтей съ явленіями природы и жизни, съ которыми они соприкасаются. Взглядъ этотъ находитъ полное подтвержденіе у Спенсера.

Ратуя за умственное развитіе и совершенствованіе ума ребенка путемъ приобрѣтенія знаній, Добролюбовъ однако совѣтуетъ помнить, съ какимъ хрупкимъ и вѣжнымъ организмомъ приходится имѣть дѣло, и жестоко осуждаетъ воспитателей, готовыхъ изсушить своихъ дѣтей, лишь бы они шли изъ первыхъ и блестяще сдавали экзамены. Родители и воспитатели обыкновенно забываютъ, что при чрезмѣрномъ обремененіи памяти знанія плохо усваиваются и что для ясности сужденій и выводовъ надо обязательно давать сознанію меньшее количество матеріала, оставляя время для его переработки, и уже послѣ того пополнять новыми фактами.

При отсутствіи же переработки, т. е. безъ участія сознанія въ процессѣ усвоенія знаній, память развивается въ ущербъ мыслительнымъ способностямъ, и вмѣсто пользы получается вредъ.

Признавая одной изъ главныхъ задачъ воспитанія созданіе мыслящаго человѣка, Добролюбовъ очень категорично высказывается противъ пассивнаго воспріятія знаній со стороны учениковъ и совершенно не одобряетъ тѣхъ родителей и наставниковъ, которые «разжевываютъ» знаніе, вмѣсто того, чтобы заставлять ребенка самого думать, работать головой, упражнять свой мозгъ самостоятельнымъ усвоеніемъ преподаваемаго. «Первоначальнымъ побужденіемъ къ труду служить также естественная необходимость упражнять свои силы и, слѣдовательно, охота трудиться должна находиться въ прямой пропорціи съ количествомъ силъ человѣка, которое опять зависитъ во многомъ отъ упражненія. Поэтому естественно, что, пока силъ мало, и охота къ труду слаба, и ежели никакихъ другихъ побужденій къ работѣ нѣтъ, то ребенокъ очень охотно привыкаетъ лѣниться, отчего силы его, оставаясь безъ упражненія, такъ и не получаютъ надлежащаго развитія. Это мы видимъ не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ развитіи: при началѣ ученія дѣти очень неохотно принимаютъ за всякій урокъ, гдѣ имъ нужно много соображать и добиваться толку; они предпочитаютъ, чтобы имъ все было растолковано и чтобы съ ихъ стороны требовалось только пассивное воспріятіе. Многие родители и заботятся объ этомъ; дѣлюю толпу учителей, гувернеровъ и репетиторовъ приглашаютъ, чтобы разжевать и положить въ ротъ ихъ дѣтямъ всякое знаніе; за то такіа дѣти и остаются на весь вѣкъ обезьянами, иногда очень ученными и вообще понятливыми, но неспособными возвыситься до самобытной человѣческой мысли». (Томъ I, стр. 371).

Наконецъ надо помнить, что къ самой душевной способности—памяти, слѣдуетъ относиться болѣе бережно, не загромаждать ея излишними безсвязными фактами; гораздо важнѣе указывать на взаимную связь явленій и давать дѣтямъ возможность усваивать памятью не отдѣльные факты, а выводимыя изъ нихъ общія заключенія. На важное значеніе памяти и на необходимость бережнаго отношенія къ ней для правильнаго развитія человѣка указано и у Ушинскаго, и у Компера, и у Селли.

ГЛАВА V.

Частные вопросы воспитанія и обученія.

а) Вредъ примѣненія мѣръ поощренія и наказанія.

Въ предыдущихъ главахъ мы дали общій сводъ основныхъ воспитательныхъ идей Добролюбова;—намъ остается еще указать на то, что затрагивались имъ и нѣкоторые побочные вопросы вос-

питанія и обученія; чтобы дать возможно полную картину его воспитательныхъ возрѣній, небезполезно коснуться вкратцѣ и этихъ его взглядовъ.

Къ важнымъ заслугамъ Добролюбова несомнѣнно относится его точно и ясно сформулированный протестъ противъ всякихъ поощрительныхъ или порицательныхъ мѣръ въ дѣлѣ воспитанія. По мнѣнью Добролюбова, разумное требованіе, ясно и понятно растолкованное ребенку, при непреклонности и послѣдовательности со стороны воспитателя, всегда заставитъ ребенка поступить такъ, какъ это желательно, конечно, если ребенка еще не успѣли испортить примѣненіемъ болѣе сильныхъ и менѣе послѣдовательныхъ мѣръ. Вся система воспитанія должна быть построена не на страхѣ наказанія, не на ожиданіи награды, а на разумныхъ и послѣдовательныхъ разъясненіяхъ своихъ требованій или запрещеній, съ цѣлью возможно скорѣе научить ребенка самого мыслить и распознавать дурное и хорошее.

Только при такихъ условіяхъ могутъ утвердиться въ головѣ ребенка правильныя понятія, логика его не исказится и въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія не будетъ надобности прибѣгать къ возбужденіямъ того или иного рода, чтобы заставлять воспитанника поступать такъ, какъ того требуютъ законы нравственности. Нравственность же человѣка, какъ справедливо говоритъ Добролюбовъ, находящаяся въ зависимости отъ ожидаемыхъ наградъ или наказаній, не можетъ быть высокаго качества.

Кромѣ того, ощущенія наши притупляются отъ повторенія одной и той же мѣры, на ребенка, подвергшагося наказанію, простое словесное требованіе уже не окажетъ того дѣйствія, какое оно имѣетъ на ребенка, еще не подвергавшагося «прибавочнымъ раздраженіямъ», и поэтому, чтобы поощрительная или карательная мѣра оказывала желательное дѣйствіе, ее пришлось бы постоянно усидывать, а гдѣ же въ такомъ случаѣ можно поставить предѣлы! *)

Убѣжденіе Добролюбова въ возможности построить воспитательную систему, безъ примѣненія поощреній и наказаній, является далеко не единичнымъ въ педагогической литературѣ, стоитъ вспомнить взглядъ Спенсера, что наказаніе только тогда допустимо, когда оно естественно вытекаетъ изъ самой сущности поступка. Напримѣръ: ребенокъ что-нибудь попортилъ, произвелъ безпорядокъ—пусть онъ, по возможности, самъ и исправитъ свою вину; ребенокъ отличается разсѣянностью, забывчивостью—пусть онъ принимаетъ на себя послѣдствія своихъ необдуманыхъ поступковъ. Такимъ естественнымъ методомъ сама жизнь учитъ взрослыхъ, и онъ-то лучше всего вліяетъ и на дѣтей. Урокъ, полученный отъ самой жизни, на опытѣ, служитъ всегда лучшимъ

*) Степень раздраженія должна расти въ геометрической прогрессіи, если нужно, чтобы степень ощущенія росла въ арифметической. (Вундтъ, изд. 1887 г., стр. 356).

исправительнымъ средствомъ, сильнѣе всего запечатлѣваясь въ душѣ ребенка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не извращаетъ ни его логики, ни его нравственныхъ понятій. Если же встрѣчаются поступки дѣтей, которые естественнымъ методомъ наказываемы быть не могутъ, тогда самое лучшее до поры до времени предотвратить самый проступокъ, употребивъ всѣ усилія на то, чтобы ребенокъ самъ уразумѣлъ вредъ своихъ дѣйствій и сталъ ихъ избѣгать. Понятно, такого рода воспитаніе требуетъ со стороны воспитателя большой затраты силы, большого терпѣнія, настойчивости, выдержки. Самый простой и менѣе всего обременительный для воспитанія способъ воздѣйствія на ребенка—это, конечно, примѣненіе наказаній и наградъ; педагогу остается только придумать соотвѣтствующую награду или угрозу, чтобы заставить ребенка подчиниться его желаніямъ. Чѣмъ награда пріятнѣе или чѣмъ строже наказаніе, тѣмъ сильнѣе запечатлѣваются въ головѣ ребенка пріятныя или дурныя послѣдствія даннаго поступка и, какъ справедливо думаютъ педагоги, придерживающіеся такого метода воспитанія, это воспоминаніе можетъ удерживать ребенка въ другой разъ отъ повторенія даннаго поступка или побудить его на хорошее дѣйствіе; но въ такомъ случаѣ забывается вопросъ очень серьезный, а, именно, что воспитаніе не должно имѣть въ виду только минутное, частное воздѣйствіе, но что воспитатель обязательно долженъ задаваться вопросомъ: какъ отзовется примѣняемая мѣра на всемъ душевномъ складѣ ребенка? Какое дѣйствіе будетъ оказывать она на весь ходъ развитія воспитанника?

Есть наказанія,—къ числу ихъ относится тѣлесное,—которыя имѣютъ только развращающее дѣйствіе на нравственное развитіе. Вотъ почему Добролюбовъ и стоялъ такъ энергично за изгнаніе его изъ школы. Одна эта заслуга дѣлаетъ Добролюбова достойнымъ благодарной памяти со стороны всѣхъ, кому дорогъ нормальный ходъ развитія человѣка *).

Отстаивая свой взглядъ, Добролюбову пришлось вступить въ полемику съ такимъ заслуженнымъ и извѣстнымъ педагогомъ, какъ Пироговъ, и не смотря на единомысліе Добролюбова съ Пироговымъ во многихъ вопросахъ касательно воспитанія, Добролюбовъ рьяно возсталъ въ своихъ двухъ извѣстныхъ статьяхъ «Всероссійская иллюзія, разрушаемая розгой», и «Изъ дождя да въ воду», противъ «Правиль о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій кievскаго учебнаго округа», изданныхъ Пироговымъ, въ которыхъ послѣдній до нѣкоторой степени узаконялъ тѣлесное наказаніе. Добролюбовъ видѣлъ въ томъ отступленіе отъ здравыхъ педагогическихъ принциповъ, проповѣдывавшихся самимъ Пироговымъ, и уступку окружающему мраку и рутинерству.

*) На эту сторону литературно-педагогической дѣятельности Добролюбова указано уже было въ русской педагогической литературѣ, въ статьѣ А. Скабичевскаго «Участіе Н. А. Добролюбова въ педагогическомъ движеніи шестидесятыхъ годовъ» (Вѣстникъ воспитанія 1896 г. № 6).

Педагогикой тѣлесное наказаніе никакъ на можетъ быть одобрено, такъ какъ оно ни съ какой стороны не удовлетворяетъ задачѣ воспитанія. Не говоря уже о томъ, что такого рода карательная мѣра можетъ довести ребенка до озлобленія, вслѣдствіе чего и весь ходъ его развитія приметъ ненормальное теченіе, тѣлесное наказаніе, при желаніи пристыдить, вредно отзывается на самолюбіи, либо чрезмѣрно развивая, либо притупляя его, отчего ребенокъ становится равнодушнымъ къ мнѣнію окружающихъ и часто намѣренно начинаетъ имъ пренебрегать; такого же рода душевное состояніе дѣлаетъ ребенка способнымъ на многія дурныя выходки.

Если же тѣлесное наказаніе основано на страхѣ чисто физической боли, то тѣмъ болѣе оно не можетъ имѣть воспитательнаго вліянія,—хороша будетъ нравственность человѣка, если она будетъ поставлена въ зависимость отъ физическихъ страданій! Припомнимъ, приведенное у Добролюбова, возраженіе противъ тѣлесныхъ наказаній самого Пирогова, въ которомъ онъ убѣдительно доказываетъ всю несостоятельность такого рода мѣры: «Страхъ... Но какой? Не тотъ нравственный страхъ заслуженнаго наказанія, который возбуждается внутреннимъ чувствомъ совѣсти за нарушеніе предписываемыхъ ею правилъ, а страхъ боли и истязаній. Неужели, нужно у ребенка поставить совѣсть въ зависимость отъ розги? И ежели можно этого достигнуть, если можно достигнуть того, чтобы физическая боль или одно воспоминаніе о боли пробуждало совѣсть, то желательно ли, утѣшительно ли это? Положимъ, вы достигли вашей цѣли, вамъ удалось возбудить самый лучшій физическій страхъ въ ребенкѣ: чѣмъ вы его будете поддерживать? Вамъ еще понадобится его усиливать: ребенокъ ко всему скоро привыкаетъ. Гдѣ положить границу усиленій? А если онъ хоть на минуту освободится изъ-подъ дамочлесова меча; если онъ хоть на минуту убѣдится, что его проступки могутъ остаться незамѣченными,—какъ вы думаете, воспользуется ли онъ своею мнимою свободою? Вотъ уже и двойственность, вотъ уже опять «быть и казаться». Покуда розга въ виду, все хорошо и въ приличномъ видѣ; когда исчезла изъ виду—кутежъ и разливъ. И это нравственность!»

«Да, къ сожалѣнію», продолжаетъ отъ себя уже Добролюбовъ: «въ большинствѣ нашего общества такова нравственность не только въ поступкахъ, но даже въ словахъ и въ понятіяхъ». Много есть у насъ убѣжденій и требованій, которыя мы рѣшаемся высказывать только въ тѣ минуты, когда освобождаемся изъ-подъ дамочлесова меча, упомянутаго г. Пироговымъ» (т. I, стр. 221).

Наконецъ, при примѣненіи тѣлеснаго наказанія, самыя представленія дѣтей принимаютъ ложное направленіе и органическія понятія складываются ошибочными.

Ребенокъ, подвергающійся тѣлесному наказанію, привыкаетъ къ подобнаго рода жестокостямъ и вмѣсто того, чтобы смотрѣть

на всякаго рода физическую расправу, какъ на нѣчто несовмѣстимое съ человѣческимъ достоинствомъ и оскорбляющее нравственное чувство, получаетъ ложный взглядъ на примѣненіе грубой силы, какъ на мѣру, не только допустимую, но, пожалуй, даже подчасъ и неизбѣжную. Человѣкъ, выросшій съ подобными органическими понятіями, будетъ естественно вымещать подобнымъ же образомъ и свои собственныя обиды, свое неудовольствіе на другихъ и скорѣе человѣка, никогда не подвергавшагося тѣлесному наказанію и потому привыкшаго относиться къ нему съ естественнымъ отвращеніемъ, можетъ въ послѣдствіи сдѣлаться поборникомъ розогъ.

Часто приходится слышать, какъ обвиняютъ крестьянъ и вообще людей, принадлежащихъ къ бѣдному классу, въ грубости и жестокосердіи; люди эти являются живымъ подтвержденіемъ того, что воспитаніе, основанное на началахъ физической расправы, если подчасъ и закаляетъ волю, во всякомъ случаѣ прививаетъ ошибочныя, негуманныя понятія, которыя входятъ въ составъ характера человѣка и даютъ ему вовсе нежелательное направленіе; человѣкъ грубѣетъ, привыкаетъ ко всякаго рода жестокостямъ, на которыя мы смотримъ съ невольнымъ ужасомъ, теряетъ мѣрило человѣческаго достоинства и преклоняется передъ силой, внушающей ему страхъ. Родители должны бы почаще вспоминать примѣры подобнаго рода.

Такими рутинными, освѣщенными только стариной, воспитательными мѣрами, какъ тѣлесное наказаніе, воспитатели и родители удерживаютъ своихъ дѣтей въ собственныхъ несовершенныхъ понятіяхъ, не заботясь о томъ, чтобы понятія ихъ дѣтей сложились возможно болѣе правильными, нравственными и совершенными, а въ результатъ, вслѣдствіе пристрастія къ рутинному методу воспитанія, замедляется и весь ходъ прогресса человѣчества. Невольно вспоминаются слова Спенсера: «Мы не говоримъ, чтобы способ обращенія такого рода (брань, угрозы, удары, которыми вспыльчивые родители осыпаютъ провинившихся дѣтей), не имѣлъ своей относительно хорошей стороны,—онъ хорошъ по отношенію къ необузданнымъ дѣтямъ и грубымъ неблаговоспитаннымъ родителямъ; онъ хорошъ по отношенію къ такому роду общества, въ которомъ подобныя взрослые составляютъ массу. Дѣти - варвары у родителей варваровъ могутъ быть обуздываемы только варварскими методами, произвольно употребляемыми такими родителями, и очень можетъ статья, что методы подобнаго рода составляютъ лучшую подготовку для дѣтей, которымъ предназначено играть роль въ варварскомъ обществѣ. И наоборотъ, цивилизованные члены цивилизованнаго общества, въ порывъ гнѣва, будутъ выражать свое неудовольствіе въ болѣе мягкой формѣ, будутъ употреблять мѣры болѣе кроткія, хотя достаточно строгія для нихъ болѣе благонравныхъ дѣтей». (Воспитаніе умственное, нравственное и физическое стр. 153, изд. 1894 г.).

Такова общая характеристика отношеній Добролюбова къ

мѣрамъ поощренія и наказанія,—въ частности, къ наказаніямъ тѣлеснымъ.

в) *Смысль патриотическаго чувства и его воспитаніе въ ребенкѣ.*

Переходя къ другимъ мнѣніямъ Добролюбова, имѣющимъ связь съ вопросами воспитанія, нельзя обойти молчаніемъ его прекрасную статью «Русская цивилизація, сочиненная г-номъ Жеребцовымъ», въ которой очень ясно выраженъ взглядъ на ходъ развитія въ человѣкѣ патриотическаго чувства; хотя собственно этотъ вопросъ не имѣетъ прямого отношенія къ воспитанію, но онъ до нѣкоторой степени опредѣляетъ тѣ отношенія къ людямъ, къ отечеству, къ человѣчеству вообще, которыя, по мнѣнію Добролюбова, слѣдовало бы принимать въ основу нормальнаго воспитанія. Вотъ, почему здѣсь совершенно умѣстно его коснуться.

Подъ патриотизмомъ Добролюбовъ подразумѣваетъ не узкое приустрасіе ко всему, что окружаетъ человѣка съ дѣтства и поэтому органически сродняется съ его душой, дѣлается близкимъ и милымъ ему, а широкую любовь, направленную на все человѣчество, исполненную желаніемъ принести наибольшую пользу людямъ, безъ различія племени и народности. Патриотизмъ узкій, бессознательный, появляется еще у человѣка въ очень раннемъ возрастѣ,—это есть любовь ко всему окружающему, включая сюда и людей, и предметы, и обстановку; врожденный эгоизмъ побуждаетъ ребенка искать лучшаго, а это лучшее онъ находитъ въ общеніи съ людьми, а не въ одиночествѣ; «дальнѣйшій опытъ жизни съ каждымъ днемъ все болѣе подтверждаетъ и проясняетъ эту темную догадку ребенка, и онъ начинаетъ уже понимать связь собственнаго благосостоянія съ благосостояніемъ другихъ. Сначала онъ предается стремленію овладѣть чужимъ благосостояніемъ для самого себя и въ этомъ находитъ удовольствіе, но скоро почувствуетъ, что, питая себя лишеніями другихъ, онъ опять становится одинокимъ, чуждымъ всему, какъ будто единственнымъ существомъ особой породы, имѣющимъ одно специальное назначеніе—поѣдать все окружающее. Оттого-то, по замѣчанію педагоговъ, эгоизмъ дѣтей очень недолго остается въ грубомъ видѣ, при которомъ нужно только удовлетвореніе личныхъ, исключительно животныхъ, потребностей. Какъ скоро пробуждается мысль и начинается работать разумъ, и самый эгоизмъ принимаетъ другое направленіе: для удовлетворенія его дѣлаются потребны симпатическія отношенія съ другими».

Любовь къ близкимъ окружающимъ переносится затѣмъ и на предметы, принадлежащіе дорогимъ лицамъ, на знакомую обстановку, созданную тѣми же людьми. «Но довольно скоро патриотизмъ формируется болѣе опредѣленнымъ образомъ, заключая въ себѣ всѣ понятія и историческія, и гражданскія, какія только успѣваетъ приобрѣсти ребенокъ» (т. II, стр. 233) Это—обычный,

ный, хотя и несознательный патриотизмъ, отличающійся безграничной преданностью ко всему своему, будь оно хорошее или дурное,—все равно. «Причина такого безразличія заключается въ томъ, что дитя еще и не понимаетъ хорошенько разницы между хорошимъ и дурнымъ, потому что имѣеть мало или вовсе не имѣеть предметовъ для сравненія. Не имѣя понятія о другихъ городахъ, какъ можетъ ребенокъ изъяслять недовольство устройствомъ своего города?.. Живя непосредственной жизнью, руководствуясь во всемъ единственнымъ желаніемъ расширить, сколько возможно, предѣлы собственнаго эгоизма, связавши его съ эгоизмомъ другихъ, ребенокъ восхищается всѣмъ, что онъ можетъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ назвать «своимъ» (т. II, стр. 233).

При дальнѣйшемъ развитіи, по мѣрѣ того, какъ кругозоръ ребенка расширяется, онъ пріобрѣтаетъ все больше свѣдѣній, получаетъ большее число предметовъ для сравненія и научается различать дурное и хорошее въ томъ предметѣ, который раньше ему казался совершеннымъ. Такимъ образомъ, человекъ, отрѣшаясь отъ полнаго пристрастія, пріобрѣтаетъ вѣрный взглядъ сначала на свою семью, затѣмъ на свой городъ, на свою губернію и т. д. и въ результатѣ перестаетъ увлекаться исключительно своимъ, увлекаться лишь тѣмъ, что составляетъ общія народныя или государственныя черты. «Но человекъ, нормальнымъ образомъ развившійся, не можетъ остановиться и на этой степени выраженія патриотизма. Онъ сознаетъ, что его чувства къ родинѣ, при всей своей силѣ и живости, не имѣютъ еще той разумной ясности, которая дается только изученіемъ дѣла въ связи со всѣми однородными явленіями. Такимъ образомъ, отъ идеи своего народа и государства человекъ, не останавливающийся въ своемъ развитіи, возвышается посредствомъ изученія чужихъ народностей до идеи народа и государства вообще и, наконецъ, постигаетъ отвлеченную идею человечества такъ, что въ каждомъ человекѣ, представляющемся ему, видитъ прежде всего человека, а не нѣмца, поляка, жида, русскаго и пр.» (т. II, стр. 234).

Это и есть то, что подразумѣваетъ Добролюбовъ подъ патриотизмомъ и къ чему долженъ привести нормальный ходъ развитія, при умѣннн расширить кругозоръ ребенка, увеличить его знанія и дать правильную основу его понятіямъ о «человѣкѣ». Но при ложномъ направленіи развитія, легко можетъ получиться «псевдопатриотизмъ», являющійся совершенной противоположностью тому, что Добролюбовъ называетъ «настоящимъ патриотизмомъ». Псевдопатриотизмъ есть «расширеніе, до возможной степени, неразумной любви къ себѣ и къ своему, и потому часто граничить съ чело-вѣконенавидѣніемъ» (т. II, стр. 237). Человекъ, обуреваемый подобными псевдопатриотическими чувствами, будетъ отличатся нетерпимостью къ чужимъ народностямъ, будетъ превозносить свое отечество, не умѣя, посредствомъ сравненія, найти недостатки

въ немъ и достоинства въ чужихъ странахъ, будетъ прославлять свою страну потому, что самъ слишкомъ безсиленъ, чтобы оказать дѣятельную услугу человѣчеству, а такимъ дешевымъ прославленіемъ своего отечества онъ, будто, и себя самого возвышаетъ, такъ какъ величіе «собственной» страны, до нѣкоторой степени, простирается и на него. Добролюбовъ очень вѣрно подмѣтилъ сходство подобныхъ лже-патріотовъ со старыми слугами, которые, «не находя въ себѣ никакого собственнаго, личнаго значенія, не видя возможности опереться въ чемъ-нибудь на самихъ себя, потерявши благородный эгоизмъ самобитной личности, но будучи одержимы мелочнымъ и грубымъ самолюбіемъ, постоянно старались придавать себѣ важности непомѣрнымъ превозношеніемъ своихъ господъ». (т. II, стр. 237).

Проявленіе неразумнаго патріотизма, основаннаго не на человѣколюбіи, а на исключительности, замѣчается подчасъ уже и въ дѣтяхъ, получающихъ ложное развитіе. «Такъ, патріотизмъ, соединенный съ человѣконенавидѣніемъ, обыкновенно выражается въ нихъ какою-то безтолковой воинственностью, желаніемъ рѣзать и бить непріятелей, во славу своего отечества, между тѣмъ какъ воинственный мальчикъ и не понимаетъ еще, что такое отечество и кто его непріатели» (т. II, стр. 237).

«Настоящій же патріотизмъ, какъ частное проявленіе любви къ человѣчеству, не уживается, по мнѣнію Добролюбова, съ непріязнью къ отдаленнымъ народностямъ»... патріотизмъ живой, дѣятельный именно отличается тѣмъ, что онъ исключаетъ всякую международную вражду, и человѣкъ, одушевленный такимъ патріотизмомъ, готовъ трудиться для всего человѣчества, если только можетъ быть ему полезенъ» (т. II, стр. 237).

«Но, конечно, кругъ дѣятельности человѣка, равно какъ и его силы и самыя желанія, не можетъ простирается на весь міръ одинаково, и потому-то онъ долженъ избрать себѣ какой нибудь частный ограниченный кругъ и въ немъ прилагать свои общія убѣжденія. Этимъ кругомъ всего скорѣе, всего естественнѣе будетъ отечество. Мы больше сроднились съ нимъ, больше его знаемъ и вслѣдствіе того болѣе ему сочувствуемъ. И сочувствіе это вовсе не является въ ущербъ любви и уваженію къ другимъ народностямъ; нѣтъ,—оно есть простое слѣдствіе болѣе близкаго знакомства съ однимъ, чѣмъ съ другими» (т. II, стр. 234).

Вотъ, тотъ идеаль патріотизма, которымъ долженъ руководствоваться воспитатель, по мнѣнію Добролюбова, если онъ хочетъ дать своему воспитаннику правильныя понятія и направить его душевныя силы въ лучшую сторону.

с) Недостатки спеціальнаго образованія.

Намъ остается еще вкратцѣ прослѣдить по Добролюбову основныя цѣли образованія. Въ этомъ отношеніи Добролюбовъ утверждаетъ, что семья, а затѣмъ и школа должны имѣть въ

виду образованіе прежде всего «человѣка вообще», а не опредѣленнаго спеціалиста—купца, инженера, полководца и т. п. «Намъ кажутся очень слабыми и односторонними понятія», говоритъ Добролюбовъ: «провозглашающія науку средствомъ къ приготовленію не самостоятельныхъ, для себя нормально развитыхъ людей, а слугъ какой-то другой посторонней силы. Мы непріятно поражаемся тѣмъ, что мальчику говорятъ: «учись для того, чтобы быть достойнымъ преемникомъ твоего отца и слугою твоего государства на поприщѣ промышленности, — такова цѣль твоего ученія и всей твоей жизни» (т. I, стр. 219).

Добролюбовъ, комментируя Широкова, высказываетъ мысль, что образованіе нужно само по себѣ, безъ всякой посторонней практической цѣли, безъ заботы о томъ, что съ помощью знаній человѣкъ легче будетъ въ той или другой отрасли зарабатывать свой хлѣбъ. Образованіе общее необходимо для правильнаго умственнаго развитія воспитанника, для обогащенія его взглядовъ и понятій, для расширенія его міросозерцанія; при односторонности приобретаемыхъ знаній — все развитіе человѣка получится узко-одностороннимъ. Всякая спеціализація развиваетъ умъ ребенка въ одномъ какомъ нибудь опредѣленномъ направленіи, оставляя его подчасъ безъ самыхъ необходимыхъ основныхъ понятій, болѣе общаго характера, исходя изъ которыхъ развитіе всего его душевнаго склада получило бы желательное направленіе. Надо ли доказывать, что при помощи ассоціаціи идей лучше усваивается все то, что уже оставило слѣдъ въ головѣ; если же въ умѣ ребенка отсутствуютъ общее направленіе, основныя понятія, а, напротивъ, цѣль ассоціаціи какой нибудь спеціальной науки крѣпка, то, понятно, въ дальнѣйшей жизни ребенокъ легче будетъ усваивать тѣ факты, которые ассоціируютъ съ знакомой ему спеціальной наукой, а мимо фактовъ и явленій иного характера онъ пройдетъ совершенно равнодушно; въ его душѣ не найдется звеньевъ, къ которымъ они могли бы прицѣпиться.

Ошибочно утверждаютъ многіе воспитатели, что достаточно развитъ память, а вмѣстѣ съ нею и разумокъ въ одномъ какомъ нибудь направленіи, чтобы развитъ человѣка вообще. Разумокъ развивается только отъ содержащагося въ немъ матеріала; при одностороннемъ матеріалѣ и разумокъ будетъ судить односторонне; развитъ же и разумокъ, и память «вообще», изощря ихъ въ какой нибудь опредѣленной наукѣ — невозможно; правда, и разумокъ, и память отъ упражненія окрѣпнутъ и разовьются, но только въ одномъ, извѣстномъ направленіи. «Можно быть гениальнымъ стратегомъ и глупцомъ въ политической жизни, можно быть превосходнымъ спеціалистомъ и совершенно одностороннимъ, неспособнымъ и вреднымъ гражданиномъ *). Только одно общее образованіе можетъ спасти отъ вредныхъ послѣдствій подобной односторонности, оно является фундаментомъ,

*) Шелгуновъ. «Письма о воспитаніи». Стр. 688.

на которомъ только и можетъ строиться, дальнѣйшее широкое, всестороннее развитіе человѣка, такъ какъ оно лишь оставляетъ въ душѣ его слѣды разнообразныхъ впечатлѣній, къ которымъ въ дальнѣйшей жизни легко могутъ прицѣпиться звенья разнородныхъ жизненныхъ явленій. Специализация же оставляетъ многія струны въ душѣ человѣка незатронутыми, и сфера его душевной дѣятельности поневолѣ суживается, что, понятно, совершенно не соотвѣтствуетъ задачѣ, намѣченной образованіемъ.

Заключеніе.

Кажется, здѣсь собрано все, что было высказано Добролюбовымъ по вопросу о воспитаніи. Задавшись цѣлью соединить вмѣстѣ его разрозненные, разбросанные по разнымъ статьямъ педагогическіе принципы, намъ пришлось, для большей связности изложенія и полноты картины, во многихъ мѣстахъ договаривать недосказанное имъ, дорисовывать недоконченное, дополняя отрывочныя мысли Добролюбова собственными примѣрами и разсужденіями, находящимися, однако, въ полномъ соотвѣтствіи съ его воззрѣніями. Причина необходимости такихъ дополненій заключается въ томъ, что самимъ Добролюбовымъ, какъ уже было сказано выше, его идеи не были приведены въ опредѣленную, стройную, систему.

Можетъ-ли, однако, такое отсутствіе формы умалить въ нашихъ глазахъ заслугу человѣка, высказавшаго столько здравыхъ и разумныхъ взглядовъ? Конечно, нѣтъ; и, въ заключеніе статьи, мы считаемъ своимъ долгомъ особенно подчеркнуть то, что посѣянные Добролюбовымъ добрыя сѣмена должны бы дать въ потомствѣ большій плодъ, чѣмъ то замѣчается теперь, и что имя нашего талантливаго критика по праву должно бы сохраняться въ спискѣ именъ лучшихъ и гуманнѣйшихъ писателей-педагоговъ.

А. Коллонтай.

ОДИНЪ ИЗЪ ОПЫТОВЪ University Extension въ Россіи.

(Окончаніе).

Посмотримъ теперь, какія перемѣны произошли за истекшіи годъ въ составѣ подписчиковъ, продолжавшихъ числиться ими къ 1-му январю 1898 года. Громадное большинство такихъ читателей продолжало заниматься на томъ же курсѣ, на которомъ состояли и въ предшествовавшемъ году. Даже среди подписчиковъ 1895 г. перешло съ 1-го на 2-ой курсъ лишь 3,9% первоначальнаго числа ихъ и со 2-го курса на 3-й 0,7% *).

Между тѣмъ на 1-мъ курсѣ продолжаетъ заниматься 8,4%, на 2-мъ 5,9% и перемѣнило отдѣлъ 0,7%.

Соотвѣтствующія процентныя данныя для подписчиковъ 1896 г. будутъ таковы.

Перемѣнило отдѣлъ	0,4
Продолжаетъ заниматься на 1 курсѣ	41,6
» » 2	5,7
Перешло съ 1 на 2 курсъ	8,2
» » 2 » 3	1,2

Сравнивая устойчивость и успѣшность занятій подписчиковъ 1896 г. и подписчиковъ 1895 г. за второй годъ ихъ занятій, видимъ, что среди первыхъ процентъ лицъ, прекратившихъ занятія и перемѣнившихъ отдѣлъ, гораздо ниже соотвѣтствующаго процента подписчиковъ 1895 г. (42,9 и 0,4 сравнительно съ 53,7 и 3,6).

Процентъ же лицъ, продолжающихъ заниматься, а также процентъ перешедшихъ на высшій курсъ среди подписчиковъ 1896 г. выше, чѣмъ среди подписчиковъ 1895 г., составляя 47,3% и 9,4% противъ 34,5% и 8,2%.

*) Одинъ подписчикъ физ.-химическаго и двое подписчиковъ общественно-юридическаго отдѣла. Въ биологическомъ отдѣлѣ и въ истекшемъ году, какъ и въ прошломъ году никто не перешелъ на 2-ой курсъ.

ЛЕНИНСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

И 3 27 ж.ф.

Что касается до распределенія по отдѣламъ читателей, перешедшихъ на 2-ой курсъ, то наибольшій процентъ такихъ читателей замѣчается въ физико-химическомъ, математическомъ и общественно-юридическомъ отдѣлахъ, наименьшій въ философскомъ и энциклопедическомъ. Въ историческомъ отдѣлѣ ни одинъ читатель не перешелъ на 2-ой курсъ.

Обращаясь, наконецъ, къ подписчикамъ 1897 г. слѣдуетъ отмѣтить, что трое читателей общественно-юридическаго отдѣла успѣли за истекшій годъ закончить занятія по 1-му курсу и приступить къ изученію предметовъ 2-го курса.

Такимъ образомъ, опытъ истекшаго года подтвердилъ тотъ фактъ, который былъ констатированъ еще въ 1896 г., а именно то, что курсъ 1-го года требуетъ для изученія сроковъ болѣе года.

Наибольшій срокъ для изученія требуютъ программы биологическаго, историческаго отдѣловъ, наименьшій программы математическаго и общественно-юридическаго отдѣловъ. Достаточно напомнить, что изъ подписчиковъ 1895 г., записавшихся на биологическій отдѣлъ, за два съ лишнимъ года никто не перешелъ на 2-ой курсъ.

Изъ читателей историческаго отдѣла лишь одинъ успѣлъ закончить курсъ 1-го года въ годъ съ лишнимъ, другому понадобилось для этого 27, а третьему 33 мѣсяца. Съ другой стороны, въ математическомъ и общественно-юридическомъ отдѣлахъ наблюдается наибольшій процентъ лицъ, успѣвшихъ въ годъ съ небольшимъ закончить курсъ 1-го года. Въ общественно-юридическомъ отдѣлѣ трое читателей успѣло даже изучить курсъ 1-го года еще въ меньшій срокъ: въ 9 и 11 мѣсяцевъ, причемъ всѣ трое изучали Рикардо и представляли письменныя работы. Правда, одинъ изъ этихъ читателей не имѣлъ никакого обязательнаго занятія, но за то онъ занимался часть времени больной, лежа въ больницѣ, и кромѣ того изучалъ сверхъ программы статистику.

О большей или меньшей сложности программъ 2-го курса пока еще невозможно судить по незначительному количеству перешедшихъ на 3-ій курсъ, хотя и можно заранѣе предположить, что въ общемъ по своей сложности онѣ не уступаютъ программамъ 1-го курса.

Въ числѣ причинъ, обуславливающихъ медленность занятій читателей, слѣдуетъ отмѣтить сложность программъ, изученіе читателями отдѣльныхъ предметовъ (логики, политической экономіи и др.) изъ другихъ, постороннихъ отдѣловъ и, наконецъ, недоступность для человѣка занятаго систематическихъ и непрерывныхъ занятій. Последняя причина отмѣчается почти каждымъ читателемъ. Такъ одинъ изъ нихъ пишетъ: «Въ отвѣтъ на Ваше письмо имѣю почтительнѣйше сообщить, что занятія мои по ботаникѣ въ одинъ годъ не могли закончиться, такъ какъ я долженъ былъ заниматься еще другими предметами, а большую часть времени занимаютъ служебныя обязанности; поэтому заня-

ты мои растянутся по крайней мѣрѣ еще на годъ». Вотъ что пишетъ одинъ священникъ: «мои занятія въ истекшемъ году по избранному мною предмету по необходимости (вслѣдствіе служебныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ, особенно по постройкѣ дома) прерывались, не имѣли усидчивости и постоянства. Приходилось читать понемногу, съ большими промежутками времени, въ перемежку съ другими книгами. Поэтому я не могу дать отчета въ своихъ занятіяхъ за истекшій годъ и буду очень радъ, если коммиссія оставитъ меня и въ настоящемъ году опять читателемъ по программамъ I-го года».

Въ еще болѣе неблагоприятныхъ для занятія условіяхъ находился другой читатель. Вотъ что онъ пишетъ: «Мною получено послѣднее почтенное письмо коммиссіи, которымъ коммиссія запрашиваетъ, желаю ли я продолжать первый курсъ общественнаго отдѣла. Какъ же его не продолжать, когда я его еще не прошелъ весь. Что же касается времени, потребнаго на прохожденіе остальной части курса, опредѣлить трудно, во первыхъ потому, что мнѣ кажется я его не прошелъ и половины, а во вторыхъ, я не знаю, какъ трудна будетъ оставшаяся часть курса, да при всемъ этомъ, надо сказать, положительно не имѣешь времени, чтобы всего посвятить наукѣ. Вотъ тутъ и сказывается, какъ трудно человѣку служащему заняться своимъ образованіемъ. Въ особенности трудно это получить при желѣзнодорожной службѣ. Занятія на ней большею частью распределены ненормально: люди работаютъ круглыя сутки безъ смѣны, а потомъ имѣютъ сутки отдыха. Свободныя отъ занятій сутки приходится дѣлить на очень мелкія части: надо подкрѣпить уставшія силы путемъ сна, побыть на воздухѣ часа два, смотришь, насталъ вечеръ, и только то вечеромъ имѣешь время взяться за книгу. При такихъ условіяхъ программа проходитъ слишкомъ медленно». Учителю приходится считаться съ другими условіями; такъ одинъ читатель, приступившій уже къ изученію предметовъ 2-го курса, на запросъ коммиссіи о своемъ молчаніи отвѣчаетъ: «Занятія мои по программамъ 2-го курса пріостановились, возобновить ихъ придется, вѣроятно, лѣтомъ или же съ начала будущаго учебнаго года. Въ настоящемъ году у меня много дѣла по службѣ. Я занимаюсь въ городскомъ 4-хъ классномъ училищѣ, на моихъ рукахъ выпускной классъ; такъ какъ система у насъ классная, то приходится много тратить времени на исправленіе ученическихъ тетрадей и на подготовку къ урокамъ. Съ будущаго года будетъ введена предметная система, болѣе будетъ свободнаго времени, тогда вѣроятно возможно будетъ правильно заняться систематическимъ чтеніемъ».

Вышеприведенными цифрами, показывающими количество лицъ, занимающихся на томъ или другомъ курсѣ, ограничиваются свѣдѣнія коммиссіи относительно занятій большинства ея читателей, такъ какъ отъ 85—90% послѣднихъ лишь выписываетъ изъ коммиссіи книги, не входя съ ней въ какія либо сношенія по

воду своихъ занятій. Что же касается до остальныхъ читателей, то они дѣятельно поддерживаютъ съ комиссіей сношенія, обращаясь къ ней съ просьбой разъяснить тѣ или другія недоразумѣнія, возникшія при чтеніи, посылая конспекты, отвѣты на провѣрочные вопросы, сочиненія на заданныя темы и другія болѣе или менѣе сложныя работы.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ читатели просятъ упростить для нихъ программу; въ другихъ случаяхъ комиссіи приходится давать указанія относительно дальнѣйшаго изученія того или другого предмета (напр. теоріи политической, экономіи, статистики, государственнаго права, экономическаго быта Россіи и др.). Что касается до присылаемыхъ работъ, то въ общемъ онѣ бываютъ вполне удовлетворительны. Нѣкоторые же изъ нихъ прямо таки превосходны, обнаруживая въ авторахъ критическое отношеніе къ изучаемому предмету и способность гладко излагать свои мысли.

Въ дополненіе къ сказанному о занятіяхъ читателей слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ соединяются въ небольшіе кружки, выписывающіе сообща книги и собирающіеся по временамъ для бесѣды по поводу прочитаннаго. Другіе же читатели являются какъ бы представителями группы лицъ, не записанныхъ на руководство комиссіи; и эти представители уже отъ своего имени обращаются къ послѣдней за разъясненіемъ возникшихъ въ группѣ недоумѣній. Къ сожалѣнію, сколько нибудь подробныхъ свѣдѣній объ организаціи этихъ группъ и ходѣ ихъ занятій комиссія не имѣетъ. Одно только ей извѣстно, что группы эти довольно быстро распадаются.

Приведемъ сообщеніе объ одной изъ наиболѣе долговѣчныхъ группъ. «Въ прошломъ письмѣ, пишетъ представитель этой группы, я сообщалъ комиссіи о томъ, что съ конца декабря мѣсяца предполагалось устраивать собранія лицъ, занимающихся систематическимъ чтеніемъ по программамъ комиссіи. Первое собраніе состоялось только 11 февраля, въ немъ участвовали: 4 лица, идущія по общественно-юридическому отдѣлу, 2 лица, идущихъ по историческому отдѣлу, и 6 человекъ, не записавшихся пока ни на какой отдѣлъ. Всѣми участниками собранія предварительно были прочитаны «Исторія культуры» Липперта или же «Антропологія» Тайлора. За нѣсколько дней до собранія первыя шесть главъ Липперта были разбиты на вопросы, которыми исчерпывалось содержаніе каждой главы и при этомъ обращалось особенное вниманіе на болѣе важныя мѣста. Вопросы были разосланы всѣмъ участникамъ заблаговременно для предварительнаго ознакомленія. Одинъ изъ участниковъ въ собраніи предлагалъ вопросы на общее обсужденіе. Когда вопросъ былъ выясненъ достаточно, его резюмировали и затѣмъ переходили къ слѣдующему вопросу. По окончаніи главы сжато передавалось ея содержаніе. Въ первый вечеръ было разобрано 5 главъ въ продолженіи 4-хъ часовъ. Но это оказалось утомительнымъ и ка,

2-ое собраніе рѣшено было взять 4 главы. Пока было только три собранія; прошли они очень оживленно и всѣхъ участниковъ заинтересовали. Всѣ главы «исторіи культуры» раздѣлены между участниками; каждый по своей главѣ составляетъ вопросы и разсылаетъ участникамъ дня за три до собранія».

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ тотъ же читатель пишетъ: «Собранія, о которыхъ я уже сообщалъ комиссіи, продолжались до 26 апрѣля. Всего съ начала великаго поста было 9 собраній. На этихъ собраніяхъ были основательно разобраны первые два отдѣла «Исторіи культуры» Липперта. Второй отдѣлъ немного не закончили. Осенью эти собранія предположено продолжать. Все время всѣ участники съ неослабнымъ интересомъ относились къ этимъ собраніямъ; всѣ убѣдились, что только при совмѣстномъ обсужденіи и рѣшеніи вопросовъ, возникшихъ при чтеніи, возможно основательно и легко пройти данный отдѣлъ. Кромѣ того нѣкоторые изъ участниковъ только благодаря этимъ собраніямъ рѣшились взяться за систематическое чтеніе. Нѣсколько лицъ изъявило желаніе записаться на чтенія съ будущаго учебнаго года. Но дальнѣйшее увеличеніе числа членовъ возможно только въ ограниченномъ количествѣ по недостатку просторнаго помѣщенія у участниковъ. Поэтому теперь возникаетъ вопросъ, не лучше ли устроить «общество самообразованія»? Тогда можно было бы нанимать подходящее помѣщеніе и число членовъ не ограничивать... Въ заключеніе приведу статистическія данныя относительно участниковъ собраній. Мужчинъ 8, женщинъ 9 человекъ. Изъ нихъ: съ высшимъ образованіемъ 1, среднимъ 9 и низшимъ 7. По роду занятій: учителей 6, учительницъ 2, фельдшеръ 1, служащихъ въ земствѣ (секретарь и страховая агентъ)—2, безъ опредѣленныхъ занятій—1, замужнихъ—5. Всего 17 ч.».

Признавая всю пользу подобныхъ кружковъ самообразованія и желая содѣйствовать ихъ появленію, комиссія установила для нихъ особыя льготныя условія по выпискѣ книгъ. Но этими правилами въ истекшемъ году почти никто изъ читателей не воспользовался.

Занятія по программамъ комиссіи предполагаютъ возможность доставать рекомендуемыя въ нихъ книги. Желая придти на помощь въ этомъ отношеніи своимъ клиентамъ, комиссія включила въ кругъ своихъ задачъ комиссіонерскую дѣятельность, согласно которой она открываетъ имъ текущій счетъ, съ значительной разсрочкой платежей, для приобрѣтенія книгъ. При этомъ читатели пользуются той же уступкой, которую получаетъ при покупкѣ книгъ у книгопродавцевъ сама комиссія. Кромѣ того подписчикъ можетъ вернуть комиссіи обратно купленную имъ книгу, уплативъ извѣстный процентъ за пользованіе ею. На этихъ то условіяхъ комиссія начала свою комиссіонерскую дѣятельность, съ каждымъ годомъ развивая ее все болѣе и болѣе. Такъ въ истекшемъ году комиссія выслала своимъ читателямъ

2336 томовъ и получила отъ нихъ обратно 803, тогда какъ въ 1896 году комиссией было выслано лишь 1509 томовъ. Но опытъ не замедлилъ выяснитъ, что благодаря дороговизнѣ пересылки временное пользованіе книгами на вышеупомянутыхъ условіяхъ обходится въ концѣ концовъ такъ же дорого, какъ и приобрѣтеніе книгъ въ собственность, которое между тѣмъ не по средствамъ большинству подписчиковъ. Кромѣ того и при покупкѣ книгъ стоимость пересылки поглощала обыкновенно всю ту скидку съ номинальной цѣны книги, которую комиссія дѣлала своимъ подписчикамъ. Все это побудило комиссію обратиться въ истекшемъ году къ провинціальнымъ книгопродавцамъ съ предложеніемъ дѣлать на книги, рекомендуемыя комиссией, скидку съ номинальной цѣны. На свое предложеніе комиссія получила отвѣты отъ 52 книготорговцевъ, согласившихся дѣлать уступку отъ 5 до 10 процентовъ съ номинальной цѣны книги. Кромѣ того комиссія обратилась къ 290 столичнымъ и провинціальнымъ библиотекамъ съ предложеніемъ держать рекомендуемыя въ программахъ книги или же выписывать ихъ по первому требованію. На это предложеніе согласилось пока 39 библиотекъ. Списокъ книжныхъ магазиновъ и библиотекъ, вступившихъ въ соглашеніе съ комиссией, печатается теперь въ каждомъ выпускѣ издаваемыхъ ею программъ и съ каждымъ новымъ выпускомъ дополняется. Менѣе удачными оказались стремленія комиссії создать изъ провинціальныхъ библиотекъ нѣчто вродѣ своихъ филиальныхъ отдѣленій, которыя служили бы посредниками между читателями съ одной стороны и комиссией съ другой. Для достиженія этой цѣли комиссія обратилась къ г.г. завѣдующимъ общественными библиотеками съ предложеніемъ принимать подписку въ число читателей комиссії, выписывать отъ нея на льготныхъ условіяхъ книги и разъяснять читателямъ разныя наиболѣе мелкія недоразумѣнія. На это обращеніе отвѣтило лишь восемь библиотекъ, причемъ лишь двѣ изъ нихъ воспользовались предложеніемъ комиссії и выписали черезъ ея посредство подбору книгъ. Отъ пяти библиотекъ было получено согласіе лишь на пріемъ подписки; предложеніе же выписывать книги изъ комиссії было этими библиотеками отклонено по той причинѣ, что онѣ имѣютъ всѣ книги, рекомендуемыя въ программахъ комиссії или приобретаютъ ихъ по требованію читателей отъ книгопродавцевъ. Наконецъ, одна библиотека отвѣтила, что спроса на книги научнаго содержанія въ средѣ ея подписчиковъ нѣтъ.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ родъ дѣятельности комиссії, выражающійся въ томъ или другомъ содѣйствіи появленію на книжномъ рынкѣ подходящихъ для самообразования книгъ. Отсутствіе денежныхъ средствъ, неопредѣленность и шаткость положенія не позволили комиссії развить самостоятельную издательскую дѣятельность: программы, отчеты, лекціи Стороженко и брошюра Спасовича, вотъ и все, что комиссией было издано на свой счетъ. Тѣмъ дѣятельнѣй развила она сношенія съ раз-

ными издательскими фирмами, изъ которыхъ многія выразили полную готовность издавать рекомендуемыя комиссией книги. Эта готовность позволяетъ осуществить въ недалекомъ будущемъ рядъ изданій, задуманныхъ среди тѣхъ группъ специалистовъ, на которыя распадается комиссія.

Намъ остается ознакомиться еще съ одной крайне важной отраслю дѣятельности комиссиі—дѣятельностью ея по устройству публичныхъ лекцій въ провинціи. Для завѣдыванія этимъ дѣломъ въ апрѣлѣ 1896 г. была выдѣлена среди комиссиі особая лекціонная подкомиссія, которой были заведены сношенія съ цѣлымъ рядомъ лекторовъ съ одной стороны и съ провинціальными обществами съ другой. Эта предварительная переписка дала возможность подкомиссиі устроить въ истекшемъ году большее число публичныхъ чтеній, чѣмъ въ предшествовавшемъ. Въмѣсто двухъ лекціонныхъ поѣздокъ 96—97 отчетнаго года за 97—98 г. осуществлена двадцать одна лекція и подготовлено къ осуществленію около двадцати лекцій, отчасти уже прочитанныхъ послѣ 1-го Марта, не считая тѣхъ лекцій, о которыхъ еще ведутся переговоры. Нѣкоторыя чтенія, уже совершенно подготовленные къ осуществленію, не могли состояться по независящимъ отъ подкомиссиі обстоятельствамъ. Ходатайства объ устройствѣ лекцій продолжали поступать въ теченіе всего истекшаго года, причемъ къ ней стали обращаться изъ уѣздныхъ городовъ (Торжка, Кинешмы, Ельца, Серпухова, Кременчуга) и изъ такихъ отдаленныхъ отъ Москвы пунктовъ, какъ Кишиневъ и Каменецъ-Подольскъ. Къ сожалѣнію, ходатайства эти не всегда могли быть удовлетворяемы. Подкомиссія старалась расширить контингентъ своихъ лекторовъ и въ истекшемъ году она могла уже воспользоваться услугами не только московскихъ, но также петербургскихъ, харьковскихъ и юрьевскихъ лекторовъ; но списокъ ея лекторовъ все еще оказывается недостаточнымъ въ виду широкихъ запросовъ на лекціи со стороны провинціи.

Нѣкоторый опытъ подкомиссиі въ дѣлѣ устройства публичныхъ лекцій позволилъ ей приступить въ истекшемъ году къ составленію особаго руководства для мѣстныхъ организацій при устройствѣ чтеній. Въ своихъ существенныхъ чертахъ это руководство уже готово. Кромѣ того, желаніе придать чтеніямъ болѣе систематическій характеръ заставляеть подкомиссію приняться за подготовительныя работы къ практической постановкѣ этого вопроса. Съ этой цѣлью предполагается выработать особый проектъ, который будетъ разосланъ провинціальнымъ обществамъ, представителямъ подкомиссиі въ провинціи *) и лекторамъ, которые пожелаютъ принять участіе въ чтеніи лекцій. Планъ систематиче-

*) Для облегченія сношеній съ лекторами живущими въ университетскихъ городахъ, въ истекшемъ году были организованы представительства подкомиссиі въ Петербургѣ, Юрьевѣ и Харьковѣ, куда до сихъ поръ всего болѣе приходилось обращаться. Предполагается осуществить тоже относительно Кіева и Одессы.

сихъ курсовъ предполагается установить въ связи съ выработываемой комиссіей общеобразовательной программой. Подкомиссія хорошо сознаетъ всю трудность этой задачи, но надѣется сдѣлать въ предстоящемъ году хотя бы только первые шаги къ ея осуществленію.

Подводя итоги дѣятельности комиссіи за истекшіи годъ мы видимъ, какъ много было сдѣлано ею за этотъ незначительный промежутокъ времени и не только для дальнѣйшаго развитія, но и для усовершенствованія своей дѣятельности. Изданіемъ программы на третій годъ чтенія комиссія приблизилась къ завершенію четырехъгодичнаго цикла своихъ программъ. Упрощеніемъ вновѣ изданныхъ программъ комиссія сдѣлала первый шагъ на встрѣчу желаніямъ стремящейся къ самообразованію публики. вмѣстѣ съ тѣмъ комиссіи удалось привлечь большее число новыхъ и удержать большее число старыхъ подписчиковъ.

Наряду съ этимъ нельзя не отмѣтить и большую успѣшность въ занятіяхъ подписчиковъ. Затѣмъ путемъ сношеній съ книжными магазинами и бібліотеками комиссіи удалось облегчить провинціальнымъ читателямъ доступъ къ рекомендуемымъ ею пособіямъ; сношеніями же съ издательскими фирмами комиссія оказала содѣйствіе появленію нѣсколькихъ новыхъ, полезныхъ изданій. Наконецъ, комиссіи удалось сильно двинуть впередъ устройство публичныхъ лекцій въ провинціи и сдѣлать рядъ подготовительныхъ работъ для болѣе правильнаго и систематическаго развитія этого вѣрнаго дѣла въ будущемъ.

Такимъ образомъ, какую бы отрасль дѣятельности комиссіи мы ни взяли, вездѣ можно замѣтить тенденцію къ развитію и усовершенствованію. И несомнѣнно, что ходъ этого развитія былъ бы гораздо болѣе быстрый и значительный, еслибы дѣятельность комиссіи не тормозилась такъ неопредѣленностью ея юридическаго и финансоваго положенія.

Въ самомъ дѣлѣ, собственнаго имущества комиссія имѣетъ всего около 3000 рублей, между тѣмъ одни только расходы на организацію сношеній съ читателями простираются до 2000 р. въ годъ и далеко не покрываются взимаемой съ нихъ платой. Да это и вполнѣ понятно, если принять во вниманіе тотъ низкій размѣръ вознагражденія, какой взимаетъ комиссія за свои услуги. При этомъ за посредническую дѣятельность по приобрѣтенію книгъ въ собственность комиссія съ читателей ничего не взимаетъ, оказывая имъ ту же уступку съ номинальной цѣны книгъ, какую сама получаетъ. За пользованіе книгами комиссія взимаетъ небольшую плату, но, въ виду того, что большинство читателей оставляетъ выписываемыя ими книги въ собственность, получаемая такимъ путемъ плата составляетъ въ конечномъ итогѣ незначительную сумму. Другимъ источникомъ доходовъ комиссіи является трехрублевый взносъ, взимаемый ею съ читателей за руководство ихъ занятіями въ продолженіе года. Но и этотъ источникъ является далеко не обильнымъ. Прежде всего комиссія

освобождаетъ отъ этого взноса каждаго читателя, затрудняющагося въ его уплатѣ. Кромѣ того фактически взносъ этотъ взимается за руководство занятіями въ продолженіе не года, а болѣе продолжительнаго срока, какой употребляется читателемъ на прохожденіе курса. Наконецъ, нѣкоторые читатели, не пользовавшіеся руководствомъ комиссіи, не уплачиваютъ на этомъ основаніи установленнаго взноса, а если онъ былъ уплаченъ ранѣе, засчитываютъ его при своемъ выходѣ изъ числа подписчиковъ въ счетъ неуплаченныхъ расходовъ по пересылкѣ книгъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, комиссія получаетъ отъ своихъ подписчиковъ менѣе половины той суммы, какая идетъ на содержаніе одной только конторы, черезъ которую ведутся всѣ сношенія съ читателями. Получаемый отсюда дефицитъ покрывается изъ другого источника главнымъ образомъ изъ прибыли, получаемой комиссіей отъ продажи своимъ программъ. Эта прибыль доходитъ до 900 рублей, сумма довольно скромная, если принять во вниманіе низкую цѣну программъ и громадное количество (не менѣе 10,000) продаваемыхъ ежегодно экземпляровъ.

Другимъ источникомъ доходовъ комиссіи являются пожертвованія. О той роли, какую играютъ они въ бюджетѣ комиссіи можно судить по тому, что за 1896 г. было пожертвовано въ ея пользу всего 347 р., за истекшій годъ и того меньше—120 р.; при этомъ болѣе болѣе половины этой суммы было пожертвовано бывшими подписчиками комиссіи, около 30 р. однимъ членомъ комиссіи и лишь 26 р. посторонними комиссіи лицами.

Такимъ образомъ, если комиссіи и удается кое какъ сводить концы съ концами, то лишь благодаря безплатному труду ея членовъ, Положеніе дѣлъ, которое врядъ ли можно назвать нормальнымъ. Что же можетъ поправить это положеніе? Увеличить взносы за руководство занятіями и плату за пользованіе книгами—значить оттолкнуть отъ пользованія услугами комиссіи малосостоятельныхъ лицъ, которыя въ этихъ услугахъ наиболѣе нуждаются и затрудняются прибѣгать къ нимъ даже при настоящихъ условіяхъ. Тотъ же результатъ можетъ получиться и при скольконибудь значительномъ возвышеніи цѣны программъ, которое кромѣ того отразилось бы и на сбытѣ ихъ. Незначительное же повышеніе цѣны программъ, къ которому комиссія была уже вынуждена прибѣгнуть, не можетъ поправить положенія дѣлъ. Установленіе членскихъ взносовъ также врядъ ли можно одобрить въ виду того значительнаго труда, какой большинство членовъ комиссіи посвящаетъ въ настоящее время ея дѣлу. Бросить, наконецъ, убыточную операцію по снабженію читателей книгами, комиссія не можетъ, въ виду слабаго развитія у насъ въ Россіи бібліотечнаго дѣла и той безпомощности, въ которой находятся въ этомъ отношеніи провинціальныя читатели. Однимъ словомъ, безъ ущерба дѣлу комиссія не можетъ помочь себѣ сама своими силами и средствами. Въ виду этого было бы крайне желательно, чтобы

ей была оказана поддержка всѣми, кто только сочувствуетъ ей дѣятельности и въ состояніи оказать ей эту поддержку. При той поддержкѣ комиссіи, которая оказывалась до сихъ поръ, она не въ состояніи, конечно, ни завести собственнаго издательскаго дѣла, какъ ей совѣтовали нѣкоторые критики, ни уменьшить взимаемыхъ съ читателей взносовъ, ни вообще развить въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ своей дѣятельности. Но заслуживаетъ ли дѣятельность комиссіи такой поддержки? На этотъ вопросъ можетъ быть данъ, на нашъ взглядъ, лишь положительный отвѣтъ.

При оцѣнкѣ дѣятельности какого либо общества или учрежденія крайне важно не упускать изъ виду тѣхъ общественныхъ условій, среди которыхъ приходится ему дѣйствовать. Въ противномъ случаѣ легко поставить въ вину или ошибку этому обществу то, что совершенно не зависитъ отъ его дѣятельности и можетъ быть устранено лишь путемъ измѣненія этихъ общественныхъ условій. Съ этой точки зрѣнія дѣятельность комиссіи по организаціи домашняго чтенія получаетъ иное, болѣе правильное, освѣщеніе, чѣмъ то, какое придаютъ ей обыкновенно лица, приступающія къ оцѣнкѣ ея дѣятельности съ критеріемъ, заимствованнымъ изъ знакомства съ аналогичной дѣятельностью англійскихъ и американскихъ университетовъ, обществъ и кружковъ.

Эти лица могутъ, напримѣръ, поставить комиссіи въ упрекъ то, что она сосредоточила главное вниманіе на организаціи домашняго чтенія; между тѣмъ какъ въ Англии и Америкѣ наибольшее значеніе придаютъ особаго рода организаціи публичныхъ курсовъ; домашнее же чтеніе служитъ въ большинствѣ случаевъ какъ бы дополнительнымъ придаткомъ къ этимъ курсамъ.

Но эти лица забываютъ, что подобнаго рода организація публичныхъ курсовъ является въ силу нашихъ общественныхъ условій трудно достижимымъ идеаломъ даже для нашихъ университетскихъ городовъ; масса же стремящаяся къ образованію люда, живущая въ захолустьяхъ провинціи, обречена на полную невозможность организовать у себя хотя бы простыя публичныя лекціи. Стоитъ принять эти условія во вниманіе, чтобы убѣдиться въ томъ, что организація домашняго чтенія долго еще будетъ служить у насъ въ Россіи *единственнымъ практически осуществимымъ средствомъ для распространенія среди массы населенія высшаго образованія.*

Особыми условіями нашей общественной жизни объясняется и тотъ фактъ, почему на руководство комиссіи записывается такъ мало лицъ, хотя пользуются ея программами десятки тысячъ, и почему такъ много подписчиковъ прекращаетъ вскорѣ сношенія съ комиссіей.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Англии и Америкѣ каждое общество домашняго чтенія распространяется обыкновенно на небольшой сравнительно районъ; читатели живущіе въ одной какой либо мѣстности, организованы обыкновенно въ группы или клубы

(т. н. students'clubs въ Америкѣ) подъ руководствомъ какого либо свѣдущаго лица, которое періодически собираетъ ихъ для совмѣстнаго обсужденія прочитаннаго и разъясненія встрѣчен-ныхъ недоумѣній. Той же цѣли, т. е. установленію болѣе живыхъ, непосредственныхъ сношеній читателей съ своими руководителями служатъ лѣтнія собранія, устраиваемыя извѣстнымъ въ Англіи «Национальнымъ союзомъ домашняго чтенія».

На этихъ собраніяхъ, продолжающихся обыкновенно около десяти дней, читаютъ лекціи, соприкасающіяся съ пройденнымъ зимю курсомъ, устраиваются прогулки, эскурсіи съ научными цѣлями и т. д.

Въ Россіи организація подобнаго рода живыхъ непосредственныхъ сношеній читателей между собой и съ своими руководителями при настоящихъ общественныхъ условіяхъ прямо таки немислима. Письменные же сношенія по необходимости медленны, дороги и не достигаютъ вполне своей цѣли.

Групповая организація, столь распространенная въ Англіи и Америкѣ, выгодна еще въ томъ отношеніи, что при ея наличности значительно сокращаются расходы по пересылкѣ книгъ. Въ Россіи же при отсутствіи подобнаго рода организаціи, при значительности разстояній и дороговизнѣ почтовыхъ расходовъ, пересылка книгъ обходится крайне дорого. Вслѣдствіе этого многія лица выходятъ изъ состава подписчиковъ комиссіи и еще большее количество лицъ не обращается къ ней за помощью. Такъ одинъ неизвѣстный комиссіи фармацевтъ пишетъ: «Не записываюсь по недостатку средствъ и времени, главное—средствъ нѣтъ *). На тѣ же препятствія указываетъ и служащій въ одномъ кредитномъ учрежденіи: «Недостатокъ средствъ и времени (главное времени) для сношенія съ комиссіей не позволяетъ мнѣ воспользоваться ея помощью и руководствомъ».

Подчеркивая значеніе общественныхъ условій, мы далеки отъ мысли отрицать сложность программъ комиссіи и вліяніе этой сложности на размѣры подписки. Мы только думаемъ, что эта сложность программъ играетъ въ разсматриваемомъ отношеніи далеко не ту роль, какая обыкновенно ей приписывается.

Это видно между прочимъ изъ того, что на изученіе отдѣльныхъ предметовъ или темъ, программы по которымъ врядъ ли кто назоветъ сложными, записывается также незначительное число лицъ, между тѣмъ какъ потребность въ изученіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ предметовъ (напр. политической экономіи) существуетъ теперь въ русскомъ обществѣ отнюдь не малая.—Точно также и малый процентъ читателей, присылающихъ работы и переходя-

*) Съ цѣлью выяснитъ недостатки своихъ программъ и количество лицъ, занимающихся по нимъ, комиссія предлагаетъ въ каждому выпуску своихъ программъ особые вопросные бланки, заполнить которые проситъ cadaго покупателя программъ. Къ сожалѣнію, лишь немногіе покупатели исполнили эту просьбу и прислали заполненные бланки въ комиссію. Вышеприводимыя выписки заимствованы изъ этихъ бланковъ.

щихъ съ курса на курсъ, объясняется на нашъ взглядъ не столько сложностью и высокимъ уровнемъ программъ, сколько невозможностью для человѣка служащаго непрерывно и регулярно вести занятія. Въ Англии и Америкѣ среди слушателей публичныхъ курсовъ также наблюдается незначительный процентъ лицъ, представляющихъ письменныя работы и доводящихъ свои занятія до до конца. Это видно изъ слѣдующей таблички данныя которой относятся въ 1892—3 году *).

	Количество устроен- ныхъ кур- совъ.	Количество слушателей.	Процентъ лицъ, пред- ставившихъ письменныя работы.	Процентъ лицъ, дер- жавшихъ экзаменъ.
Оксфордъ	238	23,051	11,3	5,6
Кембриджъ	233	15,824	16,2	10,9
Лондонъ	139	13,374	14,6	9,2
Викторія	59	4,900	9,6	—
Филадельфія	108	18,822	2,2	2
Чикаго	122	24,822	2,1	1,9
Нью-Йоркъ	34	3,667	6,1	3,8

Что малое количество подписчиковъ, переходящихъ съ курса на курсъ, объясняется, главнымъ образомъ, невозможностью для человѣка служащаго вести правильныя систематическія занятія, видно также изъ слѣдующаго факта. Программа перваго курса общественно-юридическаго отдѣла по довольно единодушнымъ отзывамъ подписчиковъ этого отдѣла не отличается сложностью. «На изученіе (этого курса), пишетъ одинъ читатель, вполне достаточно учебнаго года въ 8 мѣсяцевъ при самой скромной затратѣ времени въ день». Въ подтвержденіе своего мнѣнія читатель приводитъ слѣдующій расчетъ, показывающій, сколько часовъ было затрачено имъ на изученіе необходимыхъ пособій:

На законосообразности въ общ. жизни г. Майра (достаточно).	15 ч.
» основат. ознакомленіе съ исторіей культуры Липперта.	35 »
» теоретич. ч. Исаева	30 »
» изученіе «Нач. политич. экономіи» Рикардо	55 »

Всего . . 135 ч.

Предположимъ теперь, что на ознакомленіе съ исторіей экономическихъ теорій придется затратить еще 15 часовъ и удвоимъ полученную сумму; получимъ 300 часовъ—время, которое, казалось бы, можетъ посвятить самообразованію въ продолженіе года каждый занятой человѣкъ.

Между тѣмъ ни этотъ читатель (учитель городской школы), ни большинство остальныхъ подписчиковъ общественно-юридиче-

*) Dr. James Russel. Die Volks-Hochschulen in England und Amerika. Leipzig 1895. Стр. 75—76.

скаго отдѣла не въ состояніи были закончить перваго курса въ одинъ годъ. И главной причиной столь медленнаго хода занятій является, какъ видно изъ даннаго случая, отнюдь не сложность программы.

Естественная потребность отдыха послѣ службы, желаніе слѣдить за журнальной литературой и разнаго рода случайныя обстоятельства—все это нарушаетъ регулярность занятій—существенное условіе для ихъ успѣшности. Вышеприведенныя выдержки изъ писемъ читателей наглядно показываютъ, «какъ трудно человѣку служащему заниматься своимъ образованіемъ».

Вообще, повторяемъ, при оцѣнкѣ дѣятельности комиссія придавали слишкомъ большое значеніе сложности программъ, сильно преувеличивая ее. Программы математическаго и физико-химическаго отдѣла, напр., соответствуютъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ курсу средней школы. Программа 1 курса общ.-юридическаго отдѣла настолько проста, что многіе читатели просятъ указаній относительно болѣе подробнаго изученія политической экономіи. Въ настоящее время, когда «Начала политической экономіи» Рикардо, — единственная книга, представлявшая для читателей названнаго отдѣла затрудненія, — исключенъ изъ числа необходимыхъ пособій, для прохожденія перваго курса общ. юридическаго отдѣла требуется изученіе всего четырехъ небольшихъ и нетрудныхъ книжекъ.

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что программы, цѣлью которыхъ является распространеніе высшаго, университетскаго образованія, не могутъ быть не сложны и допускаютъ упрощеніе лишь въ извѣстныхъ, довольно узкихъ предѣлахъ. Болѣе детальная разработка программъ, снабженіе ихъ большимъ количествомъ проверочныхъ вопросовъ, болѣе простыя комбинаціи отдѣльныхъ предметовъ, другими словами, выработка упрощенныхъ курсовъ, и созданіе болѣе соответствующихъ цѣли пособій — вотъ и всѣ главныя средства, которыми можно упростить программы комиссії, не измѣняя въ тоже время ихъ *типа*. Но всѣ эти средства врядъ ли сдѣлаютъ программы какого либо отдѣла болѣе доступными *въ цѣломъ изъ объема* для массы лицъ, стремящихся къ самообразованію. Вообще, повторяемъ, взрослому, имѣющему какое либо постоянное занятіе, и не получившему въ свое время правильнаго образованія, крайне трудно, если только возможно, получить систематическое и соответствующее курсу высшей школы образованіе путемъ одного только домашняго чтенія. Единственно, чего онъ можетъ достигнуть такимъ путемъ, это пополнить и расширить свое образованіе изученіемъ немногихъ отдѣльныхъ предметовъ. Но этой цѣли удовлетворяютъ программы и въ своемъ настоящемъ видѣ. Особенно въ ходу онѣ среди учащейся молодежи вообще и среди студентовъ филологовъ и юристовъ въ особенности, которымъ программы по исторіи и политической экономіи значительно облегчаютъ изученіе этихъ предметовъ въ университетѣ. Много пользуются программами учителя начальныхъ школъ,

преподаватели другихъ учебныхъ заведеній, лица, состоящія на государственной службѣ, земскіе и общественные дѣятели. Пользуются, наконецъ, программами и всѣ другія лица, и всѣмъ имъ программы даютъ возможность пополнить и расширить свое образованіе путемъ изученія тѣхъ или другихъ предметовъ. Весьма многихъ изъ этихъ лицъ побуждаетъ обращаться къ программамъ чисто практической интересъ—желаніе приобрести знанія полезныя для ихъ специальной дѣятельности. Такъ судебные слѣдователи, земскіе начальники, волостные писари стремятся преимущественно къ изученію юридическихъ наукъ, податные инспектора, земскіе и общественные дѣятели принимаются за изученіе экономическихъ наукъ, Этотъ практической интересъ наглядно выступаетъ изъ слѣдующаго письма одного подписчика: «филологу, занимающему должность податнаго инспектора, желающему работать честно, пишетъ этотъ подписчикъ,—недостаточно будетъ общаго образованія. Дѣятельность его, столь расширявшаяся въ послѣднее время, требуетъ знакомства съ нѣкоторыми юридическими науками: статистикой, политической экономіей и др. Особенно же важно податному инспектору изучить приемы разработки цифровыхъ данныхъ и тѣмъ самымъ научно обосновывать свои изслѣдованія. А порученія Департамента окладныхъ сборовъ чаще всего касаются изслѣдованія экономическаго положенія крестьянъ, выясненія взаимодѣйствія платежныхъ силъ и ступленій и т. п. Не рѣдки темы въ родѣ помѣщенныхъ въ III ч. программъ 3 года. Все это, повторяю, заставляетъ меня приняться за основательное изученіе статистики... При занятіяхъ по этой наукѣ я буду въ полномъ распоряженіи комиссіи и попрошу намѣтить мнѣ планъ занятій, а также сообщить, когда можно будетъ перейти къ разработкѣ темъ ч. III прогр. 3 года. Кромѣ изученія статистики, мнѣ хотѣлось бы, пройдя основы политической экономіи, перейти къ изученію экономической исторіи Россіи».

Въ заключеніе приведемъ отзывы о программахъ комиссіи нѣкоторыхъ лицъ, хотя и занимающихся по нимъ, но не занимавшихся на ея руководство. «Я приобрѣтала всѣ выпуски «Программъ», по мѣрѣ того, какъ они выходили,—пишетъ одна, неизвѣстная комиссіи читательница. Занималась по 1-му курсу исторіи. Программу нашла довольно трудной, а главное требующей кропотливой и медленной работы; не думаю, чтобы въ годъ можно было выполнить такую программу, даже при большомъ сравнительно количествѣ свободнаго времени. Особенно стѣснила меня трудность доставать книги въ N—ской библиотекѣ. Предметомъ чрезвычайно заинтересовалась. Въ настоящее время занимаюсь по новой исторіи, и хотя имѣю преподавателя, но все время пользуюсь пособіемъ Программъ 3-го курса. Особенно удобными и полезными нахожу провѣрочные вопросы, но работы съ ними масса». А вотъ что пишетъ учитель народной школы: «Занятія по программамъ комиссіи я началъ съ начала 1896 года

по двумъ отдѣламъ. общественно-юридическихъ и историческихъ наукъ. Подготовка въ специальное учебное заведеніе, состоявшая въ прохожденіи математическихъ наукъ, не позволяла мнѣ удѣлять много времени на занятія по указаннымъ отдѣламъ; однако пройденное (весь Липпертъ, Тайлоръ и часть Масперо) составляетъ дѣйствительно цѣнное приобрѣтеніе: оно указало мнѣ кратчайшій путь къ живой наукѣ и выработкѣ правильнаго міросозерцанія (чего никакъ не имѣеть въ виду семинарская Программа наукъ), и за это осмѣливаюсь принести г.г. членамъ комиссіи мою сердечную благодарность. Затрудненій при чтеніи не встрѣчалъ никакихъ». Наиболѣе подробно выясняетъ значеніе программъ комиссіи одинъ неизвѣстный ей офицеръ. «Пробовалъ заниматься первый годъ, пишетъ онъ, но служба оставляетъ очень мало времени и трудно доставать указанныя «Программами» книги. Теперь я читаю книги, рекомендованныя комиссіей по мѣрѣ ихъ полученія. Даже при такомъ занятіи польза, приносимая «Программами», громадна: онѣ систематизируютъ знанія, которыя раньше нагромождались въ беспорядкѣ. Знанія, почерпнутыя изъ какихъ бы то ни было источниковъ, находятъ свое мѣсто въ общей системѣ, что значительно облегчаетъ ихъ усвоеніе. Систематизированныя же знанія облегчаютъ эту выработку міросозерцанія, даютъ ему логичность и широту и помогаютъ разобраться въ явленіяхъ жизни и природы. Наконецъ, «Программы» даютъ возможность выбрать самое существенное изъ литературы по каждому предмету. Вообще польза, приносимая «Программами» — неоцѣнима. Большое спасибо комиссіи за то, что она пришла на помощь всѣмъ ищущимъ знанія и не имѣющимъ возможности самостоятельно достигнуть ихъ».

Всѣ приводившіяся выше соображенія и выписки изъ писемъ лицъ, занимающихся по программамъ комиссіи, доказываютъ справедливость мнѣнія, высказаннаго уже цитированнымъ нами писателемъ по поводу University Extension. «Вліяніе какого-либо движенія, захватывающаго народную жизнь, говоритъ этотъ писатель, не можетъ быть вычислено съ помощью математическихъ измѣреній». Въ самомъ дѣлѣ, въ цифрахъ не можетъ быть измѣрена ни степень вліянія, оказаннаго программами комиссіи на лицъ, пользующихся ими, ни сила того умственнаго толчея, какой дали эти программы и устроенныя комиссіей лекціи умственному броженію, замѣчаемому за послѣдніе годы въ провинціи. Никакими математическими измѣреніями, наконецъ, не можетъ быть дано представленіе о томъ прочномъ и несокрушимомъ фундаментѣ, какой заложила комиссія дѣлу демократизаціи знаній въ Россіи изданіемъ своихъ «сложныхъ» программъ. Если бы комиссія принялась за выработку общеобразовательной или специальной программы болѣе элементарнаго характера въ самомъ началѣ своей дѣятельности, то при отсутствіи какихъ либо образцовъ такихъ программъ въ З. Европѣ она рисковала бы создать программу, не отвѣчающую потребностямъ лицъ, ищущихъ зна-

нія. Теперь же, завершивъ циклъ своихъ сложныхъ спеціальныхъ программъ, обладая опытомъ, вынесеннымъ изъ сношеній съ читателями, имѣя, наконецъ, въ подробно разработанныхъ программахъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ предметовъ какъ бы элементы для составленія и общеобразовательной и упрощенной спеціальной программы, комиссія можетъ приступить къ указанной задачѣ съ большими шансами на успѣхъ, чѣмъ ранѣе. И если бы какими либо судьбами комиссія прекратила свое существованіе, не завершивши этой задачи, то рано или поздно возникнетъ учрежденіе, которое пойдетъ по пути, проторенному уже комиссіей, и завершитъ то, чего не успѣла осуществить послѣдняя. Но если бы даже этого и не случилось, то и въ такомъ, чисто проблематическомъ случаѣ, лица, ищущія знанія, всетаки были бы не въ такомъ безпомощномъ положеніи, въ какомъ находились до появленія программъ комиссіи. Комбинируя программы отдѣльныхъ предметовъ одного или нѣсколькихъ отдѣловъ, они могли бы составить себѣ сами упрощенную и вполнѣ научную, хотя можетъ быть и не совсѣмъ стройную, программу спеціального или общеобразовательнаго характера.

Придавая такое значеніе программамъ комиссіи, мы далеки, отъ мысли считать ихъ совершенными. Подобно всякому произведенію человѣческой мысли программы не свободны отъ разнаго рода недостатковъ. Не свободна отъ ошибокъ и дѣятельность комиссіи. Но не слѣдуетъ забывать, что она и существуетъ всего около пяти лѣтъ и все время вынуждена была считаться и съ недостаткомъ средствъ, и съ неопредѣленностью своею положенія, и съ разнаго рода неблагоприятными условіями нашей общественной жизни. Но и то, что она успѣла сдѣлать за это время, заслуживаетъ, кажется, вниманія русскаго общества. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы послѣднее оказало комиссіи ту поддержку и содѣйствіе, какого заслуживаетъ ея просвѣтительная дѣятельность.

А. Горбуновъ.

О нѣкоторыхъ законахъ психическаго утомленія *).

Вопросъ объ утомленіи и особенно о переутомленіи одинаково интересуеъ нашу и заграничную публику. На нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ накопилась громадная литература, выясняющая намъ законы появленія чувства усталости и связаннаго съ нимъ ослабленія психической и физической дѣятельности. Теперь уже можно оставлять безъ вниманія фразу, раздающіяся время отъ времени, что вопросъ о переутомленіи выдуманъ, что предки наши работали больше, и что наши физическія силы ослабляются культурою, которая способствуетъ господству машинъ надъ нашимъ организмомъ **). Всѣ эти положенія абсолютно не выдерживаютъ научной критики. Нѣсколько ниже мы увидимъ, что при всякой физической работѣ утомляется главнымъ образомъ не мышца, а центральная нервная система, и чувство усталости отражается тотчасъ же на психической дѣятельности.

Такимъ образомъ, принимая это во вниманіе, мы легко можемъ выяснитъ условія, создавшія намъ картину общественной жизни, окрещенной именемъ «нашъ нервный вѣкъ». Современная борьба за существованіе требуетъ отъ каждаго индивидуума большаго напряженія всѣхъ душевныхъ и физическихъ силъ, чѣмъ это было нѣсколько десятилѣтій назадъ. Кромѣ этого характеръ самой работы съ прогрессомъ техническихъ приспособленій начинаетъ требовать большаго напряженія психики: теперь уже серпъ, игла

*) Настоящій очеркъ, предлагаемый вниманію русскаго общества и особенно лицъ, имѣющихъ отношеніе къ воспитанію юношества, составленъ главнымъ образомъ по брошюрѣ проф. упсальскаго университета Н. j. Oehrvall «On psykisk uttrötning». Stockholm. 1895 г. и дополненъ по сочиненіямъ: Prof. H. Griesbach «Energetik und Hygiene des Nerven-Systems in der Schule. Leipzig. 1895; H. Ebbinghaus «Ueber eine neue Methode zur Prüfung geistiger Fähigkeiten und ihre Anwendung bei Schulkindern», Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane B. XIII, p. 401—463. Hamburg und Leipzig 1897; и A. Binet et V. Henri «La fatigue intellectuelle. Paris. 1898. При этомъ считаю своимъ долгомъ выразить свою благодарность проф. Эрвалю, любезно снабдившему меня нѣкоторыми указаніями.

**.) Проф. Хорвотъ «Гипертрофія сердца». Казань. 1896.

швей и т. д., замѣняется подѣ-часъ очень сложными машинами, обращеніе съ которыми требуетъ напряженія вниманія, что особенно сказывается при работахъ на заводахъ и фабрикахъ, гдѣ каждый рабочій кромѣ штрафовъ подвергается еще опасности потерять свою жизнь или быть искалѣченнымъ при всякомъ неосмотрительномъ движеніи.

Но пусть наше положеніе невѣрно, пусть правы тѣ, кто утверждаетъ, что вырожденіе (что до нѣкоторой степени и существуетъ) человѣчества прогрессируетъ и вслѣдствіе этого является переутомленіе. Пусть будутъ вѣрны эти голословныя заявленія, въ полемику мы вступать не будемъ, а укажемъ на тотъ фактъ, что неврастенія (вызываемая переутомленіемъ) охватываетъ все большее и большее количество лицъ, начинаетъ угрожать благосостоянію общества, и фраза «нашъ нервный вѣкъ» уже не сходитъ со столбцовъ газетъ. Что же это показываетъ? Развѣ не пора серьезно подумать объ этомъ вопросѣ и особенно намъ русскимъ, у которыхъ и средняя продолжительность жизни короче, чѣмъ въ другихъ странахъ, да и вся учащаяся молодежь своимъ болѣзненнымъ видомъ поражаетъ cadaго забѣзгаго иностранца. Послѣднее особенно должно интересоватъ родителей и гг. педагоговъ, такъ какъ разница въ состояніи здоровья нашихъ и заграничныхъ школьничковъ, дѣйствительно, очень велика. Не мѣшаетъ также и самой «интеллигенціи» и студенчеству подумать о своемъ, словно умыленномъ, пренебреженіи всѣми правилами гигиены въ умственной работѣ. Вспомнимъ безсонныя ночи наканунѣ экзаменовъ, привычку затягивать работу далеко за полночь... А вѣдь это—условія, ослабляющія нервную систему, устранить которыя было бы легко, если бы наше общество поняло, что съ увеличеніемъ *продолжительности рабочаго дня связано сильное уменьшеніе продуктивности и пониженіе качества работы.* Если бы у насъ поняли, что, *укорачивая длину рабочаго времени и учащая паузы отдыха, выигрываютъ этимъ даже въ количествѣ и качества работы.* то мы уже изъ однихъ узко-эгоистическихъ расчетовъ могли бы уменьшить свои притязанія на продолжительность работы своихъ подчиненныхъ и соразмѣрить свою (добровольную) работу.

Хотя вопросъ о психическомъ утомленіи не вполне разработанъ наукою, но тѣмъ не менѣе тѣ результаты, которые достигнуты теперь, имѣютъ громадное практическое значеніе и заслуживаютъ полнѣйшаго вниманія всего общества и особенно тѣхъ лицъ, дѣятельность которыхъ имѣетъ какое либо отношеніе къ воспитанію юношества. Не мѣшаетъ обратить вниманіе также и на то, что изслѣдованіемъ и разработкой вопроса объ утомленіи могутъ заняться весьма многіе, благодаря полной возможности избѣгать дорого стоющихъ аппаратовъ.

Послѣдняя книга, вышедшая въ этомъ году *), сообщаетъ о всѣхъ методахъ, которые примѣняются теперь. Интересующіеся

*) Binet et V. Henri «La fatigue intellectuelle». Paris. 1898.

подробностями могутъ найти тамъ детали, которыхъ я не касаюсь здѣсь.

Подъ усталостью понимаютъ то своеобразное и хорошо извѣстное по опыту чувство, которое является всякій разъ послѣ напряженной душевной или физической работы. Не касаясь здѣсь полной характеристики этого чувства, мы укажемъ на то, что уставшій человѣкъ не можетъ развить прежнюю силу, которою онъ обладалъ передъ началомъ работы. Для восстановления силы необходимъ отдыхъ, продолжительность котораго зависитъ отъ степени напряженія во время работы; чѣмъ работа была тяжелѣе, тѣмъ отдыхъ долженъ быть продолжительнѣе. Этому закону подвергается каждый отдѣльный органъ индивидуума, будь то железа, мускуль *), нервная клетка.

Затѣмъ, всякая работа (физическаго или психическаго характера) оказываетъ вліяніе на весь организмъ: сердечная дѣятельность повышается, давленіе крови и температура возрастаютъ. Дыханіе учащается. Все это факты, изучить которые можетъ каждый на себѣ самомъ, но что касается вопроса объ утомленіи отдѣльной мышцы или утомленіи всего организма, то онъ сталъ выясняться въ послѣднее время. Ранѣе физиологія изучала этотъ вопросъ надъ отдѣльными вырѣзанными органами **). Самымъ удобнымъ объектомъ для изслѣдованія является икроножный мускуль лягушки. Этотъ мускуль, отпрепарованный и укрѣпленный надлежащимъ образомъ, начинаютъ ритмически раздражать электрическимъ токомъ и вызывать въ мышцѣ сокращенія, величина которыхъ отмѣчается ***). Спустя нѣкоторое время легко замѣтить, что мышца начинаетъ сокращаться все меньше и меньше и наконецъ мышца перестаетъ отвѣчать на электрическое раздраженіе. Но если мышцѣ дать нѣкоторое время отдохнуть, то мы увидимъ, что она опять начинаетъ работать. Такимъ образомъ этотъ опытъ доказываетъ, что мышца утомляется и нуждается въ отдыхѣ.

Съ научной точки зрѣнія было очень важно установить методъ изслѣдованія утомляемости мышцъ у человѣка. Трудностями

*) На сердце указываютъ нѣкоторые, какъ на мускуль, работающій безъ отдыха, но это не вѣрно, такъ какъ за сокращеніемъ сердечной мышцы слѣдуетъ ея расслабленіе, во время котораго мышца отдыхаетъ, суммируя же всѣ эти мимолетные отдыхи, мы получимъ въ общемъ весьма значительное время, употребляемое сердцемъ на отдыхъ.

***) Жизнь въ вырѣзанномъ органѣ поддерживается искусственно при помощи постоянного притока крови соотвѣтствующей температуры. Первымъ открывшимъ этотъ методъ былъ физиологъ Кронпеккеръ.

****) Опытъ ставится такимъ образомъ: мышца за верхній конецъ прикрѣпляется къ штативу, а ея нижній конецъ задвигается за легкой и длинный рычагъ, который соприкасается съ закопченной поверхностью вращающагося цилиндра. Къ рычагу прикрѣпляется еще чашечка для гирекъ. Раздражая мышцу (или нервъ), мы получаемъ сокращенія мускула и рядъ волнообразныхъ линий, начерченныхъ рычагомъ на поверхности цилиндра. Измѣряя высоту каждой отдѣльной волны, мы определяемъ величину сокращенія. Произведенія же высотъ (сокращенія) на тяжесть даютъ—*работу мышцы*.

являлось: во первыхъ, зависимость работы (напримѣръ руки) отъ цѣлаго ряда мышцъ, которыя могли работать и отдыхать, чередуясь другъ съ другомъ, а вслѣдствіе этого результаты были не точны; и во вторыхъ,—неудобство примѣнять надлежащее электрическое раздраженіе. Всѣ эти трудности удалось преодолѣть итальянскому физиологу Моссо. Онъ придумалъ аппаратъ (эргографъ, какъ называлъ его Моссо), который давалъ возможность ограничить изслѣдованіе измѣреніемъ работы только двухъ мышцъ, сгибающихъ средній палецъ руки. Аппаратъ этотъ могъ отмѣчать на медленно движущемся заковченномъ цилиндрѣ высоту поднятія тяжести мышцами средняго пальца, и въ результатѣ получалась полная картина работы мышцы *).

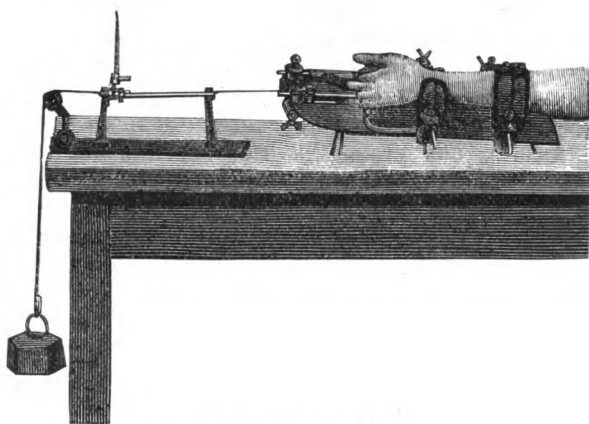

Рис. 1. Эргографъ Моссо.

Цѣлый рядъ поставленныхъ опытовъ показывалъ, что высота подъема тяжестей падала и спустя нѣкоторое время превращалась въ нуль, т. е. иными словами, мышца утомлялась и прекращала работу. Если дать мускулу очень незначительный отдыхъ, то опытъ можно повторить снова, но число и высота поднятій

*) Аппаратъ состоитъ изъ трехъ частей. Первая является приборомъ, въ которомъ укрѣпляется рука такъ, чтобы движеніе возможно было только однимъ пальцемъ. На него надѣвается кожаное кольцо со шнуромъ, идущимъ ко второй части прибора, которая состоитъ изъ штифта движущагося въ горизонтальной плоскости. Съ одной стороны штифта отходитъ упомянутый выше шнуръ, прикрѣпляющійся къ кольцу, а съ другой стороны идетъ тоже шнурокъ, къ которому подвѣшиваются гири. Передъ штифтомъ ставится медленно вращающійся цилиндръ съ заковченнымъ листомъ бумаги. На этомъ листѣ рядъ вертикальныхъ черточекъ показываетъ высоту поднятія тяжести. Измѣряя длину этихъ черточекъ и опредѣляя тяжесть гири, мы можемъ вычислить работу. Такъ напр., 20 поднятій дали въ общей сложности 600 миллиметровъ. Тяжесть=5 килограммамъ. Слѣдовательно, работа равна произвед. 0,6 метра на 5000 грам. или 3000 грамма-метрамъ.

будетъ уже значительнѣе, чѣмъ это было въ первый разъ. Чтобы привести мышцу къ прежней силѣ, нужно дать болѣе продолжительное время отдыха (около 2 часовъ).

Не смотря на постепенно уменьшающуюся во время опыта работу мышцы, напряженіе, съ которымъ дѣлаются послѣднія попытки поднять тяжесть, непрерывно растетъ *). Послѣднее можетъ подтвердить каждый, занимавшійся хотя бы гимнастикой съ гириями. На эргографѣ же мы можемъ видѣть, какъ ничтожна работа мышцы передъ полнымъ ея утомленіемъ. Если же мы примемъ во вниманіе эти два положенія, т. е. увеличеніе напряженія и пониженіе работы, то намъ станетъ ясно, какъ *непроизводительно и неблагоприятно затрачивать свою силу до полного утомленія*. Это положеніе доказывается математически точно при помощи эргографа. Выше было сказано, что двухчасовой отдыхъ восстанавливаетъ силу уставшихъ мышцъ пальца, затѣмъ изъ ряда опытовъ намъ извѣстно, что приблизительно 30 поднятій 5 виллограммовой гири приводитъ мускулы пальца въ полное утомленіе. Если мы поставимъ опытъ, въ которомъ мышцы будутъ работать до полного утомленія, съ двухчасовыми паузами для отдыха, и сравнимъ его результаты съ полученными изъ другого опыта, гдѣ мышца работала на половину (т. е. дѣлала 15 поднятій) и пользовалась $\frac{1}{2}$ -часовымъ отдыхомъ, (не вполнѣ утомленная мышца отдыхаетъ скорѣе), то легко увидимъ, что количество работы при второмъ опытѣ абсолютно больше. Слѣдовательно, *выгоднѣе работать, уменьшая число рабочихъ часовъ и дѣлая соответствующія паузы отдыха, продолжительность которыхъ определена изъ опыта*.

Это положеніе, добытое научно при помощи ряда опытовъ, имѣетъ громадное практическое значеніе, ибо что примѣнимо къ одному отдѣльному мускулу, то примѣнимо къ группѣ мышцъ или иными словами, ко всему человѣческому организму, при его физической (ниже увидимъ и психической) работѣ. Руководясь имъ, каждый предприниматель, каждый кустарь выигрываетъ въ качествѣ и количествѣ работы. Это чисто абстрактная истина, она плодъ холодныхъ научныхъ изслѣдованій, тутъ не играетъ никакой роли гуманное чувство, требующее отъ предпринимателя лучшаго отношенія къ человѣку, продавшему ему свою силу и даже здоровье.

Все то, что говорилось выше, относилось исключительно къ физической работѣ. Переходя же теперь къ изученію психическаго утомленія, мы должны сдѣлать небольшое отступленіе въ область фізіологій.

Въ настоящее время уже считается доказаннымъ, что всѣми импульсами завѣдываютъ особыя нервныя клѣтки, заложенныя въ корковомъ слое большого головного мозга (психомоторная область). Эти клѣтки посылаютъ импульсы къ мышцѣ и вызываютъ въ ней произвольныя сокращенія; но разъ дѣятельность ихъ на-

*) Моссо обстоятельно доказалъ это положеніе.

рушается, то индивидуумъ лишается способности произвольно шевельнуть какимъ либо мускуломъ, хотя тѣ же мышцы могутъ непроизвольно продолжать сокращаться (вслѣдствіе рефлексовъ) *).

Такимъ образомъ ясно, что при всякой физической дѣятельности человѣка происходитъ работа и въ психомоторномъ центрѣ и въ мышцѣ. Слѣдовательно, утомленіе можетъ развиваться одинаково и въ мышцѣ и психомоторной области головного мозга. Чтобы рѣшить вопросъ: что утомляется ранѣе: мышца или нервный центръ, стоитъ лишь прибѣгнуть къ эргографу. Одинъ опытъ мы дѣлаемъ какъ обыкновенно, т. е. стараемся поднять гирю до послѣдней возможности, затѣмъ когда наступило утомленіе, мы приступаемъ ко второму: ритмически раздражаемъ нервъ руки электрическимъ токомъ. Не смотря на полную усталость, мышца пальца начинаетъ сокращаться, и эргографъ чертитъ другую кривую, которая подобно первой постепенно понижается и доходить до нуля.

Мы получили двѣ почти одинаковой величины кривыя: одну отъ раздраженія мышцы волевыми импульсами, а другую отъ раздраженія этой же мышцы электрическимъ токомъ. Эти два опыта намъ наглядно доказываютъ, что утомленіе отъ физической работы развивается главнымъ образомъ не въ мышцѣ, а въ мозгу. **) Мышца, такимъ образомъ, обладаетъ гораздо большею силою, чѣмъ та, которую она развиваетъ. Последнимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ фактъ, что человѣкъ, подъ вліяніемъ ужаса или спасая свою жизнь, развиваетъ громадную силу, хотя ранѣе онъ считался слабосильнымъ; подобное же явленіе наблюдается и при психическихъ болѣзняхъ: иной больной подъ вліяніемъ раздраженія развиваетъ часто силу, далеко превосходящую силу нормальнаго человѣка.

Считая доказаннымъ положеніе, что *психомоторный центръ устаетъ скорее и въ большей степени, чѣмъ мышца*, мы легко поймемъ: какую тѣсную связь имѣетъ психическое утомленіе съ физической работой. Опытами при помощи эргографа мы можемъ наглядно доказать, что всякая психическая работа вызываетъ

*) Это явленіе объясняется существованіемъ въ спинномъ мозгу двойной передачи впечатлѣнія (съ поверхности кожи): или непосредственно двигательнымъ клѣткамъ спинного мозга или же сначала головному мозгу (корковому веществу), который посылаетъ затѣмъ импульсъ къ тѣмъ же двигательнымъ клѣткамъ. Отъ величины вѣшняго раздраженія кожи зависитъ направленіе передачи. Достаточно, наприимѣръ, пальцемъ прикоснуться къ горячему предмету, и мы совершенно невольно отдернемъ руку, но если предметъ былъ теплый, то раздраженіе направится къ головному мозгу и вызоветъ сознательное движеніе.

**) Можно поставить опытъ наоборотъ т. е. сначала раздражать мышцу электрическимъ токомъ, а затѣмъ волевыми импульсами. Въ этомъ опытѣ мы получимъ тоже двѣ кривыя линіи. Последнее объясняется тѣмъ, что электрической токъ, дѣйствуя черезъ кожу былъ слабый и не могъ окончательно утомить мышцу. Примѣнять же сильный токъ не возможно вслѣдствіе ощущенія боли, которая дѣлается невыносима для изслѣдуемаго субъекта.

пониженіе мускульной работы, и такое тѣсное взаимодѣйствіе даетъ намъ возможность измѣрить степень психическаго утомленія.

Цѣлымъ рядомъ изслѣдованій профессора Туринскаго университета Маджора (Maggiora) наглядно доказано, въ какой степени вліяетъ психическая работа на мускульную. Прилагаемый рисунокъ изображаетъ четыре кривыхъ, начерченныхъ эргографомъ въ различное время дня. Кривая № 1—утромъ, кривая № 2 въ 5 ч. 45 м. пополудни послѣ экзамена 11 студентовъ. Въ 6 часовъ профессоръ отобѣдалъ, а въ 7 ч. 30 м. начертилъ кривую № 3. Въ 9 часовъ онъ сдѣлалъ четвертый опытъ съ эргографомъ.

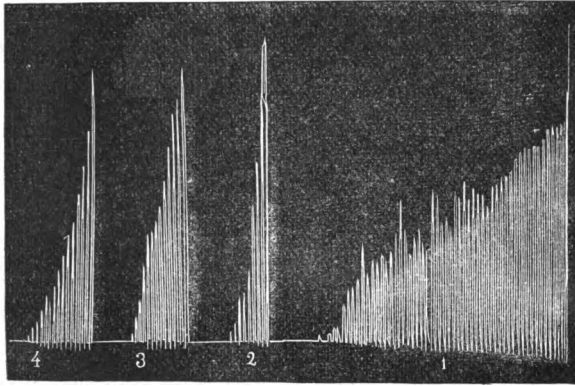

Рис. 2.

Это изслѣдованіе показываетъ намъ, какъ быстро пала мышечная сила послѣ значительнаго психическаго напряженія, такъ что даже отдыхъ не могъ возстановить силы. Но здѣсь могутъ сдѣлать возраженіе, что опытъ этотъ доказываетъ только паденіе силы волевыхъ импульсовъ вслѣдствіе сильнаго нервнаго утомленія. Но это легко опровергается аналогичными опытами, въ которыхъ для раздраженія мышцы примѣнялся электрической токъ. Кривыя, полученныя въ такихъ опытахъ, носили одинаковый характеръ *) съ кривыми, полученными въ первомъ опытѣ (волевое раздраженіе).

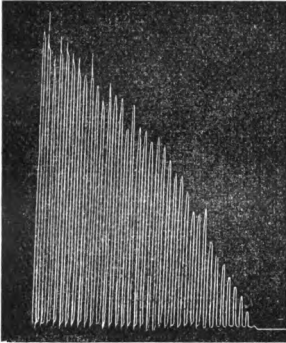
Вообще можно сказать, что всякая мало-мальски напряженная психическая работа вызываетъ паденіе величины кривыхъ. Проф. Маджора дѣлалъ опыты въ эргографомъ передъ началомъ своей лекціи и по окончаніи ея и получалъ всякій разъ послѣ психической работы послѣдовательное уменьшеніе мускульной силы **).

*) Въ книгѣ А. Binet et V. Henri («La fatigue intellectuelle». Paris 1898) на страницѣ 186 читатель найдетъ рисунокъ, изображающій кривыя, полученныя отъ раздраж. мускула электр. токомъ.

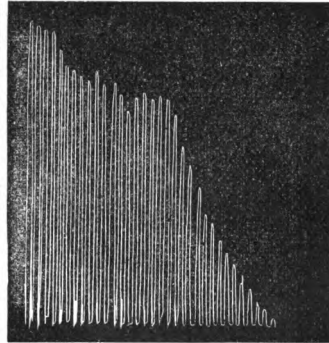
**) На стр. 191 и 192 книги А. Binet et V. Henri «La fatigue etc»... приведены рисунки кривыхъ, показывающихъ паденіе мускульной работы.

Этимъ приборомъ также окончательно подрывается вѣра въ возможность до безконечности увеличить мышечную силу упражненіями. Рядъ опытовъ показываетъ, что приростъ силы идетъ только до извѣстнаго предѣла, переступить который никогда не удается, хотя упражненія продолжаются.

Особенно интересны опыты, показывающіе, что умѣренная, соразмѣренная работа повышаетъ дѣятельность всего человѣческаго организма. Руководясь этимъ, каждый можетъ получать лучшіе результаты отъ своихъ занятій, особенно если одна работа замѣняется другой, не замѣняя въ то же время необходимаго отдыха. На рисункѣ 3 изображены кривыя, показывающія, какъ повысилась работа съ 4,600 до 5,050 послѣ 2-хъ-часовой вѣзды на велосипедѣ. Хотя этотъ опытъ самъ по себѣ мало доказателенъ, но тѣмъ не менѣе въ связи съ другими аналогичными изслѣдованіями, онъ даетъ основаніе заключить, что умѣренная работа повышаетъ человѣческую дѣятельность.

Начерчено въ 12¼ дня.
Работа равна 4600 граммометра.

Начерчено въ 2 ч. 30 м.
того же дня, послѣ 2-хъ-
часовой прогулки. Работа
равна 5050 граммометр.

Рис. 3.

Голодь значительно понижаетъ величину работы, причемъ вначалѣ это пониженіе идетъ медленно, но затѣмъ паденіе кривой идетъ все быстрѣе и быстрѣе. Нижеслѣдующій опытъ подтверждаетъ это:

Въ началѣ кривая была равна	—	5280 gr. metr.
Черезъ 19 часовъ поста	»	4730 »
» 24	»	4550 »
» 26	»	2830 »
» 24	»	2050 »
» 10 минутъ послѣ послѣдняго изслѣдованія, производящій опытъ съѣлъ два бутерброда.		

Пять минутъ спустя послѣ ѣды была опять начерчена кривая, которая показала работу равную . . . 3590 gr.-m.

Никто, конечно, не станетъ думать, что пяти минутъ было достаточно для усвоенія пищи и возстановленія мускульной силы. Здѣсь сказалось психическое вліяніе, такъ что голодному было достаточно только почувствовать въ своемъ желудкѣ кусокъ пищи, и его настроеніе измѣнилось; онъ сдѣлался какъ бы другимъ человекомъ: самонадѣянность и бодрость къ нему возвратились. Голодъ слѣдовательно ослаблялъ силу воли и угнеталъ психику самого человѣка, не вліяя замѣтно на мускулатуру. Впрочемъ, если человѣкъ голодаетъ весьма значительное время, то сила мышцъ падаетъ, временная же голодовка прямого вліянія на мускулатуру не имѣетъ.

Всѣ эти данныя даютъ намъ очень цѣнный матеріалъ для выработки подлежащаго плана для фабричнаго законодательства и школьнаго режима. Къ послѣднему мы возвратимся еще разъ, а теперь рассмотримъ другіе методы изслѣдованія утомленія.

Изъ всего предыдущаго мы видѣли, что утомленіе прежде всего и сильнѣе развивается въ центральной нервной системѣ. Исходя изъ этого закона, проф. Гризбахъ предложилъ для опредѣленія степени усталости измѣрять (тактильную) чувствительность кожи. Уже давнымъ давно извѣстно, что, прикасаясь ножками циркуля до кожи можно найти между ними такое разстояніе, при которомъ ощущеніе двухъ точекъ прикосновенія теряется, и двѣ ножки циркуля принимаются за одну. Разстояніе это подвержено колебанію и повышается подъ вліяніемъ усталости, которая препятствуетъ надлежащимъ образомъ сосредоточить вниманіе на какомъ нибудь предметѣ. Цѣлый рядъ наблюденій подтвердилъ это.

Слѣдовательно, всякая работа, будь она психическаго или физическаго характера, должна отражаться на состояніи тактильной (вѣроятно и тепла, давленія и т. д.) чувствительности кожи и разстояніе между ножками циркуля, показывая степень утомленія, должно понижаться въ зависимости отъ трудности работы.

Этотъ методъ, хотя и кропотливѣе метода проф. Моссо, но тѣмъ не менѣе даетъ очень цѣнные и точные результаты.

Проф. Гризбахъ примѣнялъ свои изслѣдованія въ реальной и классической гимназіяхъ, въ коммерческой школѣ, механической и машинной мастерской (гдѣ ученики принуждены были сосредоточивать свое вниманіе на образцахъ, на своей работѣ и ходѣ машинъ).

Результатъ его наблюденій показалъ, что при теоретически-научныхъ занятіяхъ утомленіе развивается гораздо быстрѣе, чѣмъ при ручной работѣ. Особенно интересны наблюденія въ гимназіи и реальномъ училищѣ, такъ какъ они производились въ значитель-

*) Prof. Griesbach «Energetik und Hygiene des Nerven-Systems in der Schule». München und Leipzig, 1895.

номъ количествѣ утрома до уроковъ, послѣ каждаго урока и въ праздничный день. Изъ нихъ мы видимъ: во первыхъ, гимнастика не служитъ отдыхомъ, а напротивъ развиваетъ утомленіе учениковъ; во вторыхъ, утомленіе прогрессируетъ и достигаетъ maximum'a въ концу уроковъ; въ третьихъ, при послѣобѣденныхъ занятіяхъ утомленіе развивается еще быстрѣе; въ четвертыхъ, замѣчается колебаніе въ правильномъ развитіи. Утомленія объясняются трудностью урока или плохимъ преподаваніемъ учителя, на урокахъ котораго ученики спятъ (см. рис. 5, нѣмецкій урокъ).

Проф. Гризбахъ производилъ измѣренія тактильной чувствительности въ различныхъ мѣстахъ кожи, но здѣсь мы укажемъ только на чувствительность кожи (подъ переносеомъ) и щеки въ области скуловой кости. Разстояніе между ножками циркуля опредѣлено въ миллиметрахъ.

I. II.

I. Чувствительность послѣ 5 уроковъ.
II. „ „ „ 4 ч. отдыха.

Рис. 4.

Прилагаемый рисунокъ 4 показываетъ разницу чувствительности послѣ занятій и послѣ 4-хъ часовъ абсолютнаго отдыха (цифры показываютъ разстояніе между ножками циркуля въ миллиметрахъ).

Итакъ, чувствительность щеки была послѣ 5-ти уроковъ = 15,2, а послѣ отдыха — 5,1 — чувствительность лба 11,7 и 4,1. миллим.

Другая табличка заимствована у Гризбаха (стр. 35) и показываетъ пониженіе чувствительности, слѣдов. повышеніе утомленія въ теченіе школьнаго дня.

	въ 7 ч. утр. передъ урок.	8 ч. послѣ урока геогр.	9 ч. послѣ гимнастики.	10 ч. послѣ нѣмецк. яз.	11 ч. послѣ алгебры.	12 ч. послѣ Зак. Божія.	съ 12 ч. до 2 отдых.	въ 2 ч. пер. уроками.	въ 3 ч. послѣ арифметики.	4 ч. послѣ француз. яз.	11 ч. въ воскресный д.
Чувств. лба . .	6	6	8,5	7	7,5	7,5	12 ч. до 2 отдых.	5	11	11,5	4,5
— щеки .	9	10	15	9,5	10	11	съ 12 ч. до 2 отдых.	7	15	18	6

Эта таблица ясно указываетъ намъ, что гимнастика еще болѣе утомляла дѣтей и отдыхъ былъ во время всего нѣмецкаго урока, что, конечно, быть можетъ, зависѣло отъ легкости предмета или же отъ системы преподаванія. Что же касается двухъ вечернихъ часовъ. то въ теченіи ихъ утомленіе достигло большаго напряженія, чѣмъ за всѣ 5 утреннихъ часовъ. Обращаетъ

на себя вниманіе также и тотъ фактъ, что дѣти къ утреннимъ урокамъ не отдохнули за ночь и полный отдыхъ наступилъ только въ праздничный день. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно въ вопросѣ школьной гигиены, оно ясно и краснорѣчиво говоритъ о необходимости уменьшить количество задаваемыхъ на дни уроковъ.

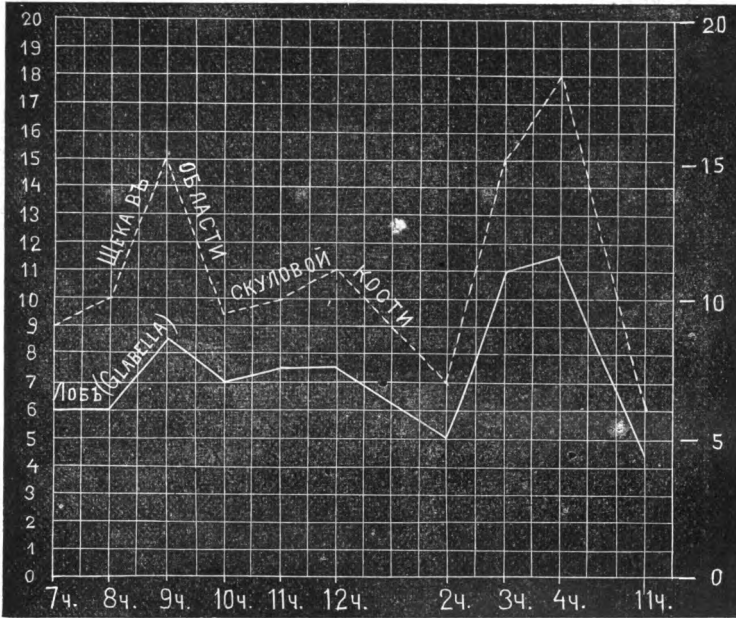

Рис. 5.

Въ ниже прилагаемой табличкѣ я постарался сгруппировать и представить результатъ изъ 40 наблюдений проф. Гризбаха. (Рис. 6).

До нач. Послѣ I Послѣ II Посл. III Посл. IV Послѣ V воскресенье
 урок. въ урока въ урока въ урока въ урока въ урока въ сенье
 7 ч. 8 ч. 9 ч. 10 ч. 11 ч. 12 ч. въ 11 ч.

Чувствит.

кожи лба.	5,6	7,5	7,9	9,2	8,7	9,2	3,2
— щеки.	6,8	11,8	11,9	12,9	12,9	13,1	4,2

Здѣсь разница между воскреснымъ днемъ и буднями выступаетъ еще рѣзче, а у отдѣльныхъ учениковъ разница доходила до 5,5 миллиметра чувств. лба и 8 миллим. чувств. щеки.

Нижеслѣдующая табличка показываетъ развитіе утомленія во время экзаменовъ.

Измѣренія производились передъ началомъ экзамена, тотчасъ послѣ экзамена и спустя нѣкоторое время, когда дѣти отдохнули отъ перенесеннаго напряженія. Таблица эта составлена на основаніи 48 наблюденій проф. Гривзаха

	Передъ экзаменомъ.	Тотчасъ послѣ экзамена.	Послѣ отдыха.
Чувств. лба .	7,38	14	4,9
— щеки.	11,3	22,2	7,88

Кромѣ указанныхъ двухъ методовъ для измѣренія утомленія существуетъ еще цѣлый рядъ методовъ, основанныхъ на томъ принципѣ, что утомленный мозгъ не можетъ хорошо справиться

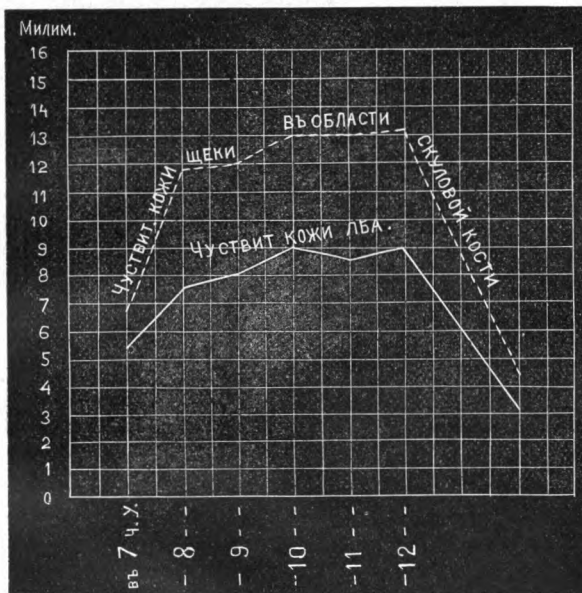

Рис. 6.

съ какой нибудь легкой умственной работой. Съ этою цѣлью предлагаютъ какой нибудь легкой диктантъ или работу надъ простыми числами.

Первый, предложившій употреблять диктантъ, былъ нашъ соотечественникъ Сикорскій *). Онъ диктовалъ дѣтямъ одинъ и тотъ же отрывокъ передъ началомъ уроковъ и послѣ окончанія школьныхъ занятій, затѣмъ сосчитывалъ ошибки и сравнивалъ резуль-

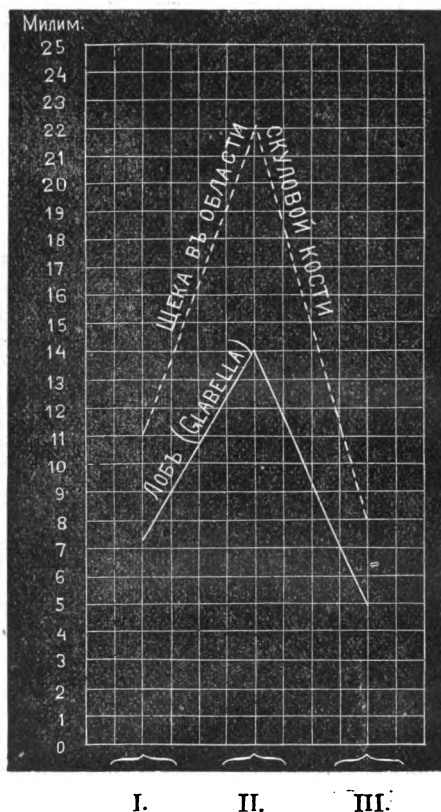
*) Sikorsky «Sur les effets de la lassitude provoquée par les travaux intellectuels chez les enfants de l'âge scolaire» Annales d'hygiène 1879. Т. II.

таты работы передъ началомъ уроковъ и послѣ ихъ окончанія. Онъ получилъ, что число ошибокъ во второмъ диктантѣ увеличилось на 33%; но если же принимать во вниманіе только такія ошибки, которыя произошли отъ небрежности (пропущенныя и измѣненныя буквы и слова), то число новыхъ ошибокъ было на 90% болѣе, чѣмъ въ первомъ диктантѣ *).

Аналогичное изслѣдованіе было произведено др. Гэпфнеромъ **). Исправляя ошибки въ письменныхъ упражненіяхъ дѣтей, онъ замѣтилъ, что число

ошибокъ увеличивалось къ концу диктанта. Это обстоятельство дало ему толчекъ къ болѣе тщательному изслѣдованію. Классъ состоялъ изъ 50 учениковъ въ среднемъ 9-ти лѣтняго возраста. Диктантъ заключался въ 19 предложеніяхъ, имѣвшихъ 589 буквъ (въ среднемъ каждое предложеніе состояло изъ 30 буквъ). Сначала произносилось предложеніе и записывалось всѣмъ классомъ, затѣмъ каждый ученикъ (до послѣдняго) повторялъ его по очереди. Работа прерывалась двумя отдыхами, продолжительность которыхъ, къ сожалѣнію, не опредѣлена. Вся эта процедура заняла нѣсколько болѣе 2 часовъ.

Гэпфнеръ устроилъ РИС. 7. I. Передъ экзаменомъ. II. Тотчасъ послѣ экзамена. III. Въ праздничный день. не имѣя въ виду какого нибудь опредѣленнаго плана, но тѣмъ не менѣе достигъ очень интересныхъ результатовъ и показалъ, какъ можно поль-

*) Цитирую по работѣ проф. Oehrvall «Om psykisk uttrötning». Stockholm 1896.

**) Höpfner, L. Ueber die geistliche Ermüdung von Schulkindern», Zeitschrift für Psychologie und Physiol. der Sinnesorgane. Berlin 1894.

зоваться школьными работами для изслѣдованія вопроса о психическомъ утомленіи дѣтей во время школьныхъ занятій.

Мы позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на этихъ изслѣдованіяхъ, такъ какъ они проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на значеніе письменныхъ работъ учениковъ, судьба которыхъ иной разъ зависитъ отъ числа ошибокъ въ письменныхъ упражненіяхъ, а съ другой стороны этимъ методомъ изслѣдованія можетъ легко пользоваться каждый учитель, не выходя изъ рамокъ школьной программы.

Гэпфнеръ поступалъ такъ: сосчитавъ сначала число ошибокъ, онъ опредѣлялъ ихъ процентное отношеніе къ числу буквъ въ каждомъ предложеніи. Результатъ своихъ вычисленій онъ изобразилъ въ прилагаемой таблицѣ.

Изъ нея мы видимъ, что процентъ ошибокъ въ началѣ нѣсколько уменьшается, но начиная съ 5-го предложенія растетъ съ нѣкоторыми колебаніями.

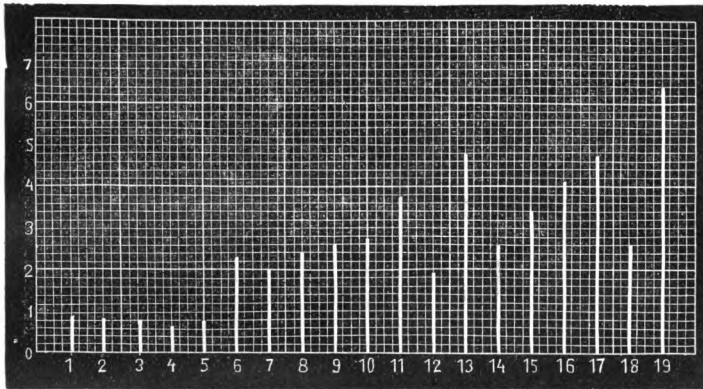

Рис. 8.

Уменьшеніе числа ошибокъ въ началѣ объясняется физиологическимъ закономъ, подмѣченнымъ при изслѣдованіяхъ съ эргографомъ: при умѣренной работѣ замѣчается возрастаніе количества и качества работы. Въ шестомъ предложеніи насъ поражаетъ быстрый приростъ числа ошибокъ. Гэпфнеръ думаетъ, что это вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣти ранѣе не писали болѣе 5 предложеній, но если принять во вниманіе работу Бюргерштейна (см. ниже), то можно съ болѣею вѣроятностью объяснить этотъ фактъ наступленіемъ у дѣтей утомленія послѣ получасовой работы. Хотя время работы надъ каждымъ предложеніемъ не опредѣлено, но мы можемъ приблизительно сказать, что оно равнялось 7 минутамъ, такъ какъ величина предложеній была одинакова. Слѣдовательно, утомленіе наступило послѣ 35 минутъ работы.

Если же считать число ошибокъ по группамъ, составленнымъ

изъ четырехъ предложеній, то получимъ еще болѣе поразительные результаты.

Предложенія . . .	1—4	5—8	9—12	13—16	17—19
Процентъ ошиб. . .	0,8	1,8	2,8	3,8	5

Чтобы устранить возможность сдѣлать возраженіе, что трудность предложеній была неодинакова, можно было бы вычислять число ошибокъ отъ небрежности и невниманія (какъ дѣлалъ Сикорскій), но Гэпфнеръ нашелъ болѣе удобнымъ раздѣлить ошибки по группамъ и опредѣлить процентное отношеніе между вѣроятностью сдѣлать такую ошибку и числомъ сдѣланныхъ. Такъ, наприимѣръ, въ нѣмецкомъ языкѣ всякое существительное пишется съ большой буквы, а остальные части рѣчи съ маленькой.

Въ предложеніяхъ .	1—4	5—8	9—12	13—16	17—19
было отдѣльныхъ словъ	15	17	13	13	12
Слѣдовательно, для 46 дѣтей вѣроятность сдѣлать ошибку была . .	690	782	598	598	552
Число же сдѣланныхъ ошибокъ быс	8	27	41	59	79
Такимъ образомъ на 100 возможныхъ ошибокъ приходится сдѣланныхъ ошибокъ	1,2	3,5	6,9	9,9	14,3

Разсматривая подобнымъ же образомъ другія ошибки (удвоеніе, пропускъ, перестановку буквъ и т. д.) Гэпфнеръ пришелъ къ такимъ же выводамъ, т. е. ошибки у дѣтей увеличивались съ продолжительностью урока.

Предложенія.	О		Ш		И		Б		К		И.	
	Пропущенныя буквы.		Лишн. буквы.		Замѣна одн. буквъ другими.		Переставл. буквъ.		Удвоеніе буквъ или замѣна 2-хъ буквъ одной.			
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%		
1—4	4784	2	0,04	1	0,02	12	0,25	0	12	0,25		
5—8	6072	7	0,09	1	0,02	16	0,27	1	58	0,90		
9—12	4968	14	0,28	6	0,12	27	0,54	0	51	1,04		
13—16	5750	15	0,25	8	0,14	21	0,36	1	111	1,89		
17—19	5198	31	0,59	11	0,21	16	0,30	1	19	1,69		

Такимъ образомъ изслѣдованіе Гэпфнера доказываетъ, что 1) утомленіе увеличивается во все время работы, а черезъ 2 часа достигло значительной степени; 2) утомленіе у дѣтей этого возраста начиналось уже по истеченіи получасовой работы.

Нѣсколько ранѣ предыдущей работы было опубликовано изслѣдованіе д-ра Бургерштейна *), который ввелъ новый методъ для опредѣленія психическаго переутомленія. Онъ заставлялъ дѣлать надъ числами простыя вычисленія и опредѣлялъ число ошибокъ въ каждой задачѣ. Задача составлялась такимъ образомъ: брались десять цифровыхъ знаковъ въ произвольномъ порядкѣ и приставлялись къ другому числу, составленному подобнымъ же родомъ; получалось такимъ образомъ 20-ти-значное число, которое складывалось съ другимъ подобнымъ же числомъ. Наприм.:

$$\begin{array}{r} + 28703451692740831569 \\ 35869427108215976043 \\ \hline \end{array}$$

Задачами на умноженіе были тѣ же цифры, которыя множились на 2, 3, 4, 5 и 6.

Текстъ задачъ былъ напечатанъ на бланкахъ, которые раздавались ученикамъ и послѣдніе работали въ теченіи 10 минутъ; затѣмъ шель 5-минутный отдыхъ, задача отбиралась и выдавались новыя бланки, числа на которыхъ составлялись изъ предыдущихъ чиселъ: въ первое число входили всѣ четныя цифры (въ порядкѣ, какъ онѣ стояли въ обоихъ числахъ), а во второе нечетныя. Надъ этими 20-ти значными числами совершались такія же дѣйствія и тоже въ теченіе 10 минутъ.

Для третьяго и четвертаго 10-минутнаго періода были числа изъ первыхъ и вторыхъ задачъ, при чемъ порядокъ цифръ былъ обратный.

Такою системою дѣлалось то, что всѣ задачи были одинаковой трудности и кромѣ того совершенно устранялась возможность ошибокъ отъ незнанія.

Изслѣдованія были произведены въ четырехъ классахъ: въ двухъ—реальной мужской гимназіи и въ двухъ классахъ женской гимназіи. Въ одномъ классѣ мужской школы было 44 мальчика въ среднемъ 12-лѣтняго возраста, въ другомъ классѣ—50 мальчиковъ 13 лѣтъ. Въ женской гимназіи въ одномъ классѣ—35 дѣвочекъ около 11 лѣтъ, а въ другомъ классѣ 33 дѣвочки около 12 лѣтъ. Во всѣхъ этихъ четырехъ классахъ предлагались одинаковыя задачи.

Въ своихъ вычисленіяхъ Бургерштейнъ встрѣтилъ затрудненіе какъ считать ошибки, если послѣдующія вызваны одной предыдущей? Напримѣръ, $54392806715 \times 3 = 163[08]8420145$. Онъ однако рѣшилъ считать подобныя ошибки за двѣ. Затѣмъ онъ вычислилъ число ошибокъ при сложеніи, при умноженіи и опредѣлилъ число поправокъ, которыми ученики исправляли свои ошибки, и затѣмъ, взявъ сумму всѣхъ цифръ, надъ которыми производились вычис-

*) L. Burgerstein «Die Arbeitskurve einer Schulstunde». Zeitschrift für Schulgesundheitspflege. 189.

ленія, онъ узналъ процентное отношеніе ошибокъ на 100 вычисленныхъ цифръ. Вотъ результатъ его работы:

Періоды.	Число вычислен. цифръ.	Число всѣхъ ошибокъ.	Ошибки при сложеніи.	Ошибки при умноженіи.	Поправки.	Періоды.
I	28300	3,01	2,20	3,91	1,31	I
II	32500	3,98	2,77	5,28	1,78	II
III	35400	5,68	3,48	8,04	2,10	III
IV	39400	5,98	3,99	8,16	2,45	IV

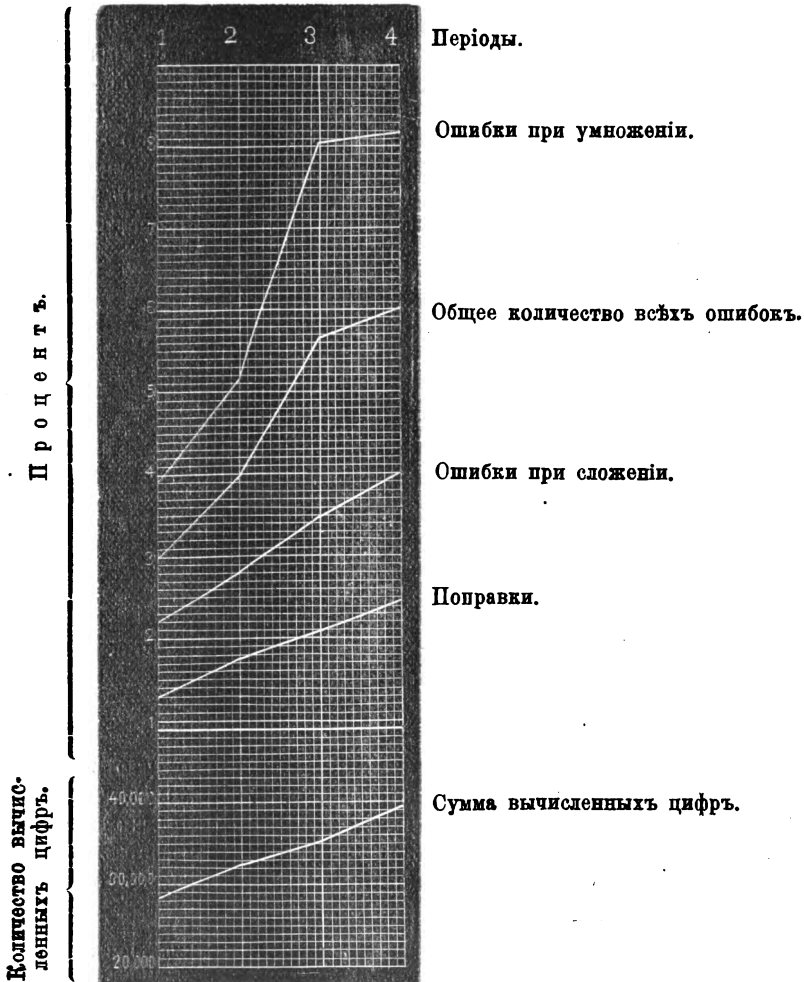

Рис. 9.

Изображая добытые результаты—графически, мы получимъ пять кривыхъ линій, представляющихъ наглядно степень утомляемости. По этимъ кривымъ мы можемъ судить, что работа, т. е. № 11. Отд. I.

количество вычисляемых цифр растет, но качество работы (число ошибок) ухудшается. Особенно интересно, что процент ошибок быстро увеличивается в третьем периодѣ, и въ то же самое время процент прироста суммы вычисленных цифр сравнительно уменьшается. Въ четвертомъ же периодѣ число вычисленных цифр повышается, и приростъ числа ошибок сравнительно меньше, чѣмъ въ третьемъ периодѣ. Особенно рѣзко это выразилось въ числѣ ошибокъ при умноженіи. Число поправокъ растетъ почти равномерно.

Приростъ въ суммѣ вычисленных цифр объясняется вліяніемъ упражненія. Неравномѣрность же увеличенія числа ошибокъ въ третьемъ и четвертомъ периодѣ Бургерштейнъ думаетъ объяснить тѣмъ, что усталость достигла въ третьему периоду высшей степени и вынудила дѣтей предаться относительному покою. Этотъ относительный отдыхъ, между третьимъ и четвертымъ упражненіемъ, сказался на работѣ, такъ какъ въ послѣднемъ периодѣ, хотя ошибокъ было больше, чѣмъ въ каждомъ предъидущемъ, но увеличеніе это шло не такъ быстро. *).

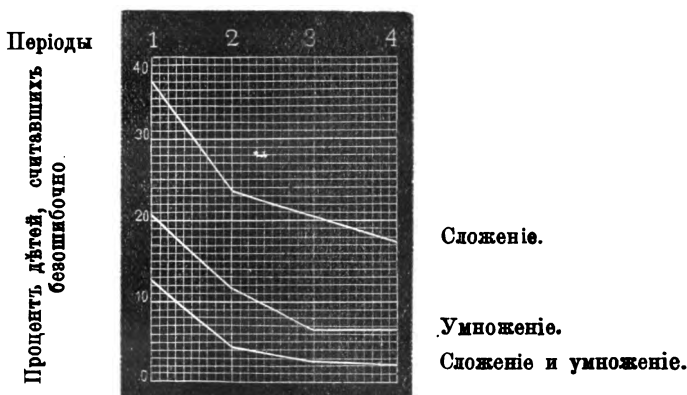

Рис. 10.

Затѣмъ слѣдуетъ обратить также вниманіе на то, что значительное число дѣтей (именно 70 изъ 162, т. е. 43%) въ теченіи послѣдняго четвертаго періода сосчитали меньше (абсолютно) цифръ. Затѣмъ, около 20% дѣтей исполнили задачи въ четвертомъ периодѣ почти съ одинаковымъ процентомъ ошибокъ, какъ въ на-

*) Это колебаніе, кажется, объясняется проще—однимъ психологическимъ вліяніемъ. Дѣти, зная, что четвертое упражненіе—послѣднее и черезъ 10 минутъ они получаютъ отдыхъ, напрягли все свое вниманіе. Съ этимъ мнѣніемъ, вѣроятно, согласятся многие, если припомнятъ съ какой томительностью проходила первая половина какого нибудь скучнаго урока и какъ мѣнялось психическое настроеніе, когда урокъ приближался къ концу. Если же мы посмотримъ на упражненіе, предложенное Бургерштейномъ, то, вѣроятно, найдемъ, что оно не было веселымъ и интереснымъ.

чалъ опыта, но количество сочтенныхъ цифръ уменьшилось. Нѣкоторые дѣти исполнили задачи безошибочно, но число такихъ дѣтей уменьшалось съ каждымъ періодомъ (рис. 10).

Бургерштейнъ указываетъ, что эти результаты изслѣдованія даютъ намъ ясное доказательство того, что школьный часъ (въ 55 минутъ) для дѣтей въ этомъ возрастѣ слишкомъ длиненъ и долженъ быть уменьшенъ до 30 минутъ.

Не мѣшаетъ также замѣтить, что Бургерштейнъ пришелъ къ такимъ выводамъ, задавъ ученикамъ не трудную работу; въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что 1) задачи были, сравнительно со степенью развитія учениковъ, очень легкими; 2) работа раздѣлялась пяти минутными паузами отдыха (чего не бываетъ въ школахъ); 3) изслѣдованіе производилось на первомъ урокѣ и только въ одномъ классѣ мужской гимназіи—на второмъ. Но если опыты производились бы по обыкновенному школьному методу, работа соотвѣтствовала бы степени развитія учениковъ, и изслѣдованіе происходило въ теченіи послѣдняго школьнаго урока, то мы увидели бы, что степень утомленія развивалась бы гораздо быстрѣе. Подобное изслѣдованіе дало бы намъ много интереснаго матеріала.

Все, что было получено при помощи вышесказанныхъ методовъ, подтверждается также изслѣдованіями проф. Ebbinghaus, a*). Онъ пользовался методами: 1) заставляя изслѣдуемыхъ субъектовъ складывать и умножать длинный рядъ однозначныхъ цифръ. 2) записывать на память рядъ (отъ 6 до 10) цифръ, произносимыхъ съ одинаковою скоростью (числа были односложныя); 3) давалъ имъ отрывокъ, въ который требовалось вставить выпущенныя буквы и слоги. Въ его методахъ и особенно подсчетахъ есть нѣкоторые недостатки, но тѣмъ не менѣе результаты, добытые имъ, подтверждаютъ вышесказанное. Между прочимъ интересны его наблюденія и параллели относительно развитія мальчиковъ и дѣвочекъ. Онъ говоритъ, что дѣвочки въ дѣтскомъ возрастѣ отстаютъ отъ развитія мальчиковъ, но послѣ 11 лѣтъ дѣвочки развиваются быстрѣе и догоняютъ мальчиковъ.

Рядъ выше приведенныхъ опытовъ даетъ намъ нѣкоторый матеріалъ для построенія теоріи, выясняющей фізіологическія причины усталости.

Одна теорія говоритъ о поглощеніи работающимъ органомъ нѣкоторыхъ питательныхъ веществъ, доставка которыхъ идетъ гораздо медленнѣе ихъ поглощенія. И вслѣдствіе этого недостатка питательнаго матеріала начинается постепенное ослабленіе рабочей силы подобно тому, какъ уменьшается работа паровой машины отъ недостатка топлива.

Другая теорія предполагаетъ, что организмъ во время работы производитъ какія то вредныя вещества (расходъ бѣлковыхъ

*) Ebbinghaus «Ueber eine neue Methode zur Prüfung geistiger Fähigkeiten und ihre Anwendung bei Schulkindern». Zeitschr. f. Psych. u. Physiol. der Sinnesorgane 1897.

тѣль), которыя недостаточно скоро уносятся кровью и лимфой. Лишь только накапливается значительное количество этихъ продуктовъ, то тотчасъ наступаетъ родъ отравленія организма, которое выражается чувствомъ усталости.

Въ подтвержденіе послѣдней теоріи существуетъ интересное наблюденіе проф. Моссо. Онъ бралъ отъ искусственно утомленной собаки кровь и впускалъ нѣкоторый объемъ ея въ сосуды другой собаки. Тотчасъ же послѣ переливанія крови у собаки появились всѣ признаки усталости: она ложилась, высовывала языкъ, начинала усиленно дышать и т. д. Но если переливаніе крови дѣлалось отъ неутомленной собаки, то эта операція не оказывала никакого вліянія: животное оставалось по прежнему веселымъ и покойнымъ.

Каковъ химическій составъ веществъ, вызывающихъ утомленіе, еще неизвѣстно, но нѣкоторые опыты какъ будто показываютъ, что эти вещества въ нормальномъ состояніи поглощаются подпочечными железами. Если, напримѣръ, ампутировать обѣ подпочечныя железы, то у животнаго появляются всѣ признаки усталости съ послѣдовательнымъ параличемъ и смертью. Но если животному вспрыскиваютъ экстрактъ железъ, то явленія усталости пропадаютъ, и является возможность продлить жизнь животнаго.

Обѣ теоріи однако вполне объясняютъ связь между утомленіемъ мозга и мышцъ, и пока невозможно рѣшить, вѣрны ли онѣ. Такъ первая теорія говоритъ, что недостатокъ питательныхъ веществъ прежде всего сказывается на нервной системѣ; а вторая—увеличеніе количества вредныхъ веществъ сказывается прежде всего на мозгѣ.

Уже тѣ результаты, которые добыты относительно вопроса о психическомъ утомленіи, побудили многихъ передовыхъ психологовъ, какъ напр., Preyer'a, Kräpelin'a выступить противъ современной школьной системы и требовать уменьшенія продолжительности школьныхъ уроковъ.

Крәпелинъ предлагаетъ уменьшить уроки до 30 минутъ (для дѣтей младшаго возраста еще болѣе) и раздѣлить ихъ промежутками отдыха, увеличивающимися по мѣрѣ числа уроковъ. Настоящій школьный порядокъ, говоритъ онъ, чрезвычайно вреденъ, и если школа еще не причиняетъ всего того вреда, какой она могла бы причинить, такъ это только потому, что дѣти въ своей невнимательности имѣютъ вѣрную защиту противъ школьной системы. И при настоящей школѣ дурные и сонливые учителя положительно необходимы, такъ какъ дѣти на ихъ урокахъ могутъ пользоваться относительнымъ покоемъ.

Безъ сомнѣнія, говоритъ Эрваль, не только количество уроковъ, но также и система преподаванія играютъ громадную роль въ вопросѣ объ утомленіи. То обстоятельство, что въ прежнее время не раздавалось столько жалобъ на переутомленіе, можетъ быть объяснено тѣми значительными реформами, которыя были произведены за послѣднее время въ школьномъ дѣлѣ. Новая метода

совѣтъ иначе, чѣмъ старая, дѣйствуетъ на вниманіе и интересъ учениковъ. Конечно, порицать за это настоящую систему нельзя, но всетаки слѣдуетъ подумать о томъ переутомленіи дѣтей, которое благодаря ей гораздо значительнѣе теперь, чѣмъ прежде. Это можно подтвердить примѣрами. Въ прежнія времена учениковъ спрашивали въ томъ порядкѣ, въ какомъ они сидѣли въ классѣ; затѣмъ стали вызванному ученику задавать вопросы въ разбивку; а теперь все болѣе укореняется система: задать всему классу вопросъ, а потомъ вызвать любого ученика. Стоитъ только нѣсколько ближе всмотрѣться, чтобы понять, что новая реформа преподаванія увеличиваетъ у дѣтей напряженіе ихъ психической работы, которая превосходить по своей степени и интенсивности работы при старой системѣ. А между тѣмъ продолжительность работы тоже увеличена и даже въ большую перемѣну внесены уроки гимнастики, вѣроятно для того, чтобы дѣти отдохнули къ послѣпуденнымъ урокамъ!

На основаніи чего введена подобная гимнастика? Всѣ строго-научныя данныя доказываютъ намъ, что гимнастика та же работа, при которой главнымъ образомъ напряжена дѣятельность психомоторныхъ центровъ головного мозга. *Слѣдовательно, воображать, что лицо, утомленное духовной работой, можетъ отдыхать за физической—грубая и большая ошибка*

Гимнастика полезна, когда ею не замѣняется отдыхъ, но вводя гимнастику вмѣсто отдыха наносятъ болѣе вредъ здоровью учениковъ, чѣмъ если бы не было совершенно физическихъ упражненій.

Ясно, что *продолжительность урока и методъ преподаванія должны сообразоваться съ физиологическими и психологическими данными, и поэтому прежде всего нужно имѣть въ виду, чтобы работа не вызвала переутомленія, а для этого нужно сдѣлать цѣлый рядъ точныхъ изслѣдованій.*

Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи опредѣлена продолжительность школьнаго урока въ 55 минутъ, а въ университетахъ отъ 40—45 минутъ? Почему девятилѣтнихъ мальчиковъ держать иной разъ въ классѣ за работой столько же времени, сколько и 18-лѣтнихъ юношей? Почему размѣръ отдыха для всѣхъ классовъ одинаковъ? Почему не обращаютъ вниманія, что послѣ нѣкоторыхъ уроковъ (древніе языки, математика, письменныя работы) отдыхъ слѣдуетъ увеличить?

Вся эта система стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ физиологическими и психологическими данными!

Многіе опытные учителя, не отрицая возможности переутомленія дѣтей, говорятъ, что учитель можетъ регулировать напряженіе работы учениковъ. Но вѣдь это слишкомъ субъективно и основано исключительно на индивидуальности учителей; нужно, напротивъ, чтобы методъ преподаванія покоился на объективно-научныхъ основаніяхъ и явился бы результатомъ систематиче-

ских изслѣдованій, которыя парализировали бы голословныя заявленія современныхъ учителей, врачей и родителей.

Подобный опытъ былъ произведенъ въ одной англійской школѣ и опубликованъ Ch. Paget *). Онъ пришелъ къ выводу, что *та часть дѣтей, у которыхъ продолжительность урока была уменьшена на половину, оказывали гораздо болѣе прилежанія и къ концу семестра опередили своихъ товарищей.*

Такимъ образомъ даже и тѣ учителя, которые ставятъ урокъ на первый планъ, а физиологическое и душевное состояніе ученика на второй, и они послѣ этого опыта должны подумать о необходимости сокращенія продолжительности урока и введенія соотвѣствующихъ паузъ отдыха.

Затѣмъ слѣдуетъ понять, что *требовать отъ дѣтей во все время урока того вниманія и интенсивной работы, какъ предписывается школьными правилами, положительно невозможно и вредно.*

Для успѣха преподаванія необходимо *во время урока ввести паузы отдыха*, такъ какъ работа отъ этого не уменьшится, но станетъ интенсивнѣе и лучше.

Что же касается вопроса объ экзаменахъ, то, право, о вредѣ ихъ говорилось такъ много и даже лицами близко стоящими къ преподаванію, что, кажется повторять объ этомъ будетъ лишнее. Однако уважемъ на изслѣдованія профессора Гризбаха, выводъ изъ наблюденій котораго представленъ мною графически (рис. № 7). Пусть читатель самъ судить, до какой степени развивается утомленіе послѣ нѣсколькихъ часовъ экзамена. И это были наблюденія въ германскихъ школахъ, гдѣ экзаменъ во всякомъ случаѣ не играетъ той рѣшающей роли во всей послѣдующей жизни молодого человѣка, какъ у насъ.

Въ заключеніе этого очерка разсмотримъ вопросъ о переутомленіи при добровольной работѣ.

Прежде всего слѣдуетъ на основаніи научныхъ данныхъ выработать систему и планъ своихъ занятій и если изслѣдовать свою рабочую силу затруднительно, то слѣдуетъ по крайней мѣрѣ руководиться правиломъ: *прекращать работу, когда чувствуется утомленіе.*

Всѣ данныя опыта говорятъ, что *работать до полного утомленія ошибка и напрасная трата рабочей силы*: количество работы, не смотря на увеличивающееся напряженіе, всегда уменьшается и въ то же время качество работъ понижается. Это особенно же сильно отражается на умственной работѣ, гдѣ качество работъ всегда играетъ первенствующую роль. Поэтому ошибка вообразать, что лучше чѣмъ больше страницъ прочитано, или чѣмъ больше лекцій прослушано; здѣсь нужно ставить вопросъ, насколько усвоено прослушанное и прочитанное.

Кромѣ того работать во время утомленія опасно еще съ той точки зрѣнія, что этимъ можно вызвать серьезное нервное раз-

*) Journal for education. Okt. 1894.

стройство всей психической системы, извѣстное подъ именемъ невращеніи.

Хотя и существуетъ мнѣніе, что при добровольной работѣ организмъ самъ оградить себя отъ переутомленія, но факты говорятъ противное. Съ каждымъ годомъ число невращенниковъ растетъ и охватываетъ собою даже студентовъ заграничныхъ университетовъ, гдѣ какъ извѣстно, не существуетъ опредѣленныхъ рамокъ для занятій и каждый можетъ учиться до своей смерти.

Все это показываетъ, что *каждый въ своихъ личныхъ интересахъ долженъ позаботиться о томъ, чтобы его умственныя занятія велись правильно, были бы раздѣлены соответствующими паузами отдыха и чередовались бы съ физическими упражненіями, не замѣняющими собою отдыха.*

Исслѣдованія же Оегп'а и Amberg'a доказываютъ намъ, что при чередованіи работы съ паузами отдыха (однако не болѣе 40 часовъ) количество работы растетъ вслѣдствіе развивающагося навыка, *но разъ полною отдыха организмъ не получаетъ, то навыкъ теряетъ свое значеніе, и продуктивность работы падаетъ **).

Что же касается до тѣхъ случаевъ, въ которыхъ добрая воля индивидуума пасуетъ передъ государственною, то въ этихъ случаяхъ самой власти необходимо въ виду общихъ государственныхъ интересовъ позаботиться о подобныхъ реформахъ, какъ въ области рабочаго дня, такъ и школьно-университетскихъ занятій.

Всѣми подобными мѣрами достигнута сбереженія силъ у индивидуумовъ, получаютъ лучшіе результаты отъ общественной производительной работы и спасутъ многихъ отъ потери умственныхъ силъ и здоровья.

М. Вечесловъ.

Литература по вопросу объ усталости.

- A. Mosso. «La fatigue intellectuelle et physique» 1894.
 Francis Galton «Remarks on replies by teachers to questions respecting mental fatigues». Journal of Anthropol. London 1888.
 L. Burgerstein. «Die Arbeitskurve einer Schulstunde» 1891.
 E. Höpfner. «Ueber die geistige Ermüdung von Schulkindern». Zeitschr. f. Psychologie und Physiol. der Sinnesorgane. Berlin 1894.
 N. Ebbinghaus. «Ueber eine neue Methode zur Prüfung geistiger Fähigkeiten und ihre Anwendung bei Schulkindern». Ibid 1897.
 N. Griesbach. «Energetik und Hygiene des Nerven-Systems»... Leipzig 1895.
 A. Binet. et V. Henri. «La fatigue intellectuelle». Paris 1898.

*) Въ книгѣ A. Binet et V. Henri (La fatigue .. и т. д.) читатель найдетъ подробное изложеніе этихъ исслѣдованій. Я ихъ опускаю. т. е. значительные недостатки дѣлаютъ эти работы мало обоснованными.

Очеркъ соціального развитія Англіи до XVIII вѣка.

(Окончаніе)

III *).

Прослѣдивъ экономическую эволюцію Англіи до XVIII вѣка, посмотримъ теперь, какъ она отразилась на взаимныхъ отношеніяхъ общественныхъ классовъ. Въ Англіи, въ эпоху расцвѣта феодализма, было три соціальныя силы: духовенство, дворянство и король, какъ олицетвореніе государственной власти, опирающейся всегда на одинъ изъ общественныхъ классовъ.

Эти три силы, какъ возникли, такъ и продолжали развиваться и становиться въ тѣ или инныя отношенія другъ къ другу исключительно въ силу экономическихъ условий.

Мнѣ кажется, самая вѣрная точка зрѣнія при изученіи англійской соціальной исторіи есть матеріальныя, *классовыя интересы*. Только при помощи нея можно распутаться въ массѣ разнообразнѣйшихъ и противорѣчивыхъ фактовъ, только она можетъ разрѣшить задачу многихъ и многихъ историческихъ явленій.

Если хотите объяснить себѣ, напримѣръ, почему король вдругъ дѣлается либеральнымъ и обѣщаетъ своимъ подданнымъ либеральныя реформы, обратитесь сейчасъ же къ взаимнымъ отношеніямъ между королемъ и господствующими классами. Очень легко замѣтите, что господствующіе классы въ оппозиціи къ королю, казна пуста, король въ экономическомъ затрудненіи. Чтобы сломить оппозицію, государственной власти остается только опереться на низшіе слои населенія, сдѣлавъ имъ кое-какія поблажки. ¶

Борьба между различными классами общества и королями наполняетъ всю исторію Англіи. Сейчасъ же послѣ норманнскаго завоеванія, когда Вильгельмъ Завоеватель поотнималъ земли у саксонскихъ дворянъ и роздалъ ихъ своимъ сподвижникамъ, среди бароновъ и остального дворянства началось броженіе и недовольство королемъ. Чтобы подавить возстанія бунтовавшихъ бароновъ,

*) См. «Образованіе» № 10.

жорлоу пришлось опереться на народныя массы. Онъ сталъ заискивать у народа, и было произведено нѣсколько незначительныхъ реформъ въ пользу низшихъ классовъ. Темная, наивная масса легко, конечно, поддавалась на приманку «всемиловитѣйшихъ» послабленій и помогла королю усмирить феодаловъ. Вдругъ сейчасъ же послѣ этого прекратились и королевскія милости. Ясно, что минутная забота государственной власти о крестьянахъ вытекала не изъ гуманныхъ или иныхъ идеологическихъ побужденій.

Очень рано въ оппозицію къ королю стала и церковь, бывшая крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ. Причины оппозиціоннаго настроенія церкви понятны: она, въ силу своей святости, желала быть свободной отъ всѣхъ земныхъ и государственныхъ тяготъ, а тутъ короли не стѣсняются, при малѣйшей возможности, ограничиваютъ привилегіи духовенства и даже очень часто посягаютъ на его земельныя богатства.

Первое столкновеніе духовенства съ королемъ, при Генрихѣ I окончилось компромиссомъ: съ одной стороны 1) «кандидаты на должность будутъ выставляться на каноническихъ выборахъ»; 2) «утверждать на должности будетъ папа», съ другой стороны, 3) «духовенство по отношенію къ суду и имуществу будетъ находиться въ полной зависимости отъ короля».

Мы еще раньше указали, какъ на особенность средневѣковой англійской исторіи, на необыкновенную силу королевской власти въ Англии. Англійскіе короли пользовались своимъ исключительнымъ положеніемъ и довольно безцеремонно распоряжались землями какъ духовенства, такъ и дворянства. Король считался первымъ сюзереномъ въ государствѣ и единственнымъ собственникомъ всей земли. Нѣкоторые короли буквально толковали этотъ юридическій принципъ и сплошь да рядомъ присваивали имѣнія своихъ вассаловъ. Напримѣръ, Вильгельмъ II Рыжій объявилъ себя наслѣдникомъ всѣхъ своихъ подданныхъ и, послѣ смерти богатыхъ феодаловъ, въ видѣ наслѣдства присваивалъ ихъ имущество. Благодаря такимъ беззастѣнчивымъ притязаніямъ короля, очень часто всѣ сословія соединялись для борьбы съ королемъ. Королю тогда приходилось дѣлать уступки и умѣрять свой произволъ. Генрихъ I (въ XII в.) уже вынужденъ былъ законодательнымъ путемъ ограничить королевскую власть.

Борьба между королемъ и феодалами какъ свѣтскими, такъ и духовными, очевидно, была ожесточенная.

Во время одной такой борьбы при Генрихѣ II (XII в.) было разрушено 1,115 феодальныхъ замковъ. Въ результатѣ—побѣда на сторонѣ короля. Юрисдикція помѣщичья значительно ограничена. Дѣла, «касавшіяся вопросовъ: 1) о завладѣніи чужой собственности, 2) о наслѣдованіи и 3) о натронатѣ, о замѣщеніи духовной должности», переданы въ королевскій судъ. Король сталъ еще сильнѣе, феодалы, особенно духовенство, какъ самый сильный соперникъ, стали еще въ большую оппозицію къ государственной власти.

Здѣсь нужно замѣтить, что и духовенство, которое, повидимому, должно быть вполне однороднымъ и объединеннымъ общими религиозными цѣлями и интересами—возвышеніе и очищеніе душъ людскихъ отъ всякой земной грязи,—дѣлились на двѣ части: одна, состоявшая изъ высшаго и богатаго духовенства, была сторонницей независимости церкви отъ государства; другая же, бѣднѣйшая, угнетаемая высшимъ духовенствомъ, искала защиты у короля и готова была признать подчиненіе церкви. Какъ видите, и тутъ различныя убѣжденія относительно положенія церкви на землѣ опредѣляются чисто матеріальными причинами—собственными интересами.

Короли отнимаютъ земли у крупныхъ духовныхъ феодаловъ, не хотѣя признать за ними многихъ привилегій, какъ на примѣръ: неподсудность свѣтскимъ судамъ, свободу отъ податей и т. д. Духовенство протестуетъ противъ притязаній короля и обосновываетъ свою оппозицію высшими соображеніями о святости церкви, ея суверенности на землѣ и прочими якобы идеалистическими соображеніями. Высшее духовенство, заграбавшее себѣ всѣ церковные доходы, гнететъ низшее, и послѣднее становится на сторону короля, дѣлается поборникомъ идеи подчиненія церкви государству, опять таки обосновывая свое поведеніе высшими принципиальными соображеніями.

Выразителемъ перваго направленія среди духовенства былъ Тома Бекетъ. Онъ сумѣлъ всей этой борьбѣ духовенства съ королемъ изъ-за привилегій придать характеръ борьбы всего общества противъ королевскаго произвола. Бекетъ явился «борцомъ за общественныя права», хотя, въ сущности отстаивалъ только интересы *высшаго* духовенства.

На этотъ разъ борьба кончилась опять побѣдой короля. По «Кларендонскимъ постановленіямъ» въ 1164 г. духовенству сдѣланы самыя незначительныя уступки. Но важно, что въ это время сочувствіе общества было на сторонѣ духовенства съ Бекетомъ во главѣ, такъ какъ оно, отстаивая свои привилегіи, боролось противъ королевскаго деспотизма, угнетавшаго всѣ сословія. Духовенство такимъ образомъ играло какъ бы роль вождя оппозиціи.

Скоро счастье измѣнило королю. При Іоаннѣ Безземельномъ (1199—1216) церковь опять возстала и на этотъ разъ одержала блестящую побѣду—Англія была объявлена папскимъ леномъ, а король—его вассаломъ. Іоанну Безземельному пришлось сдѣлать уступки не одному духовенству. Всѣ сословія были недовольны и возмущены: Крестовые походы и безконечная война съ Франціей опустошили казну. Король немилосердно грабилъ и конфисковалъ имущества, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ вассаловъ. Но такъ какъ добытаго грубой силой не хватало на содержаніе войска, король сталъ—увеличивать подати. «Подати и недоимки за нѣсколько лѣтъ стали буквально выколачиваться въ большей части Англіи, что, конечно, не могло поднять

авторитета королевской власти», говоритъ проф. Виноградовъ. Когда король наложилъ на населеніе «щитовую» подать (scutagium), терпѣніе всѣхъ лопнуло, и дворянство, образовавъ «армію Бога и святой церкви», осадило короля въ Лондонѣ. Когда королевскія войска стали тоже перебѣгать въ революціонную армію, король сдался и *вынужденъ былъ* (а не подарилъ, какъ нѣкоторые думаютъ) дать «Великую Хартію вольностей». «Великая Хартія», явившаяся результатомъ борьбы короля со всѣми классами общества, касается не только отношеній короля къ феодаламъ, но и отношеній феодаловъ къ вассаламъ. «Великая хартія является результатомъ соединеннаго дѣйствія аристократіи и народной массы а также результатомъ давленія со стороны церкви, которая еще со временъ Бекета приняла на себя роль вождя оппозиціоннаго движенія». На основаніи хартіи были ограничены, вообще, права сюзереновъ, а, слѣдовательно, и права короля: съ этихъ поръ онъ уже не смѣлъ ни распоряжаться имуществомъ своихъ вассаловъ, ни налагать по произволу штрафы, ни лишать кого бы то ни было свободы и т. д... Отнынѣ всѣ граждане свободны, никто не можетъ быть арестованъ или брошенъ въ тюрьму безъ приговора суда.

Наконецъ, король обязывался не налагать новыхъ податей безъ разрѣшенія всѣхъ вассаловъ. Если ему вдругъ понадобятся новыя войска или деньги, онъ долженъ предварительно получить согласіе съѣзда всѣхъ вассаловъ. Этотъ то съѣздъ первоначально и назывался парламентомъ. «Постановленіе это сильно стѣсняло произволъ королевской власти. Всякій разъ, когда приходилось просить денегъ, король волей-неволей вступалъ въ соглашеніе съ вассалами и шелъ на уступки».

И такъ, прежнія королевскія безграничныя права, какъ по отношенію къ имуществу, такъ и личной свободѣ его подданныхъ, значительно ограничены. Взаимныя отношенія между королемъ и его вассалами теперь урегулированы и точно опредѣлены законодательнымъ порядкомъ, а не обычаемъ.

Кажется, ясно, что въ Англіи ограниченіе деспотизма королей было не дѣломъ добраго сердца монарха, а дѣломъ возставшихъ сословій. Полновластные англійскіе короли не добровольно надѣли на себя узду, а были обузданы силой. Конституція была не дарована, а отвоевана и, притомъ, въ то время, когда правительство попало въ затруднительное финансовое положеніе. Нужда въ деньгахъ, пустота казначейства—главная причина, поставившая королей въ зависимость отъ феодаловъ. Въ самомъ дѣлѣ. При Іоаннѣ Безземельномъ Англія лишилась Нормандіи, Анжу и Пуату и потерпѣла страшное пораженіе при Бовинѣ. Финансы ея были истощены. Королю, чтобы получить деньги для новыхъ походовъ, пришлось поступиться своею властью.

При Генрихѣ III (1216—1272), преемникѣ Безземельнаго, опять неудачныя войны съ Франціей, столкновенія съ вассалами изъ-за податей, недовольство народа и въ результатѣ—настоящая конституція, ограниченіе королевской власти парламентомъ, соб-

равшимся первый разъ въ 1264 году. Съ этихъ поръ король могъ издавать законы и облагать населеніе податями только съ разрѣшенія парламента, состоявшаго изъ представителей свѣтскаго и духовнаго землевладѣнія, изъ представителей отъ графствъ и городскихъ общинъ.

Главной силой въ парламентѣ сперва были духовные и свѣтскіе магнаты. Они вошли въ парламентъ не по выбору, а по своему наслѣдственному праву на участіе въ государственномъ правленіи. Если они нѣкоторое время и были лишены своихъ политическихъ правъ, то всетаки смотрѣли на это, какъ на королевскій произволъ. Остальная часть парламента состояла изъ выборныхъ отъ низшаго духовенства, отъ купеческихъ гильдій и отъ провинцій. Представителями провинцій были рыцари, они составляли низшее дворянство и находились на службѣ или, по крайней мѣрѣ, въ зависимости отъ высшаго. Поэтому то интересы рыцарства больше совпадали съ интересами городовъ, которые тоже зависѣли отъ крупныхъ феодаловъ. Вся дальнѣйшая политическая исторія Англій состояла въ борьбѣ парламента съ королемъ и въ постепенномъ измѣненіи состава самого парламента.

По мѣрѣ того, какъ верхній слой общества, высшая аристократія разлагалась, теряла экономическую силу, она теряла и силу въ парламентѣ. Ея верховенство вытѣсняли средніе классы общества, преимущественно, города. Города растутъ и богатѣютъ. Центръ тяжести экономической жизни страны передвигался изъ деревень въ города. Въ этомъ же направленіи перемѣщалась и равнодѣйствующая политическихъ силъ. Представители мѣщанства вытѣсняютъ постепенно аристократовъ изъ парламента. Аристократическо-дворянская фізіономія парламента постепенно стиралась и затушевывалась подъ вліяніемъ новыхъ элементовъ, нарождавшихся изъ поступательнаго хода экономического процесса.

Особенно роковымъ моментомъ для дворянства была война Алой и Бѣлой розы (1455—1485): часть дворянъ разорилась,

«Образованіе средняго земледѣльческаго и промышленнаго класса и паденіе аристократіи—вотъ съ чѣмъ вышла Англія въ новую исторію.

Другая—погибла въ войнѣ. Война эта историками старой школы, видящими причины всѣхъ историческихъ явленій въ намѣреніяхъ и побужденіяхъ коронованныхъ и другихъ сильныхъ особъ, и представляется борьбой изъ-за престола между представителями двухъ королевскихъ фамилій: Ланкастеровъ (съ алой розой въ гербѣ) и Йорковъ (съ бѣлой). Все дѣло сводится, значитъ, къ честолюбію и властолюбію представителей этихъ двухъ линий королевской семьи. И вотъ изъ-за этого-то честолюбія сильныхъ людей Англій въ продолженіе 30 лѣтъ выносятся на своихъ плечахъ страшныя опустошенія, рѣзню и кровопролитіе. Большинство лордовъ погибло въ бояхъ; оставшіеся потеряли всѣ свои имѣнія. Масса городовъ и сель обратилась въ пустыню. И всему вина—честолюбіе сильныхъ міра сего! Доморощенный

философъ торжествуетъ: онъ находитъ здѣсь подтвержденіе своей излюбленной теоріи, что де малыя причины рождаютъ великія послѣдствія. Такъ ли это въ самомъ дѣлѣ?

Пусть еще бароны приняли участіе въ этой династической борьбѣ. Они вѣдь были въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ королемъ, и потому для нихъ еще было не безразлично, кто будетъ на престолѣ. Но почему же участвовали всѣ дворяне, города, среднія сословія? Очевидно, причина этой войны лежала глубже, чѣмъ только въ перемиѣнѣ правящихъ династій. Съ перваго же взгляда бросается въ глаза очень обыкновенное, для многихъ, положимъ, странное, явленіе, что на сторонѣ одной династіи—Ланкастеровъ—стоятъ дворяне и духовенство, на другой—Йоркской—среднія сословія, промышленные классы. Слѣдовательно, въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ стояли разные, враждебные другъ другу, общественные классы.

И *представителями* однихъ были Ланкастеры, *представителями* другихъ—Йорки. Одни шли подъ знаменемъ алой, другіе—бѣлой розы. Династическіе интересы послужили только *поводомъ* къ войнѣ: они были лишь девизомъ, написаннымъ на знаменахъ враждебныхъ общественныхъ классовъ, борющихся за свои матеріальные интересы. Война Алой и Бѣлой розы была явной борьбой классовъ. Она показала, что въ Англіи уже существовалъ значительный по своей силѣ средній промышленный классъ, который черезъ 200 лѣтъ сломилъ феодально-аристократическій строй.

Хотя въ средніе вѣка всѣ классы англійскаго общества довольно единодушно боролись противъ королевскаго деспотизма, но часто эта солидарность нарушалась междусобной борьбой изъ-за экономической и политической власти.

При Эдуардѣ III (1327—77) духовенство опять повздорило съ королемъ. Эдуардъ отказалъ папѣ въ присягѣ и дани, которыми были обязаны англійскіе короли со времени Іоанна Безземельнаго. Это и послужило поводомъ къ новой борьбѣ. Духовенство оказалось опять не солидарнымъ. Опять его раскололи матеріальные интересы: епископы, аббаты и другіе высшіе представители церкви стали на сторону папы. Низшее же духовенство, по старому, было на сторонѣ короля и противъ зависимости англійской церкви отъ папы. Выразителемъ интересовъ бѣднѣйшей части духовенства, короля и свѣтской аристократіи (всѣ они искоса смотрѣли на громаднѣйшія состоянія духовныхъ магнатовъ), явился Виклефъ. Онъ всей силой своего таланта вооружился противъ папской власти, неограниченныхъ богатствъ церкви, привилегій и распущенности духовенства. Когда-то монастыри были пріютомъ благочестія, состраданія къ ближнимъ, помощи бѣднымъ и угнетеннымъ мірской суетой. Когда-то церковь была убѣжищемъ обездоленныхъ и неимущихъ. Въ ней прежде были всѣ равны, всѣ одинаково бѣдны и всѣ тогда были одушевлены одной общей идеей—создать царствіе небесное на землѣ. Теперь же церковь, по сло-

вамъ Виклефа, изъ гонимой и преслѣдуемой, но нравственно чистоплотной, нищенки обратилась въ богатую и сильную, но развращенную торговку. Теперь она уже заботится не о нищихъ и бѣдныхъ, а лишь о приобрѣтеніи большихъ имуществъ. Прежде она судила всѣмъ блаженство на землѣ, теперь *земной* рай—только для богатыхъ, а бѣдность—блаженство *на небесахъ*.

Такова была, въ общихъ чертахъ, проповѣдь Виклефа. Его богословское ученіе объ испорченности и развращенности духовства нашло себѣ очень благопріятную почву. Главную причину нравственнаго паденія духовенства Виклефъ видѣлъ въ накопленіи церковью громаднаго имущества. Опираясь на Библию, онъ доказывалъ, что церковь должна быть такой же бѣдной, какой она была въ первне вѣка христіанства. Надо значить лишить ее колоссальнаго богатства—вотъ выводъ изъ проповѣди Виклефа. Это было вполнѣ на руку королю и дворянству, такъ какъ и король, и дворяне томились одной жаждой—поживиться на счетъ церковныхъ владѣній. Вотъ почему ученіе еретика Виклефа нашло сочувствіе и даже покровительство какъ у короля, такъ и у высшихъ классовъ. Какъ видите, и тутъ подпочвой распространенія и успѣха идеалистическаго ученія среди общества были матеріальныя классовыя интересы. Дѣйствительно, какъ только послѣдователи Виклефа, еретики лолгарды, понесли его ученіе въ народныя массы, какъ только стали ходить по деревнямъ и тамъ проповѣдывать равенство людей передъ Богомъ и о царствіи небесномъ на землѣ, симпатіи господствующихъ классовъ оказались не на сторонѣ ереси. Послѣ крестьянскаго возстанія 1381 года, которое въ значительной степени было подготовлено странствующими учениками Виклефа, по всей Англіи запылали тысячи костровъ, на которыхъ сжигали революціонеровъ-еретиковъ.

Наконецъ, борьба съ духовенствомъ окончилась въ XV вѣкѣ побѣдой короля. Къ тому времени центральная власть была такъ сильна, какъ, кажется, никогда. Обусловливалось это, прежде всего, тѣмъ, что было время затишья, когда войны не истощали казны. Король въ деньгахъ не нуждался, поэтому и созывать парламентъ для утвержденія новыхъ субсидій не было надобности. Такимъ образомъ, контроль сословій слабѣлъ. Съ другой стороны, централизація администраціи и усиленіе королевской власти были обязаны развитію промышленности и торговли. Мы раньше отмѣтили, что замѣнутость и исключительность городовъ исчезала. Все расширявшаяся торговля объединяла отдѣльные промышленные центры и требовала какъ единообразной администраціи, такъ и единаго, и прочнаго представительства ея интересовъ. Торговля становилась національной, а съ ней и юрисдикція, и администрація должны были тоже стать національными, т. е. сконцентрированными въ рукахъ представителя цѣлой націи.

Прежде судили помѣщики, теперь же—королевскій судъ; прежде собраніе податей, таможенныхъ сборовъ, забота о путяхъ сообщенія и проч. были въ рукахъ мѣстныхъ феодаловъ, теперь же

все это беретъ въ свои руки государство. Государственная власть уничтожаетъ таможенные заставы на границахъ феодальныхъ владѣній: онѣ обременяютъ промышленные классы; государство само заботится о проведеніи удобныхъ дорогъ: безъ нихъ невозможны успѣхи торговли. Когда-то за качествомъ производимыхъ товаровъ, за соблюденіемъ правилъ производства должны были слѣдить цехи; теперь все это переходитъ въ руки королевскихъ чиновниковъ. Развивается единый стройный бюрократическій механизмъ, на который и опирается усилившаяся центральная власть. Разрушеніе феодальнаго хозяйства и ростъ денежнаго хозяйства съ быстрымъ усиленіемъ среднихъ промышленныхъ классовъ— вотъ та почва, на которой выросъ бюрократическій деспотизмъ въ Англіи въ XVI в. Англійскіе короли воспользовались усиленіемъ своего вліянія, чтобы окончательно раздавить своего стараго соперника—духовенство.

Генрихъ VIII (1509—1547), наконецъ, справился съ неугомонной и неодолимой церковью. При немъ монастыри были секуляризованы, имущество ихъ попало, преимущественно, въ руки дворянъ; церковь въ Англіи объявлена независимой отъ папы, она стала національной и получила названіе англиканской. Были измѣнены нѣсколько догматовъ вѣры, церковная іерархія, прибавлено нѣсколько новыхъ богословскихъ хитросплетеній... все это было внѣшней стороной, формальностью такъ называемой реформации. Сущность же ея, фундаментъ—потеря духовенствомъ своей экономической силы и подчиненіе церкви государству.

Всѣ монастырскія владѣнія перешли въ руки дворянъ—вотъ та сторона реформации, которая оттолкнула крестьянство отъ нея. Крестьяне очень и очень не сочувствовали реформаціоннымъ стремленіямъ короля и дворянства, и причина этого несочувствія опять лежитъ не въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, а въ экономической выгодѣ крестьянъ. Дѣло въ томъ, что, когда монастырскія владѣнія перешли въ руки дворянъ, послѣдніе немедленно стали сгонять съ только что присвоенныхъ земель всѣхъ крестьянъ, бывшихъ монастырскими арендаторами, и обращать пашню въ пастбище. Такимъ образомъ, и остальная часть самостоятельныхъ хозяевъ, еще державшихся кое-какъ на монастырскихъ земляхъ, была, благодаря реформации, прогнана съ своихъ наследственныхъ участковъ. Кадрнъ безработныхъ и нищихъ стали еще больше и грознѣе. Въ народѣ броженіе и волненія еще усилились. Правительство издавало кровавые законы противъ нищенства, но законами помочь социальному злу оказалось невозможнымъ. Нищихъ вѣшали, рубили, заключали въ тюрьмы, калѣчили... но они все увеличивались въ числѣ. Откуда пополнялись ряды безработныхъ, мы указали уже раньше. Это было разложеніе мелкаго натурального крестьянскаго хозяйства подъ напоромъ новаго крупнокапиталистическаго.

Крестьяне выживались изъ деревень овцами.

Если еще и удавалось крестьянину какъ-нибудь удержаться

на своемъ ключѣ, такъ это благодаря побочнымъ неземледѣльческимъ промысламъ.

Елизавета, встревоженная катастрофой въ деревнѣ и грозными баталіонами нищихъ, рѣшила искусственно создавать мелкихъ собственниковъ и для этого начала надѣлять рабочихъ мелкими участками земли, по 4 акра на душу. Но и это не уменьшило арміи нищихъ, и не спасло мелкихъ собственниковъ, которыхъ ключи земли пожиралась крупными чудовищами въ видѣ капиталиста-фермера или помѣщика.

Итакъ, послѣ реформаціи англійскому крестьянину пришлось еще круче. Съ расширеніемъ сферы товарнаго хозяйства, съ обостреніемъ конкуренціи, положеніе его все ухудшалось. Такъ что, во времени великой революціи крестьянство представляло изъ себя горючій матеріалъ, готовый моментально вспыхнуть при малѣйшемъ удобномъ случаѣ.

Положеніе рабочаго класса къ половинѣ XVII вѣка тоже значительно ухудшилось. Причины этого ухудшенія станутъ понятны, если обратятъ вниманіе на взаимныя измѣнившіяся отношенія цѣнъ продуктовъ къ высотѣ заработной платы. Благодаря расширенію скотоводства на счетъ производства хлѣба, благодаря дешевизнѣ серебра, вслѣдствіе открытія мексиканскихъ рудниковъ и благодаря порчѣ монеты 1543 г., цѣны на всѣ продукты страшно поднялись. Заработная же плата, хотя и повысилась, но не въ такой степени. Подтвержденіе только что сказаннаго находимъ у Рожерса: «Но съ середины царствованія Елизаветы до начала парламентской войны, на протяженіи 60 лѣтъ, цѣны вообще поднялись вдвое, между тѣмъ, какъ заработная плата увеличилась лишь весьма незначительно во всякомъ случаѣ не болѣе чѣмъ на 20%».

Это служитъ еще лишнимъ историческимъ доказательствомъ того общаго правила, что отъ порчи денегъ выигрываютъ имущіе классы, неимущіе же впадаютъ еще въ большую нужду. Вполнѣ понятно. Отъ уменьшенія стоимости денегъ, вслѣдствіе ли порчи монеты, или вслѣдствіе открытія новыхъ рудниковъ, или еще по другимъ причинамъ—намъ сейчасъ все равно—сейчасъ же повышаются цѣны на всѣ товары; заработная же плата, при отсутствіи всякой организаціи рабочихъ или при слабой организаціи, повышается очень медленно, и то не до уровня товарныхъ цѣнъ.

Конечно, въ Англии въ средніе вѣка не было такой развитой и сильной рабочей организаціи, которая могла бы оказать давленіе на работодателей и заставить ихъ повысить заработную плату пропорціонально увеличенію цѣнъ на жизненные припасы.

Вы укажете на цехи. Да, цехи дѣйствительно существовали, но въ то время они представляли изъ себя не однородную массу, а расколовшуюся на 2 группы съ противоположными интересами: съ одной стороны, предприниматели-мастера, съ другой—подмастерья и ученики, или, проще говоря, наемные рабочіе. Солидарности между этими двумя группами не могло быть никакой,

подобно тому, какъ не можетъ быть солидарности между современными капиталистами, фабрикантами и пролетаріатомъ. Къ этому еще надо прибавить, что цехи въ 16 в. потеряли большіе убытки и потеряли значительную долю своей прежней силы.

Генрихъ VIII не удовлетворился суммой, полученной отъ секуляризаціи монастырей и отъ порчи монетъ; онъ рѣшилъ еще воспользоваться и имуществомъ, принадлежащимъ цехамъ: часть гильдейской недвижимой и движимой собственности была конфискована королемъ и поступила или въ распоряженіе самого короля, или въ распоряженіе городского управленія *). Послѣ конфискаціи имущества цехи стали и бѣднѣе, и слабѣе. Ихъ вліянію въ общественной жизни былъ нанесенъ огромный ударъ. Какъ мы раньше упомянули, у подмастерьевъ и учениковъ были собственныя организаціи для борьбы съ цеховыми мастерами, ихъ хозяевами. Но эти чисто пролетарскіе союзы еще были немногочисленны и слишкомъ слабы, чтобы заставить мастеровъ повысить заработную плату до уровня повысившихся цѣнъ на средства къ жизни. Тѣмъ болѣе, что, начиная съ конца 14 в., правительство нещадно преслѣдуетъ малѣйшія попытки рабочихъ организоваться для отстаиванія своихъ интересовъ. За участіе въ организаціяхъ для борьбы за повышение заработной платы или сокращеніе рабочаго времени обыкновенно штрафовали, обрѣзали уши, сажали въ тюрьмы... Для иллюстраціи отношенія англійскаго правительства къ рабочей массѣ позволю себѣ привести первыя попытки рабочаго законодательства. Первый законъ, касающійся рабочихъ, относится къ 1349 г. Онъ обязываетъ всѣхъ наемныхъ рабочихъ работать за обычную старую плату. Въ 1360 г. издается законъ, чтобы ремесленники, ушедшіе со своей службы или нашедшіе себѣ другое мѣстожительство, были возвращены къ своимъ работодателямъ. Въ 1376 г. велать держать въ тюрьмѣ бѣглыхъ рабочихъ, пока они не обѣщаютъ вернуться назадъ къ хозяину. Въ 1388 г. еще разъ запрещается нищенство, и рабочіе еще крѣпче приковываются къ тѣмъ общинамъ, гдѣ они работаютъ; въ случаѣ расчета, рабочій обязанъ имѣть свидѣтельство, гдѣ работалъ и за что уволенъ.

Полагаю, что и этого достаточно, чтобы убѣдиться, что англійское законодательство и въ средніе вѣка носило строго классовый характеръ. Всѣ положительно законы были направлены исключительно къ тому, чтобы работодателямъ доставить дешевый трудъ. Закономъ устанавливается *минимальный рабочий день и максимальная заработная плата* **); строжайше запрещаются всякіе

*) Появленіе на престолѣ Маріи въ 1558 г. и объясняется только тѣмъ, что горожане, возмущенные конфискаціей ихъ имущества, подняли знамя возстанія, сбросили съ престола Эдуарда VI и посадили на тронъ Марію. И на этотъ разъ пережѣна правящаго лица очень хорошо объясняется социальной, классовой борьбой.

**) Теперь же, благодаря силѣ рабочихъ организацій, наоборотъ: *максимальный рабочий день и минимальная заработная плата.*

коллективные протесты рабочих против своего права на голодную смерть. Вообще, удивительно мягко эти законы характеризуются их названием «Bluthgesetze», «кровавые законы». Ко всему этому еще присоединяется ростъ податной тяжести. Кромеъ тяжестей, которыя пришлось трудящемуся люду нести, вслѣдствіе ухудшенія монеты, конфискаціи гильдейскихъ имуществъ и законодательной нормировки рабочаго времени и заработной платы, на рабочій людь еще ложились все большіе и большіе подати и налоги. Въ 13 и 14 вв. прямыя подати составляли 5% дохода мелкаго собственника; если же онъ еще занимался овцеводствомъ для торговли шерстью, то этотъ процентъ поднимался до 15. Если къ этому прибавить еще косвенные и экстренные налоги, то процентное отношеніе государственныхъ повинностей къ доходности крестьянскаго хозяйства станетъ еще неблагоприятнѣе для мелкаго хозяина. Экономическое благосостояніе низшихъ классовъ общества значительно уменьшалось. Въ 1377 г. уже наложили подушную подать на всѣхъ лицъ обоаго пола старше 14 лѣтъ по 4 d. на душу. Въ 15 в., во время войны съ Франціей, когда финансы подорвались, парламентъ согласился даже на введеніе подоходнаго налога, который впервые былъ утвержденъ въ 1435 г. при Генрихѣ VI. Очевидно, уже и въ то время съ народа нельзя было больше выжать денегъ; пришлось раскошелиться имущимъ классамъ. Какъ крестьянская, такъ и рабочая масса были со всѣмъ обездолены. Оставалось или умирать съ голоду, или открыто протестовать противъ заговора правительства и господствующихъ классовъ. Рабочіе представляли въ половинѣ 17 в. уже значительную силу: къ этому времени почти половина населенія Англіи состояла изъ наемныхъ рабочихъ. При этомъ они постоянно росли въ числѣ. Можете судить хотя бы по росту городовъ и увеличенію городского населенія: въ 13 и 14 вв. городское населеніе относилось къ сельскому, къ 1:12; въ половинѣ же 17 в.—какъ 1:4. Волненія среди рабочаго населенія принимали опасный характеръ. Правительство вынуждено было, для успокоенія массъ, что нибудь предпринять. И вотъ дѣкарствомъ отъ наступившей соціальной лихорадки явились «Armen-gesetze», законы о бѣдныхъ. Послѣ конфискаціи королемъ монастырскихъ и гильдейскихъ имуществъ, размѣры благотворительности сузились, а нужда въ ней страшно возрасла.

Правительство рѣшило ввести обязательную благотворительность, и въ концѣ 16 в. всѣ граждане обязаны были жертвовать въ пользу бѣдныхъ.

Для этого назначено было въ каждой общинѣ по 2 сборщика пожертвваній. Отказывавшихся платить сажали въ тюрьму. Этотъ налогъ въ пользу бѣдныхъ, подѣ влияніемъ голодныхъ годовъ 1596—97 г., принялъ силу закона. Въ 1601 г. Елизавета законодательнымъ порядкомъ обложила всѣ имущества такимъ налогомъ. Но все таки общество смотрѣло на это еще, какъ на временную мѣру, пока, наконецъ, Карлъ I не санкціонировалъ ихъ, какъ

постоянные и неизмѣнные законы. Отмѣнены они были лишь въ 1835 г.

Налогъ въ пользу бѣдныхъ легъ всей своей тяжестью на средніе классы; выгода же онъ былъ только крупнымъ землевладѣльцамъ. Они воспользовались тѣмъ, что рабочіе стали получать матеріальную поддержку отъ всего общества, и понизили заработную плату, тѣмъ болѣе, что нормировка ея была въ ихъ рукахъ. Armengesetze были причиной еще болѣе бѣдности въ рабочей средѣ и вызвали глухое недовольство среднихъ классовъ, преимущественно, горожанъ. Выходило такъ, что все общество, главнымъ образомъ, средній, малозажиточный людъ долженъ былъ платить налогъ въ пользу бѣдныхъ для того, чтобы крупныя землевладѣльцы имѣли дешевыя рабочія руки. Само собой разумѣется, что это возбуждало въ городскомъ сословіи страшное недовольство. Оно готово было при первомъ удобномъ случаѣ протестовать противъ эксплуатаціи всего общества свѣтскими и духовными феодалами подъ защитой самого правительства.

Если столь незавидно было положеніе крестьянъ, рабочихъ и мѣщанъ ко времени великой революціи, то можетъ быть, дворянство ликовало и благоденствовало? Нѣтъ, среднему дворянству тоже солоно приходилось.

Послѣ реформаціи большинство земель очутилось въ рукахъ аристократіи. Духовенство же, казна, крестьяне и мелкіе дворяне, или рыцари, теряли землю.

Ликовала одна аристократія, и то не феодальная, а новая—денежная. Родовая аристократія вымирала, частью, вслѣдствіе ея кастовой замкнутости, частью, погибла въ войнѣ Алой и Бѣлой розы. Оставшіеся же въ живыхъ ея представители приняли буржуазный характеръ.

А большинство среднихъ дворянъ разорилось до 17 в., такъ какъ послѣ паденія крѣпостного права пришлось обрабатывать землю наемными рабочими. Цѣны же на рабочія руки въ 14 в. были довольно значительны, капиталовъ у дворянъ не было. Имѣнія разорившихся дворянъ переходили постепенно въ руки крупныхъ фермеровъ и предпринимателей, а сами они, не имѣя права переходить въ торговое сословіе, или поступали въ свиту богатѣйшихъ лордовъ и графовъ, или дѣлались духовными, или же женились на дочеряхъ богатыхъ купцовъ. Значитъ, англійское среднее дворянство отчасти растворилось въ другихъ сословіяхъ. Еще въ 15 в. для избранія въ парламентъ сословный цензъ былъ замѣненъ имущественнымъ.

Итакъ къ половинѣ 17 в., когда вспыхнула великая парламентская борьба, въ Англійи было всеобщее недовольство. У всѣхъ классовъ общества было матеріальное основаніе для недовольства существующимъ экономическимъ и политическимъ строемъ. По этому то мы и видимъ, что революція 1648 года всколыхнула всѣ классы общества.

Въ ней участвовали всѣ, начиная съ короля и кончая рабочими.

Описывать самый ход событий этой парламентской борьбы мы не станем, укажем только на ее значение и на то участие, какое в ней принимали различные классы общества.

В самом началѣ борьбы мы видимъ двѣ враждебныя социальныя силы, стоящія въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ: въ одномъ лагерѣ—высшую духовную и свѣтскую аристократію съ королемъ во главѣ, въ другомъ—мелкое, «новое» дворянство и низшіе классы общества съ буржуазіей во главѣ. На знамени первыхъ было написано: неограниченная королевская власть, на знамени другихъ—ограниченіе королевской власти всеословнымъ парламентомъ. Свѣтскіе и духовные магнаты предпочитали неограниченную королевскую власть передъ парламентскимъ образомъ правленія не изъ принципа, а изъ того простаго соображенія, что неограниченный король былъ наиболѣе подходящимъ защитникомъ и союзникомъ въ отстаиваніи ими своихъ привилегій. Для мелкихъ дворянъ и буржуазіи эта борьба тоже не была вопросомъ принципиальнымъ, а насущнымъ вопросомъ политической власти; буржуазія выставила на своемъ знамени свободу и равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Подъ этимъ знаменемъ она явилась какъ бы борцомъ за интересы *всего* общества, за прогрессъ, вообще.

Въ извѣстномъ смыслѣ это и вѣрно. Отрицательная работа третьяго сословія, именно, разрушеніе стараго феодальнаго порядка съ его привилегіями и провинціальными сатрапами была и въ интересахъ всѣхъ классовъ общества.

Въ этомъ смыслѣ требованія буржуазіи были прогрессивными требованіями. Но эгоизмъ третьяго сословія, его исключительная забота о самомъ себѣ стали очень прозрачны, когда оно на развалинахъ стараго зданія начало воздвигать новыя постройки. Тутъ только низшіе классы, вытѣщившіе изъ огня для буржуазіи вкусныя каштаны въ видѣ свободы и равенства, увидѣли, что ихъ интересы съ интересами третьяго сословія совпадали только во время разрушительной работы. Плодами же всей борьбы воспользовалась буржуазія, а крестьянство и рабочіе, расчитывавшіе болѣе на дѣйствительное экономическое равенство, чѣмъ на эфемерное юридическое, были обмануты въ своихъ надеждахъ. Вообще, то, что было во Франціи въ концѣ 18-го в., Англія пережила еще въ половинѣ 17-го. Внутреннее сходство этихъ двухъ событий однимъ нѣмецкимъ писателемъ опредѣляется такъ: «Англійская революція имѣла въ пресвитеріанцахъ своихъ жирондистовъ, въ индепендентахъ — якобинцевъ и въ левеллерахъ—своихъ гебертистовъ и бабэвистовъ. Кромвелль былъ ея Робеспьеромъ и Бонапартомъ, а Джонъ Лилъбурнъ—ея Маратомъ и Гебертомъ».

Отличительная черта англійской революціи состоитъ въ той религіозной окраскѣ, которую ей придали еретическія секты. Ересь въ Англіи въ 17 вѣку страшно развилась и усилилась благодаря постоянной борьбѣ короли съ духовенствомъ: религіозныя

секты, враждебныя Риму, находили снисхожденіе и даже покровительство у короля.

При Елизаветѣ реформація окончательно утвердилась, кто не подчинялся ей добровольно, того принуждали силой. Но изъ среды самихъ сторонниковъ реформаціи выросла сильная оппозиція противъ феодальнаго королевства. Въ эту оппозицію вошли всѣ общественные классы. Каждый классъ боролся подъ религіозно-сектантскимъ знаменемъ, но требованія, выставленныя каждой общественной группой, опредѣлялись ея матеріальными интересами.

На первомъ планѣ видимъ богатое торговое и промышленное сословіе, такъ сказать, денежную аристократію, соединившуюся въ оппозиціи противъ короля подъ религіозной вывѣской «пресвитеріанцевъ». Пресвитеріанцами назывались послѣдователи Кальвина, которые требовали государственной, централистически организованной церкви; управлять ею должны были не только духовенство, но и представители или «пресвитеры» свѣтскихъ общественныхъ группъ. Кальвинъ нашелъ наиболѣе послѣдователей среди городской буржуазіи, такъ какъ его ученіе было одинаково враждебно какъ королевскому или княжескому абсолютизму, такъ и плебейскому демократизму. Оно было республиканско-аристократическаго характера, а потому и нашло себѣ наибольшій откликъ въ денежной аристократіи. Энгельсъ даже утверждаетъ, что Кальвина «Gnadenmahl» т. е. Промыселъ, есть не что иное, какъ скрытый подъ религіозной формой тотъ житейскій фактъ, что въ развившейся торговлѣ, съ ея жестокими, неумолимыми законами конкуренціи, успѣхъ и банкротство отдѣльныхъ личностей зависитъ не отъ ихъ личной воли, а отъ постороннихъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Изъ среды кальвинистовъ выдѣлилась особая религіозная секта «Сепаратистовъ» или «Провнистовъ»; идеаль ея — независимость каждой духовной конгрегаціи отъ священника. Изъ «Провнистовъ» же, на которыхъ сказалось сильное вліяніе континентальныхъ «перекрещенцевъ», выдѣлились «индепенденты». Индепенденты были полными анархистами въ религіозной области: они не признавали духовенства, отрицали всякую церковную власть и централизацію; главой церкви, по ихъ убѣжденію, долженъ быть самъ Христосъ. Они же были и первыми провозвѣстниками идеи объ отдѣленіи церкви отъ государства. Вообще, «индепенденты» были крайней партіей. Въ нее входили, преимущественно, низшіе классы общества. Поэтому то социальна-политическія стремленія «индепендентовъ» были или демократически-конституціоннаго, или коммунистическа-республиканскаго характера.

Наконецъ, третьей сильной религіозно-политической партіей въ эпоху революціи была «Пуританская». Она состояла изъ лицъ всѣхъ классовъ. Главнымъ ея политическимъ требованіемъ было низверженіе абсолютизма, а религіознымъ — очищеніе церкви не

только отъ римскихъ обрядовъ, но и отъ развѣдающей ее внутренней грязи.

Въ началѣ 17 вѣка короли англійскіе опять попали въ затруднительное финансовое положеніе. Нужда въ деньгахъ страшная, а казна пуста. Всевозможныя монополіи, конфискаціи, новые налоги, займы и продажа титуловъ обратились въ постоянное явленіе. Всеобщее недовольство растетъ, особенно же среди городской буржуазіи, на которую падали государственныя тяжести. Верхній парламентъ ко времени Карла I уже потерялъ значеніе; преобладаніе получилъ нижній. По этому измѣненію взаимныхъ отношеній обѣихъ палатъ можно судить о результатахъ того социальнаго процесса, который совершился въ Англии со времени Іоанна Безземельнаго. Представители второй палаты обладали въ 3 раза большею собственностью, чѣмъ представители первой палаты. Сила парламента теперь лежитъ во второй палатѣ. Въ ней же и центръ оппозиціи.

Въ 1629 г. произошло первое столкновеніе парламента съ королемъ. Изъ среды пуританъ выдѣлился человѣкъ сильнаго характера и необыкновенной энергіи — Кромвелль. Онъ и сталъ во главѣ оппозиціи.

И пуритане, и пресвитеріанцы, и индепенденты, всѣ боролись въ одномъ лагерѣ подъ руководствомъ Кромвелля до тѣхъ поръ, пока у ихъ общаго врага — короля еще была сила сопротивляться. Но когда смѣшанное сектантское войско одержало нѣсколько побѣдъ, и власть короля уже была значительно распатана, сразу обнаружилась внутренняя вражда между пресвитеріанцами и индепендентами, какъ представителями двухъ различныхъ классовъ общества. Даже среди самихъ индепендентовъ произошелъ расколъ. Наибольше крайніе элементы не хотѣли входить ни въ какіе компромиссы съ королемъ и образовали особую крайнюю революціонную партію «левеллеровъ». Во главѣ ея сталъ Джонъ Лилбурнъ. «Левеллеры» были представителями пролетаріата и радикальнаго мелкаго мѣщанства, и потому требованія ихъ носили двойной характеръ. На ихъ манифестѣ къ англійскому народу лежитъ отпечатокъ политическаго и социальнаго радикализма, какъ выраженіе интересовъ мѣщанства, и отпечатокъ социалистически революціонныхъ тенденцій, какъ выраженіе интересовъ рабочаго класса.

Сейчасъ же послѣ побѣды надъ королемъ явилась чисто коммунистическая секта, такъ называемыхъ «истинныхъ левеллеровъ». Они стали жить коммунистическими общинами и сообща пахать землю. По ихъ мнѣнію, земля послѣ побѣды надъ королемъ принадлежить не кому иному, какъ только народу. Конечно, они обманулись въ своихъ надеждахъ. «Истинные левеллеры», какъ представители пролетаріата, рассчитывали на революцію, какъ на средство достигнуть экономическаго благосостоянія; ихъ идеаломъ были полная свобода и экономическое равенство. На самомъ же дѣлѣ, революція была не социальной, а политической. Она

только смела тѣ устарѣлыя политическія и правовыя формы, которыя тормозили развитіе промышленной жизни.

Для низшаго трудящагося люда королевскій абсолютизмъ смѣнился абсолютизмомъ собственности, его эксплуататоры эмансипировались, чтобы еще свободнѣе и успѣшнѣе выжать всѣ соки изъ трудящихся. Рабочія массы не нашли поддержки для своихъ желаній ни въ существующихъ матеріальныхъ условіяхъ, ни въ томъ классѣ, за который они боролись. Изъ этой борьбы побѣдителями вышли тѣ, на чьей сторонѣ была экономическая сила и чьи интересы совпадали съ интересами экономического прогресса, т. е. съ ростомъ производительныхъ силъ страны. Сама судьба, въ данномъ случаѣ, тогдашнія матеріальныя условія, т. е. условія производства и обмѣна, вручили буржуазіи пальму побѣды. Здѣсь не виноваты ни слабость короля, ни ловкость Кромвелля, ни не тактичность низшихъ классовъ. Совсѣмъ наоборотъ. Король именно и слабъ потому, что онъ былъ представителемъ отживающихъ, экономически ослабшихъ сословій; Кромвелль потому то и является смѣлымъ, энергичнымъ, самоувѣреннымъ и побѣдоноснымъ вождемъ революціоннаго войска, что онъ боролся за интересы того класса, общественная сила котораго фактически уже существовала и которому нужно было только добиться юридическаго признанія его силы, его фактическихъ правъ. Секты, мечтавшія о коммунистическомъ строѣ, потому и потерпѣли поражение и разочаровались въ результатахъ революціи, такъ какъ ихъ желанія были дѣйствительно утопическими, безъ фундамента въ окружающихъ условіяхъ жизни.

Индепенденты и левеллеры были идеологами движенія. Они шли впереди до тѣхъ поръ, пока дѣло шло о низверженіи старыхъ феодальныхъ порядковъ. Но когда феодализмъ рухнулъ, и пришлось создавать новый порядокъ,—они были оттѣснены, такъ какъ время рабочаго класса еще не созрѣло.

Въ 1649 г. 30 января Карлъ I былъ казненъ. Во главѣ правленія стала оппозиціонная буржуазія. Съ этихъ поръ какъ разъ начинаются преслѣдованія сторонниковъ радикально-соціалистическаго направленія. Тотъ самый Кромвелль, который прежде стоялъ во главѣ сектантскихъ войскъ и только цѣною крови послѣднихъ одержалъ побѣду надъ королемъ, теперь начинаетъ силой подавлять волненія въ этихъ же войскахъ, запрещаетъ подавать въ парламентъ петиціи политическаго характера, велитъ вѣшать агитаторовъ и зачинщиковъ...

Войска, обманутыя въ своихъ ожиданіяхъ, начали грозить возстаніемъ. тѣмъ болѣе, что имъ даже прекратили выдавать жалованье. Кромвелль, прежній вождь этихъ революціонныхъ войскъ, подавляетъ возстаніе суровыми мѣрами. Буржуазія привѣтствуетъ Кромвелля, какъ побѣдителя революціонной массы (той самой массы, которая поставила его у власти) и какъ спасителя отечества. Въ 1653 г. составлена новая конституція, и Кромвелль провозглашенъ «лордомъ протекторомъ» почти съ королевской

властью. Парламентъ, въ которомъ сила была на сторонѣ буржуазіи, щедро раздавалъ конфискованныя земли своимъ сторонникамъ, т. е. лицамъ третьяго сословія.

И такъ, буржуазія вышла полной побѣдительницей изъ этой борьбы. А «побѣда буржуазіи означала побѣду *буржуазной* собственности надъ *феодалъной*, націонализма надъ провинціализмомъ, свободной конкуренціи надъ цехами съ ихъ монополіями, раздѣла надъ майоратомъ, власти собственника земли надъ властью земли надъ собственникомъ, просвѣщенія надъ суевѣріемъ, семьи надъ призракомъ семьи, гражданскаго права надъ привилегіями средневѣковыми». Въ этомъ только смыслъ и понимала буржуазія свой лозунгъ: «свобода, равенство и братство».

Ей нужны были свобода конкуренціи, свобода торговли — она этого и достигла; ей нужны были равенство всѣхъ предъ закономъ и уничтоженіе всякихъ *сословныхъ* привилегій, — и этого она добилась. Ну, а братство? Это — та самая хитрая удочка, на которую всегда по наивности попадаетъ добродушный трудящійся народъ. У рабочей массы не было яснаго сознанія и пониманія своихъ интересовъ. Вотъ ими и пользовались всѣ любители чужими руками жаръ загребать. Для этого стояло только посулить легковѣрной толпѣ журавля въ небѣ.

Въ настоящее время, конечно, совсѣмъ не то. . . .

В. Дрелингъ.

Что даетъ классическое образованіе?

(Мнѣнія профессоръ вѣнскаго университета).

Вопросъ о реформѣ средней школы—очень назрѣвшій вопросъ нашего времени, вызывающій жгучій интересъ среди всѣхъ, приходящихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Въ немъ заинтересовано все общество, такъ какъ большая часть его членовъ либо прошла сама черезъ эту школу, либо дѣти ихъ теперь подчиняются режиму этой школы; въ немъ заинтересовано государство, такъ какъ эта школа prepares ему его будущихъ законодателей, ученыхъ, техниковъ, чиновниковъ; въ немъ заинтересованъ каждый членъ общества еще и тѣмъ, что эта школа поглощаетъ значительную сумму государственныхъ средствъ, которая, можетъ быть, нашла бы другое примѣненіе.

Но, не смотря на этотъ всеобщій интересъ къ средней школѣ и на всеобщность рѣзкой критики, раздающейся противъ нея, ни одно изъ государственныхъ учрежденій не отличается такою косою въ смыслѣ сопротивленія всякимъ планамъ реформирования, какю отличается средняя школа.

Недостатка въ критикѣ принятой нынѣ системы средняго образованія никогда не было; наоборотъ, ни одна изъ принятыхъ системъ не подвергалась столь рѣзкой, злобной критикѣ, какъ система классическаго образованія, по отношенію къ которому доходили до полнаго отрицанія его полезности и утвержденія, наоборотъ, его абсолютной бесполезности, даже вредности. Особенно съ тѣхъ поръ, какъ знаніе демократизировалось, стало болѣе доступнымъ массамъ, усиливается походъ противъ обремененія учащихся ненужнымъ, непригоднымъ къ жизни знаніемъ, (по сколько вообще можетъ идти рѣчь о знаніяхъ въ примѣненіи къ классической школѣ), выносимымъ изъ средней школы. Но не только демократизація знанія, а и ростъ его подъ вліяніемъ гигантскихъ успѣховъ во всѣхъ областяхъ научной мысли, все болѣе и болѣе рѣзко обнаруживалъ несоотвѣтствіе средней школы съ потребностями жизни, такъ какъ она, не смотря ни на какія побѣды и торжества науки, оставалась чужда этимъ успѣхамъ мысли, не задѣвалась ими и оказывалась неспособною вмѣстить въ своей программѣ даже общихъ конечныхъ результатовъ этого знанія. Она, не смотря ни на какія вѣянія вре-

мени, оставалась все в той же позиции: спиною къ современности, а лицомъ къ интересамъ далекаго, чуждаго современности міра. То немногое, въ чемъ средней школъ пришлось уступать подь влияніемъ требованій общества, все таки не измѣнило общаго ея характера, а характеръ ея таковъ, что среди еще недавнихъ горячихъ защитниковъ классической школы, уже очень многіе видятъ спасеніе только въ полномъ безповоротномъ рѣшеніи разорвать съ этою старою системою, не имѣющею никакого оправданія передь наличностью требованій духа и идей нашего времени.

Вотъ, напр., въ какой рѣзкой, окончательной формѣ выносить приговоръ средней школъ талантливый профессоръ-юристъ Антонъ Менгеръ, рисующій глубину пропасти, которая отдѣляетъ среднюю классическую школу отъ жизни: «Мы теперь, говоритъ онъ, несомнѣнно переживаемъ критическій моментъ. Масса образовательнаго матеріала такъ выросла, что мы должны будемъ рѣшиться пожертвовать частью традицій, если не желаемъ быть раздавлены подь двойною тяжестью стараго и новаго матеріала. Мы желаемъ теперь слишкомъ многого. Мы желаемъ вобрать въ себя всю классическую культуру, совершенно углубиться въ духъ древности и въ то же время охватить всю огромную новую культуру. Но это слишкомъ много и не можетъ удался. Мы должны признать наконецъ, что мы находимся передь альтернативою. Обсудимъ же еще разъ, что намъ даетъ классическое образованіе, но обсудимъ въ то же время, чего оно намъ стоитъ».

Ибо, что такое гимназія? Подготовительная школа для юристовъ и теологовъ. Кто имѣетъ наибольшій интересъ въ сохраненіи гимназій? Церковь и бюрократически организованное государство.

Формальное значеніе классическаго образованія сильно преувеличено. Мы связаны цѣлою сѣтью предразсудковъ. Пусть сначала попробуютъ съ такою же заботливостью изучать современные языки. Были же блестящіе писатели и строгіе ученые, никогда не пользовавшіеся этимъ источникомъ образованія. Руссо, классическій праваикъ и философъ, никогда не зналъ методическаго гимназическаго образованія.

Реформа средней школы сама по себѣ сдѣляется насущной необходимостью просто въ силу гигантскаго роста духовной производительности человѣка.»

Вопросъ объ этомъ то предразсудкѣ, объ основательности или неосновательности претензій, выставляемыхъ раздѣляющими этотъ предразсудокъ, и рѣшила поставить на очередь редакція основаннаго въ нынѣшнемъ году въ Вѣнѣ журнала «Die Waage», вызвавъ изслѣдованіе вопроса о томъ: «Что даетъ средняя школа?»

На приглашеніе редакціи сейчасъ же отозвались всѣ выдающіяся силы вѣнскаго университета, которые рѣшили разработать рядъ рефератовъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся средней школы.

Изслѣдованіе предпринято въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и въ полномъ видѣ должно будетъ составить богатѣйшій вкладъ въ

литературу вопроса и дать отвѣтъ на всѣ вопросы о достоинствахъ и недостаткахъ классическаго образованія.

Исслѣдованіе по мысли организаторовъ принято было разбить на 4 главныхъ отдѣла. Первый отдѣлъ образуетъ обмѣнъ мнѣній по вопросу о гимназіи, какъ о школѣ для всеобщаго образованія, и какъ о школѣ для подготовленія въ университетъ, такъ какъ эти именно соображенія поставлены въ основу организаціи и учебнаго плана гимназіи.

Второй отдѣлъ составитъ разборъ вопроса объ учебныхъ планахъ и о формахъ преподаванія, т. е., что должно быть преподаваемо? и какъ должно быть преподаваемо?—по мысли организаторовъ нынѣшней гимназіи.

Третій отдѣлъ составляютъ доклады о фактическомъ положеніи нынѣшней гимназіи: экзамены, семестріальные и окончательные; учебники и ихъ примѣненіе, чтеніе учителя; письменныя работы, домашнее приготовленіе къ урокамъ; переутомленіе дома и въ школѣ; репетиторы; вспомогательные учебники; дисциплина; вопросъ объ учителяхъ: ихъ подготовка, замѣщеніе вакансій; матеріальное положеніе; переутомленіе учителей. Далѣе посѣщеніе школы, привилегія по военной службѣ; плата за право ученія и освобожденіе отъ нея; социальное положеніе школьника и библиотечное дѣло.

Четвертый отдѣлъ будетъ заключать предложеніе реформъ.

Результатомъ совѣщаній нынѣшней зимы являются предлагаемыя ниже рѣчи и доклады профессоровъ вѣнскаго университета, доцентовъ, практическихъ врачей, техниковъ и т. д. Эти доклады образуютъ какъ бы общее введеніе въ дебаты о постановкѣ средней школы, въ которомъ приведено все, что говорится обыкновенно за и противъ этой школы. Неофициальный характеръ этого совѣщанія позволялъ участникамъ его болѣе непринужденно высказываться по выдвинутымъ въ совѣщаніи вопросамъ. Можетъ быть, многое изъ сказаннаго здѣсь не ново. Тѣмъ не менѣе результаты этихъ совѣщаній представляютъ крупный интересъ, такъ какъ они даютъ сводку всѣхъ мнѣній по этому вопросу, которая можетъ считаться достаточно его исчерпывающею. Она представляетъ крупный интересъ еще и потому, что выражаютъ мнѣнія лицъ, компетентность и авторитетъ которыхъ никто не рѣшится отрицать, лицъ, которымъ въ теченіе многихъ лѣтъ приходилось сталкиваться съ плодами гимназическаго воспитанія, наблюдать его результаты на живыхъ экземплярахъ; наконецъ, лицъ, живущихъ въ славящейся своею косностью Австріи, далеко не склонною увлекаться прогрессивнымъ движеніемъ страны, клерикальной *par excellence*, насквозь пропитанной латинизмомъ и еще въ концѣ прошлаго столѣтія считавшейся съ латынью, какъ съ живымъ языкомъ, на который возложена была миссія заглушить въ Венгріи звуки родного венгерскаго языка, непризнаемаго официальною Австріею.

Рѣчи и доклады, прочитанные на совѣщаніяхъ, мы приводимъ отчасти въ дословномъ переводѣ, отчасти въ сокращенномъ изложеніи.

Вопросомъ, что даетъ гимназія нашимъ студентамъ въ смыслѣ

естественно-научной подготовки занялся проф. Гатчекъ. Наша *untergymnasium* *) даетъ приблизительно нужное, хотя и это нельзя признать идеальнымъ совершенствомъ. Юношество носитъ въ себѣ извѣстное предпочтеніе къ природѣ, и дѣтямъ сообщается изъ естественной исторіи столько, что они могутъ извлечь ихъ этихъ знаній нѣкоторую пользу. Въ нихъ не убивается еще чувство интереса къ природѣ. *Obergymnasium* даетъ гораздо меньше. Одностороннее изученіе другихъ предметовъ постепенно вызываетъ въ воспитанникахъ въ сильной степени то, что я назвалъ бы пренебреженіемъ къ природѣ и ея законамъ. Пониманіе слова въ его различныхъ измѣненіяхъ и уклоненіяхъ имъ становится гораздо доступнѣе, чѣмъ, пониманіе предметнаго содержанія этого слова, пониманіе объекта, и потому въ *Obergymnasium* воспитанники гораздо менѣе способны понимать явленія природы, чѣмъ въ *Untergymnasium*. Къ тому же система двустепенности гимназій наноситъ ущербъ живому интересу во всѣхъ отдѣлахъ преподаваемыхъ наукъ.

Часто говорятъ, что гимназія воспитываетъ въ сильной мѣрѣ извѣстнаго рода идеализмъ, котораго лишены ученики реальныхъ училищъ. Въ этомъ есть нѣкоторая доза истины: гимназистъ уже потому находится въ лучшемъ положеніи, что его воспитаніе не рассчитано на непосредственное практическое примѣненіе приобретенныхъ имъ знаній, и потому методъ и направленіе его воспитанія поднимается надъ интересами повседневной жизни. Крупное значеніе имѣетъ при этомъ и то болѣе глубокое усвоеніе законовъ языка и логики, которое связано съ изученіемъ старо-классической филологіи.

Я вполне согласенъ съ моимъ уважаемымъ другомъ Эрнстомъ Гекелемъ изъ Иены и не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь его слова, которыя лучше, чѣмъ мои, выражаютъ эти взгляды: «мы ясно видимъ, на сколь неправильномъ и одностороннемъ пути находится еще и теперь пресловутое образованіе XIX вѣка. Невѣжество и суевѣріе составляютъ основы, на которыхъ большая часть людей строятъ пониманіе своего собственнаго организма и его отношеній къ остальному міру, а тѣ осязательные факты біологіи, которые могли бы распространить свѣтъ истины въ этой области, останутся неизвѣстными.

Главная вина за это, достойное сожалѣнія и роковое, положеніе вещей падаетъ несомнѣнно на нашу среднюю школу и раньше всего на такъ называемое классическое гимназическое образованіе. Нося на себѣ глубокой отпечатокъ средневѣковой схоластики, послѣднее все еще не можетъ рѣшиться вобрать въ себя великіе успѣхи, которые сдѣлало въ теченіе нашего столѣтія естествознаніе. До сихъ поръ еще главною задачею считается не изученіе природы, часть которой мы сами составляемъ, и современнаго культурнаго міра, въ которомъ мы живемъ, а самое точное изученіе исторіи древнихъ государствъ и раньше всего латинской и греческой грамматикъ.

*) Австрійская гимназія состоитъ изъ двухъ ступеней: низшей (*Untergymnasium*) и высшей (*Obergymnasium*).

Несомнѣнно, основательное знаніе классической старины составляетъ очень важную и необходимую часть нашего образованія; но пониманіемъ этого мы гораздо больше обязаны художникамъ и ваятелямъ, эпическимъ и драматическимъ писателямъ, нежели классическимъ филологамъ и страшнымъ грамматикамъ. Для того же, чтобы понимать этихъ поэтовъ и наслаждаться ими, намъ столь же мало необходимо читать ихъ въ подлинникъ, сколько и библію. Огромная затрата времени и энергіи, которой требуетъ блестящій спортъ классической грамматики могла бы несравненно цѣлесообразнѣе быть употреблена на изученіе полныхъ чаръ явленій, которыя намъ сдѣлались доступными лишь благодаря гигантскимъ успѣхамъ естествознанія за послѣднюю половину нашего столѣтія, особенно въ области геологіи, біологіи и антропологіи. Къ сожалѣнію, однако, несоотвѣтствіе между ежедневно обогащающимся изученіемъ реальнаго міра и ограниченной точкою зрѣнія нашего такъ называемаго идеальнаго воспитанія юношества становится съ каждымъ днемъ больше».

Я вполне раздѣляю эту точку зрѣнія Гекеля. Въ одномъ изъ моихъ прежнихъ докладовъ я уже имѣлъ случай указать на то, что наше время, предъявляющее серьезныя требованія въ общемъ образованіи, не позволяетъ намъ роскоши 8-лѣтняго филологическаго созерцанія. Мы слишкомъ богаты и слишкомъ бѣдны для того, чтобы разрѣшать себѣ нѣчто подобное.

Объясненіе этого положенія дѣль можно найти въ историческомъ развитіи гимназіи. Наша гимназія представляетъ въ высокой мѣрѣ отсталое явленіе и ни малѣйше не соотвѣтствуетъ духу нашего времени. Выродившаяся изъ старой монастырской школы, которая въ этомъ отношеніи заслужила несомнѣнно всякую благодарность, современная гимназія не удовлетворяетъ, однако, теперь справедливымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ ней, какъ къ подготовительной школѣ къ высшимъ спеціальностямъ. Гимназія все еще устроена такимъ образомъ, какъ будто она призвана главнымъ образомъ готовить будущихъ теологовъ; впрочемъ, я не чувствую себя компетентнымъ, чтобы высказаться о томъ, насколько она совершенна даже въ этомъ смыслѣ.

Но какъ подготовительная школа къ изученію всякой другой научной спеціальности, она несомнѣнно еще менѣе приспособлена. Для иллюстраціи этого мнѣнія я обратился бы съ нѣкоторыми вопросами ко всѣмъ тѣмъ, которыхъ занимаетъ вопросъ о реформѣ гимназіи. Я спрашиваю, многіе ли изъ отцовъ, сыновья которыхъ посѣщаютъ гимназіи, довольны устройствомъ гимназіи. Я спрашиваю дальше, сколько людей изъ тѣхъ, которые сами нѣкогда посѣщали гимназію, но не сдѣлались теологами или филологами, а посвятили себя другимъ спеціальностямъ, причемъ всетаки вспоминаютъ о гимназіи объективно и безъ неблагодарности,—такъ вотъ, сколько изъ нихъ довольны устройствомъ гимназіи?

Я спрошу также, многіе ли изъ нашихъ писателей, художниковъ, словомъ, изъ руководящихъ умовъ нашего народа или нашихъ народовъ,—обязаны существеннымъ въ направленіи ихъ ума гимназіи?

Этотъ вопросъ выступаетъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ, если мы заинтересуемся тѣмъ, многіе ли изъ образованныхъ людей вообще обязаны гимназіи своею способностью относиться критически къ литературному произведенію или другому произведенію искусства?

Я спрашиваю дальше, освободился ли нѣмецкій народъ или другія націи, имѣющія высоко-развитую литературу, освободились ли они отъ той опеки, которую налагаетъ изученіе древне-классической литературы, а не оказалось ли, наоборотъ, это вліяніе слишкомъ сильнымъ и даже задерживающимъ элементомъ? Приняты ли въ соображеніе при устройствѣ нашихъ гимназій всеобщіе культурные успѣхи во всѣхъ областяхъ духовной дѣятельности человѣка?

Уже одной постановки этихъ вопросовъ, на которые почти всѣ дадутъ одинаковый отвѣтъ, вполне достаточно, чтобы избавить меня отъ обязанности отвѣчать на нихъ.

Я не могу скрыть отъ себя, что возможность осуществленія прелѣдуемыхъ нами цѣлей подлежитъ большому сомнѣнію, именно потому, что это крупной важности политической вопросъ. Мы живемъ въ періодъ полного расцвѣта реакціи, и мы найдемъ мало открытыхъ дверей для прогрессивной мысли, но мы должны подготовиться къ наступленію лучшихъ временъ. Всѣ партіи, служащія реакціи, будутъ противъ нашихъ стремленій.

Направление необходимыхъ реформъ можетъ быть отмѣчено весьма кратко: ограниченіе классической литературы и спеціально грамматики, болѣе высокая постановка изученія новѣйшей литературы какъ родного языка, такъ и языковъ иностранныхъ, приложеніе старанія къ такому воспитанію, которое сдѣлало бы юношество способнымъ къ воспріятію искусства.

Какими средствами это можетъ быть достигнуто? Мы желаемъ одностепенную (*einstufige*) среднюю школу, потому что двустепенность школы приноситъ много вреда; мы желаемъ на мѣсто гимназій и реальныхъ школъ единообразную школу. Продолжительность курса этой школы должна быть шести- или семилѣтняя, чтобы оставить время для переходной школы. Эта одностепенная средняя школа должна дать всеобщую подготовку ко всякой высшей спеціальности.

Дальше мы вносимъ предложеніе объ учрежденіи *Oberschule*, т. е. переходной школы къ университету или высшей школѣ съ 2-лѣтнимъ курсомъ; послѣдняя должна быть раздѣлена на два отдѣла: гуманистическій и реальный, такъ какъ молодой человѣкъ послѣ 6-лѣтняго обученія въ гимназіи уже въ состояніи рѣшить вопросъ о выборѣ спеціальности. Въ этой *Oberschule* предполагается очень серьезное преподаваніе предмета. Мы охотно отказываемся отъ преподаванія такъ называемой естественной исторіи въ нашихъ *Obergymnasium*'ахъ, гдѣ биологическая проблема не можетъ быть разсмотрѣна достаточно подробно. Въ *Oberschule* объ этихъ предметахъ можно будетъ говорить болѣе серьезно. Въ *Oberschule* будетъ переходъ и въ методѣ преподаванія посредствомъ введенія полугодичныхъ и годичныхъ испытаній на мѣсто ежедневныхъ про-

вѣрокъ въ гимназіи, благодаря чему будетъ создана умственная и нравственная подготовка къ университетскимъ занятіямъ.

Профессоръ Шнабель даетъ въ своей рѣчи еще болѣе рѣзкую критику классической гимназіи, какъ подготовительной школы къ поступленію на медицинскій факультетъ.

Изъ всѣхъ экзаменовъ, которымъ меня подвергла школа, мнѣ кажется, говорить онъ, ни одинъ не былъ тяжелѣе, чѣмъ испытанія на аттестатъ зрѣлости. Они требуютъ отъ испытуемаго весьма импонирующаго багажа знаній изъ самыхъ различныхъ областей. И если вспомнить, что эти знанія накаплиются въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, да еще такихъ лѣтъ, когда способность воспріятія наиболѣе велика, накладывается подъ контролемъ учителей специалистовъ, то слѣдовало бы вѣрить, что эти знанія представляютъ прочное благоприобрѣтеніе и что на нихъ можно будетъ воздвигнуть научное зданіе.

Однако, мои наблюденія въ качествѣ профессора университета показали мнѣ, что эти предположенія ошибочны.

Непосредственно послѣ испытаній на аттестатъ зрѣлости начинается, какъ я успѣлъ убѣдиться, забвеніе пройденнаго. Это бываетъ двояко: либо нѣчто вродѣ радостнаго, активнаго забвенія, нежеланія знать и помнить объ отдѣльныхъ наукахъ, и такая судьба постигаетъ главнымъ образомъ классическіе языки; либо естественное забвеніе, когда воспоминанія становятся неувѣренными, а воспріятія опредѣленія расплываются.

Когда студенты вступаютъ въ мою аудиторію, они изъ предварительнаго знанія, которое я долженъ предполагать въ нихъ для пониманія ими глазныхъ болѣзней, сохранили лишь то, что имъ дала **Untergymnasium**. Я обыкновенно рассчитываю на очень ограниченныя свѣдѣнія: немного ариметики, немного геометріи, знаніе закона совпаденія и равенства треугольниковъ, и очень мало физики, по крайней мѣрѣ, ученіе о преломленіи лучей въ чечевицеобразномъ стеклѣ и т. п.

Большинство студентовъ этими знаніями не обладаетъ.

Самое обычное явленіе составляетъ, напр., что студентовъ затрудняетъ дѣленіе 100 на $\frac{2}{3}$, или сложеніе дробей; нерѣдко можно даже наблюдать на экзаменахъ, что испытуемый не понимаетъ разницы между реальнымъ и мнимымъ изображеніемъ и т. п. вопросовъ. Совершенно непонятно, какимъ образомъ возможно, чтобы молодые люди, которые такъ долго посѣщали школу и имѣли желаніе учиться, обнаруживали такое незнаніе самыхъ элементарныхъ понятій.

Въ прежнія времена диссертаціи писались на латинскомъ языкѣ, большая часть лекцій читалась на латинскомъ языкѣ, и на этомъ же языкѣ была написана, какъ извѣстно, самая важная часть литературы. Вполнѣ естественно было поэтому, что только латинская школа открывала путь къ изученію медицины. Изученіе латинскаго языка было тогда вполнѣ производительною затратою времени.

Теперь же дѣло обстоитъ, какъ извѣстно, совершенно иначе, и тѣмъ не менѣе латынь изучается теперь столь же усердно, какъ и

раньше, а, можетъ быть даже и въ большихъ размѣрахъ. Пользы въ этомъ изученіи студентъ больше не видитъ и потому онъ занимается этимъ съ отвращеніемъ. Отсюда и происходитъ то, что она такъ быстро и такъ охотно забывается.

Впрочемъ, теперь намъ говорятъ, что латынь изучается уже не ради нея самой, а ради шлифовки, которую она даетъ уму, ради формальнаго образованія, которое достигается изученіемъ классическаго языка. Прежде это, можетъ быть, такъ и было, теперь же это невѣрно. Прежде патологія читалась въ систематическомъ видѣ съ высоты кафедръ, а случай болѣзни приводился только ради демонстраціи правильности системы. Она преподавалась такъ, какъ и теперь еще изучается грамматика, гдѣ книги упражненій а отчасти и классики примѣняются главнымъ образомъ за тѣмъ, чтобы служить иллюстраціею къ правиламъ, преподааннымъ грамматикою.

Въ аудиторіяхъ произошли, однако, нѣкоторыя весьма существенныя перемѣны: мы исходимъ теперь не изъ положеній, а изъ наблюденій. Мы не дедуцируемъ больше изъ правилъ, которыя намъ были оставлены по наслѣдству, или которыя выработалъ себѣ учитель, а ученикъ принялъ безъ провѣрки на вѣру, а стараемся путемъ индукціи, основанной на наблюденіяхъ, постепенно приблизиться къ цѣли.

Но къ такого рода синтезу и наблюденіямъ абитуриентъ гимназіи оказывается неспособнымъ. Его чувства притупились, его способность вызывать въ себѣ представленія парализованы, его руки неспособны умѣло взяться за объектъ и дать ему нужное положеніе.

Въ высшей степени жалкую картину представляютъ студенты при обращеніи съ большимъ. У нихъ есть глаза, но они не видятъ. Они не соображаютъ величины и длины предмета. Въ ихъ представленіи сливается величина зерна мака съ горошиной: они проносятъ слова, съ которыми не связываютъ никакого представленія. Они имѣютъ понятія, выработанныя при полномъ отсутствіи наблюденій. Они оперируютъ въ воздухѣ, мимо предмета; они не умѣютъ ординировать явленія и не сохраняютъ вѣрнаго представленія о видѣнныхъ предметахъ.

Сколько бы вы ни старались заставить студента заниматься объектомъ, онъ все таки склоняется къ заученнымъ наизусть правиламъ, на основаніи которыхъ онъ пытается путемъ обходовъ установить свое отношеніе къ объекту. Онъ непремѣнно хочетъ дедуцировать и навязать объекту свое заранѣе составленное мнѣніе. Онъ не способенъ изучить объектъ на основаніи заключающихся въ немъ самомъ свойствъ.

Благодаря тому, что мы теперь въ аудиторіи патологіи примѣняемъ совершенно особенный методъ, что мы стараемся приучить студентовъ къ тому, что бы они черпали свои познанія изъ сырого матеріала, а мы сами присутствовали бы при этомъ лишь въ качествѣ руководителей, въ то времякакъ они не приучены къ такого рода изслѣдованіямъ, наблюденіямъ и пониманію вещей, создается колоссальная пропасть между подготовкою, которую даетъ гимназія, и дѣятель-

ностью, къ которой они должны примѣнять эту подготовку. На дѣлѣ для насъ вышколиваніе, которому подвергается молодежь въ гимназіи, оказывается не только не способствующимъ дальнѣйшему изученію, а какъ разъ, наоборотъ, препятствующимъ ему.

Кто присутствовалъ при экзаменахъ и прислушивался нѣкоторое время къ отвѣтамъ студентовъ, особенно кто видѣлъ ихъ приемы при практическихъ экзаменахъ, тотъ несомнѣнно, если онъ только понимаетъ дѣло, интересуется имъ и не желаетъ считаться съ специфическими отношеніями, въ которыхъ находятся экзаменующіеся и экзаменующій, всплеснетъ въ отчаяніи руками и окажется не въ состояніи постичь, какимъ образомъ 23—24-хъ лѣтній человѣкъ, прошедшій столько школъ, такъ много учившійся, такую массу сохранившій въ памяти, не способенъ видѣть, схватить и удержать въ памяти то, что ему показывается и что собственно составляетъ объектъ его занятій.

Я долженъ поэтому—прошу вѣрить, что я не варваръ и не нахожусь въ какихъ либо непріязненныхъ отношеніяхъ къ классическимъ языкамъ—возложить отвѣтственность раньше всего на преподаваніе классическихъ языковъ, что оно не только не даетъ того воспитанія, которое медикъ долженъ обязательно предполагать въ лицахъ, приступающихъ къ изученію патологии, наоборотъ, что въ виду доминирующаго вліянія, которое это преподаваніе имѣетъ и вполне естественно должно имѣть, оно оказывается какъ разъ вреднымъ, коротко говоря, я считаю, что чувства не упражняются, что способность наблюденія не вырабатывается, что умѣніе обращаться съ предметами, составляющее въ медицинскомъ дѣлѣ главное, не культивируется въ гимназіи, а наоборотъ, въ виду совершенно иного направленія, которое дается мыслямъ, задерживается.

Если бы мнѣ предоставленъ былъ выборъ между окончившими гимназію и молодыми людьми, не получившими никакой научной подготовки, но съ момента окончанія обыкновенной бюргерской школы (городское училище) принимавшими дѣятельное участіе въ жизни и желающими серьезно изучать медицину, то я полагалъ бы, что предпочтеніе должно быть отдано послѣднимъ.

Я не въ состояніи судить, представляетъ ли изученіе классическихъ языковъ въ смыслѣ ихъ вліянія на формальное образованіе человѣка, особое преимущество въ сравненіи съ изученіемъ родного языка или французскаго и англійскаго языковъ. Я склоненъ отвѣтить на это отрицательно, и полагаю, что съ точки зрѣнія фактическаго образованія и путей для полученія такого образованія, изученіе живыхъ языковъ даетъ во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ изученіе классическихъ языковъ.

Ариметика и геометрія могли бы остаться въ качествѣ дедуктивныхъ дисциплинъ, и я полагаю, что ихъ было бы вполне достаточно для усвоенія дедуктивнаго метода. Въ остальныхъ дисциплинахъ, въ особенности въ естествознаніи, должно также исходить главнымъ образомъ изъ наблюденій. Я представляю себѣ дѣло такъ, что юношу сначала знакомятъ съ явленіями, которыя насъ окру-

жають, съ восходомъ и заходомъ солнца, съ переменною дня и ночи и временемъ года, съ движеніями земли, съ звѣзднымъ небомъ, дождемъ, снѣгомъ, движеніемъ воды и т. д., и такимъ путемъ вводятъ его въ ту область, которая непосредственно окружаетъ его, которая ставитъ ему непрерывно вопросы!.. Отсюда естественный переходъ къ физикѣ и къ изученію организмовъ, которое опять таки должно быть поставлено совершенно иначе, чѣмъ теперь! Оно не ограничивалось бы тогда описательнымъ перечнемъ животныхъ, растений и минераловъ, а исходило бы изъ изученія простыхъ организмовъ, объясненія ихъ устройства, ихъ функцій, ихъ соотношеній къ природѣ, развитія при извѣстныхъ климатическихъ условіяхъ, и заканчивалось бы изученіемъ самихъ организмовъ. И только когда молодой человѣкъ ознакомился такимъ образомъ съ органическимъ міромъ, должно придти объясненіе системы и того, чему теперь учитъ естественная исторія. Само собою разумѣется, что это должно сопровождаться демонстраціями, въ которыхъ участвуетъ и слушатель; послѣдній также долженъ предъявлять описанія на родномъ языкѣ, въ которыхъ должно обнаружиться, на сколько онъ все правильно понялъ... Вѣдь сколько есть, напр., людей, которые не знаютъ, для чего служить печень, каковы ея функціи, которые не имѣютъ ровно никакого понятія о строеніи собственного организма и еще меньше о строеніи другихъ организмовъ. Если, такимъ образомъ, молодой человѣкъ будетъ приведенъ въ соприкосновеніе съ тѣмъ, что его окружаетъ, если школа будетъ давать отвѣты на вопросы, которые жизнь непосредственно ставитъ ему, а знанія его постоянно будутъ расширяться при помощи его собственныхъ наблюденій и изысканій, тогда, я полагаю, будетъ являться въ университетъ человѣкъ съ прекрасною подготовкою не только съ точки зрѣнія насъ, патологовъ, а и учителей другихъ специальностей.

Переходимъ къ рѣчи профессора философіи Фр. Іодля. Я, началъ онъ, взялъ на себя задачу отвѣтить на вопросъ: на сколько гимназія достигаетъ цѣли дать общее образование.

Образованіемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова называется развитіе естественныхъ способностей человѣка при помощи усвоенія индивидуумомъ прогресса культуры, выработаннаго обществомъ, скажемъ еще короче: вліяніе объективнаго духа на субъективный.

Образованіе специфическое твореніе человѣка. Только у человѣка родъ является обладателемъ силъ, вспомогательныхъ средствъ, знаній, которыхъ не имѣетъ индивидуумъ и которыхъ онъ, будучи предоставленъ самому себѣ, не былъ бы въ состояніи приобрѣсти. Образование — это общественное духовное достояніе, основной капиталъ, постоянно умножаемый, вновь создаваемый, пущенный въ дѣло, который, животворя и оплодотворяя при помощи тысячъ и тысячъ каналовъ, передается подростящимъ генераціямъ. Отъ способа и образа этой передачи зависитъ, будетъ ли этотъ духовный капиталъ мертвымъ или онъ превратится въ животворящую силу, и этимъ то объясняется тотъ

страстный интересъ, который возбуждаютъ вопросы образованія съ того самаго момента, какъ человѣчество начинаетъ вообще сознавать значеніе своего культурнаго достоянія; этимъ же объясняется и тотъ фактъ, что партіи и соціальныя группы, идеалы которыхъ коренятся въ прошедшемъ или въ стремленіи удержать существующій порядокъ вещей, такъ цѣпко держатся именно у шлязъ, черезъ которые долженъ изливаться источникъ знаній на подростующія поколѣнія, стараясь регулировать и окрашивать ихъ въ желательномъ имъ смыслѣ.

Способовъ и цѣлей образованія столько же, сколько областей культуры. Гдѣ бы человѣкъ ни работалъ, накоплялъ данныя опыта, прибрѣталъ знанія и опытность для рода, вездѣ должны совершаться и передача накопленнаго слѣдующимъ поколѣніямъ при помощи воспитанія, дрессировки, приученія къ привычкамъ. Но надъ этими многообразными расчлененіями собраннаго образовательнаго матеріала соотвѣтственно требованіямъ, которыя выдвигались различными специальностями, возвышается общее образованіе, т. е. группа знаній и способностей, которыми долженъ обладать не представитель той или иной профессіи, а человѣкъ вообще, какъ членъ опредѣленнаго культурнаго цѣлага, и которыя, стоя внѣ всякаго профессиональнаго знанія и умѣнія, представляютъ общее культурное достояніе человѣчества.

Какъ и общество, это общее образованіе представляетъ рядъ ступеней. Широкой фундаментъ образуетъ народная школа. Она даетъ въ истинномъ смыслѣ «общее образованіе», подготовку не къ определенной специальности, а ко всемъ специальностямъ. Она развиваетъ, обучая чтенію, письму, счету, элементарной грамматикѣ, нѣсколько лѣтъ, гимнастикѣ. Само собой понятно, что она больше развиваетъ способности, чѣмъ даетъ знанія. — Собственно знаніе здѣсь выступаетъ при ознакомленіи съ родиною, природою и основами религіи. На долю слѣдующаго періода жизни выпадаетъ приобрѣтеніе знаній, подъ вліяніемъ призванія и склонностей. На этой элементарной ступени воспитанія еще совершенно отсутствуетъ конфликтъ, составляющій ядро всѣхъ споровъ о формѣ высшаго образованія: конфликтъ между общимъ образованіемъ и подготовкою къ определенной специальности.

Спеціальности, къ которымъ переходитъ человѣкъ непосредственно послѣ народной школы, либо не требуютъ никакой прямой теоретической подготовки, а только практическихъ наставленій, либо спеціальныя знанія, требующіяся для ихъ дѣятельности, могутъ быть прибрѣтены тутъ же, пользуясь полученною въ народной школѣ подготовкою.

Если мы попробуемъ примѣнить эти соображенія къ гимназій, то мы очутимся какъ разъ въ центрѣ спора о цѣлесообразной постановкѣ послѣдней, который уже такъ давно ведется.

Задачею гимназій является дать тѣмъ, которые готовятся къ высшему соціальному призванію, то же самое, что народная школа даетъ широкимъ массамъ народа. Въ этомъ никто не сомнѣвается. Но по мнѣнью

того какъ задачи на этой болѣе высокой ступени становятся все болѣе широкими, становится затруднительнѣе разрѣшеніе вопроса о томъ, какимъ образомъ взаимно разграничить и соединить въ одно два главныхъ направленія всякаго образованія, формальное развитіе способностей и усвоеніе знанія.

Я не желаю и не могу вдаваться здѣсь въ далекія историческія выкладки. Но я полагаю, что мое утвержденіе о томъ, что старинная гимназія видѣла свою главную задачу въ преимущественно формальномъ воспитаніи, не встрѣтитъ возраженія; ея задача была: развитіе тонкаго пониманія языка и логически-грамматической мысли, умѣлое употребленіе родного языка, хорошее знакомство съ элементарными математическими методами и проблемами, знаніе иностранныхъ языковъ, развитіе вкуса, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ литературѣ. Фактическое (*sachliche*) знаніе ограничивалось знакомствомъ главнымъ образомъ съ классическою древностью и религіозными ученіями. Всѣ, можно сказать, возраженія, которыя выставлены въ теченіе нашего столѣтія противъ гимназій, сводятся къ мысли о томъ, что преимущественно формальное образованіе, ограничивающееся знакомствомъ съ духомъ времени, не является достаточнымъ въ смыслѣ подготовки къ высшимъ социальнымъ призваніямъ въ настоящее время; что школа, которая держитъ своихъ учениковъ до 19—20-лѣтняго возраста, должна имѣть задачу не только развивать въ нихъ способности, благодаря которымъ становится возможнымъ продолженіе ихъ занятій въ будущемъ, но должна давать имъ также большій запасъ знаній. Что сомнѣніе въ цѣлесообразности такого преимущественно формальнаго воспитанія должно было возникнуть, найдеть вполнѣ естественнымъ всякій, кто окинетъ взоромъ матеріальное обогащеніе нашего знанія, какъ въ области естественныхъ наукъ, такъ и въ области науки о духѣ, въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій. Въ виду этой-то, можно сказать, ежедневно возрастающей трудности идти въ ногу съ этимъ развитіемъ знанія, оказывается небезосновательнымъ вопросъ, цѣлесообразно ли и слѣдуетъ ли, чтобы столь многіе годы юношеской силы восприимчивости духа были посвящаемы преимущественно формальной сторонѣ воспитанія и можно ли навѣр-стать позже потерянное въ эти годы.

Извѣстно, что эти соображенія получили въ школьной политикѣ нашего вѣка многообразныя практическія выраженія, какъ созданіе конкурирующихъ родственныхъ гимназій формъ, какъ реальныхъ школъ, реальныхъ гимназій и т. п. Но извѣстно также, что съ созданіемъ этого дуализма гуманистическихъ и реальныхъ учебныхъ заведеній, задача всегачи не считалась рѣшенною. Ибо въ тенденціи разсматривать эту реальную школу, т. е. измѣненную форму гимназій, снабженную большимъ количествомъ предметныхъ образовательныхъ элементовъ, не какъ полноцѣнную или, скажемъ лучше, какъ не вполнѣ равноцѣнную въ извѣстномъ смыслѣ съ гуманистическою школою, проглядываетъ сознаніе, что дуализмъ допускается, какъ практическій палліативъ, въ принципѣ же рѣшено строго держаться единства воспитанія.

Мое отношеніе ко всей этой проблемѣ опредѣляется двумя соображеніями: съ одной стороны живымъ ощущеніемъ затрудненій, которыя порождаются, какъ уже сказано, массою современнаго научнаго матеріала; съ другой стороны разсмотрѣніемъ отношеній, въ которыя становится университетъ къ этимъ общимъ вопросамъ образованія.

Университетъ уже съ давнихъ поръ не представляетъ чего либо духовно-цѣльнаго, какъ гимназія, а именно *Universitas*, т. е., собраніе отдѣльныхъ частей, факультетовъ, которыя стоятъ одинъ около другого и связаны только организаціею и возможностью взаимнаго вліянія другъ на друга. Это взаимовоздѣйствіе факультетовъ другъ на друга, нѣкогда гораздо чаще встрѣчавшееся и въ извѣстной мѣрѣ даже планомерно организованное, постепенно съ теченіемъ времени ослабѣвало и теперь почти исчезаетъ. Чѣмъ полнѣе снабжаются средствами отдѣльные факультеты, тѣмъ болѣе стремятся они къ самостоятельности, тѣмъ властнѣе требуютъ они для себя всего чело-вѣка, чтобы передать ему все знаніе только въ той формѣ, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ специальнымъ цѣлямъ этого факультета. И нужно упорно закрывать глаза, чтобы не видѣть, что современные университеты не что иное, какъ соединеніе профессиональныхъ школъ, которыя при помощи науки создаютъ духовныхъ лицъ, чиновниковъ, судей, врачей и учителей высшихъ школъ и сверхъ того занимаются специальною передачею и дальнѣйшею разработкою специализированной учености.

Если мы, въ виду этого положенія вещей, поставимъ себѣ вопросъ: «что даетъ гимназія въ смыслѣ общаго образованія?», то этотъ вопросъ получить болѣе точно ограниченный смыслъ, когда мы съ одной стороны примемъ во вниманіе формальное развитіе, обладаніе которымъ составляетъ необходимое условіе позднѣйшаго профессиональнаго образованія и вообще служить признакомъ средняго образованія, а съ другой стороны, постараемся опредѣлить фактическое содержаніе образованія въ связи съ указанными отношеніями университетской науки. Если вѣрно, что университетъ теперь представляетъ для огромной массы его посѣтителей ученія профессиональныя школы, то для гимназіи выступаетъ задача доставлять въ видѣ подготовки къ этому специализированному профессиональному образованію ту массу знанія, которое, собственно говоря, составляетъ осадокъ нашей духовной культуры и необходимое условіе для сохраненія извѣстной внутренней общности между представителями высшихъ родовъ соціальной дѣятельности.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Звѣздичъ.

Одна изъ бурныхъ натуръ реформа- ціонной эпохи.

Ульрихъ фонъ Гуттенъ.

(Продолженіе).

VI.

Раньше чѣмъ продолжать разсказъ о событіяхъ жизни и сочиненіяхъ Гуттена послѣ его возвращенія изъ второго итальянскаго путешествія, мы должны остановиться на нѣкоторыхъ изъ его произведеній, относящихся къ эпохѣ его итальянскихъ путешествій, и прежде всего на его литературномъ участіи въ волновавшемъ тогда всю читавшую по-латыни Германію «дѣлѣ Рейхлина.»

Въ 1509 г. одинъ незадолго передъ тѣмъ крещенный еврей, Іоаннъ Пфедферкорнъ (изъ Кёльна), поднялъ гоненіе на своихъ бывшихъ единовѣрцевъ и добылъ у императора указъ объ отбраніи у евреевъ и истребленіи всѣхъ еврейскихъ книгъ, кромѣ Ветхаго Завѣта. Рейхлинъ былъ первой величиной среди гуманистовъ Германіи; онъ зналъ еврейскій языкъ, изучалъ Талмудъ: къ нему и обратились съ запросомъ по этому дѣлу. Рейхлинъ отвѣтилъ, что вредны только тѣ изъ еврейскихъ книгъ, въ которыхъ есть насмѣшки надъ Христомъ, Божіею Матерью и вообще священными для христіанъ предметами и понятіями; изъ остальныхъ же еврейскихъ книгъ многія содержатъ истину и помогаютъ пониманію христіанства: ихъ не только не надо уничтожать, а слѣдуетъ прилежно изучать; слѣдовало бы каждому университету завести у себя не позже, какъ въ теченіе 10 лѣтъ, двѣ каеэдръ еврейскаго языка; если христіане хорошо познакомятся съ еврействомъ, тогда легче будетъ и борьба съ нимъ: тогда, быть можетъ, удалось бы и обратитъ евреевъ въ христіанство.

Пфедферкорнъ, въ отвѣтъ на это, издалъ брошюру противъ Рейхлина, гдѣ намекалъ, что Рейхлинъ подкупленъ евреями. Стороны обмѣнялись нѣсколькими памфлетами; наконецъ, сочиненіе Рейхлина *Defensio contra columniatores Colonienses* («Защита противъ Кёльнскихъ клеветниковъ») кёльнскіе богословы заподозрили въ

ереси и стали требовать отреченія. Полемика все разгоралась; въ дѣлѣ приняли участіе совѣтники императора, князья, епископы; оно восходило по инстанціямъ вплоть до папской курии; присяжный догматикъ курии, *magister sacri Palatii* Сильвестръ Пріеріасъ, далъ благопріятный отзывъ о мнѣніяхъ Рейхлина. Однако, папа, боясь обидѣть кельнскихъ доминиканцевъ съ ихъ главою Яковомъ Гохштратеномъ, «главнымъ инквизиторомъ Германіи», (руководили борьбою противъ Рейхлина именно они) не оправдалъ Рейхлина по обвиненію въ ереси, а постановилъ прекратить дѣло, отдавъ его «на волю Божию» (*mandatum de supersedendo*).

Дѣло Рейхлина было кульминаціоннымъ пунктомъ въ дѣятельности нѣмецкихъ гуманистовъ. Все, что было мыслящаго въ нѣмецкомъ обществѣ, стало на сторону Рейхлина. Слово «рейхлинистъ» сдѣлалось лозунгомъ и девизомъ каждого гуманиста: такъ называютъ они сами другъ друга, такъ рекомендуютъ одни другихъ; оно коротко характеризуетъ всего человѣка. Враги Рейхлина проследили самыми тупыми и безсовѣстными обскурантами, гасильниками. Уже въ 1514 г. Рейхлинъ издалъ сборникъ писемъ къ нему извѣстныхъ въ Германіи лицъ, изъявившихъ ему свое сочувствіе и негодованіе по поводу травли его обскурантами; это—*Epistolae clagogum virorum*. Принялъ участіе въ борьбѣ за Рейхлина и тотъ кружокъ гуманистовъ, въ которомъ вращался Гуттенъ. Рейхлинъ защищался, ссылаясь на тѣхъ *clari viri*, «знаменитыхъ людей», которые стояли на его сторонѣ въ спорѣ съ кельнскими доминиканцами; молодые же гуманисты рѣшили дѣйствовать сатирой и осмѣять противниковъ Рейхлина.

Въ числѣ кельнскихъ противниковъ Рейхлина былъ и одинъ гуманистъ—Ортуинъ изъ Граеса, по-латыни *Ortuinus Gratius*. Онъ вызывалъ къ себѣ особенно непріязненное отношеніе въ молодыхъ сторонникахъ Рейхлина, видѣвшихъ въ магистрѣ Ортуинѣ измѣнника дѣлу гуманизма, перебѣжчика въ лагерь обскурантовъ. И вотъ, эрфуртская компанія пишетъ рядъ писемъ къ Ортуину Грацію отъ имени множества воображаемыхъ бакалавровъ, лиценціатовъ, кандидатомъ въ лиценціаты (*mox licentandi*), магистровъ изъ разныхъ мѣстностей Германіи и изъ другихъ странъ—разныхъ Томасовъ Лангшнейдеріусовъ, Іоганновъ Штраусфедеріусовъ, Вильгельмовъ Шерсклейферіусовъ, Лира Бунтшумахеріусовъ, и т. п., дѣлящихся будто бы съ магистромъ Ортуиномъ сообщеніями по поводу хода дѣла Рейхлина, своими надеждами, страхами и опасеніями, вызываемыми ходомъ этого дѣла, своими личными радостями, успѣхами и неудачами....

Получается безподобная картина быта, нравовъ и образа мыслей и дѣйствій представителей официальной науки, сборниковъ дряхлѣющей схоластики—въ ту ея эпоху, когда отъ нея отлетѣлъ животворившій ее духъ, когда исчезла ея, хотя часто и наивная, но смѣлая пылкость, вмѣсто которой осталась строгая, но сухая и теперь уже мертвая форма. Нѣкогда, на зарѣ университетскаго движенія, въ 12 и 13 вѣкахъ, схоластика представляла дѣйстви-

тельно живую силу: она создала на религиозно-догматической почвѣ цѣльное міровоззрѣніе, въ корнѣ своемъ утверждавшее права разума и выводившее мысль изъ мистицизма, изъ подчиненія настроенію; въ ту эпоху схоластика была «первою великою ересью внутри католической церкви—ересью тѣмъ болѣе сильной, что она была одобрена самою этою церковью»; она была тою формою, въ какую отлилась мысль приучавшагося тогда самостоятельно мыслить западно-европейскаго человѣчества и въ свою очередь воспитывала въ обществѣ привычку и умѣнье мыслить въ строгихъ, точныхъ и обязывающихъ мысль формулахъ и терминахъ. Теперь же то міровоззрѣніе, которое сформулировала и систематизировала схоластика, пошатнулось—въ нѣдрахъ церкви готовились важныя событія, обществомъ все болѣе и болѣе овлаживало стремленіе къ реформѣ стараго умственного строя... Поэтому защитникамъ стараго приходилось, отстаивая традиціонное міровоззрѣніе, опираться уже не на силу доводовъ, потерявшихъ теперь власть надъ обществомъ, а во-первыхъ, на силу церковной организаціи, а затѣмъ и на простое физическое насилие со стороны свѣтскихъ властей: приходилось не столько убѣждать, сколько жаловаться въ Римъ, ходатайствовать о признаніи своихъ противниковъ еретиками, жечь ихъ сочиненія (какъ были сожжены въ Кельнѣ и др. мѣстахъ сочиненія Рейхлина, написанныя имъ въ свою защиту противъ кельнскихъ доминиканцевъ), а затѣмъ надѣяться, что надлежащая власть, если не сожжетъ, то, по крайней мѣрѣ, заточитъ тѣхъ, кто осмѣлился умственно перерости ихъ, защитниковъ прочно, казалось бы, стоящей доктрины. Само собою разумѣется, что на выполненіе такой функціи шли не лучшіе представители даннаго поколѣнія образованныхъ людей; все, что было болѣе или менѣе самостоятельно въ умственномъ отношеніи или гнушалось продавать свои убѣжденія (разъ они были), уходило въ лагерь поборниковъ новаго движенія, а въ рядахъ официальной учености оставались преимущественно посредственности либо люди, потерявшіе всякую надежду пробиться дѣйствительными трудами и заслугами или попавшіе въ зависимость отъ сильныхъ міра,—наконецъ, полные индифферентисты, а также ренегаты, въ родѣ Пфефферкорна...

Многіе изъ нихъ приняли участіе въ полемикѣ противъ Рейхлина; ихъ-то и задумали скомпрометировать въ глазахъ общества молодые гуманисты. И надо отдать справедливость ихъ таланту: картина пошлости, полнаго отсутствія всякаго живого духа въ средѣ осмѣиваемыхъ ими обскурантовъ вышла чрезвычайно яркой. Сатира молодыхъ гуманистовъ озаглавлена *Epistolae obscurorum virorum* *); первая часть ихъ вышла въ 1514 г. вторая—въ 1517 г. Вотъ какъ разсуждаютъ сами эти вымышленные «темные

*) „Письма темныхъ людей“; „темныхъ“—изъ ложной скромности, какъ бы въ укоръ Рейхлину, хвастающемуся письмами къ нему *clarorum virorum*—„Знаменитыхъ людей“.

люди» (въ 1-мъ письмѣ II части) о томъ, почему I часть «Писемъ» магистръ Ортуинъ (дѣло все время представляется въ «Письмахъ» такъ, какъ будто ихъ публикуеть въ защиту Пфефферкорна и въ осужденіи Рейхлина и рейхлинистовъ самъ Ортуинъ) назвалъ «Письмами *темныхъ* людей».

Одинъ изъ собесѣдниковъ высказываетъ глубокомысленное предположеніе, что это, вѣроятно, «*имя собственное какого-нибудь предка...* потому что, вѣдь, говорятъ же, что Діоклетіанъ и нѣкоторые другіе цари произошли отъ *obscuris parentibus*» *). Другой собесѣдникъ, выдающійся теологъ, монахъ изъ ордена кармелитовъ, не соглашается съ этимъ объясненіемъ и держитъ дѣлу рѣчь: а же думаю, что магистръ Ортуинъ назвалъ своихъ друзей «темными людьми» въ мистическомъ смыслѣ; ибо я читалъ выраженіе, что истина скрывается во тьмѣ. Потому-то и говоритъ Іовъ: кто обнажаетъ глубокое изъ мрака. Также у пророка Михея (7) читаемъ: когда я буду сидѣть во тьмѣ, Господь будетъ моимъ свѣтомъ... и т. д.

Въ «Письмахъ темныхъ людей», пишетъ Штраусъ (рус. пер., стр. 153 сл.), «варварство, говоря словами Эразма, осмѣивается варварски, т. е. такимъ образомъ, что смѣло, не подозрѣвая своей нелѣпости, выставляетъ себя... Сатирической идеаль—по необходимости карриатура. Но она только тогда является произведеніемъ искусства, когда она умѣетъ удержаться въ границахъ, перемѣшать преувеличеніе съ жизненной правдой и не разрушаетъ обманчиваго представленія, будто имѣешь дѣло съ дѣйствительными существами... И дѣйствительно, ничто въ «Письмахъ темныхъ людей» не выдаетъ того, что это—насмѣшка со стороны: все заставляетъ считать письма проявленіемъ собственной распущенности наивныхъ авторовъ ихъ. Эту пробу, какъ извѣстно, письма обскурантовъ выдержали до такой степени, что при первомъ ихъ появленіи англійскіе нищенствующіе монахи обрадовались, вообразивъ, что у нихъ въ рукахъ сочиненіе, написанное въ ихъ пользу и направленное противъ Рейхлина; а въ Брабантѣ одинъ доминиканскій пріоръ закупилъ множество экземпляровъ, чтобы подарить ихъ своему начальству. Только послѣднее письмо прибавленія ко второй части, переходящее изъ ироническаго тона въ бранный, раскрыло глаза простакамъ».

Уже первое письмо I части можетъ дать представленіе о родѣ этого произведенія. Воображаемый авторъ его—«недостойный бакалавръ теологіи» Тома Лангшнейдеріусъ—обращается къ магистру Ортуину съ однимъ, ставящимъ его въ большое затрудненіе, вопросомъ... «Такъ какъ (какъ говоритъ Аристотель) не бесполезно сомнѣваться относительно отдѣльныхъ вопросовъ (*de singulis*) и такъ какъ мы читаемъ въ Экклезіастѣ: «я положилъ въ душѣ своей изучить и испытывать все, что есть подъ солнцемъ», то и я рѣшилъ предложить вашей милости (т. е. Ортуину Грацію—

*) «Темныхъ т. е. незнатныхъ родителей»

superexcellenti necnon scientificissimo viro, poëtae, oratori et philosopho, necnon theologo, et plus, si vellet, какъ стоять въ заглавіи письма) одинъ вопросъ, относительно котораго я сомнѣваюсь. Но прежде всего я клянусь Богомъ, что не хочу искушать вашу милость; я только сердечно и искренно хочу, чтобы вы просвѣтили меня на счетъ этого сомнѣнія. Такъ какъ въ Евангеліи сказано: «не искушай Господа Бога твоего»; и, какъ говоритъ Соломонъ, «отъ Бога всякая мудрость»; вы же дали мнѣ все то знаніе, какимъ я обладаю, *) а всякое благое знаніе есть начало мудрости,—то вы для меня какъ бы Богъ, такъ какъ вы, говоря поэтически, дали мнѣ начало мудрости... Вопросъ бакалавра Фомы возникъ такъ: въ Лейпцигѣ была незадолго передъ этимъ университетская пирушка; доктора, магистры, лиценціаты наѣлись (на счетъ новоиспеченныхъ магистровъ) жаренныхъ куръ, каплуновъ, рыбъ, напились мальвазіей, рейнвейномъ, эйнбеккерскимъ, торгаускимъ и нейбургскимъ пивомъ—и начали разговаривать по всѣмъ правиламъ схоластической діалектики о «важныхъ вопросахъ», и между прочимъ о томъ, какъ надо называть того, кто готовится стать докторомъ теологіи (по тогдашнему, докторъ теологіи—magister noster): magister nostrandus или noster magistrandus. Магистръ Варземель, тонкій скотистъ (т. е. изъ школы Дунса Скота) утверждалъ послѣднее. Ибо, говоритъ онъ, magistrare значить «дѣлать магистромъ», какъ doctorare—«дѣлать докторомъ»; глаголь же postro, postrare не встрѣчается въ учебникахъ. На это возражаетъ магистръ Деличъ—поэтъ, артистъ, медикъ и юристъ: надо говорить magister nostrandus, потому что—подобно тому, какъ не одно и тоже magister noster и noster magister—такъ есть разница и между magister nostrandus и noster magistrandus. Magister noster обозначаетъ доктора теологіи и представляетъ собою одинъ терминъ; а noster magister («нашъ магистръ») приложимо ко всякому магистру любого изъ свободныхъ или несвободныхъ искусствъ. Что глагола postrare нѣтъ, это—не бѣда, такъ какъ, по Горацию, позволяется составлять новыя слова... Таковъ вопросъ, за рѣшеніемъ котораго обращается къ магистру Ортуину авторъ письма.

А вотъ другой образчикъ интересовъ, занимающихъ университетскихъ преподавателей изъ obscuri viri: докторъ теологіи Кларобій указываетъ магистру Ортуину (выразившемуся объ одномъ magister noster, что онъ членъ (membrum) десяти университетовъ), что неправильно говорить «о членѣ нѣсколькихъ тѣлъ», ибо одно тѣло можетъ имѣть нѣсколько членовъ, но одинъ членъ не можетъ принадлежать нѣсколькимъ тѣламъ. Назвать же этого magister noster не членомъ, а тѣломъ десяти университетовъ тоже нельзя, ибо тогда университеты будутъ его членами и онъ будетъ имѣть значеніе больше десяти университетовъ: а это будетъ университетнымъ для послѣднихъ и слишкомъ много даже для magister noster, который все же человѣкъ... Какъ же быть?—Тотъ, кто

*) Авторъ письма выводится бывшимъ ученикомъ магистра Ортуина.

записанъ членомъ десяти университетовъ, рѣшаетъ Клорбій, можетъ сказать: я—члены (membra) десяти университетовъ; что при этомъ получится грамматическое несогласованіе, это—не бѣда: вѣдь называется же Вергилій нѣкоего Алексиса delitiae («утѣхой») его господина...

Рядомъ съ рѣшеніемъ такихъ пустячныхъ вопросовъ, *obscuri viri* проявляютъ невѣроятное невѣжество. «Они жалуются, что Рейхлинъ (называемый *по-еврейски* Капнионъ, какъ говорится въ другомъ мѣстѣ) и другой, по имени Proverbia Erasmi (proverbia—пословицы; Эразмъ издалъ сборникъ пословицъ, поговорокъ и ходячихъ выраженій, подъ заглавіемъ Adagia) желаютъ ввести въ теологию новую латынь... Magister они производятъ либо отъ magis («больше») и ter («второе»), такъ какъ магистръ долженъ знать больше, чѣмъ всякій другой, либо отъ magis и terreo («устрашаю»), такъ какъ магистръ долженъ наводить ужасъ на своихъ учениковъ»... Прозвище сторонниковъ Рейхлина Philocarniones («друзья Рейхлина») они истолковываютъ такъ: filii (сыновья) Рейхлина. А въ 1-мъ письмѣ приложенія къ I-й части нѣкій лиценціатъ медицины Антоній рассказываетъ, какъ онъ на одномъ обѣдѣ посрамилъ Эразма и доказалъ всѣмъ, что тотъ даже въ поэзіи ничего не знаетъ, такъ какъ не могъ ничего отвѣтить на слѣдующую аргументацію лиценціата. За столомъ зашелъ разговоръ о Юліи Цезарѣ, о его сочиненіяхъ и дѣятельности... «Какъ только я это услышалъ, говоритъ авторъ письма, я понялъ, что въ этомъ разговорѣ я могу показать себя, такъ какъ я много читалъ и слышалъ отъ васъ (т. е. магистра Ортуина) о поэзіи, когда былъ въ Кельнѣ. И я сказалъ: если уже вы заговорили о поэзіи, то я не могу больше молчать и прямо скажу вамъ, что я не вѣрю тому, чтобы Цезарь могъ написать приписываемыя ему «Записки». И я подтверждаю это слѣдующимъ аргументомъ: кто постоянно занятъ войной и другими дѣлами, тому нѣтъ времени учиться латинскому языку; Цезарь же какъ разъ постоянно воевалъ и несъ громадныя труды; ergo, онъ не могъ быть ученымъ и выучиться латинскому языку»... Когда я сказалъ это и многое другое, что здѣсь для краткости опускаю, Эразмъ засмѣялся и ничего не возразилъ: такъ сѣззалъ я его моимъ аргументомъ!»...

Невѣжество, показная ученость, состоящая въ наизываніи текстовъ изъ Писанія и изъ древнихъ авторовъ, убожество мысли, изменчивость интересовъ и жизненныхъ цѣлей, университетскій и іерархическій карьеризмъ вымышленныхъ корреспондентовъ магистра Ортуина изображены въ «Письмахъ» въ необыкновенно рельефной и цѣльной картинѣ*).

*) Рядомъ съ умственной пустотой и ограниченностью у «темныхъ людей» идетъ полная безразличность и тупость въ нравственномъ отношеніи: ихъ совѣтъ направлена только на вѣшнее, на форму, на обрядъ; содержаніе же нравственныхъ предписаній религіи—вещь для нихъ совершенно недоступная: они не прочь были бы, пожалуй, съжечь Рейхлина, какъ еретика, а вотъ что одинъ изъ нихъ сѣззалъ въ пятницу яйцо, въ

Однако, кромѣ самаго содержанія «Писемъ», замѣчательнѣе еще ихъ языкъ. Въ началѣ среднихъ вѣковъ латынь была для западно-европейскихъ германцевъ языкомъ совершенно чуждымъ и непонятнымъ. Однако, мало-по-малу латинскій языкъ приспособился къ средневѣковой обстановкѣ и сталъ, съ одной стороны, выражать самыя отвлеченныя понятія, самыя тонкія логическія и метафизическія различія, постоянно вводившіяся неутомимыми средневѣковыми мыслителями, а съ другой, сдѣлался въ высшей степени удобнымъ разговорнымъ языкомъ, органомъ живой, обыденной рѣчи. По простотѣ и ясности, по приспособленности къ выполнению своихъ задачъ средневѣковая латынь схоластиковъ стояла чрезвычайно высоко — гораздо выше смѣнившей ее въ эпоху возрожденія «цицероновской» латыни гуманистовъ — языка, обладающаго очень небольшимъ количествомъ терминовъ и плохо приспособленнаго для какого бы то ни было практическаго примѣненія, кромѣ развѣ вращающагося въ сферѣ общихъ фразъ адвокатскаго краснорѣчія. Совершенно несомнѣнно, что «цицероновская» латынь — вовсе не тотъ языкъ, какимъ говорили настоящіе древніе римляне; это — просто одинъ изъ личныхъ, субъективныхъ стилей*), гладкій и звонкій, хотя въ тоже время съ довольно сложной конструкціей. Напротивъ, въ хорошей средневѣковой латыни строй фразы крайне простъ и смыслъ выдаетъ себя головой читателю. Немудрено поэтому, что «цицеронианскія» упражненія гуманистовъ вызываютъ у современнаго читателя полную скуку и совершенно справедливо пребываютъ въ забвеніи, тогда какъ такія произведе-

которомъ уже былъ виденъ зародышъ цыпленка, — это мучаетъ бѣднаго грѣшника. Однако, и тутъ провинившагося выручаетъ остроуміе одного изъ его друзей... вѣдь надо замѣтить, что при такомъ нравственномъ складѣ, какимъ отличаются «темные люди», вопросы совѣсти рѣшаются крайне просто: надо найти какой нибудь доводъ въ пользу желательнаго исхода (а когда нельзя бываетъ найти такого довода?), — и дѣло готово... Такимъ людямъ очень легко успокоить свою покладистую совѣсть; а о Богѣ они судятъ (если только о немъ вспоминаютъ), какъ всѣ эгоисты, по себѣ: они наивно думаютъ, что разъ ихъ удовлетворяетъ данный доводъ, онъ долженъ удовлетворить и Высшаго Судю. Оказывается, что и выше приведенное нарушеніе поста — только кажущееся, что ѣсть въ пятницу яйцо съ зародышемъ цыпленка — не грѣхъ, такъ какъ молодого цыпленка, пока онъ не вылупится, можно разсматривать какъ червяка — въ родѣ тѣхъ, какіе попадаютъ въ сырѣ или въ вишняхъ и которыхъ проглатываютъ во время поста безъ опасенія его нарушить. Однако, этимъ разъясненіемъ друга «грѣшникъ» не удовлетворенъ, и онъ обращается къ Ортуину Грацію за справкой, которая можетъ окончательно очистить его совѣсть и умиротворить его: онъ слышалъ отъ одного доктора — хорошаго, кажется, естественнаго испытателя — что черви принадлежатъ къ рыбамъ; если же это такъ, то и съѣденный имъ зародышъ цыпленка, который тоже какъ бы червякъ, есть рыба; а рыба — постное кушанье; ergo, и съѣденный имъ зародышъ цыпленка — есть постное мясо. Другое дѣло, если бы онъ съѣлъ развившагося въ яйцѣ цыпленка: тотъ представляеть собою уже скоромное кушанье, и съѣсть его въ пятницу было бы грѣшно.

*) Можетъ быть, нѣчто подобное въ нашей литературѣ представляетъ гладкая, развѣренная и совершенно искусственная рѣчь Карамзина, уже самымъ звукомъ своимъ какъ бы обращающаяся къ чувству и фантазіи и

денія, какъ «Письма темныхъ людей», доставляютъ при чтеніи удовольствіе даже самымъ языкомъ, на которомъ они написаны. Такимъ образомъ, если молодые гуманисты-авторы «Писемъ темныхъ людей», съ одной стороны, предали на посмѣшище своихъ враговъ схоластиковъ начала 16-го вѣка, то, съ другой, они дали въ своей сатирѣ памятникъ языка, въ которомъ воплотилась вся умственная работа поколѣній, видѣвшихъ въ своей средѣ Абельяра, Ому Аквинскаго, Дунса Скота, Оккама: вопреки всѣмъ насмѣшкамъ гуманистовъ надъ грубостью, варварствомъ этого языка, который они противопоставляли своей «взыщной и благородной» латини, они его увѣковѣчили своей сатирой.

Мы не можемъ болѣе останавливаться здѣсь на «Письмахъ темныхъ людей», хотя они даютъ неистощимый матеріалъ для характеристики эпохи. Гуттену принадлежатъ нѣсколько писемъ во второй части, писанныхъ имъ, повидимому, преимущественно изъ Рима; въ составленіи первой части Гуттенъ не участвовалъ, и большая часть ея написана Кротомъ Рубіаномъ.

Когда враги Рейхлина поняли всю силу того осмѣянія, какому подвергли ихъ молодые гуманисты, поддѣлавшіе будто бы ими написанныя «Письма темныхъ людей», они были въ негодованіи. Прежде всего они обратились къ церковной власти и выхлопотали папскую грамоту, въ которой всѣмъ вѣрующимъ во Христа приказывалось, подѣ страхомъ отлученія отъ церкви, сжечь въ теченіи 3 дней со времени объявленія указа находящіяся въ ихъ рукахъ экземпляры «Писемъ» и указать мѣстному священнику на ихъ авторовъ, издателей, а также всѣхъ тѣхъ, кто не сожжетъ своихъ экземпляровъ этого сочиненія. Кромѣ того, Ортуинъ рѣшилъ попробовать бороться съ врагами и ихъ собственнымъ оружіемъ; онъ также выпустилъ сборникъ писемъ, будто бы написанныхъ различными гуманистами, соблазнующими о томъ, что папа запретилъ «Письма темныхъ людей» и что ихъ борьба съ кельнскими теологами такимъ образомъ не удалась. Сборникъ этотъ Ортуинъ озаглавилъ «Жалобы темныхъ людей», не запрещенныя папскимъ престоломъ. Составилъ Ортуинъ Грацій». Однако, лишенный остроумія, «Жалобы» эти успѣха въ обществѣ не имѣли и только лишній разъ подчеркнули ничтожество защитниковъ схоластики.

Въ защиту Рейхлина Гуттенъ написалъ, подѣ псевдонимомъ Элевтерія Бизена, еще стихотвореніе (въ 1063 стихахъ) «Тріумфъ Капніона» *), изданное съ иллюстрирующими содержаніе текста.

совершенно несовмѣстная съ потребностями серьезной умственной дѣятельности.

Хотя типомъ латинской рѣчи для гуманистовъ была «цицероновская», однако, Цицеронъ стоялъ одиноко въ этомъ отношеніи въ римской литературѣ. Ни дѣловая, хотя и взыщная, рѣчь Цезаря, ни сжатый и энергичный стиль Саллюстія, ни, тѣмъ болѣе, эллинистическій и сильный языкъ Тацита не даютъ намъ ничего подобнаго пресловутой цицероновской плавности.

*) Рейхлина (Raüchlein—дымокъ) въ переводѣ на латинскій языкъ гу-

рисунками. Здѣсь описывается, какъ восторжествовавшій надъ своими врагами Рейхлинъ вѣзжаетъ, на подобіе античныхъ триумфаторовъ, въ свой родной городъ Пфорцгеймъ; изображается вся триумфальная процессія: несутъ всѣ доблестныя качества, всѣ добродѣтели Рейхлина и всѣ пороки, всѣ преступленія его враговъ; ихъ оружіе: софистическіе доводы и доказательства, купленные ученныя степени, окровавленные кинжалы, костры для сожиганія еретиковъ; ихъ идолы: суевѣріе, варварство, невѣжество, ненависть. Ведутъ и самихъ враговъ Рейхлина: сожигателя еретиковъ Якова Гохштратена—«огненного человѣка», пожирающаго огонь, изрыгающаго огонь и кричащаго послѣ каждого слова «въ огонь!» затѣмъ завистливаго Ортуина Грація, злобнаго, дѣлающаго себѣ сыскомъ и доносомъ карьеру Пфефферкорна, на котораго авторъ призываетъ палача... Далѣе идутъ жертвенные быки, музыканты и пѣвцы, поющіе хвалебныя гимны Рейхлину; наконецъ, на украшенной цвѣтами колесницѣ ѣдетъ самъ триумфаторъ, голова котораго увѣнчана лаврами и плющемъ, а за нимъ толпа «артистовъ» и поэтовъ, спасенная имъ отъ грозившей со стороны обскурнтовъ гибели.

VII.

Мы уже видѣли, что Гуттенъ вернулся изъ своего второго путешествія въ Италію, не кончивъ своихъ занятій правомъ, не ставъ «докторомъ обоихъ правъ» (гражданскаго, или имперскаго, какъ его тогда называли, и церковнаго, или каноническаго). Между тѣмъ, годы ученія для него уже прошли; надо было окончательно опредѣлять свою судьбу, выбрать ту или другую профессію.

Въ глазахъ его отца и всей его родни для молодого рыцаря казались приличными только военная, церковная и юридическая карьеры. Это время было какъ разъ эпохой усиленнаго распространенія въ Германіи римскаго права; роль образованныхъ юристовъ, служившихъ у императора и князей секретарями и совѣтниками, дѣлалась все болѣе значительной; спросъ на тѣхъ, кого во Франціи называли «легистами», былъ большой, и трудъ ихъ очень хорошо оплачивался. Неудивительно поэтому, что и благородное рыцарство перестало считать для себя унизительною юридическую, т. е. судебно-административную, карьеру и охотно пускало своихъ дѣтей въ эту профессію. Отецъ Гуттена принесъ значительныя денежныя жертвы для того, чтобы его сынъ кончилъ свое юридическое образованіе; но молодой Ульрихъ все-таки не сталъ «докторомъ правъ», обманувъ такимъ образомъ надежды отца.

манисты величали Fumulus'омъ, а на греческій — Carnion'омъ (fumus по-латыни, а карнос по-гречески значить дымъ).

Вся родня Гуттена давала ему понять, что деньги на него истрачены понапрасну, что онъ оказался неблагодарнымъ отцу: ему нужно было усердно заниматься правомъ: онъ вмѣсто того писалъ какіе-то стишки, вообще занимался глупостями, пустяками; вотъ и вернулся изъ Италіи не «докторомъ», а какъ былъ, такъ и остался «ниѣмъ». Правда, и отецъ Гуттена, и вся ихъ родня оцѣнили остроумное и гибкое перо Гуттена, когда онъ имъ помогъ въ борьбѣ противъ герцога Ульриха Виртембергскаго; но въ общемъ его занятій никто изъ нихъ не одобрялъ, и ему часто давали понять, что онъ собственно «никто», что въ ихъ глазахъ онъ не имѣетъ никакого вѣса.

Въ сущности, это было нѣкоторое недоразумѣніе, такъ какъ въ ту эпоху, когда жилъ Гуттенъ, (а въ Италіи даже приблизительно столѣтіемъ раньше) можно было добиться виднаго положенія въ жизни и помимо церковной и юридическій карьеръ—одними гуманистическими познаніями (*bonae literae, studia humaniora*). Невозможность для Гуттена прочно устроиться объяснялась на тѣмъ, что онъ былъ гуманистъ, въ это время былъ спросъ и нѣ гуманистовъ. Бѣда Гуттена была, во-первыхъ, въ томъ, что онъ жилъ въ эпоху всеобщаго броженія въ Германіи и, при его темпераментѣ, не могъ остаться спокойнымъ, пустить корни, когда все кругомъ кипѣло и волновалось; а во-вторыхъ, въ особенностяхъ взглядовъ, плановъ и надеждъ Гуттена: та сила, въ пользу которой онъ, главнымъ образомъ, боролся, интересы которой онъ отстаивалъ,—императорская власть—не могла и не хотѣла поддержать его и обезпечить ему опредѣленное и видное мѣсто въ обществѣ.

Гуттенъ сознавалъ—что, съ общежитейской точки зрѣнія, съ точки зрѣнія людей, поклоняющихся одному успѣху: титуламъ, ученымъ званіямъ, богатству, власти—онъ «ничто», и выразилъ это настроеніе въ интересномъ стихотвореніи, на которомъ мы сейчасъ нѣсколько остановимся.

Стихотвореніе это, озаглавленное «Никто» (*Outis, Nemo*), было впервые набросано еще, повидимому, ранѣе перваго путешествія въ Италію или же во время него; между первымъ и вторымъ путешествіями въ Италію Гуттенъ подготовилъ его для печати; но вышло оно только позже, въ 1518 году.

Въ этомъ остроумномъ стихотвореніи Гуттенъ воспользовался знаменитой идею хитроумнаго Одиссея, о которой повѣствуетъ Гомеръ.

Извѣстно, что попавъ въ пещеру циклопа Полифема и видя, какъ циклопъ пожираетъ одного за другимъ его спутниковъ, Одиссей напоилъ Полифема виномъ, которое у него было; а когда довольный циклопъ спросилъ какъ его звать, чтобы знать, кого ему благодарить за вино, Одиссей сказалъ, что его зовутъ *Outis* («Никто»). Когда затѣмъ пьяный циклопъ заснулъ, Одиссей со спутниками выгнали циклопу его единственный глазъ обожженнымъ острымъ коломъ. Обезумѣвъ отъ боли, Полифемъ

началь страшно кричать; на его крики приближали жившіе въ сосѣднихъ пещерахъ циклопы и стали спрашивать, кто его обидѣлъ. «Никто», отвѣчалъ Полифемъ, «негодный Никто». «Если никто тебя не обидѣлъ, резонно отвѣтили ему циклопы, то не кричи; ибо болѣзней, посылаемыхъ намъ нашимъ отцомъ Посейдономъ, избѣгнуть нельзя». Такъ спасса отъ гибели, по разсказу Гомера, Одиссей, сидѣвшій во время этого разговора въ пещерѣ Полифема...

Гуттенъ пользуется этой мыслью Одиссея и пишетъ стихотвореніе, въ нѣкоторыхъ стихахъ котораго мы въ «Никто» узнаемъ самого Гуттена. Надо замѣтить, что по-латыни достаточно одного отрицанія, чтобы сдѣлать предложеніе отрицательнымъ, тогда какъ по-русски требуется два отрицанія. Поэтому, въ русскомъ переводѣ та игра словъ, на которой основано стихотвореніе, пропадаетъ: по-русски двумъ различнымъ смысламъ соотвѣтствуютъ и двѣ формы выраженія. «Никто (не) существовалъ до сотворенія міра. Никто (не) можетъ сдѣлать все; Никто (не) знаетъ все. Никто (не) вѣченъ. Никто (не) свободенъ отъ ошибокъ и заблужденій... Никто (не) ставитъ общественное благо впереди собственнаго. Никто (не) соединяетъ всѣхъ нѣмцевъ воедино. Никто (не) отражаетъ турокъ. Никто (не) приходитъ на помощь угнетенной Итали и (не) освобождаетъ Римъ отъ господства поповъ. Никто (не) осмѣливается порицать роскошь и праздность духовенства» и т. д.

Стихотворенію предшествуетъ посвященіе Кроту Рубіану. «Ты спросишь, говоритъ тамъ Гуттенъ, обращаясь къ Рубіану, откуда эта новая выдумка... Изъ превратныхъ понятій людей, — вотъ откуда... Мы съ тобой на себѣ испытали, что достается въ удѣлъ тѣмъ, кто самымъ старательнымъ образомъ изучаетъ «истинное знаніе» (*optima studia*): про нихъ прямо говорятъ, что они ничему не научились, что они сами—ничто... Да и какъ можетъ (не говорю уже знать что-нибудь) быть «чѣмъ-нибудь» тотъ, кто нападаетъ на болтуновъ—юристовъ и чванныхъ теологовъ?!. Юристы сидятъ вездѣ при дворахъ князей; по ихъ совѣтамъ управляютъ государства, по ихъ приказаніямъ дѣлается все внутри и внѣ имперіи. Они одни—ученые, одни находятъ справедливую оцѣнку своихъ познаній; они, какъ своею собственностью, распоряжаются сокровищами богатей... Какъ будто въ Германіи не было лучше тогда, когда на нее еще не сдѣлали нашествія эти господа съ ученостью и громаднымъ количествомъ законовъ—въ то счастливое время, когда у насъ больше значенія имѣли обычаи, чѣмъ писанные законы. И теперь государство въ Германіи управляется тѣмъ лучше, чѣмъ дальше отъ него эти глоссаторы. Вотъ, напр., прибалтійскіе саксы! Какъ быстро и безошибочно отправляютъ они правосудіе по стариннымъ обычаямъ страны; а у насъ дѣла тянутся по 20 лѣтъ, побывавъ за это время у 36 докторовъ!.. И развѣ мы не знаемъ, кто пишетъ въ Германіи эти споры, кто запутываетъ князей во внут-

ренія войны, кто производитъ смуты въ государствѣ?! А теологи!.. У этихъ господъ множество нелѣпѣйшихъ книгъ, надъ которыми они и сидятъ, пренебрегая истинно учеными авторами... Если имъ не нравится чье-нибудь сочиненіе, они начинаютъ искать въ немъ ереси, сводятъ неправомыслия въ параграфы, нахмуриваютъ лобъ, пожимаютъ губами, опускаютъ носъ и отъ времени до времени повторяютъ: «въ огонь! въ огонь»... А если спросить ихъ, какъ они сами живутъ, они считаютъ достаточнымъ указать на сутану и канишонъ; если же ты этимъ не удовлетворишься, они и твое имя занесутъ въ свои параграфы... Что видѣлъ ты болѣе жестокаго, чѣмъ то, что они дѣлаютъ, когда поймаютъ одного изъ такъ называемыхъ «еретиковъ»... А между тѣмъ, никто изъ нихъ не идетъ изъ рвенія къ вѣрѣ проповѣдовать вѣру во Христа туркамъ или, по крайней мѣрѣ, просвѣщать чеховъ, которые и отъ церкви-то отпали по ихъ же, теологовъ, винѣ... Они свирѣпствуютъ тамъ, гдѣ это вовсе не нужно; а гдѣ приходится идти на опасность, эти предусмотрительные господа мгновенно исчезаютъ, ссылаясь на то, что религія требуетъ миролюбія»... Поэтому Гуттенъ чужой—«никто»—и для юристовъ, и для теологовъ; «никто» и для своей братіи—рыцарей, такъ какъ, по понятіямъ этой среды, онъ погубилъ свое дворянское достоинство, ставъ писателемъ, гуманистомъ.

VIII.

Впрочемъ, немедленно по возвращеніи изъ второго итальянскаго путешествія Гуттену, казалось, улыбнулась судьба: его отличилъ императоръ Максимилианъ, короновавъ Гуттена вѣнкомъ поэтовъ. Однако, сколько-нибудь существенныхъ перемѣнъ въ судьбу Гуттена это почетное отличіе не внесло. Дѣло было такъ.

Въ самомъ началѣ іюля 1517 г. Гуттенъ прямо изъ Італіи проѣхалъ въ Аугсбургъ, гдѣ въ это время находился императоръ Максимилианъ. Гуттенъ былъ хорошъ съ однимъ аугсбургскимъ патриціемъ, богатымъ и вліятельнымъ при императорскомъ дворѣ человекомъ—Конрадомъ Пейтингеромъ. Пейтингеръ разсказалъ императору о поэтическихъ упражненіяхъ Гуттена, носившихъ патристически-имперскій характеръ, о его странствованіяхъ и приключеніяхъ, о его до дерзости отважной стычкѣ съ французами изъ-за чести императора и предложилъ Максимилиану въ награду за все это короновать Гуттена поэтическимъ вѣнкомъ, какъ это тогда было въ обычай. Императоръ согласился и 12-го іюля, въ присутствіи двора, возложилъ на Гуттена лавровый вѣнокъ, вручилъ ему золотое кольцо и даровалъ ему право учить поэзіи и краснорѣчію во всѣхъ школахъ имперіи и подчиняться юрисдикціи только императора и его совѣта.

Съ тѣхъ поръ и вплоть до конца жизни Гуттенъ пытается принять активное участіе въ политической жизни Германіи; онъ

выпускаетъ цѣлый рядъ діалоговъ, стихотвореній, писемъ, выясняющихъ его программу. Политика Гуттена состояла въ слѣдующемъ. Германія политически раздроблена; во всемъ неурядица, хаосъ; между прочимъ (что особенно было чувствительно Гуттену, который не могъ все-таки отказаться отъ того, что онъ впиталъ въ себя изъ родной ему, рыцарской среды) крупные князья тѣснятъ рыцарей, тѣснятъ и города и крестьянъ, постоянно ведутъ войны, разоряя Германію. Въ то же время извнѣ имперіи грозятъ турки. Изъ всего этого единственный выходъ — усилить императорскую власть: императоръ смиритъ князей, опирался на рыцарей (которымъ, конечно, выгодноѣ имѣть надъ собою одного далекаго господина, чѣмъ многихъ близкихъ, съ которыми, рыцарямъ постоянно приходится сталкиваться, которые постоянно могутъ гнесті ихъ). Въ то же время и борьба съ турками — въ интересахъ одного императора, да и подъ силу только ему одному. Князья не въ состояніи вести внѣшнюю войну, да они и не заходятъ, такъ какъ такая война только ослабитъ ихъ. Императоръ же, разъ она стала бы во главѣ такого популярнаго во всей Германіи военнаго предпріятія, сосредоточилъ бы въ своемъ распоряженіи большія силы и тѣмъ въ необыкновенной степени увеличилъ бы свое значеніе въ Германіи.. тогда ему не трудно было бы и окончательно сломить силу князей.

Съ другой стороны, вниманіе Гуттена привлекали церковныя дѣла: онъ становится на сторону реформаціи. Сначала Гуттенъ не понималъ всей важности возбужденныхъ Лютеромъ споровъ; услышавъ о нихъ, онъ рѣшилъ, что это «обычныя монашескія дразги», обсуждаемыя на диспутахъ со всѣми схоластическими тонкостями и ухищреніями, и высказалъ пожеланіе, чтобы всѣ эти монахи «пожрали бы, наконецъ, другъ друга». Однако, уже вскорѣ онъ начинаетъ понимать, что дѣло гораздо серьезнѣе, широкое общественное движеніе захватываетъ и его, и онъ становится горячимъ сторонникомъ Лютера, вступаетъ съ нимъ въ переписку, въ каждомъ изъ своихъ произведеній защищаетъ Лютера и дѣло церковной реформы, такъ что его начинаютъ называть «Пилатомъ Лютера». Борьба Гуттена противъ католицизма, папы и Рима объясняется, конечно, не тѣми мотивами, какіе заставили заговорить Лютера; его мучила не мысль о спасеніи души, не муки взволнованной совѣсти — его возмущала другая сторона дѣла. Германія представлялась Гуттену какой-то данницей Рима, какой-то покоренной папствомъ страной; хитрые, коварные и наглѣе итальянцы — папы, ихъ легаты и кардиналы, монахи всѣхъ орденовъ, продавцы индульгенцій и т. п. — пользуются простотой и довѣрчивостью наивныхъ нѣмцевъ, рассказываютъ имъ разныя небылицы, торгуютъ вѣрой, тайнствами, отпущеніями грѣховъ, собираютъ громадныя суммы то на войну съ турками (которая все не можетъ состояться), то на храмъ св. Петра въ Римѣ, грабятъ Германію подъ видомъ продажи епископскихъ мѣстъ, аннать, уплатъ за палліумы и всякихъ другихъ поборовъ

при назначеніи на церковныя мѣста, въ видѣ взятокъ грабятъ при рѣшеніи дѣлъ, восходящихъ до римской курии... Притомъ, всѣ эти деньги лишь по внѣшности собираются на религіозныя цѣли; а на самомъ дѣлѣ, куда это все идетъ? На поощреніе лѣности, туеядства, роскошной и распущенной жизни духовенства, на пиры, войны, женщинъ, слугъ, лошадей, на пурпуръ одеждъ и золото дворцовъ!.. Однако, и этого мало, папство не только обираетъ Германію: оно вмѣшивается во внутреннія дѣла, интригуетъ противъ императоровъ, усиленіе которыхъ могло бы быть опаснымъ для папской власти; оно поддерживаетъ свѣтскихъ князей, повелѣваетъ тремя духовными князьями курфирстами (архіепископами Майнцкимъ, Кельнскимъ и Трирскимъ) и массою епископовъ, монастырей, конгрегацій и вездѣ сѣять смуту. Папы и ихъ придворные очень довольны тѣмъ, что нѣмцы позволяютъ имъ все это продѣлывать въ Германіи: они считаютъ нѣмцевъ наименѣе простачками, смѣются надъ ними, третируютъ ихъ, какъ низшую породу людей, держатъ себя въ Германіи, какъ въ завоеванной странѣ!.. Нѣтъ, пора сбросить это позорное иго, пора показать, что и нѣмцы могутъ жить своимъ умомъ, могутъ думать и вѣрвать не только по приказу изъ Рима!

Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ тѣ же основныя мотивы, какіе руководили Гуттенемъ въ его политической программѣ: націонализмъ и имперіализмъ; «національная имперія» — вотъ его идеалъ. Ему хотѣлось бы, чтобы императоръ сломилъ внутри имперіи князей и чтобы онъ сталъ во главѣ общественныхъ движеній, направленныхъ на борьбу съ Римомъ и съ турками, въ чемъ Гуттенъ видѣлъ жизненный интересъ Германіи. Ему хотѣлось связать Лютера съ императоромъ, реформировать церковь при помощи императора, доказавъ послѣднему, что папа — исконный врагъ императорской власти и что поэтому борьба съ папой входитъ въ личные интересы императора, и тѣмъ усилить имперію. Императорская реформація и реформированная имперія — вотъ лозунгъ Гуттена.

Эти параллельныя теченія: за реформацію и императора и противъ князей, папства и всѣхъ вообще внѣшнихъ враговъ имперіи можно найти буквально въ каждомъ изъ сочиненій Гуттена. Дѣйствительность не оправдала его надеждъ: императоръ оказался глухимъ къ призывамъ Гуттена и связать себя не съ реформаціей, а съ папствомъ; въ то же время императоръ ничего не могъ сдѣлать противъ князей; не помогли ему и турки, такъ какъ опасность съ этой стороны скоро миновала, и имперіи не пришлось мобилизовать всѣхъ своихъ силъ на борьбу съ ними. Постепенно, по мѣрѣ того, какъ одна за другою рушились надежды Гуттена и обострялись его отношенія къ папѣ и императору, его агитація становится все рѣзче и смѣлѣе, разрѣшаясь, наконецъ, безплодной попыткой возстанія рыцарей подъ главенствомъ Франца фонъ-Зиккингена — возстанія, задуманнаго, конечно, не безъ участія Гуттена и долженствовавшаго осуше-

ствить его надежды. Жизнь рѣшила иначе: осуществилась не та комбинація общественныхъ силъ, на которую надѣялся Гуттенъ: судьбу реформаціи взяли въ свои руки не императоръ, а князья; исторія не захотѣла знать надеждъ одинокой личности и того небольшого и слабого класса, на поддержку котораго она могла рассчитывать.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Вл. Ивановскій.

Какъ слѣдуетъ земству распространять книгу въ народѣ?

Дѣло распространенія въ народной средѣ хорошихъ книгъ давно уже обратило вниманіе нашего общества: о немъ говорилось и въ литературѣ, и въ земствѣ, и въ частныхъ обществахъ и кружкахъ. Земства и различныя частныя общества (комитеты грамотности, общества распространенія начального образованія и т. д.) и частныя лица начали издавать для народа популярныя книжки, возможно болѣе доступныя по цѣнѣ, устраивать въ городахъ и селеніяхъ книжные склады, библиотеки, читальни и т. д. Но всего этого, оказывается, слишкомъ мало для проведенія хорошей книги въ народную среду: нашъ народъ еще не привыкъ къ хорошей книгѣ—его надо приучить къ ней, заинтересовать ею,—это разъ; во-вторыхъ, крестьянинъ предпочитаетъ, чтобы книга приносилась къ нему въ избу или же привозилась въ деревню. Слѣдовательно, для распространенія книгъ нужно еще ввести розничную продажу ихъ, черезъ людей, которые такъ или иначе могли бы рекламировать книгу читать, рассказывать содержаніе, указывать преимущества хорошей книги передъ лубочной и т. п.

Нѣкоторыя частныя общества и земства приняли методъ распространенія книгъ черезъ народныхъ учителей. Напримѣръ, Нижегородское общество распространенія начального образованія посылаетъ книжки изъявившимъ согласіе продавать ихъ учителямъ, а тѣ продаютъ ихъ крестьянамъ. Такъ какъ учителя часто читаютъ книжки школьникамъ, рекомендуютъ имъ покупать ту или другую книгу, устраиваютъ иногда воскресныя чтенія, наконецъ, въ частныхъ разговорахъ съ крестьянами вліяютъ на выборъ и приобрѣтеніе ими книгъ, то этотъ способъ является однимъ изъ лучшихъ, особенно же, если принять во вниманіе, что учитель, большею

частью, человекъ сравнительно развитой, образованный, а потому можетъ наиболѣе правильно и сильно вѣять на выборъ книги.

Но этотъ методъ распространенія хорошихъ книгъ въ народѣ все же далеко не можетъ удовлетворить своему назначенію. Учитель, такъ сказать, прикрѣпленъ своей работой къ одному мѣсту и не можетъ идти къ крестьянину съ книгой, а долженъ распространять ее инымъ путемъ и ждать, когда придутъ ее покупать; наконецъ, имѣеть значеніе и то обстоятельство, что учитель является лицомъ, матеріально не заинтересованнымъ въ этой операціи, добровольцемъ, занятымъ преимущественно другимъ дѣломъ: отъ этого не всѣ учителя и учительницы берутся за продажу книгъ, а только тѣ, которые сознаютъ пользу ея, и не всѣ одинаково заботятся распространить книгу возможно больше; если дать имъ извѣстный процентъ съ валовой суммы, то при продажѣ максимум на 12—15 рублей въ годъ (судя по отчетамъ Нижегородскаго общества распространенія начальнаго образованія, больше рѣдкій учитель про- дастъ, а то все на 2—3—5 рублей) получить 10 и даже 20%— для учителя не составитъ никакого интереса. Другое дѣло—земскій офеня-книгоноша, простой грамотный крестьянинъ, занимающійся разносной книжной торговлей. Онъ, во-первыхъ, крестьянину свой братъ, умѣетъ съ нимъ говорить, не брезгаетъ съ нимъ хлѣбъ-соль водить, лучше понимаетъ его интересы, потребности и нужды. Во-вторыхъ, офеня, будучи специально занятъ книжной торговлей, не прикрѣпленъ ни къ какому опредѣленному мѣсту, а можетъ бродить изъ деревни въ деревню и заходить въ самые глухіе деревни и хутора—всюду распространять хорошую книгу; не будучи занятъ другимъ дѣломъ, онъ все время отдаетъ торговлѣ и идетъ съ книгой навстрѣчу крестьянину: къ нему въ избу, на базарную площадь, предлагаетъ книгу, зазываетъ покупателя, соблазняетъ его качествами книги и вообще такъ или иначе старается рекламировать ее и сбыть побольше; послѣднее для него представляетъ особенный интересъ, такъ какъ онъ получаетъ отъ продажи извѣстную прибыль въ свою пользу или даже живетъ исключительно получаемой прибылью. Продавая рублей на 60—100 руб. въ мѣсяцъ и получая хотя бы 10—15% съ полученной суммы въ свою пользу, онъ матеріально заинтересованъ въ возможно большемъ распространеніи книгъ. И вотъ задачей земства и интеллигенціи является сдѣлать такъ, чтобы книгоноша продавалъ только хорошія книги,—и тогда будетъ достигнуто наибольшее распространеніе въ народѣ хорошихъ книгъ.

Такимъ образомъ, лучшимъ средствомъ является организація земствомъ своихъ собственныхъ книгоношъ и книговозовъ *). Во-

*) Книговозъ — это книгопродавецъ, имѣющій лошадь и повозку и разъѣзжающій съ книгами по селамъ, базарамъ и ярмаркамъ. Книгоноша-торговецъ еще болѣе мелкій, ходящій съ коробомъ книгъ за плечами или—если зимой—на салазкахъ изъ деревни въ деревню. При существованіи первыхъ необходимы и вторые, потому что они проникаютъ въ избы крестьянина, въ самые мелкіе деревни и хутора, а первые, какъ

прось объ организаціи земствомъ разносной книжной торговли въ народѣ черезъ посредство своихъ собственныхъ книгоношъ и книговозовъ впервые былъ поднятъ очень недавно, а именно въ 1890 году, на страницахъ «Недѣля» извѣстнымъ авторомъ «Запросовъ народа и обязанностей интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія»—А. С. Пругавинымъ—въ статьѣ: «Книгоноши и странствующие чтецы». Тамъ было впервые высказано пожеланіе, чтобы наши земства приняли болѣе активное участіе въ дѣлѣ распространенія въ народной средѣ хорошихъ книгъ чрезъ посредство своихъ собственныхъ земскихъ офеней, которые бы обходили и объѣзжали всѣ селенія уѣзда, посѣщая ярмарки, базары и деревенскіе праздники и продавали бы лишь тѣ книги и картины, которыя будутъ указаны земствомъ *). Здѣсь говорится еще только о книгоношахъ, но словомъ, «объѣзжали» дѣлается указаніе и на книговозовъ. Болѣе обстоятельно вопросъ о распространеніи хорошихъ книгъ черезъ книгоношъ былъ разработанъ А. С. Пругавинымъ во второмъ изданіи своей книги: «Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія». Но и тутъ, какъ и въ вышеуказанной статьѣ, г. Пругавинъ высказываетъ свое пожеланіе, на нашъ взглядъ, въ слишкомъ скромной формѣ: чтобы было земскихъ книгоношъ хотя бы 2—3 человекъ на губернію, или—какъ раньше онъ говорилъ—по одному на уѣздъ **). Одинъ книговозъ можетъ объѣхать или книгоноша обойти въ мѣсяцъ не болѣе 30 селъ, а между тѣмъ въ уѣздѣ селъ 180—200 и болѣе, слѣдовательно, онъ можетъ посѣтить не болѣе одного раза въ полгода каждое селеніе и потому можетъ оказывать слишкомъ малое вліяніе на распространеніе хорошей книги.

Вслѣдъ за этимъ, вопросъ объ организаціи книжной торговли черезъ книгоношъ поднимается на нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ и разрабатывается земскими управами. Теперь имѣются попытки практическаго осуществленія этого дѣла въ Черниговскомъ, Саратовскомъ и нѣкоторыхъ другихъ земствахъ. Такъ на Черниговскомъ губернскомъ Земскомъ Собраніи въ XXX очередной сессіи 1894 года гласнымъ г. Лизогубъ было сдѣлано указаніе на необходимость въ видахъ расширенія дѣятельности организуемаго Черниговскимъ земствомъ губернскаго книжнаго склада, организовать артель земскихъ книгоношъ ***). Но губернская управа при первыхъ опытахъ учредить мелкую розничную продажу книгъ для на-

болѣе крупныя торговцы, принуждены держаться большихъ селеній, ярмарокъ, базаровъ и храмовыхъ праздниковъ. Организація земскихъ книговозовъ должна дополняться организаціей земскихъ книгоношъ и тогда, при извѣстномъ руководствѣ и контролѣ за торговцами, будетъ имѣться въ рукахъ земства наилучшее средство къ распространенію въ народѣ хорошихъ книгъ.

*) «Недѣля» 1890 г. № 42, 1339 стр.

***) А. С. Пругавинъ. Запросы народа и обязанности интеллигенціи etc. Стр. 376.

****) Земскій сборникъ Черниговской губерніи 1897 года №№ 2—3, стр. 293.

роднаго чтенія внѣ складовъ натолкнулась на неожиданныя для себя препятствія. Дѣло затормозилось и было отложено до слѣдующаго собранія, пока же губернская управа обратилась къ уѣзднымъ съ предложеніемъ устроить при уѣздныхъ управахъ отдѣленіе книжнаго склада и книжныя лавочки.

Черниговское уѣздное земское собраніе отозвалось на это общаніемъ устроить книжный складъ и лавочку и, кромѣ того, ассигновало управѣ 300 руб., уполномочивъ ее организовать продажу книгъ по ярмаркамъ, храмамъ и базарамъ, для чего необходимо имѣть особаго продавца, который бы «являясь въ качествѣ обыкновеннаго торговца, могъ бы предложить народу полезную книжку и тѣмъ вытѣснить всѣхъ книгоношъ, которые по большей части предлагаютъ населенію самый неподходящій матеріалъ для чтенія» *).

На XXXI очередное Черниговское губернское земское собраніе былъ представленъ докладъ «о мѣрахъ содѣйствія начальному образованію». Въ немъ, называя постановленіе Черниговскаго уѣзднаго земскаго собранія «наиболѣе обоснованнымъ и обдуманнмъ», губернская управа рекомендуетъ тотъ же способъ распространенія въ народѣ хорошихъ книгъ, т. е. путемъ организациі земскихъ книгоношъ и комиссіонерства учителей, всѣмъ уѣзднымъ управамъ. Она предполагаетъ, что это дѣло не потребуетъ со стороны земства особенныхъ затратъ, такъ какъ тѣ лица, которые возьмутся за продажу книгъ въ развозъ или по базарамъ, т. е. вѣроятно, небогатые грамотные крестьяне, при извѣстной затратѣ земства на ихъ обзаведеніе, могутъ удовлетвориться выручкой отъ продажи; задача губернскаго земства ограничиться снабженіемъ уѣздныхъ складовъ и книгоношъ книгами на наличныя деньги, или въ разсрочку, или же на комиссію **).

Производиться это должно такъ:

Складъ губернскаго земства снабжаетъ книгами уѣздные склады по заготовительной цѣнѣ со включеніемъ накладныхъ расходовъ; уѣздные же склады дѣлаютъ надбавку къ этому своихъ накладныхъ расходовъ и прикладываютъ къ каждой книгѣ штемпель съ обозначеніемъ продажной цѣны ея, выше которой книга не должна быть ни въ какомъ случаѣ продаваема ***) , и роздаютъ ихъ книгоношамъ для продажи на комиссію.

Комиссіонеры центральнаго склада обязательно должны производить продажу на наличныя деньги и не допускать кредита даже на незначительную сумму. Самому центральному складу предоставлено право устраивать временную и постоянную продажу книгъ на мѣстныхъ базарахъ и ярмаркахъ.

Но такъ какъ предполагалось докладомъ, что будутъ организованы книгоноши, какъ агенты тѣхъ уѣздныхъ земствъ, которые по-

*) Земскій сборникъ Черниговской губ. 1897 г., № 4. 356—357 стр.

**) Тамъ же 357—358 стр.

***) Тамъ же 362 стр.

желаютъ завести ихъ, а губернское земство не будетъ имѣть своихъ книгоношъ, если не считать тѣхъ частныхъ, которые будутъ брать книги въ земскомъ книжномъ складѣ за наличныя деньги для продажи отъ себя, то на собраніи 24 января 1896 года, при обсужденіи этого доклада, было указано на необходимость и неизбежность организаціи артели книгоношъ въ крестьянъ и мѣщанъ при губернскомъ книжномъ складѣ, откуда уже они расходились бы по всей губерніи,—на необходимость сосредоточить это дѣло въ однѣхъ рукахъ, а не передавать его въ уѣздныя управы *).

Главное—при складѣ есть компетентныя лица, которыя и будутъ снабжать книгоношъ книгами и руководить при выборѣ ихъ; при этомъ условіи книгоношами могутъ быть просто толковые и грамотные люди. Собраніе приняло всѣ предложенія Управы съ дополненіемъ: поручить ей организовать артели продавцовъ и разносчиковъ книгъ **).

Однако же, согласившись въ принципѣ съ необходимостью такой организаціи, земство ничего не предпринимало къ осуществленію ея на практикѣ, такъ что на слѣдующемъ XXXII Губернскомъ Земскомъ Собраніи былъ вновь поднятъ этотъ вопросъ гл. Лизогубомъ, который настоятельно просилъ поручить Управѣ организовать при складѣ артель книгоношъ. Собраніе постановило: по предложенію гл. Лизогуба внести въ смѣту 1,000 руб. для организаціи при складѣ артели книгоношъ ***).

Но, какъ оказывается, и тутъ дѣло едва-едва дошло до практическаго его исполненія. На XXXIII очередномъ Губернскомъ Земскомъ Собраніи 1897 года былъ представленъ докладъ смѣтной комиссіи, въ которомъ сообщается, что по независящимъ отъ Управы обстоятельствамъ, полный штатъ служащихъ въ складѣ былъ организованъ лишь въ концѣ 1897 года и не было достаточнаго количества рабочихъ рувъ для этого дѣла. На 1898 годъ было ассигновано Собраніемъ на артель книгоношъ 1,000 руб. ****). Къ сожалѣнію, дальнѣйшая судьба этого дѣла намъ неизвѣстна, такъ что мы не можемъ сказать, достигло ли оно наконецъ полнаго практическаго осуществленія, а главное—не можемъ сказать ничего относительно самой практической постановки этого дѣла, если оно осуществилось.

Черниговское Уѣздное Земство вело торговлю книгами черезъ посредство своего книговоза *****), получавшаго ежемѣсячное жалованье въ 25 руб., но въ 1897 году прекратило ее, придя къ

*) Земскій сборникъ Черниговской губерніи № 2—3, 293 стр.

***) Земскій сборникъ Черниговской губерніи № 2—3 стр. 297.

****) Стенографическій отчетъ засѣданій Черниговскаго Губернскаго Земскаго Собранія XXXII очередной сессіи 1896 года 537—540 стр. и 547 стр.

*****) Журналы засѣданій Черниговскаго Губернскаго Земскаго Собранія XXXIII очередной сессіи 1897 года 297—298 стр.

*****) См. Земскій сборникъ Черниговской губерніи 1897 года № 11—12 приложение: «Отчетъ Губернской Земской Управы 1896 года» 128 стр.

убѣжденію, что лучше на жалованье книговоза покупать книги и раздавать ихъ даромъ—это будетъ для населенія втрое выгоднѣе, чѣмъ продажа, потому что книговозъ продаетъ ихъ слишкомъ мало. Объясняется это тѣмъ, что онъ не заинтересованъ въ возможно большей продажѣ, получая опредѣленное жалованье *).

Основываясь на этомъ опытѣ Черниговскаго уѣзднаго земства, губернская управа считаетъ необходимымъ заинтересовать книгоношъ въ дѣлѣ продажи въ такой степени, чтобы этотъ интересъ заставлялъ ихъ проявлять наибольшую энергію въ распространеніи книгъ. Этому можно достигнуть лишь давъ книгоношамъ возможно малое жалованье (не болѣе 6 руб. въ мѣсяцъ, исключая лѣтніе мѣсяцы, когда торговли не будетъ) и возможно большій (не менѣе 25—30%) процентъ съ каждаго вырученнаго отъ продажи рубля. Формальная сторона дѣла можетъ быть такова: губернская управа входитъ въ сношеніе съ избранными ею лицами, получившими самостоятельно отъ начальства билеты на торговлю книгами въ разность, заключаетъ съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно условіе на вышеуказанныхъ основаніяхъ, и книжный складъ выдаетъ имъ подъ росписку книги для продажи. Разъ въ мѣсяцъ или разъ въ два мѣсяца книжный складъ рассчитывается съ приходившимъ въ него книгоношей и выдаетъ ему, взаменъ проданныхъ, новыя книги. Съ каждаго книгоноши можетъ быть при первой выдачѣ ему книгъ взять залогъ. При такой организаціи дѣла не потребуется никакого особаго разрѣшенія отъ начальства, кромѣ разрѣшенія для каждаго книгоноши на торговлю книгами въ разность **).

Саратовское Земство сдѣлало починъ въ дѣлѣ организаціи торговли черезъ книгоношъ въ прошломъ году, а именно Земствомъ былъ нанятъ книгоноша съ 1 мая 1897 года съ жалованьемъ 12 руб. въ мѣсяцъ; кромѣ того, ему еще отчисляется 10% съ валовой суммы, полученной имъ за проданныя книги, слѣдовательно, онъ является заинтересованнымъ матеріально въ продажѣ наибольшаго числа книгъ, что необходимо въ виду невозможности контроля за нимъ въ этомъ отношеніи.

Какъ и всякій опытъ, это дѣло привилось не сразу и не сразу встало на широкую ногу. Въ началѣ книгоноша ходилъ пѣшкомъ, съ коробомъ за плечами, какъ офени-ходебщики и торговалъ мало—всего на 50—60 руб. въ мѣсяцъ. Съ осени земство дало ему лошадь и телѣгу, отчего книгоноша, превратившись въ книговоза, имѣлъ возможность брать товара больше (до 20 пудовъ) и торговля его расширилась до 120—140 рублей въ мѣсяцъ ***).

Нынѣ является надежда, что, навѣрное, въ будущемъ продажа книгъ пойдетъ успешнѣе, чѣмъ было до сихъ поръ и будетъ шире

*) Журналъ засѣданія Черниговскаго Губернскаго Земскаго Собранія XXXIII очередной сессіи 1897 года 298 стр.

**) Журналъ засѣданія Черниговскаго Губернскаго Земскаго Собранія XXXIII очередной сессіи 1897 года 298 стр.

***) «Сынъ Отечества» 1898 г. № 177, стр. 4, корреспонденція изъ Саратова: «Земскіе книгоноши».

поставлена. Что эта надежда не бесплодна, указываетъ намъ успѣхъ торговли, производимой книговозомъ, за послѣдніе три отчетные мѣсяца—январь, февраль и мартъ 1898 года. А именно:

За январь	128 руб. 41 коп.
> февраль	47 > 97 >
> мартъ	146 > 38 >

Всего за три мѣсяца . . 322 руб. 76 коп.

Въ среднемъ за 1 мѣсяць—107 руб. 59 коп. Только въ февралѣ торговля шла сравнительно малоуспѣшно, что объясняется тѣмъ, что въ это время были частыя и сильныя мятели, затруднявшія передвиженія книговоза, отчего ему приходилось въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сидѣть безъ дѣла по три-четыре дня; слѣдовательно, этотъ мѣсяць является исключительнымъ, при болѣе же благопріятныхъ условіяхъ торговли въ другіе два мѣсяца продавалось книгъ въ среднемъ на 137 руб. 40 коп. въ мѣсяць.

Всего въ теченіи этихъ трехъ мѣсяцевъ книгоношей было продано 1962 экземпляра книгъ или въ среднемъ въ теченіи мѣсяца—654 экземпляра.

Средняя стоимость каждой книги 16 съ половиной копѣйки. Всего болѣе крестьянами покупались дешевыя книги: листовокъ по 1 коп. за штуку было продано 755 экземпляровъ и по двѣ копѣйки—469 экземпляровъ,—всего 1214 экземпляровъ на сумму 16 руб. 93 коп.

Болѣе дорогихъ книгъ (дороже 1 руб. и до 5 руб.), покупавшихся главнымъ образомъ сельскими учителями, священниками, волостными писарями и лавочниками, т. е. болѣе зажиточною частью сельскаго населенія, было продано около 50 экземпляровъ на 100 р. Остальные же 122 руб. 45 коп. получены отъ продажи 748 экземпляровъ книгъ разныхъ цѣнъ, что въ среднемъ составитъ тѣ же 16 съ половиной коп. на книжку. И такъ, собственно народныхъ дешевыхъ книгъ продано было книгоношей 1912 экземпляровъ на 222 руб. 76 коп., или каждая книжка, покупаемая крестьяниномъ, стоила 11,6 коп.

Точнаго подраздѣленія книжекъ по отдѣламъ не производилось, но, судя по подбору, сдѣланному земскимъ книжнымъ складомъ, въ числѣ пользующихся наибольшимъ спросомъ копѣечныхъ книжекъ, главнымъ образомъ, расходятся изданія фирмы «Посредникъ», состоящія изъ небольшихъ отдѣльныхъ произведеній нашихъ лучшихъ писателей, вродѣ Л. Толстого, Г. Успенскаго, В. Гаршина, Короленко и друг., затѣмъ книги религіозно-нравственнаго характера, какъ напримѣръ, отдѣльныя житія святыхъ и различныя поучительныя рассказы и жизнеописанія. Среди малороссійскаго населенія и сектантовъ замѣчается большой спросъ на книги религіозно-нравственнаго содержанія, преимущественно же на «Новый Завѣтъ», Библію, Псалтирь и т. под., такъ что книгоноша на

основаніи своего прошлаго опыта опредѣляетъ, что на будущій зимній сезонъ ему будетъ необходимо заготовить не менѣе 100 экземпляровъ Новаго Завѣта и Псалтирей на русскомъ языкѣ цѣною отъ 10 коп. и до 2 рублей.

Главный предметъ продажи книгоноши составляютъ книги для чтенія, а уже потомъ—учебники, школьныя принадлежности и картины: книгъ для чтенія продано на 239 руб. 38 коп., учебниковъ—на 39 руб. 73 коп., школьныхъ принадлежностей на 36 р. 46 коп. в картинъ на 7 руб. 55 коп.

Главными покупателями дешевыхъ книгъ являются крестьяне и школьники. Не считая листовокъ и цѣнныхъ книгъ, остальные 748 экземпляровъ распредѣлялись по отдѣламъ такъ:

- 1) Беллетристика русская—188 экземпляровъ (25% всего числа).
- 2) Книги религиозно-нравственнаго содержанія—170 экз. (23%).
- 3) Беллетристика иностранная—78 экземпляровъ (10½%).
- 4) Исторія русская и всеобщая и біографія—56 экземпляровъ.
- 5) Философія, психологія и педагогика—50 экземпляровъ.
- 6) Сказки и пѣсни—40 экземпляровъ.
- 7) Географія и естествознаніе—28 экземпляровъ.
- 8) Сельское хозяйство и ремесло—21 экз.
- 9) Книги юридическаго содержанія, публицистика и разныя другія—11 экз.

Здѣсь бросается въ глаза очень высокій процентъ книгъ религиозно-нравственнаго содержанія и низкій процентъ такихъ книгъ, которыя, казалось бы, наиболѣе должны были интересовать деревенскаго читателя—сельское хозяйство и юридическія книги.

Книговозъ торговалъ преимущественно по базарнымъ большимъ селамъ, гдѣ выручка за одинъ прїездъ съ остановкой на 2—3 дня достигала иногда двадцати-тридцати рублей и даже болѣе. Замѣчается иногда и такое явленіе, что въ нѣкоторыхъ селахъ, гдѣ крестьяне живутъ сравнительно зажиточно, не было продано книговозомъ ни одной книжки. Останавливался книговозъ въ селеніяхъ обыкновенно не долго—на нѣсколько часовъ, много—на день, два и три и уже самое большее—на 4 дня. Такія колебанія въ продолжительности остановокъ зависѣли отъ состоянія погоды и болѣе или меньшей успѣшности торговли въ данномъ селеніи. Если погода неблагопріятна для переѣздовъ или если торговля идетъ бойко, то книговозъ засиживается въ селѣ долго, а если погода стояла благопріятная или торговля идетъ плохо, то онъ пробываетъ въ селѣ очень недолго.

Всего въ теченіи мѣсяца въ среднемъ книговозъ успѣлъ объѣхать 20—25 и самое большее—30 селеній или 2—3 селенія въ 3 дня *).

Чѣмъ больше будетъ продажи, тѣмъ менѣе будутъ расходы со

*) «Саратовская Земская Недѣля» 1898 годъ № 18, Земскій отдѣлъ, стр. 221—222: «О книгоношѣ № 1 книжнаго склада Саратовскаго Губернскаго Земства».

стороны земства на содержаніе книговоза и его лошади, и можно рассчитывать, что впоследствии она будет окупать всѣ расходы по операциі, пока же, какъ то и надо было всегда предвидѣть, земство торгуетъ въ убытокъ. Дѣло въ томъ, что организація книгоношества должна основываться немного на иныхъ началахъ—на такихъ, какія выработало Черниговское Земство,—на началахъ комиссіонныхъ, и тогда книгоноша или книговозъ будутъ сами себя окупать; но при началѣ дѣла, пока оно еще не установилось и не окрѣпло, необходимо содержать книгоношу на жалованьи, иначе нельзя будетъ найти для этого дѣла человѣка, удовлетворяющаго требованіямъ книгоноши-чтеца, пропагандиста хорошихъ книжекъ; только тогда, когда дѣло окрѣпнетъ, можно будетъ перейти къ отдачѣ книгъ своимъ книгоношамъ на комиссію, съ вознагражденіемъ процентомъ изъ прибыли.

Съ этимъ убыткомъ можно будетъ легко помириться въ виду той пользы, какая доставляется внесеніемъ въ народную среду большаго свѣта и большаго значенія черезъ замѣну дурной лубочной книжки и картинки хорошею дешевою книгой и картиной.

Земскій книговозъ кромѣ того, что онъ развозитъ книги для продажи крестьянамъ, является передаточнымъ звеномъ для обмѣна книгъ въ бібліотекахъ, для доставленія книгъ въ училище, сельскимъ учителямъ, священникамъ и т. д. *).

Книгоноша всюду встрѣчаетъ самый радушный приемъ. Цитируемый нами корреспондентъ «Сына Отечества» отмѣчаетъ фактъ, что съ книгоноши крестьяне не берутъ денегъ ни за ѣду, ни за ночлежъ, считая его желаннымъ гостемъ **). Если этотъ фактъ дѣйствительно вѣренъ—въ чемъ сомнѣваться трудно, хотя его высказывать такъ положительно нельзя (вспомните села, гдѣ не было куплено у книгоноши ни одной книги), то такое отношеніе крестьянъ къ земскому офенѣ-книготорговцу и къ его дѣятельности является въ высшей степени характернымъ.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что крестьянинъ предъявляетъ извѣстныя, довольно опредѣленныя свои требованія на книги, характерныя для него и рѣзко отличающія его въ этомъ отношеніи отъ городского читателя. Возьмите каталогъ любой городской бібліотеки или читальни, городского книжнаго магазина — и вы вездѣ увидите, что отдѣлъ духовно-нравственныхъ изданій занимаетъ очень скромное мѣсто среди книгъ, спрашиваемыхъ читальнями и покупателями; здѣсь же мы видимъ какъ разъ наоборотъ: среди покупувавшихся крестьянами книгъ на второмъ мѣстѣ, рядомъ съ беллетристикой, стоитъ духовно-нравственный отдѣлъ. Но каковы-бы ни были требованія у народа—потребность въ чтеніи является еще очень мало развитой, крестьянина еще надо приучать къ книжкѣ, увлечь хорошею книжкой, чтобы онъ зналъ значеніе не только «божественной», но и всякой иной хорошей книги

*) «Сынъ Отечества». Тамъ же.

***) Ibidem.

и отличалъ ее отъ глупой лубочной книги Никольскаго рынка. Однимъ словомъ, нужно развить въ крестьянинѣ *en masse* вкусъ къ чтенію. Въ этомъ направленіи работаютъ школы, воскресныя чтенія, повторительныя занятія и т. под., и въ томъ же направленіи должны вліять и земскіе книгоноши и книговозы; поэтому простые офени не пригодны для земства: они часто бываютъ неграмотны или же вообще такъ мало развиты, что роль ихъ ограничивается почти исключительно простой разносной торговлей книгами и картинами. Земскій же книгоноша, первымъ долгомъ, долженъ быть не только разносчикомъ, но и руководителемъ своихъ покупателей въ выборѣ книгъ, руководителемъ разумнымъ, а потому *долженъ быть, по крайней мѣрѣ, грамотенъ*—это минимумъ предъявляемыхъ къ нему требованій—и лучше всего, если книгоноша будетъ настолько развитъ, чтобы разумно руководить крестьянами въ покупкѣ книжекъ.

А. С. Пругавинъ видитъ еще то значеніе грамотности книгоноши, что этотъ послѣдній можетъ быть въ то-же время и чтениемъ: читая хорошую книжку, онъ заинтересуетъ ею читателя и тѣмъ будетъ способствовать распространенію ея и знакомству народа съ нашими лучшими писателями, насколько то возможно при данныхъ условіяхъ нашей общественной жизни.

Итакъ, все же книгоношей можетъ быть простой крестьянинъ, но грамотный и болѣе или менѣе развитой. Это имѣетъ свои преимущества. Торговля должна производиться, главнымъ образомъ, осенью и зимой, когда кончатся полевыя работы и когда у народа есть и свободное время для чтенія, и деньги на покупку книжки. Поэтому книгоноша можетъ лѣтомъ быть дома, заниматься земледѣліемъ и, уже кончивъ работы, брать коробъ на плечи или въ сани и отправляться вмѣсто отхожаго промысла торговать отъ земства народными книгами и картинами. Такой книгоноша, какъ замѣтило Черниговское Земство, не потребуетъ на себя лишнихъ расходовъ: онъ будетъ работать ради того заработка, который получится у него отъ продажи книгъ.

Роль книгоноши, какъ это уже видно изъ дѣятельности книгоноши Саратовскаго Земства, не ограничивается одной продажей книгъ крестьянину. Она можетъ быть очень разнообразна, и книгоноша можетъ сослужить службу другого рода, иной разъ, пожалуй, не менѣе важную, чѣмъ распространеніе въ народѣ хорошей книги.

Въ глухой, отдаленной отъ города и большихъ базарныхъ сельдеревнѣ, сельскій интеллигентъ оказывается совершенно закрытымъ отъ всего свѣта, ему не откуда достать себѣ книгъ для чтенія и образованія: почта далеко, книгъ достать негдѣ, выписать не откуда. Сельскихъ библиотекъ и библиотекъ для учителей у насъ такъ мало и при томъ устройство ихъ подчасъ встрѣчаетъ такіа неожиданныя затрудненія, какъ встрѣтило Воронежское Земство *),

*) См. «Саратовская газета» 1893 г. № 130. Воронежское по земскимъ и городскимъ дѣламъ Присутствіе отмѣнило постановленіе Земскаго Собранія объ устройствѣ библиотекъ для учителей, признавъ его незаконнымъ.

что отсутствіе книгъ въ деревнѣ для интеллигентнаго человѣка крайне ощутительно, особенно если онъ не имѣетъ средствъ выписывать ихъ на свой счетъ. Все это такія общеизвѣстныя вещи, что намъ кажется — повторять ихъ не слѣдуетъ. Вотъ земскій книгоноша и книговозъ и могъ бы здѣсь сослужить службу, удовлетворяя существующей развитой потребности интеллигентнаго человѣка (учителя, врача, фельдшера, акушерки, волостного писаря, помѣщика, священника и т. п.) въ чтеніи. Онъ можетъ быть ходячей книжной лавкой и для нихъ; имѣть большой выборъ дорогихъ книгъ для нихъ онъ не можетъ, да въ этомъ нѣтъ особенной нужды: у него должна быть только прошнурованная книга заказовъ, по которой бы онъ исполнялъ заказы на покупку болѣе цѣнныхъ книгъ. Если книгоноша будетъ въ губерніи много, то заказы могутъ исполняться быстро и срочно.

Далѣе, книгоноша можетъ явиться передаточнымъ механизмомъ между земскими библиотеками и учителями и другими сельскими захолустными читателями: имѣя опять таки книгу для записи полученныхъ и выданныхъ книгъ и заказовъ на полученіе книгъ изъ библиотеки, онъ за незначительную плату можетъ передавать книги отъ читателя въ библиотечку и обратно получать ихъ — извѣстное дѣло, при томъ условіи, если книгоноша будетъ настолько много, что они не слишкомъ рѣдко будутъ появляться въ деревняхъ и если библиотеки будутъ выдавать книги на продолжительные сроки.

Наконецъ, книгоноша можетъ имѣть постоянно при себѣ извѣстное число книгъ, отдаваемыхъ на прочтеніе за опредѣленную плату. Обыкновенные уличные книгоноши въ большихъ городахъ *) часто практикуютъ такую отдачу на прочтеніе имѣющихъ у нихъ книжекъ. Ихъ клиентами, большею частью, являются лакеи, модистки, дворники, официанты: за извѣстную плату (отъ 2 коп. до 5 коп. за разъ) берутъ они книгу — обыкновенно какой нибудь «занимательный» романъ, вродѣ «Героевъ дня», «Разбитаго сердца», разныхъ приложений къ «Родинѣ», «Свѣту», и т. под. хлама, купленнаго на вѣсь. Книжки возвращаются добросовѣстно обратно и берутся въ обмѣнъ новыя. Такую же отдачу книгъ на прочтеніе практикуютъ уличные букинисты **) и газетные разносчики; эти послѣдніе отдаютъ старые номера газетъ на прочтеніе за извѣстную плату (1—2 коп.). Нѣчто вродѣ этого могли бы практиковать и земскіе книгоноши, при чемъ это было бы тѣмъ болѣе полезно, что въ глухой деревнѣ нѣтъ и не можетъ быть устроена земствомъ библиотека, а покупать книги у крестьянъ не хватаетъ средствъ; вотъ книгоноша, давая книги на срокъ на прочтеніе подъ вѣрное обезпеченіе, можетъ явиться какъ бы ходячимъ отдѣленіемъ народной библиотеки. Можно это дѣло организовать такъ: книгоноша беретъ въ народной библиотекѣ книги, предназначающіяся библиотечкой для

*) Нами это наблюдалось въ Казани и Нижнемъ Новгородѣ. О подобномъ же фактѣ мы слышали въ Самарѣ.

**) См. «Самарская газета» 1898 г. № 127.

извѣстнаго села, приносить ихъ въ село и сдаетъ старостѣ или учителю подъ росписку, а тотъ раздастъ ихъ желающимъ на прочтеніе. По истеченіи извѣстнаго срока, книгоноша опять прѣѣзжаетъ, привозитъ новый запасъ книгъ, а эти увозитъ въ другую деревню и т. д.

Кромѣ нужды въ книгахъ, въ большинствѣ селъ и деревень имѣется большая нужда въ письменныхъ и разныхъ школьныхъ принадлежностяхъ: въ перьяхъ, бумагахъ, карандашахъ, грифеляхъ, линейкахъ, чернилахъ и т. п., такъ какъ не всѣ земства даютъ ихъ учащимся, предоставляя имъ самимъ пріобрѣтать на свой счетъ все необходимое. Но часто бываетъ, что до лавочки, гдѣ бы можно было купить это, далеко, при томъ же въ ней берутъ очень большой барышъ при продажѣ этихъ вещей (100—200 и даже 300% ихъ стоимости). Учителя и учительницы иногда приходятъ на помощь, покупая на свои средства разные письменныя принадлежности оптомъ и продавая ихъ по настоящей цѣнѣ своимъ ученикамъ *). Но это все случайно,—такіе примѣры единичны, большинство же учителей предоставляетъ ученикамъ пріобрѣтать письменныя принадлежности, гдѣ хотать, отчего часто бываетъ недостатокъ въ нихъ и всегда—дурное ихъ качество. Изъ сказаннаго нами сейчасъ видно, какую большую службу могъ бы сослужить книгоноша и (какъ показываетъ опытъ Саратовскаго Земства) служить, въ дѣлѣ доставленія въ глухія деревни и школы школьныхъ и письменныхъ принадлежностей по настоящей ихъ цѣнѣ, при чемъ должна практиковаться сдача на комиссію ихъ учителямъ для продажи по мѣрѣ надобности школярамъ.

Вообще же, намъ кажется, что во всѣхъ операціяхъ книгоноши надо предоставить ему право продавать въ долгъ за его личной отвѣтственностью извѣстнымъ ему людямъ и позволять брать плату въ исключительныхъ случаяхъ натурой, такъ какъ все это можетъ расширить контингентъ покупателей.

Такимъ образомъ вопросъ о земскихъ книгоношахъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ впервые затронутъ въ 1890 году почтеннымъ авторомъ «Запросовъ Народа», подвинулся далеко впередъ и изъ области литературы и благихъ пожеланій людей, сочувствующихъ дѣлу народнаго просвѣщенія, перешелъ и переходитъ въ практику и можетъ ждаться, что на него обратятъ вниманіе всѣ Земства, озабоченныя возможно широкимъ распространеніемъ книгъ въ народной средѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ можно ждаться, что земскій книгоноша, ставши желаннымъ гостемъ врестьянина, будетъ также желаннымъ гостемъ и для сельскаго интеллигента, если только дѣятельность книгоношъ не будетъ включена въ тѣсныя рамки торговли народными книгами и картинами.

В. Солдатовъ.

*) Такъ напримѣръ, практиковали нѣкоторые учителя и учительницы въ Арзамасскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, которые брали въ книжномъ магазинѣ Л. А. Вѣйскаго письменныя принадлежности на комиссію и распродавали ихъ своимъ ученикамъ.

Исторія позитивной философіи.

Проф. Г. Геофдингга.

(Продолженіе).

2. Гербертъ Спенсеръ.

а. Биографія и характеристика.

За годъ до появленія знаменитаго сочиненія Дарвина, Гербертъ Спенсеръ составилъ планъ систематическаго изслѣдованія, которое должно было показать значеніе понятія развитія въ различныхъ областяхъ. Предшествовавшія этому занятія побуждали его видѣть въ этомъ понятіи главное понятіе нашего познанія, и вотъ у него является желаніе посвятить свою жизнь проведенію этой точки зрѣнія въ отдѣльныхъ частностяхъ. Не располагая состояніемъ, онъ искалъ поддержки у правительства, чтобы имѣть возможность привести въ исполненіе свой планъ. Люди, знакомые съ его прежними произведеніями,—такіе люди, какъ философы Стюартъ Милль и Фразеръ (преемникъ Гамильтона въ Эдинбургѣ), историкъ Гротъ, физиологъ Гексли, ботаникъ Гукеръ и физикъ Тиндаль,—снабдили его самыми лестными рекомендаціями. Произведеніе было рассчитано сначала на семь, а затѣмъ на десять томовъ; доведенное до конца, оно насчитываетъ девять томовъ. Хотя отъ правительства Спенсеръ и не получилъ поддержки, тѣмъ не менѣе съ большой настойчивостью осуществлялъ свой планъ, несмотря на то, что силы сплошь да рядомъ отказывали ему: первая часть произведенія (*First Principles*) начала выходить осенью 1860, а послѣдняя (окончаніе *Principles of Ethics*) появились весной 1893. Промежуточныя части посвящены биологіи, психологіи и социологіи. Интересно будетъ посмотрѣть, какъ возникъ и созрѣлъ планъ этого огромнаго произведенія *).

*) Чтобы дать биографію Спенсера и обрисовать ходъ его развитія, я пользовался, кромѣ отдѣльныхъ замѣчаній въ его сочиненіяхъ (особенно интересны замѣчанія въ статьѣ *The Classification of the Sciences, with Reasons for Dissenting from the Philosophie of M. Comte* 3. изд. стр. 31, 34, 46), краткой биографіей проф. Youmans, опирающейся на сообщенія Спенсера и помѣщенной въ американскомъ журналѣ *The Popular Science Monthly* (March 1876), и изложеніемъ рѣчи Youmans'a, которое можно найти въ отчетѣ о торжествѣ, устроенномъ въ честь Спенсера въ Нью-Йоркѣ осенью 1882. *Herbet Spencer on the Americans, and the Americans on Herbert Spenser. New York 1882 стр. 68—76.*

Гербертъ Спенсеръ родился 27 апр. 1820 г. въ Дерби. Его отецъ былъ выдающійся педагогъ, питавшій твердое убѣжденіе, что здороваго духовнаго развитія можно достигъ только путемъ самовоспитанія; поэтому онъ старался заставлять своихъ учениковъ самостоятельно мыслить и наблюдать. Спенсеръ уже рано обнаружилъ интересъ къ естествознанію и исторіи. Ему доставляло удовольствіе слѣдить за развитіемъ насѣкомыхъ; въ библіотекѣ отца онъ познакомился съ книгами разнообразнаго содержанія и горячо обсуждалъ съ своими братьями научные, политическіе и религіозные вопросы. Родители его были методисты; но церковная организація этой секты все менѣе и менѣе удовлетворяла его отца, и онъ примкнулъ къ квакерамъ, не принимая однако ихъ спеціальныхъ ученій; что его привлекало, такъ это ихъ «безпоповщина». Поэтому сынъ Гербертъ посѣщалъ по воскресеньямъ утрю квакеровъ съ отцемъ и вечерню методистовъ съ матерью. Позднѣе Спенсеръ отправился къ дядѣ, выдающемуся духовному лицу (англиканской церкви), принимавшему горячее участіе въ агитаціи за отмену хлѣбныхъ законовъ и оказавшему большія услуги дѣлу призрѣнія бѣдныхъ. Критическое отношеніе Спенсера ко всякимъ попыткамъ направлять общественныя отношенія при помощи болѣе или менѣе широкаго вмѣшательства государственной власти и его горячая вѣра въ свободное развитіе были заложены и вскормлены тѣми религіозными и политическими воззрѣніями, которыя онъ усвоилъ въ годы ранней юности. Родители думали, что подобно отцу онъ будетъ учителемъ; однако цѣлый рядъ лѣтъ онъ работалъ въ качествѣ гражданскаго инженера. Значительную часть времени занимали у него изученіе математики и механическія изобрѣтенія на ряду съ политической агитаціей. Первыми работами вышедшими изъ подъ его пера и заслуживающими вниманія, были нѣсколько статей объ истинной сферѣ государственной власти и статья о природѣ симпатіи; въ этой послѣдней онъ излагалъ теорію, сходную съ той, которую далъ въ свое время Адамъ Смитъ. Еще раньше занятія естественной исторіей сдѣлали его сторонникомъ теоріи естественнаго развитія видовъ. Онъ самъ говоритъ, что какъ разъ изученіе составленной Ляйлемъ геологіи, оспаривавшей въ прежнихъ изданіяхъ теорію Лямарка, и привело его (въ 1839 г.) къ убѣжденію въ правильности теоріи естественнаго развитія. Полное развитіе жизни представляется ему въ видѣ божественной идеи, которая должна осуществиться; намеки на нее и приближенія къ ней мы находимъ въ природѣ. Спенсеръ самъ заявляетъ, что въ этомъ сочиненіи онъ находится подъ вліяніемъ Кольриджа, а черезъ его посредство—Шеллинга. Эту телеологическую точку зрѣнія онъ впоследствии оставилъ и удовлетворился вмѣсто нея чисто фактической установкой развитія въ его различныхъ формахъ. Самое большое вліяніе на свою теорію развитія самъ онъ приписываетъ уже въ это время «той истинѣ, на которую смутно намекали впервые эмбриологическія изслѣдованія Гарвея, которая была понята съ большей ясностью (ана-

томомъ) Вольфомъ и получила свою опредѣленную форму у фонъ-Бера—истинѣ, состоящей въ томъ, что всякое органическое развитіе есть переходъ изъ состоянія однородности въ состояніе разнородностей. Эта истина, оказавшаяся справедливой для развитія отдѣльнаго организма, была для Спенсера приложима къ развитію во всѣхъ областяхъ; въ то же время для него стало ясно, что во всѣхъ областяхъ происходитъ развитіе. Въ небольшой статьѣ о гипотезѣ развитія, относящейся къ 1852 г. онъ принявъ въ соображеніе измѣненіе домашнихъ животныхъ и культурныхъ растений, трудность провести различіе между видомъ и разнородностью и сходство различныхъ формъ въ эмбриональномъ состояніи,—приходитъ къ тому окончательному выводу, что виды получили свои теперешнія формы путемъ развитія подъ вліяніемъ внѣшнихъ отношеній. Рѣшающее значеніе для совокупности его воззрѣній имѣло сочиненіе *Principles of Psychologie* (первое изданіе 1855). Значеніе этого сочиненія состоитъ въ томъ, что оно, хотя и имѣетъ своимъ основаніемъ опытную философію, тѣмъ не менѣе съ наглядностью показываетъ невозможность объяснить индивидуальное сознаніе опытами одного отдѣльнаго индивидуума. Весь предшествующій эмпиризмъ полагался на то, что вся задача сводится къ одному только—отыскать опыты, продѣланные отдѣльнымъ индивидуумомъ, чтобы понять жизнь его сознанія. Это убѣжденіе было такого рода, что должно было имѣть не только теоретическое, но и практическое значеніе. Вѣдь если жизнь сознанія человѣка опредѣляется только собственнымъ опытомъ индивидуума, то является возможность отлить его въ желательную форму путемъ пѣлесообразной организаціи воспитанія и общественныхъ отношеній. Стюартъ Милль и Контъ жаждали свою надежду на будущее развитіе человѣческаго рода въ значительной долѣ на этомъ убѣжденіи, хотя оно стояло въ странномъ противорѣчьи съ глубокимъ пониманіемъ историческаго развитія, свойственнымъ этимъ обоимъ мыслителямъ. Спенсеръ пришелъ теперь къ убѣжденію, что развитіе движется очень медленно какъ въ духовной, такъ и въ матеріальной сферѣ, проходя черезъ много промежуточныхъ звеньевъ, стадій, ни одного изъ которыхъ нельзя миновать. Неослабое воздѣйствіе условій жизни ведетъ ее къ новымъ формамъ и къ тѣмъ, между прочимъ, въ которыхъ она теперь проявляется. Поэтому мы не въ состояніи объяснить жизнь сознанія отдѣльнаго индивидуума опытами, продѣланными имъ самимъ, но должны восходить къ опыту рода, и не однѣ только традиціи вліяли здѣсь; на сокровенное строеніе духа, на тотъ видъ и способъ, какимъ связываются представленія и на то направленіе, въ которомъ развиваются чувства и стремленія, вліяютъ наслѣдственныя тенденціи, которыя становятся понятны только при предположеніи, что опыты предшествующихъ поколѣній оставляютъ послѣ себя извѣстное дѣйствіе. Наслѣдственность казалась до сихъ поръ любопытной странностью, которой приписывалось значеніе только въ совершенно отдѣльныхъ какихъ-нибудь бьющихъ въ глаза случаяхъ; теперь же ее приходится считать факторомъ, постоянно замѣшаннымъ даже въ самыхъ высокихъ формахъ жизни. Это рас-

ширение горизонта въ области психологіи побуждало Спенсера заняться отысканіемъ общихъ законовъ развитія, и въ то же время посмотрѣть, нельзя-ли именно изъ основныхъ-то законовъ нашего познанія и вывести эти законы развитія. Такимъ образомъ была дана идея эволюціонной философіи. Первый набросокъ ея появился въ статьѣ *Progress, its Law and Cause* (1857). Спенсеръ проводилъ здѣсь мысль, что всякое развитіе состоитъ въ переходѣ изъ однородности въ разнородность, и старался вывести его изъ закона сохранения энергіи. Въ первомъ изданіи «*First Principles*» онъ выставилъ только одну эту форму закона развитія; впоследствии онъ дополнилъ ее двумя другими: развитіе, какъ переходъ изъ разрозненности къ связности и какъ переходъ изъ состоянія неопредѣленности въ состояніе опредѣленности. И вотъ изданіе огромнаго произведенія стало быстро подвигаться впередъ.

Кромѣ названныхъ подготовительныхъ работъ, были и многія другія. Уже до работъ надъ своимъ большимъ произведеніемъ Спенсеръ обсуждалъ въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ различныхъ журналахъ, разнообразныя философскія, естественно-научныя, социологическія, эстетическія и этическія вопросы. Систематическія труды его представляютъ только дальнѣйшее, подробное (сплошь да рядомъ слишкомъ подробное) развитіе того, что было заложено въ этихъ краткихъ, ясныхъ, мастерскихъ большею частью и по формѣ статьяяхъ. Собранныя вмѣстѣ, онѣ вышли въ четырехъ томахъ *Essays* и составляютъ, быть можетъ, ту долю производительности Спенсера, которая обладаетъ наибольшей жизненной силой.

Во время работъ надъ первымъ изданіемъ своей психологіи Спенсеръ нажилъ благодаря переутомленію нервное разстройство, отъ котораго никогда не могъ уже потомъ вполне оправиться. Онъ началъ страдать хронической бессонницей. Болѣзнь настолько ухудшилась, что онъ едва не былъ вынужденъ отказаться отъ всякой работы. Въ послѣдніе годы однако (съ 1890), несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ могъ не только окончить свое произведеніе, но и былъ въ состояніи принять живое и энергичное участіе въ недавнихъ спорахъ въ области биологическаго ученія о развитіи (вызванныхъ гипотезой Вейсмана).

При оцѣнкѣ теоріи Спенсера рѣшающую роль играетъ вопросъ, удалось-ли ему достигъ задуманнаго имъ примиренія враждовавшихъ до сихъ поръ другъ съ другомъ мѣтній тѣмъ расширеніемъ эмпиризма и позитивизма, которое даетъ имъ понятіе развитія. Но если бы даже это ему и не удалось, если бы даже старыя проблемы, пройдя чистилищный огонь эволюціонной философіи, опять возникли въ новой формѣ,—все-таки не терять своего значенія то, что онъ расширилъ психологическій горизонтъ и доказалъ, что понятіе развитія есть главное понятіе спеціальнаго изслѣдованія. При оцѣнкѣ его труда не слѣдуетъ забывать, что дѣйствительная новизна его мысли состояла въ этомъ расширеніи и въ этомъ доказательствѣ, а не въ созданіи какой-нибудь опредѣленной философской или психологической теоріи. Кромѣ того, когда пишешь

сочиненіе на протяженіи тридцати съ лишнимъ лѣтъ, нельзя избѣжать того, чтобы въ изслѣдованіи не оказалось нѣкоторыхъ несообразностей и непоследовательностей, особенно если авторъ мѣняетъ свои возрѣнія въ отдѣльныхъ пунктахъ до окончанія своего труда.

Сочиненія Спенсера даютъ намъ только изрѣдка случаи познакомиться съ его внутренней жизнью. Изъ нихъ выносятся такое впечатлѣніе, что это не столь субъективная натура, какъ Милль и Контъ несмотря на весь ихъ позитивизмъ. Однако когда онъ отмѣчаетъ моменты развитія и устанавливаетъ его формулы, среди его длинныхъ индукцій и дедукцій можно найти выраженія теплаго чувства и тихаго воодушевленія. Онъ не чувствуетъ, какъ Милль, потребности непосредственно воздѣйствовать на людей. Эволюціонное ученіе открыло ему глаза на ту суровую борьбу, которую приходится выносить всему живущему, и на тѣ трудности, съ которыми приходится бороться особенно духовной и общественной жизни людей. Оно показало ему, что идеалы, осуществить которые надѣялись еще предшествующія поколѣнія въ ближайшемъ будущемъ, предполагаютъ длинный рядъ промежуточныхъ звеньевъ, которые должны быть все пройдены, и что поэтому эти идеалы лежатъ въ необозримой дали, какъ цѣль странствій человѣческаго рода. Поэтому смиреніе получаетъ такое большое значеніе въ томъ міросозерцаніи, которое возникаетъ на почвѣ его ученія. Онъ не думаетъ, чтобы интересы настоящаго времени должны были непременно поблѣкнуть передъ отдаленной цѣлью и быть принесены ей въ жертву. Но онъ хочетъ, чтобы настоящее понималось не только въ своей связи съ прошедшимъ, но и съ той точки зрѣнія, что оно составляетъ переходъ къ состоянію болѣе высокаго развитія. Спенсеръ самъ принадлежитъ безъ сомнѣнія къ числу тѣхъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ заключительныхъ словахъ своего огромнаго произведенія (*Princ. of Eth.* II, стр. 433): «Высочайшее честолюбіе хорошаго человѣка будетъ состоять въ томъ, чтобы принять хотя бы крайне незначительное и незамѣтное участіе въ развитіи челоуѣчности (*the making of Man*). Опытъ можетъ показать намъ, что преслѣдованіе совершенно безкорыстныхъ цѣлей можетъ доставить радость, и съ теченіемъ времени будетъ находится все больше и больше такихъ людей, для которыхъ дальнѣйшее развитіе челоуѣческаго рода будетъ составлять безкорыстную цѣль. Взвизрая съ высотъ мысли на далекій образъ жизни челоуѣческаго рода, наслаждаться которымъ имъ самимъ никогда не придется, и который осуществится только въ отдаленномъ будущемъ, они будутъ испытывать тихую радость отъ того, что содѣйствуютъ его прішествію».

Годъ спустя послѣ того, какъ Спенсеръ изложилъ идею своей эволюціонной философіи, вышла книга Дарвина о происхожденіи видовъ, дававшая совершенно новое и болѣе прочное основаніе ученію о развитіи. Въ предисловіи Дарвинъ называетъ въ ряду своихъ предшественниковъ и Спенсера, а впоследствии (въ письмѣ

къ Ray Lankester'у отъ 15 марта 1870 г.) называетъ его «величайшимъ изъ нынѣ живущихъ философовъ Англiи». Вся теорiя Дарвина прекрасно подходила къ системѣ Спенсера; только Спенсеръ, признавая все значенiе естественнаго и подбора, придавалъ большую важность прямому развитiю благодаря употребленiю способностей подъ влiянiемъ отношенiй, чѣмъ Дарвинъ въ болѣе раннiе годы своей жизни.

Не лишено интереса то обстоятельство, что Стюартъ Милль, относившiйся сначала скептически къ эволюционной психологiи Спенсера, убѣжденно заявлялъ впослѣдствiи, что духовное развитiе происходитъ благодаря наслѣдованiю способностей не только у индивидуума, но и въ расѣ. Это измѣненное убѣжденiе онъ высказалъ за годъ до своей смерти въ письмѣ къ физиологу Карпентеру (напечатано въ сочиненiи послѣдняго *Mental Physiologie*. Стр. 486).

в. Философiя, какъ познанiе, сведенное къ единству.

Проблема объ отношенiи религiи и науки возникаетъ не только всякiй разъ, когда специальная наука включаетъ въ свою область какое-нибудь новое явленiе, но и тогда, когда мы дѣлаемъ попытки объединить въ формѣ всеобщихъ истинъ различныя, найденныя специальными науками истины. По Спенсеру философiя имѣетъ своей задачей вести дальше работу, лежащую на обязанности специальныхъ наукъ, каждой въ ея области, — отыскивать единство среди разнообразiя явленiй, — путемъ изысканiя законовъ, общихъ всѣмъ различнымъ областямъ нашего опыта. Задача эта сводится къ тому, чтобы отыскать высшую истину, изъ которой можно вывести механическiя основоположенiя, физическiе и психологическiе принципы и социальныя законы. Только тогда можно будетъ положить основанiе философiи, какъ познанiю, сведенному къ полному единству (*completely unified knowledge*).

Философiя начинаетъ тѣмъ, что допускаетъ предварительно правомѣрность тѣхъ основныхъ принциповъ, на которые опирается всякое мышленiе. Это предварительное допущенiе находитъ себѣ затѣмъ оправданiе въ томъ, что слѣдствiя, которыя можно вывести изъ него, согласны съ опытомъ. Правильность извѣстной предпосылки можно доказать только ея согласiемъ со всѣми другими допущенiями. Истина можетъ состоять для насъ только въ полномъ согласiи нашихъ представленiй (*representations of things*) съ нашими воспрiятiями (*presentations of things*). Разъ наши ожиданiя не совпадаютъ съ нашими воспрiятiями, то допущенiе, изъ котораго мы исходили, было неправильно. Полное доказательство правомѣрности допущенiя путемъ согласiя его со всѣми другими допущенiями ведетъ насъ опять таки къ тому сведенiю всего познанiя къ единству, въ которомъ состоитъ философiя. Но это значитъ въ то же время, что всякое доказательство правомѣрности отдѣльныхъ допущенiй предполагаетъ правомѣрность той дѣятельности мышле-

нiя, при помощи которой мы находимъ сходство или различiе вещей. Эта дѣятельность мышленiя лежитъ въ основѣ всякаго познаниа, чего бы оно ни касалось, какъ воспрiятiя, такъ и умозаключенiя. Всякое доказательство предполагаетъ этотъ *primordial act* и правомѣрности послѣдняго нельзя повтому оспаривать; всякое опроверженiе было бы уже доказательствомъ.

Мы мыслимъ всегда отношенiями. На ряду съ отношенiемъ сходства и различiя имѣетъ значенiе отношенiе послѣдовательности и сосуществованiя. Отношенiе сосуществованiя выводится изъ отношенiя послѣдовательности: мы представляемъ себѣ одновременными такiя различныя явленiя, когорыя можно было бы представить себѣ и въ какомъ-нибудь другомъ порядкѣ. Коренной опытѣ, лежащiй въ основанiи всякаго воспрiятiя сходства или различiя, послѣдовательности или сосуществованiя, мы уже знаемъ; это—ощущенiе силы: чего то такого, что оказываетъ противодѣйствiе или порождаетъ измѣненiе и что представляется нами по аналогii съ нашимъ собственнымъ ощущенiемъ напряженiя. Матерiя и движенiе суть только проявленiя силы, а время и пространство—формы ея проявленiй. Понятiе силы есть послѣднее понятiе, къ которому мы приходимъ въ концѣ концовъ какъ въ области внутренняго, такъ и въ области виѣшняго опыта. Мы правильно поступаемъ, различая между Я и Не-Я; но то и другое суть только различныя виды проявленiя понятiя силы. Весь матерiаль и все содержанiе нашего мышленiя—различныя виды силы.

Понятiе силы символично, слѣдовательно это понятiе—высшiй символъ (*the ultimate symbol*). Оно отсылаетъ насъ къ нашему субъективному опыту, по аналогii съ которымъ мы понимаемъ все остальное. Спенсеръ напоминаетъ въ этомъ пунктѣ метафизическiй идеализмъ, который прибѣгаетъ къ этой аналогii для рѣшенiя проблемы бытiя. Онъ сознается, что будь въ нашей власти сдѣлать выборъ между сведенiемъ духовныхъ элементовъ къ матерiальнымъ или матерiальныхъ къ духовнымъ, мы должны были бы выбрать послѣднее. Сводить извѣстное на неизвѣстное—абсурдъ; понятную гипотезу можно получить, только сводя неизвѣстное къ извѣстному и разсматривая, слѣдовательно, объективные, матерiальные элементы какъ сходные по своей сущности съ природой субъективныхъ элементовъ нашего сознанiя. Но подобное сведенiе Спенсеръ считаетъ невозможнымъ, такъ какъ мы не можемъ обойтись безъ того, чтобы не истолковывать духовныя элементы въ формахъ и отношенiяхъ, заимствованныхъ изъ виѣшней природы. Ясное и наглядное представленiе о природѣ сознанiя мы можемъ получить только употребляя образы, взятые изъ матерiальнаго мiра. Поэтому мы должны остановиться на различенiи между психическими и матерiальными явленiями и удовлетвориться доказательствомъ того, что оба вида проявленiя силы подлежатъ однимъ и тѣмъ же законамъ опыта.

Основное предположенiе всей науки сводится по Спенсеру къ тому, что сила въ мiрѣ ни возникаетъ, ни исчезаетъ. Всякое мышленiе состоитъ въ томъ, что что-нибудь ставится въ отношенiе къ

чему-нибудь другому. И вотъ, если бы сила исчезала или возникла изъ ничего, — во внѣшнемъ опытѣ это проявлялось бы въ томъ, что матерія уничтожалась бы или возникала, или въ томъ, что движеніе прерывалось бы или начиналось, — то получилось бы отношеніе нѣчто къ ничто или ничего къ нѣчто; но отношеніе, одинъ изъ членовъ котораго исчезаетъ изъ сознанія или не возникаетъ въ немъ, было бы противорѣчіемъ. Та сила, которую мы должны представлять себѣ такимъ образомъ постоянно существующею, не есть относительная, феноменальная форма силы, но та абсолютная сила, которая присуща всѣмъ вещамъ, и мы опять возвращаемся здѣсь, слѣдовательно, къ мысли, что въ основаніи всѣхъ эмпирическихъ явленій должно лежать абсолютное, къ мысли, которая обща религіи и наукѣ. Дѣло опытной науки отыскивать спеціальныя переходы, существующіе между различными формами силы. Но самый законъ сохранения энергии нельзя доказать экспериментальнымъ путемъ, потому что при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что всякій экспериментъ предполагаетъ его правильность. Въдѣ всякое взвѣшиваніе и измѣреніе предполагаетъ, что положенная въ основаніе единица измѣренія остается неизмѣнной во время взвѣшиванія и измѣренія. Если сила, съ которой тяжесть влечетъ къ землѣ, измѣняется въ то время, пока производится химическій опытъ, который долженъ опредѣлить тяжесть атома, то выведенное изъ опыта заключеніе неправильно. Поэтому сохраненіе силы есть принципъ или постулатъ, на который опираются всѣ изслѣдованія дѣйствительнаго міра.

Подобно Спинозѣ, Канту и Вильяму Гамильтону, Спенсеръ смотритъ, слѣдовательно, на законъ сохранения силы, какъ на совпадающій съ закономъ причинности. Мы найдемъ также, что многіе изъ тѣхъ естествоиспытателей, которые устанавливали законъ сохранения силы на экспериментальной почвѣ, исходили изъ того, что это есть въ сущности принципъ разума, такъ что вся задача сводится къ одному — показать, какъ онъ проявляется въ опытѣ. Такимъ путемъ шли, напр., Робертъ Майеръ, Джоуль и Кольдингъ. Однако, между этими двумя законами слѣдуетъ все-таки проводить различіе. Въдѣ въ природѣ могла бы господствовать закономерность даже и въ томъ случаѣ, еслибы сила возникала и уничтожалась, лишь бы только это возникновеніе и уничтоженіе было связано съ опредѣленными условіями. Вполнѣ мыслимо, что при наличности условія А всегда возникаетъ В, хотя бы В равнялось въ количественномъ отношеніи $A + x$, и что при наступленіи условія С всегда возникаетъ D, хотя бы $D = C + y$. Въ такомъ случаѣ законъ причинности сохранялъ бы свою силу, несмотря на то, что законъ сохранения энергии не имѣлъ бы силы. Это показываетъ, что законъ сохранения силы болѣе спеціаленъ по своей природѣ, чѣмъ законъ причинности, если послѣдній выражаетъ только правило наступленія явленій. Закономерность природы не была бы совершенно нарушена, еслибы законъ сохранения энергии потерялъ свою силу. Иначе нѣсколько обстоитъ дѣло, если мы хотимъ констатировать въ

возможно болѣе широкихъ предѣлахъ, что какъ въ логическомъ слѣдствіи не замѣчается ничего больше, кромѣ того, что содержали уже въ себѣ послышки, такъ и въ реальномъ дѣйствіи не найдешь больше того, что содержала уже въ себѣ причина; этимъ начало причинности приближается къ возможно большому совпаденію съ началомъ доказательства. Но законъ причинности можетъ оставаться въ силѣ и безъ этой полной аналогіи съ логическимъ доказательствомъ. Поэтому дедукція Спенсера несостоятельна, хотя бы онъ и былъ правъ въ томъ, что всякая попытка доказать сохраненіе силы экспериментальнымъ путемъ предполагаетъ его въ извѣстномъ смыслѣ.

Изъ принципа сохраненія силы Спенсеръ выводитъ, что движеніе происходитъ въ направленіи наибольшаго притяженія или наименьшаго сопротивленія, что всякое движеніе ритмично и всѣ явленія подлежатъ развитію и разложенію. Такимъ путемъ онъ переходитъ отъ разсмотрѣнія философіи, какъ знанія, сведеннаго къ единству, къ разсмотрѣнію философіи, какъ ученія о развитіи. Но прежде чѣмъ послѣдовать за нимъ въ этомъ направленіи, мы должны сначала спросить, какіе выводы дѣлаетъ онъ изъ закона сохраненія силы касательно отношенія между психическими и матеріальными явленіями. Спенсеръ не имѣлъ намѣренія специально разсмотрѣть эту проблему, и въ его сочиненіяхъ, въ ихъ теперешнемъ видѣ, замѣчается нѣкоторое колебаніе въ этомъ пунктѣ, находящее себѣ объясненіе въ томъ, что Спенсеръ измѣнилъ свою точку зрѣнія за время, протекшее между различными изданіями его трудовъ, не проведя этихъ измѣненій тщательно по всѣмъ пунктамъ въ новыхъ изданіяхъ. Отсюда возникаютъ замѣчаемыя въ его разсужденіяхъ противорѣчія *).

Сначала (въ первомъ изданіи «Principles of Psychology» и «First Principles») онъ видѣлъ въ отношеніи между психическимъ и матеріальнымъ отношеніе, подобное тому, которое существуетъ между различными силами природы, и думалъ, что матеріальное переходитъ въ психическое такъ же, какъ движеніе въ теплоту. Возникновеніе ощущеній объясняется, слѣдовательно, закономъ сохраненія силы. Такъ какъ въ этомъ мнѣніи хотѣли видѣть матеріализмъ (какъ нѣкоторые критики это и дѣлали), то Спенсеръ проситъ помнить, что матерія и движеніе суть для него въ конечномъ итогѣ только символическія выраженія непознаваемой силы, присущей всѣмъ вещамъ. Но въ послѣдствіи онъ обратилъ вниманіе на то, что возникновеніе проявленій сознанія нельзя вывести изъ закона физическаго сохраненія энергіи. Именно возникновеніе ощущенія изъ движенія, какъ эквивалентъ послѣдняго, несомнѣнно съ ученіемъ о непрерывности движенія. Въ слѣдующемъ изданіи Спенсеръ раз-

*) Въ 1876 г. я обратилъ вниманіе Спенсера въ частномъ письмѣ на эти противорѣчія: въ своемъ отвѣтѣ онъ объяснилъ ихъ указаннымъ образомъ и замѣтилъ при этомъ, что до сихъ поръ они ускользали отъ его вниманія.

считается поэтому отношеніе между психическимъ и матеріальнымъ согласно съ монистической гипотезой такъ, что они должны представлять собою двѣ феноменальныя, взаимно несводимыя формы непознаваемой силы. Потому что, принять-ли между психическимъ и матеріальнымъ отношеніе тождества или взаимодѣйствія, все равно развитіе можетъ сохранять въ обѣихъ областяхъ однѣ и тѣ же основныя черты, а это и имѣетъ рѣшающее значеніе для эволюціонной философіи. Во всякомъ случаѣ психическаго развитія нельзя объяснить согласно монистической гипотезѣ путемъ дедукціи изъ сохраненія физической силы; но соответствующій (*obverse*) душевной жизни матеріальный процессъ допускаетъ подобное объясненіе*). Если Спенсеръ объясняетъ въ своемъ эволюціонномъ ученіи все развитіе законами матеріи и движенія, и несмотря на это употребляетъ въ поясненіе къ формамъ развитія примѣры какъ изъ психологіи и соціологіи, такъ и изъ астрономіи и физиологіи, то это оправдывается тѣмъ, что—изъ какой бы гипотезы мы ни исходили, безразлично,—психическія явленія разсматриваются, какъ закономерно связанныя съ матеріальными явленіями.

1. Философія, какъ ученіе о развитіи.

Искомое философіей единство знанія достигается по Спенсеру не только доказательствомъ того, что всякое изслѣдованіе опирается на одно общее предположеніе, но и установкой закона, общаго всѣмъ явленіямъ, даннымъ въ опытѣ. Спенсеръ систематизируетъ позитивизмъ, сводя частью все позитивное знаніе (фактическое знаніе) къ одному общему предположенію, частью устанавливая одинъ общій законъ или одну общую форму для всего положительнаго, для всѣхъ явленій. Каждое явленіе имѣетъ свою исторію: оно возникаетъ для насъ и исчезаетъ снова. Каждая отдѣльная наука описываетъ исторію *своихъ* явленій; и вотъ возникаетъ задача — поискать, не имѣютъ ли эти различныя историческіе процессы общихъ чертъ, такъ чтобы можно было установить *общій законъ развитія*. Оказывается, что всякое развитіе отличается тремя различными, болѣе или менѣе ясно выраженными, признаками, дающими намъ въ своей совокупности полное понятіе развитія.

*) *Gp. First Principles* 3 изд. стр. 318 и д. «Хотя развитіе различныхъ продуктовъ человѣческой дѣятельности носить такой характеръ, что нельзя сказать, чтобы они давали прямыя примѣры сличенія матеріи и разсѣянна движенія (которое Спенсеръ предполагаетъ во всякомъ развитіи, такъ какъ части формирующагося цѣлага должны терять свое самостоятельное движеніе), тѣмъ не менѣе они служатъ *косвенно* примѣрами его». Стр. 391: Тѣ явленія, которыя воспринимаются субъективно въ видѣ измѣненій сознанія, воспринимаются объективно, какъ нервныя процессы, объясняемые въ настоящее время наукой, какъ процессы движенія». — *Principles of Psychology* 2 изд. I стр. 508: «Хотя самаго развитія духа и нельзя объяснить рядомъ дедукцій изъ сохраненія силы, однако возможно, что его коррелятъ (*its obverse*), развитіе физическихъ измѣненій физическаго органа, допускаетъ подобное объясненіе».

Какъ уже было замѣчено, Спенсеръ установилъ первоначально одинъ только признакъ развитія, именно переходъ изъ однородности къ разнородности. Впослѣдствіи онъ увидѣлъ, что существуютъ совершенно простыя формы развитія, гдѣ эта черта играетъ совершенно подчиненную роль, и что сверхъ того необходимо установить еще третій признакъ, чтобы было возможно провести строгую границу между процессами развитія и разложенія.

1. *Развитіе, какъ концентрація* (или интеграція). Когда возникаетъ какое-нибудь явленіе, то происходитъ накопленіе, комбинація и концентрація элементовъ, находившихся ранѣе въ разсѣянномъ состояніи. При образованіи облака на небѣ или кучи песку на берегу происходитъ развитіе простѣйшаго вида, такъ какъ процессъ состоитъ почти исключительно въ выдѣленіи и скопленіи. Подобный процессъ концентраціи имѣлъ, по гипотезѣ Канта и Лапласа—мѣсто, когда наша солнечная система только что возникла изъ первоначальной туманности, части которой находились до тѣхъ поръ въ болѣе разсѣянномъ состояніи. Органическій ростъ происходитъ всегда потому, что органическая ткань воспринимаетъ въ себя элементы, находившіеся до тѣхъ поръ въ разсѣянномъ состояніи въ окружающемъ мірѣ.

Психологическій примѣръ мы имѣемъ во всякомъ обобщеніи, во всякомъ образованіи общихъ понятій и законовъ: мы концентрируемъ такимъ путемъ въ одной мысли цѣлый рядъ различныхъ воспріятій и представленій. Соціальное развитіе состоитъ прежде всего въ томъ, что индивидуумы или группы индивидуумовъ, жившіе ранѣе въ болѣе разсѣянномъ состояніи, примыкаютъ другъ къ другу.

2. *Развитіе, какъ дифференцированіе*.—Описывать развитіе, какъ процессъ одной концентраціи, можно только въ самыхъ простыхъ случаяхъ. Развитіе не ограничится выдѣленіемъ всей массы изъ окружающей среды; въ выдѣленной такимъ образомъ массѣ будутъ происходить въ свою очередь спеціальныя концентраціи, такъ что развитіе сдѣлается сложнымъ. И эти спеціальныя концентраціи будутъ проявляться все болѣе и болѣе въ ходѣ развитія, такъ что сравнивая болѣе раннія ступени съ позднѣйшими, мы найдемъ переходъ изъ состоянія однородности въ состояніе разнородности. Во время развитія солнечной системы происходитъ выдѣленіе различныхъ небесныхъ тѣлъ, каждое изъ которыхъ имѣетъ свои особенности. Органическое развитіе идетъ отъ однороднаго зародыша къ организму, снабженному тканями различныхъ родовъ и органами различнаго строенія и различныхъ функций. Органическая жизнь была въ общемъ по гипотезѣ Лямарка и Дарвина однороднѣе на болѣе раннихъ ступеняхъ, такъ какъ существующія теперь различія видовъ обязаны развитію изъ общихъ, основныхъ формъ. Сравнивая болѣе раннія ступени съ позднѣйшими, найдемъ, что чувства развиваются изъ способности менѣе отчетливаго и точнаго воспріятія, достигая все болѣе и болѣе отчетливости и точности, такъ что становится возможнымъ воспріятіе все болѣе

и больших различий. Мѣриломъ духовной жизни служить вообще не только ея концентрація, но и ея богатство. Во время социальнаго развитія складываются благодаря раздѣленію труда различные классы и сословія.

3. *Развитіе, какъ возрастающая опредѣленность.*—Но и въ процессѣ разложенія возникаютъ въ однородной до тѣхъ поръ массѣ различія. Чтобы отличить развитіе отъ разложенія, слѣдуетъ поэтому прибавить, что развитіе вызываетъ переходъ изъ состоянія большей неопредѣленности и беспорядочности въ болѣе опредѣленное и упорядоченное состояніе. Развитіе идетъ отъ хаоса, части котораго разбѣяны и однородны, къ сплоченному цѣлому, части котораго разнородны и находятся въ то же время въ опредѣленной, взаимной связи. Такъ—солнечная система, организмъ, сознаніе и человѣческое общество представляютъ собою болѣе или менѣе упорядоченныя цѣлыя. Эта третья точка зрѣнія возникаетъ въ сущности, благодаря соединенію первыхъ двухъ вмѣстѣ: упорядоченное цѣлое есть такое цѣлое, въ которомъ дифференціація частей идетъ рука объ руку съ концентраціей цѣлаго.

Повсюду въ мірѣ—въ великомъ и въ маломъ, въ духовномъ и матеріальномъ мірѣ—происходятъ только что описанные процессы развитія. На почвѣ сравнительнаго разсмотрѣнія этихъ процессовъ эволюционная философія формулируетъ основныя черты общей исторіи каждаго явленія. Но то, что найдено такимъ образомъ индуктивно, должно быть обосновано дедуктивно—выведено изъ закона сохранения силы.

Подъ однороднымъ дѣйствіемъ одной и той же силы произойдетъ прежде всего концентрація однородныхъ частей. Это случается, когда подъ влияніемъ вѣтра образуются кучи сухихъ листьевъ, песчаные наносы или облака. Такимъ же образомъ дѣйствуетъ естественный отборъ, требуя отъ тѣхъ живыхъ существъ, которыя должны быть въ состояніи существовать при опредѣленныхъ отношеніяхъ, совершенно опредѣленныхъ измѣненій; они выдѣляются такимъ образомъ въ качествѣ новыхъ видовъ изъ числа неспособныхъ продолжать жизнь. Затѣмъ по образованію однороднаго цѣлаго возникаютъ различія, какъ скоро однородныя части поддаются дѣйствію разнородныхъ силъ; а разъ будутъ вызваны различія въ состояніи частей, то однородныя силы будутъ производить на нихъ различное дѣйствіе. Органическій видъ будетъ измѣняться при различныхъ физическихъ отношеніяхъ; а если разновидности будутъ испытывать даже однородныя влиянія, то послѣднія не могутъ произвести на всѣхъ ихъ одно и то же дѣйствіе. Таково слѣдствіе закона сохранения силы, который былъ бы нарушенъ, если бы одинаковыя причины производили различное дѣйствіе на одинаковые объекты, или разнородныя причины—одинаковое дѣйствіе на одинаковые объекты, или одинаковыя причины—одинаковое дѣйствіе на разнородныя объекты.

Чтобы правильно понимать Спенсера, слѣдуетъ помнить, что его ученіе о развитіи не имѣетъ силы въ примѣненіи къ міру въ

его цѣломъ, о которомъ мы не можемъ составить себѣ никакого представленія, благодаря относительности нашего знанія; оно имѣетъ силу въ примѣненіи къ отдѣльнымъ цѣлымъ, возникающимъ въ кругу нашего опыта. Ему возражали иногда, что его «развитіе» непонятно, если оно должно начинаться, какъ абсолютная однородность: откуда же—спрашивали его—придутъ въ такомъ случаѣ различія? Спенсеръ самъ отчетливо поясняетъ, что онъ говоритъ только объ ограничен-ныхъ явленіяхъ и допускаетъ только относительную однородность и разнородность; понятія концентраціи и дифференціаціи, простоты и сложности слѣдуетъ принимать также въ относительномъ смыслѣ (First Principles. §§ 116, 149, 155). *Есмбы* было возможно мыслить все мірозданіе въ состояніи полнаго равновѣсія, причемъ по всему пространству были бы распределены съ абсолютной однородностью совершенно однородные центры силъ, то все пребывало бы вѣчно въ равновѣсіи. Но возможность подобной мысли исключается уже тѣмъ, что нельзя установить никакой границы пространства. Относительно всѣхъ извѣстныхъ намъ однородныхъ массъ имѣетъ силу утверженіе, что онѣ въ большей или меньшей степени дифференцировались.

Развитіе должно вести (предполагая, разумѣется, что оно ничѣмъ не прерывается извнѣ) съ необходимостью къ состоянію равновѣсія, въ которомъ достигаетъ своей вершины, какъ концентрація, такъ и дифференціація. Въ области развитія человѣка это состояніе имѣетъ смыслъ высшаго совершенства и счастья, такъ какъ оно сводится къ возможно большей гармоніи между людьми и природой и между людьми въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Но такъ какъ внѣшнія вліянія дѣйствуютъ непрерывно, то это состояніе равновѣсія не можетъ сохраниться съ теченіемъ времени. Развитіе смѣняется разложеніемъ, когда не будетъ хватать больше энергии поддерживать гармонію концентраціи и дифференціаціи вопреки постояннымъ вліяніямъ. И различныя стадіи разложенія приводятъ наконецъ къ новому хаосу. Въ кругу нашего опыта происходятъ постоянно какъ процессы развитія, такъ и процессы разложенія болѣе или менѣе значительныхъ цѣлыхъ. Если даже, какъ предполагаютъ нѣкоторые естествоиспытатели, наша солнечная система—и всѣ солнечныя системы—несутъ въ себѣ зародышъ разложенія, то всегда все-таки остается возможность образованія новыхъ системъ, такъ какъ всегда будутъ существовать внѣшнія силы, способныя привести въ дѣйствіе процессъ развитія. Всякое движеніе ритмично, а потому развитіе и разложеніе будутъ безконечно смѣнять другъ друга.

Гегель ручался въ своемъ идеалистическомъ ученіи о развитіи за вѣчный прогрессъ, такъ какъ «вышія единства» (соотвѣтствующія гармоніи концентраціи и дифференціаціи у Спенсера) должны быть постоянно почвой для новыхъ эволюцій; но Спенсеръ, какъ вѣрный позитивистъ, не можетъ ничего сказать, въ силу своего ученія объ относительности знанія, о томъ, что есть болѣе сильный процессъ въ мірѣ—развитіе или разложеніе. Благодаря своей

дуалистической точкѣ зрѣнія на отношеніе между абсолютнымъ и относительнымъ, онъ не хочетъ даже признавать абсолютнаго значенія за развитіемъ (а слѣдовательно и за всѣмъ ритмомъ развитія и разложенія). Здѣсь обнаруживается у него, какъ уже было показано раньше, противорѣчіе, такъ какъ онъ признаетъ связь явленій съ непознаваемымъ порядкомъ, лежащимъ въ ихъ основаніи (the connection between the phenomenal order and the ontological order). На одномъ онъ продолжаетъ неизмѣнно настаивать, на томъ, что мы не можемъ ограничивать дѣйствующую въ мірѣ явленій силу точно такъ же, какъ мы не можемъ установить границы времени и пространства. Однако свою дѣйствительную задачу онъ рѣшилъ, давъ характеристику той исторіи, которую переживаетъ каждое явленіе.

Перев. Д. Викторовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Письмо въ редакцію.

(О школьныхъ врачахъ).

М. Г.

г. редакторъ!

Недавно въ газетахъ появилось очень важное и интересное, хотя не вполне еще опредѣленное, извѣстiе о томъ, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенiя поднятъ вопросъ о привлеченiи состоящихъ при среднихъ учебныхъ заведенiяхъ врачей въ составъ педагогическихъ совѣтовъ—съ правомъ голоса по вопросамъ, связаннымъ съ здоровьемъ учащихся. Нельзя не видѣть всей желательности правильной постановки этой стороны нашего средняго образованiя: оно въ этомъ отношенiи очень отстало отъ предъявляемыхъ жизнью запросовъ и совершенно не согласовано съ элементарными требованiями гигиены. Весь вопросъ будетъ, конечно, въ томъ, какiя права будутъ даны санитарному надзору въ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ и какимъ образомъ будетъ обеспечено добросовѣстное исполненiе имѣющихъ быть возложенными на школьныхъ врачей обязанностей. Сейчасъ, если мы не ошибаемся, врачи при среднихъ учебныхъ заведенiяхъ получаютъ содержанiе, совершенно недостаточное для прожитiя, особенно въ большихъ городахъ. Это заставляетъ ихъ смотрѣть на свою службу здѣсь лишь какъ на дополнительный ко всѣмъ прочимъ занятiямъ заработокъ, а потому и удѣлять на это дѣло далеко не достаточное количество труда. При такой постановкѣ дѣла нечего и думать о систематическомъ надзорѣ за учащимися, слѣдить за тѣмъ, какъ влiяютъ на ихъ здоровье экзамены, то или другое распредѣленiе уроковъ въ теченiе дня (въ извѣстной пишущему эти строки гимназiи при распредѣленiи уроковъ совершенно не руководились гигиеническими соображенiями, и потому труднѣйшiе уроки часто назначались на самый конецъ учебнаго дня), количество времени и труда, затрачиваемыхъ учениками разныхъ возрастовъ, способностей, различной физической силы на домашнее «приготовленiе уроковъ», тотъ или другой характеръ сѣдаемаго учащимися въ стѣнахъ гимназiи «завтрака», освѣщенiе, вентиляцiя классныхъ комнатъ и рекреационныхъ залъ, наконецъ, пресловутое средство для физическаго развитiя учащихся—уроки гимнастики...

Личныя воспоминанiя не имѣютъ рѣшающаго значенiя: они не могутъ сказать, такъ-ли всегда бываетъ; но во всякомъ случаѣ они характеризуютъ то, что бываетъ иногда и можетъ быть часто, если не въ боль-

шинствѣ случаевъ. Въ нашей гимназіи уроки гимнастики были истинной мукой для множества учащихся. Послѣ трехъ или четырехъ часовъ уроковъ, послѣ получасовой «перемѣны», проведенной въ страшно пыльной и невѣроятно тѣсной «раздѣвальной» и потому всегда вызывавшей головную боль, вась (подъ угрозой оставленія на часъ послѣ уроковъ въ гимназіи, крика начальства, топанья на вась ногами, оскорбительныхъ эпитетовъ, въ родѣ: «негодяй», «жалкій, погибшій мальчишка» и т. п.) заставляли махать руками, поднимать въ разныя стороны то одну, то другую ногу, качать туловищемъ, когда и безъ того все въ тѣлѣ устало, все болитъ, и непреодолимо хочется поуютнѣе сѣсть, а еще лучше полежать, чтобы дать отдохнуть ноющей спинѣ и груди.

Или возьмемъ одну изъ внушенныхъ, конечно, заботами о благѣ воспитанниковъ, но крайне негѣло (по невѣжеству въ гигиенѣ) поставленныхъ педагогическихъ мѣръ. Вышло распоряженіе, чтобы по дорогѣ въ гимназію учащіеся носили «ранцы» обязательно на спинѣ, а отнюдь не въ рукахъ (кажется, это предписаніе мотивировалось тѣмъ соображеніемъ, что носеніе ранцевъ на спинѣ «выпрямляетъ и укрѣпляетъ грудь»). Выполненіе этого предписанія учащимися контролировалось при помощи дѣлой охоты на гимназистовъ. Какъ только звонилъ звонокъ, возвращавшій конецъ послѣдняго урока, нѣсколько гимназическихъ надзирателей выходили изъ гимназіи въ разныя стороны и становились за углами на ближайшихъ къ зданію гимназіи поворотахъ улицъ и переулковъ. Изъ подъѣзда гимназіи высыпаетъ толпа учениковъ—съ разговорами, шумомъ, сворачиваетъ въ переулокъ—и вдругъ оказывается лицомъ къ лицу съ однимъ изъ надзирателей. «Родионовъ, Смирновъ, Ключковскій—пожалуйте назадъ въ гимназію: у вась ранцы въ рукахъ!» Начинаются просьбы, слезы, ложь: «За что же, Василій Сергѣевичъ?.. Простите, я больше никогда не буду... У меня только сегодня въ гимназіи ремни оборвались!... А я только хотѣлъ надѣть ранецъ, а Вы меня и замѣтили...» и т. д., и т. д. И вотъ, въ гимназію возвращается нѣсколько процессій плачущихъ гимназистовъ съ надзирателями. Опять крикъ, топанье ногами, оставленіе въ гимназіи съ «выставкой въ корридорѣ», и проч. по порядку. При «выставкѣ въ корридорѣ» требовалось, чтобы наказанные стояли строго въ одну линію на черной полоскѣ, обрамляющей паркетъ, съ ранцами на спинѣ и отнюдь не прислоня ихъ къ стѣнѣ. За исполненіемъ этихъ требованій слѣдилъ стоявшій рядомъ надзиратель, и въ такомъ положеніи ученики выдерживались отъ 15 минутъ до $\frac{3}{4}$ часа, иногда нѣсколько больше. Между тѣмъ, носить ранцы на спинѣ очень многимъ ученикамъ было дѣйствительно страшно тяжело; это особенно касалось болѣе прилежныхъ учениковъ изъ числа слабосильныхъ (а сколько у насъ въ гимназіяхъ не-слабосильныхъ?!); старательное отношеніе къ занятіямъ заставляло ихъ брать въ гимназію всѣ тетради и книги, какія только могли понадобиться для занятій или даже для справокъ. И биткомъ набитый ранецъ такъ давилъ имъ грудь,

спину, ремни такъ рѣзали плечи и подъ мышками, что на пути домой они нѣсколько разъ останавливались на улицѣ, опирая ранецъ гдѣ-нибудь о заборъ, чтобы нѣсколько разъ свободно перевести духъ и хоть немного уменьшить боль въ груди и плечахъ.

Что же получалось въ результатѣ: совершенно излишнее утомленіе учащихся, которые приходили домой донельзя усталыми, съѣдали безъ всякаго аппетита свой обѣдъ, который ложился въ желудкѣ камнемъ, а затѣмъ почти тотчасъ же должны были на 3, 4 или даже 5 часовъ садиться за «приготовленіе уроковъ». Это, конечно, одинъ фактъ, одинъ маленькій уголокъ педагогическаго міра. Но что если тѣ же принципы господствуютъ и во всемъ остальномъ?! Тогда прежде чѣмъ удивляться «дряблости» молодыхъ поколѣній и негодовать по этому поводу, надо будетъ серьезно и добросовѣстно изучить ту школьную обстановку, въ которой проходитъ дѣтство и юность нашей молодежи.

И такихъ сторонъ школьной жизни, въ которыхъ необходимо влияніе самостоятельно поставленнаго и всецѣло посвящающаго свой трудъ учебнымъ заведеніямъ врача,—безчисленное множество. Надо думать, что большая близость школьныхъ врачей къ педагогическому дѣлу поставить и выяснить множество вопросовъ, нуждающихся въ плѣсообразныхъ мѣропріятіяхъ. Сейчасъ у насъ недостаточно еще появляется изслѣдованій по гигиенѣ школъ и учащихся; хотя кое-что и въ этой области есть, *) но если сравнить съ той массой изслѣдованій, какая выходитъ изъ подъ пера военныхъ врачей по вопросамъ о гигиенѣ войскъ, то этого окажется очень мало. И это совершенно понятно: въ войскѣ врачъ—гораздо менѣе чужой, онъ—не врагъ, котораго надо держать подальше; войско должно быть сильно и здорово, такъ какъ безъ этого оно не въ состояніи будетъ выполнить своего прямого назначенія. Это всякому ясно и понятно.

Но что образованные люди представляютъ изъ себя тоже своего рода армію—мирную армію культуры, что для выполненія ихъ миссіи имъ также необходимо здоровье, что слабость тѣла влечетъ за собой и слабость воли и умственной инициативы,—это понимаютъ гораздо меньше. Поэтому, крайне желательно, чтобы врачи получили свободный доступъ и независимое положеніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: тогда мы, вѣроятно, будемъ гораздо лучше, чѣмъ теперь, знать, какъ живетъ учащаяся молодежь, отъ какихъ неустройствъ она страдаетъ и чѣмъ ей можно помочь.

В. И.

*) Укажемъ на работы въ этой области д-ровъ Виреніуса, Нестерова, Игнатъева и др.; указанія на эту литературу можно найти, напр., въ статьѣ К. Э. Вагнера «Положеніе и значеніе врача въ профессиональныхъ учебныхъ заведеніяхъ» (Врачъ, 1896 г., № 10).

На Западѣ.

(Изъ Германіи).

«О любви къ отечеству и народной гордости».

Въ одинъ изъ жаркихъ августовскихъ дней нынѣшняго нѣсколько запоздавшаго лѣта семилѣтній сынъ моихъ хозяевъ вернулся домой изъ школы съ радостнымъ заявленіемъ:

— Сегодня нѣтъ занятій, сегодня были поминки по князю Бисмарку, послѣ чего насъ освободили отъ занятій.

— Какъ же вы поминали князя?—полюбопытствовалъ я.

— Да я ужъ не помню теперь,—отговаривался юный бисмаркианецъ.

— Мы нѣмцы боимся только Бога и никого больше на свѣтѣ!—вотъ что говорилъ ректоръ.

— А что еще?

— Ахъ, я право не помню!

Тѣ торжественныя поминки, при которыхъ Вальтеръ съ товарищами фигурировали въ качествѣ статистовъ, оставили въ памяти семилѣтняго школьника лишь извѣстное бисмарковское изреченіе о безстрашии нѣмцевъ, — изреченіе, встаети сказать, заимствованное у французовъ и только видоизмѣненное Бисмаркомъ. Это оставшееся въ памяти Вальтера изреченіе есть обыкновенный заключительный аккордъ всѣхъ нѣмецкихъ національных, патриотическихъ торжествъ. Трудно себѣ представить болѣе непостижимое и съ педагогической точки зрѣнія болѣе нецѣлесообразное явленіе, какъ это систематическое привлеченіе едва лепечущей дѣтвора въ пышнымъ патриотическимъ торжествамъ. Это явленіе находитъ свое объясненіе, между прочимъ, въ крайне декоративномъ характерѣ патриотическихъ демонстрацій въ современной Германіи. Въ этомъ отношеніи можно провести извѣстную аналогію между искусствомъ и жизнью.

Въ развитіи искусства періоды упадка, часто слѣдующіе за періодами значительнаго подъема, характеризуются преобладаніемъ декоративнаго элемента надъ монументальнымъ. Другими словами: определенная художественная идея не находитъ болѣе чистаго непосредственнаго воплощенія въ произведеніи искусства, но всецѣло приурочивается для наружныхъ,

кричащихъ эффектовъ. Декоративная часть, которая, примѣрно, у монументальнаго зданія занимаетъ какъ бы служебное мѣсто, вдругъ дѣлается сущностью всего зданія, элементомъ, которому все остальное всецѣло подчинено...

Нѣчто подобное замѣчается и въ жизни народовъ. И въ національной жизни существуютъ періоды упадка, когда господствуетъ одна внѣшность, когда все монументальное завалено ворохами декоративной мишуры... Для болѣе или менѣе внимательнаго наблюдателя нѣмецкой жизни не подлежитъ сомнѣнію, что Германія въ настоящее время переживаетъ такой періодъ, что все, обозначаемое здѣсь «національной жизнью», до неузнаваемости загорожено и перегорожено пестрыми декораціями, что подчеркиваніе «національнаго величія, національныхъ стремленій, идеаловъ и пр.» у многихъ есть лишь одинъ громкій, но пустой звукъ, лишенный внутренняго смысла. Здѣсь празднуютъ одно національное торжество за другимъ, здѣсь то и дѣло ставятся патріотическіе памятники живымъ и мертвымъ героямъ объединеннаго отечества. При этомъ въ самыхъ памятникахъ декоративная отдѣлка исчерпываетъ почти все искусство, а въ торжествахъ—нѣтъ конца блестящимъ зрѣлищамъ и эффектнымъ фееріямъ. Эти зрѣлища и фееріи при бенгальскомъ освѣщеніи сводятся обыкновенно къ противопоставленію славнаго настоящаго безславному прошлому, современной Германіи прежней разрозненности. А какой смыслъ всей этой суетолоки—остается скрытымъ и непонятнымъ. То и дѣло слышишь патріотическія вскрикиванія на разные лады: «Необходимо-де хранить и лелѣять наши національныя сокровища!»... Какія такія сокровища? Эти приторныя восхваленія, съвозъ которыхъ слышится пренебреженіе къ «національнымъ сокровищамъ» другихъ народовъ?.. Никто не станетъ спорить противъ того, что данный народъ отъ времени до времени съ радостью останавливаетъ свой взоръ на добытыхъ «національныхъ сокровищахъ» и торжественно клянется ихъ хранить и лелѣять. Но вѣчно кружиться въ атмосферѣ такихъ восторговъ, вѣчно захлебываться такими мыслями и чувствами, вѣчно стучать себѣ въ грудь и съ изступленнымъ видомъ защищать противъ кого-то національныя сокровища—это по меньшей мѣрѣ тяжелое зрѣлище. У великаго народа есть болѣе серьезныя задачи.

Новая германская имперія съ самаго начала вмѣстѣ съ объединеніемъ восприняла въ себя значительную дозу декоративной примѣси. Эта примѣсь присуща и старонѣмецкому, и старо-римскому, и наполеоновскому цезаризму. Не даромъ истинные патріоты, вродѣ извѣстнаго романиста и историка Густава Фрейтага, при самомъ основаніи имперіи высказывали свои опасенія на этотъ счетъ. Въ своей книгѣ объ императорѣ Фридрихѣ, своемъ рано скончавшемся любимцѣ, Фрейтагъ между прочимъ говоритъ: «Извѣстная спартанская простота и строгость держали до сихъ поръ въ дисциплинѣ чиновничество, армію и народъ. Новая имперія скоро измѣнитъ все это. Эта имперія имѣетъ своимъ условіемъ не только строгую охрану

правлящихъ домовъ, которымъ императорская корона обязана своимъ признаніемъ, но и строго опредѣленное представительство ихъ»...

Съ вновь объединенной имперіей начался собственно и подлинный культъ патриотизма въ Германіи. Въ своей настоящей острой формѣ этотъ такъ называемый патриотизмъ до 1870—71 года былъ почти не извѣстенъ нѣмцамъ. Сильное національное движеніе первой четверти настоящаго столѣтія не нашло себѣ поддержки и сочувствія въ тогдашнихъ высшихъ сферахъ и даже было прямо подавлено тогдашними властями. До 1870—1871 года въ отдѣльныхъ лицахъ и группахъ передоваго нѣмецкаго общества болѣе или менѣе живо сказывалась жажда національнаго обновленія, мечта о національномъ объединеніи; въ широкихъ же слояхъ населенія патриотизмъ носилъ чисто мѣстный характеръ. Этотъ мѣстный патриотизмъ, заключавшійся въ исключительной привязанности къ своей только провинціи, былъ такъ силенъ, что еще теперь, спустя почти три десятилѣтія послѣ объединенія Германіи, мы встрѣчаемъ его кое-гдѣ еще въ очень рѣзкой и даже сильно обострившейся формѣ. Въ Баваріи, напр., этотъ ярко выраженный мѣстный патриотизмъ принялъ окраску ожесточеннаго партикуляризма, рѣзкой оппозиціи противъ прусской гегемоніи. Какъ насмѣшка надъ объединеннымъ отечествомъ звучитъ тотъ извѣстный отвѣтъ баварскаго школьника, по мнѣнію котораго внѣшніе враги Германіи — французы и русскіе, а ея внутренніе враги—пруссакки... Вообще же говоря, съ основаніемъ имперіи вся система воспитанія и обученія была принаровлена къ тому, чтобы расширить сферу нѣмецкаго патриотизма, распространить ее на все обновленное германское отечество.

Одинъ французскій педагогъ, г. Бонъ изъ Ліона, опубликовалъ недавно статью о нѣмецкомъ патриотизмѣ, представляющую результатъ его продолжительныхъ наблюденій, произведенныхъ по порученію французскаго министерства народнаго просвѣщенія *). Авторъ этой статьи упрекаетъ нѣмецкую народную школу за то, что она культивируетъ въ дѣтяхъ преувеличенный патриотизмъ, вѣрнѣе шовинизмъ. Съ малыхъ-де лѣтъ нѣмецкіе школьники усваиваютъ пренебреженіе ко всему чужому, въ особенности къ тому, кого учебники и христоматіи чествятъ именемъ «наслѣдственнаго врага». Съ самаго нѣжнаго возраста нѣмецкія дѣти хорошо освѣдомлены на счетъ всѣхъ битвъ съ французами и побѣдъ надъ ними. Еще раньше, чѣмъ научаются читать, знаютъ они, что Наполеонъ былъ побитъ послѣ ожесточеннаго сраженія у Лейпцига... Французскій педагогъ, дѣлавшій свои наблюденія преимущественно надъ саксонскими школами, рассказываетъ про одного школьника семи лѣтъ, который на вопросъ: что такое островъ?—послѣ нѣкотораго раздумья отвѣтилъ: «да, я припоминаю; это то, куда увели плѣннаго Наполеона!»... Оказывается, что мальчикъ уже слышалъ про островъ св. Елены... Г. Бонъ формулируетъ

*) См. „L'éducation patriotique en Allemagne“ во французскомъ школьномъ ежегодникѣ за текущій годъ: *Annuaire de l'enseignement primaire*.

дальше задачу нѣмецкаго школьнаго шовинизма слѣдующимъ жестокимъ положеніемъ: «Разрушеніе Франціи, затѣмъ Россіи и Англіи, чтобы на ихъ развалинахъ водрузить знамя германскаго или лучше—прусскаго могущества надъ всей Европой, вѣрнѣе—надъ большею частью земного шара...

Кто знакомъ съ постановкой школьнаго дѣла въ Германіи и съ распространеннѣйшимъ типомъ нѣмецкаго народнаго учителя, тотъ не признаетъ справедливости приведенной здѣсь формулы въ обобщенномъ ея смыслѣ. Черезъ предубѣжденные очки,—я не хочу сказать: «наслѣдственнаго врага»,—но представителя нѣкогда побѣжденнаго, разгромленнаго и униженнаго нѣмцами народа можетъ это такъ показаться. Нѣтъ сомнѣнія, что мѣстами и временами нѣмецкій патриотизмъ въ школѣ и жизни доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ шовинизма, до самаго неистижимаго изуверства. Въ семьѣ не безъ уroda,—и въ многочисленной и, вообще говоря, симпатичной семьѣ нѣмецкихъ народныхъ учителей попадаются жестокие уроды, готовые не только разгромить все прочіе народы, но и дѣтей собственной фатерланда истязующіе до кровопролитія. Тѣлесныя наказанія, кстати сказать, одно изъ темныхъ пятенъ нѣмецкой школы и, къ стыду учителей, находятъ среди нихъ многочисленныхъ принципиальныхъ сторонниковъ...

Справедливость требуетъ сказать, что указанная формула не есть общее правило, что народная школа преподноситъ здѣсь своимъ питомцамъ не всегда и не одни лишь разрушительныя ученія. И всетаки въ ея обиходѣ столько ненужнаго баласта, въ ея патриотическихъ усиліяхъ—столько лишняго, недостойнаго великаго и просвѣщеннаго народа патриотическаго вздора, что вполне понятно желаніе лучшей части нѣмецкой интеллигенціи стряхнуть съ себя это жестокое наслѣдіе завоевательной эры, эту накипь столь возлюбленнаго нѣмецкаго милитаризма. Не французу, конечно, пристало кивать на шовинизмъ нѣмцевъ: тамъ, по ту сторону Вогезъ, эта спеція цвѣтетъ куда болѣе пышными букетами, тамъ въ виду однихъ событій самаго послѣдняго времени, въ виду изуверства Ропфоровъ, Дрюмоновъ и прочихъ національныхъ героев захватывается дыханіе, такъ что самый отъявленный нѣмецкій шовинистъ покажется невиннымъ агнецомъ... Въ видѣ смягчающаго обстоятельства мы можемъ, пожалуй, сказать, что тамъ идетъ рѣчь объ экспансивной и импульсивной романской націи, раздраженной къ тому же тяжелымъ пораженіемъ отъ рукъ болѣе счастливаго и побѣдоноснаго сосѣда.

Чтобы получить представленіе о патриотическомъ культѣ въ нѣмецкой школѣ и жизни, намъ незначѣмъ обращаться къ не всегда безпристрастной французской критикѣ этого явленія. Эта критика находитъ себѣ достаточный коррективъ во мнѣніи самихъ нѣмцевъ, которыхъ никакой разумный человѣкъ не упрекнетъ въ недостатокъ патриотизма. Почти одновременно съ появленіемъ помянутой статьи французскаго педагога, въ баденскомъ парламентѣ происходили дебаты по тому же самому предмету, и эти дебаты получаютъ теперь особый интересъ, такъ какъ, хотя и происходили раньше появленія извѣстной русской ноты о мирѣ, но служили той же:

идеѣ международной солидарности и примиренія. Основаніемъ для дебатовъ баденской камеры послужила петиція баденскихъ группъ «нѣмецкаго общества мира» о реформѣ школьнаго преподаванія въ народныхъ и среднихъ училищахъ баденскаго великаго герцогства. Само собою разумѣется, что продолжавшіеся цѣлыхъ три дня дебаты, хотя и происходили въ парламентѣ одного изъ союзныхъ государствъ Германіи и ставили себѣ ближайшей цѣлью реформу баденскихъ школъ, имѣютъ тѣмъ не менѣе одинаковое значеніе и для всей Германіи и общій интересъ *). Петиція «Общества мира» была передана первоначально въ парламентскую комиссію и, къ огорченію баденскихъ шовинистовъ, нашла тамъ сочувственное большинство, чѣмъ обезпечено было и ея обсужденіе въ общемъ засѣданіи палаты. Требования петиціи сводились къ слѣдующимъ пунктамъ; петиціонеры предлагаютъ народному представительству великаго герцогства воздѣйствовать на великогерцогское правительство въ слѣдующемъ смыслѣ:

- 1) Изъ преподаванія въ народныхъ низшихъ и среднихъ школахъ должна быть устранена вся шовинистическая примѣсь;
- 2) исторія войнъ должна излагаться лишь въ общихъ чертахъ;
- 3) въ противность этому культурная исторія должна войти въ программу преподаванія въ значительно расширенномъ размѣрѣ. Сообразно съ этимъ:
- 4) все учебники исторіи и школьныя хрестоматіи должны подвергнуться тщательной провѣркѣ относительно заключеннаго въ нихъ матеріала.

Петиція исходила изъ среды общества, стремленія котораго направлены къ осуществленію международного мира. Поэтому понятно, что докладчикъ комиссіи указывалъ на государственныхъ людей нашего времени, увѣряющихъ въ своемъ стараніи сохранить миръ. Этому-де служатъ и общества мира, агитируя въ пользу постепеннаго устраненія кровавой расправы между народами и введенія мирныхъ третейскихъ судовъ для разрѣшенія международныхъ споровъ. Такія стремленія носятъ въ себѣ самихъ свое оправданіе, такъ какъ они ставятъ себѣ отнюдь не неосуществимыя цѣли и вромѣ того сулятъ человечеству то, что въ сущности составляетъ общій интересъ цивилизованныхъ народовъ.

Но для осуществленія указанныхъ здѣсь стремленій чрезвычайно важно, чтобы при воспитаніи юношества тщательно устранялось все то, что можетъ мѣшать дѣлу международного примиренія и солидарности. Необходимо прежде всего, чтобы народная школа и преподаваніе въ ней были совершенно свободны отъ воинственныхъ тенденцій.

Не слѣдуетъ думать, что сторонники «Общества мира» и въ частности

*) Подробно см. Отчетъ баденскаго ландтага о засѣданіяхъ 28, 29 и 30 января 1898 года, въ извлеченіи—въ главномъ органѣ Союза нѣмецкихъ народныхъ учителей—„Pädagogische Zeitung“. № 13, отъ 31 марта, 1898 г.

тѣ члены этого общества, которые обратились съ петиціей, лишены такъ называемыхъ патріотическихъ чувствъ. Отсюда вѣтъ: самъ докладчикъ комиссіи наставлялъ на томъ, что патріотизмъ долженъ быть культивируемъ въ школахъ всѣми возможными разумными средствами. Патріотизмъ, по его мнѣнію, есть любовь къ родной землѣ, которая насъ питаетъ, — къ народу, который говоритъ на одномъ съ нами языкѣ, котораго помыслы и сокровенныя сердечныя влеченія находятся съ нами въ гармоніи. Патріотизмъ есть нѣчто настолько естественное, что при продолжительной разлукѣ съ родиной мы начинаемъ болѣть такъ называемою тоскою по ней... Эту любовь къ родинѣ культивировать и лелѣять въ дѣтяхъ есть настолько благородная задача, что нисколько не уступаетъ посвященію всего себя благу своего отечества, но, напротивъ, вполне сливается съ такимъ самопожертвованіемъ.

Вопросъ только въ томъ, какимъ путемъ всего лучше такой патріотизмъ культивируется въ сердцахъ юношества. Многіе въ Германіи думаютъ, что всего лучше указанная благородная цѣль достигается возможно болѣе обстоятельнымъ описаніемъ войнъ, сраженій и героической отваги полководцевъ и солдатъ. Между тѣмъ петиціонеры полагаютъ, что описывать войны достаточно въ общихъ лишь чертахъ и что заботливое изученіе культурной исторіи является лучшимъ средствомъ для пробужденія патріотическихъ чувствъ. Петиціонеры опасаются, что при очень подробномъ описаніи войнъ въ школьномъ преподаваніи патріотизмъ можетъ уклониться отъ надлежащаго пути своего развитія и выродиться въ шовинизмъ.

Для такого опасенія имѣется много оснований. Это мы видимъ изъ содержанія дебатовъ баденской камеры и въ особенности изъ обстоятельныхъ рѣчей нѣкоторыхъ ея ораторовъ. Въ своемъ отвѣтѣ на докладъ комиссіи представитель министерства народнаго просвѣщенія д-ръ Ариспергеръ указывалъ на то, что содержаніе патріотизма не исчерпывается только любовью къ родной землѣ и къ народу, говорящему однимъ языкомъ, но включаетъ въ себя и заботу о величій, чести, могуществѣ и славѣ нѣмецкаго отечества, о его прочности, независимости и свободѣ. Такой патріотизмъ, по мнѣнію Ариспергера, не подверженъ угрозѣ, если въ программу школьнаго преподаванія входитъ подробное изученіе войнъ. Съ этимъ-де тѣсно связана и культурная исторія...

Сторонникъ петиціи, депутатъ Венедей вполне согласенъ съ приведеннымъ здѣсь опредѣленіемъ патріотизма, но полагаетъ, что славу отечества слѣдуетъ искать не въ исторіи войнъ. Оно, конечно, прекрасное и возвышенное зрѣлище, когда народъ подымается на войну, но при этомъ забываютъ, что ни одинъ изъ воюющихъ народовъ не знаетъ, кто правъ — кто виноватъ, такъ какъ въ конечномъ результатѣ побѣдителемъ останется болѣе сильный... Вопреки же увѣреніямъ, что въ нѣмецкомъ народѣ нѣтъ шовинизма, Венедей полагаетъ, что можетъ быть раньше его не было, но что теперь прусскій духъ грозитъ направить развитіе и складъ

народнаго характера въ дурномъ направленіи. Славная военная исторія Пруссіи пробудила въ пруссакахъ духъ преувеличенной самоувѣренности и, по всеѣмъ видимостямъ, подъ этимъ вліяніемъ нѣмецкій національный характеръ начинаетъ много терять изъ своей терпимости къ другимъ народамъ.

Что касается спеціально употребляемыхъ въ школахъ учебниковъ и хрестоматій, то въ нихъ, и по мнѣнію Венедей, заключено много повиннистическихъ элементовъ, способныхъ породить въ умѣ школьниковъ совершенно извращенныя понятія о многихъ вещахъ. Въ этихъ школьныхъ руководствахъ дѣло часто представлено такъ, что французскій, напримѣръ, народъ имѣетъ гораздо меньше идеаловъ, чѣмъ нѣмцы. Еще до вступленія въ школу нѣмецкіе ребята кругомъ себя слышатъ побѣдную пѣснь: «Die Wacht am Rhein» и тотъ нѣмецкій гимнъ, гдѣ Германія превозносится превыше всего и гдѣ раздается угроза братскимъ союзнымъ отпоромъ всякому посягательству на нее. Она—Германія является въ образъ прекрасной женщины, бывшей попеременно жертвой разныхъ враговъ въ средніе вѣка, она побѣдительница въ эпоху реформаціи и лучезарная богиня въ наши дни... Со вступленіемъ въ школу ребенокъ то и дѣло слышитъ о своемъ отечествѣ, какъ о величайшемъ, могущественнѣйшемъ и славнѣйшемъ на всемъ земномъ шарѣ. Сообразно съ этимъ и самый нѣмецкій народъ изображается исполненнымъ неописуемыхъ добродѣтелей... «Знаешь ли ты страну, гдѣ нѣтъ лжи, гдѣ слово человѣка—правда...» Такъ поется и декламируется на разные лады. А тамъ, въ переднемъ углу народной школы и присутственныхъ мѣсть, портретъ «великаго нѣмца» и національнаго героя съ модифицированнымъ французскимъ откровеніемъ: «мы нѣмцы боимся только Бога и никого больше на всемъ свѣтѣ!»

Возвращаясь къ школьнымъ руководствамъ, мы встрѣчаемъ здѣсь сплошь да рядомъ страницы, на которыхъ лежитъ печать повинниста, тѣмъ болѣе преступнаго, что эти руководства предназначены для незрѣлыхъ умовъ. Взять хотя бы обыкновенныя описанія начала войны 1870—71 годовъ и причины ея возникновенія. Здѣсь съ серьезнымъ видомъ разсказывается, что «французы съ жадностью заглядывались и зарылись на угольныя копи въ Саарбрюкинѣ» и что чуть ли не изъ за этихъ копей они и затѣяли войну!.. Ни намекъ о томъ, что эти французы, французскій народъ такъ же мало повиненъ во всей войнѣ, какъ народъ германскій, что тамъ Наполеонъ думалъ съ помощью войны спасти свой пошатнувшійся тронъ, а здѣсь «великій нѣмецъ» считалъ моментъ подходящимъ для своей политики крови и желѣза,—и что тамъ и здѣсь «народы» были ровно не при чемъ. Между тѣмъ школьныя руководства твердятъ о «наслѣдственномъ врагѣ», твердятъ это 9—10-лѣтнимъ ребятамъ, не задумываясь даже надъ тѣмъ, что наслѣдственная вражда между народами есть, вообще говоря, дикій плодъ разстроенаго воображенія. Депутатъ Венедей не безъ основанія спрашивалъ въ баденской камерѣ: чѣмъ въ сущности были прежнія войны народовъ другъ противъ друга? Чѣмъ были прежніе народы вообще? На-

сильно въ невѣжествѣ закоснѣлой массой, у которой «болѣли зубы», когда баре затѣвали между собою драку... Понятіе наследственной враждебности вообще большая нелѣпность и не имѣетъ историческаго смысла и оправданія. Но даже если бы оно и имѣло такой смыслъ и оправданіе, то съ какой стати безпрестанно вызывать въ памяти живущихъ поколѣній то обстоятельство, что отцы и дѣды находились съ тѣмъ или инымъ народомъ во враждѣ?

Петиція указываетъ на то, что въ хрестоматіяхъ и школьныхъ руководствахъ военныя событія описаны съ большой подробностью, между тѣмъ какъ культурно-историческимъ описаніямъ отведено лишь очень ограниченное мѣсто. Изъ 36 разсказовъ, приведенныхъ петиціей изъ одной исторической хрестоматіи, 21 разсказъ исключительно заняты военными исторіями. Битва при Седанѣ описана на 10% страницахъ, а подъему Пруссіи въ 1813 году отведено только 7%. Петиція указываетъ на полнѣйшее пренебреженіе въ школьныхъ руководствахъ къ фактамъ мирнаго культурнаго развитія, культурныхъ завоеваній, изобрѣтеній и пр. О такихъ людяхъ, какъ Кеплеръ и Альбрехтъ Дюреръ ни намека; о развитіи ремесла и торговли, о вліяніи христіанства на развитіе культуры и т. п. также только слабыя намеки. Многіе полагаютъ, что пространныя культурно-историческія описанія могутъ прійтись не по силамъ ученикамъ низшихъ и среднихъ школъ. Но депутатъ Венедей совершенно резонно указываетъ на то, что на урокахъ Закона Божія дѣтямъ преподаются еще болѣе сложныя и серьезныя понятія, ихъ уму ставятся такимъ образомъ еще болѣе отвѣтственными задачи.

Неудивительно, если недостатки нѣмецкой исторіографіи отражаются и на школьномъ преподаваніи. До послѣдняго времени въ этой исторіографіи господствовала школа, которая въ войнахъ, дѣятельности полководцевъ и разныхъ другихъ вождей и героев видѣла главнѣйшіе факторы и двигатели историческаго процесса. Насколько упорно эта школа еще и по сіе время претендуетъ на свое господство, доказываетъ та чрезвычайно поучительная, но и ожесточенная полемика, какую вызвало выступленіе даровитаго Карла Лампрехта и культурная, матеріалистическая тенденція, положенная въ основаніе его «Нѣмецкой исторіи». Только теперь начинается пролагать себѣ путь новая и болѣе широкая точка зрѣнія на историческія судьбы нѣмецкаго народа. Этимъ объясняется и все настойчивѣе предъявляемое требованіе реформы школьнаго преподаванія. Покуда же мы въ историческихъ руководствахъ и хрестоматіяхъ находимъ всевозможныя вещи, но не находимъ ничего или очень мало о такихъ событіяхъ, какъ война 1866 года, какъ движеніе 1848 года и многое другое, послужившее первымъ рѣшительнымъ толчкомъ къ объединенію и ко всему складу современной Германіи.

Школьныя хрестоматіи въ Германіи переполнены поэтическими образцами, рассчитанными по преимуществу на то, чтобы будить въ дѣтяхъ патристическія чувства. Поэтическія произведенія, изъ которыхъ взяты

эти образцы, относятся большею частью къ тому времени, когда нѣмецкія земли стонали подъ тяжестью внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдъ, когда только лѣнивый не издѣвался надъ обезславленнымъ Михелемъ, когда поэтому необходимо было вдохнуть народу новую энергію, патриотическій энтузіазмъ и подвигнуть его на борьбу за освобожденіе. Разсматриваемые подъ такимъ угломъ зрѣнія, многіе изъ тѣхъ поэтическихъ образцовъ должны быть признаны возвышенными и вдохновенными. Вопросъ только въ томъ, годится ли эта поэзія подавленного національнаго чувства и кроваваго возмущенія для дѣтей девяти или десятилѣтняго возраста? Для болѣе зрѣлаго возраста, для такъ называемыхъ учреждений внѣ и послѣшкольнаго образованія—еще куда ни шло. Но съ тѣмъ это сообразно, что на урокъ, посвященномъ Закону Божьему, ребенку предлагается усвоить христіанскія заповѣди: «не убей», «люби ближняго своего какъ самого себя», а часъ спустя тотъ же школьникъ съ увлеченіемъ декламируетъ: «...Ты погрузи свой мечъ во вражеское сердце...» «...Мы смяли ихъ... Съ пробитой грудью, съ разможенной головой лежали они на поляхъ битвы...» «...Высшее счастье заключено въ мечѣ...» «...Зачѣмъ смущаться грудами труповъ?..» «Ихъ (французовъ) армія готова была совершить свой наглый разбой...» Французы то и дѣло честятся, какъ «наслѣдственные враги», англичане—какъ «торгашескія души».

Нѣмецкая школа дѣлаетъ съ своей стороны все возможное и, какъ мы видимъ, подчасъ совсѣмъ невозможное, чтобы вмѣстѣ съ начатками грамотности и общаго образованія внушить дѣтямъ и пламенную любовь къ отечеству. Чего не можетъ дать школа, то дополняетъ жизнь. Патриотическіе фереины неусыпно радѣютъ о подогреваніи каждаго эпизода изъ «славнаго прошлаго», объ увѣковѣченіи каждаго клочка земли, на которомъ разыгралось достославное событіе. Поля славныхъ побѣдъ и безславныхъ пораженій усѣяны памятниками, въ виду которыхъ пруссака, саксонецъ и баденецъ клянется всѣмъ святымъ не отступать отъ завѣта своихъ павшихъ за родину предковъ. И школьный учитель не ограничивается патриотическимъ воздѣйствіемъ на своихъ питомцевъ въ стѣнахъ школы. Случится ли какая нибудь патриотическая демонстрація, національное торжество въ память національнаго героя или великаго событія,—всегда въ такихъ случаяхъ школьной молодежи съ учителями во главѣ отводится особое мѣсто. Она участвуетъ въ цугѣ, слушаетъ восторженные рѣчи ораторовъ, поетъ хоромъ патриотическія пѣсни, ведется въ театръ, гдѣ на сценѣ проходятъ передъ ней ряды патриотическихъ картинъ, героевъ, событій изъ патриотической пьесы какого нибудь патриотическаго драматурга. Въ дни рожденія императора, короля или герцога особо назначенный учитель въ приличной случаю рѣчи рассказываетъ о славныхъ дѣлахъ монарха, о его добродѣтеляхъ, послѣ чего маленькіе патриоты поютъ нѣсколько надменный гимнъ: «Deutschland, Deutschland über Alles—über Alles in der Welt!..»

То основаніе, которое владеть элементарная народная школа въ области

патріотическаго культа, унащается даже средней и высшей школой въ связи съ массой факторовъ внѣ стѣнъ этихъ заведеній, сообща съ многочисленными организаціями и обществами, слушающими все той же патріотической задачѣ. Пришлось бы далеко зайти, если бы мы вздумали разбирать патріотическія функціи разныхъ студенческихъ патріотическихъ группъ, специально антисемитическаго «ферейна нѣмецкихъ студентовъ», или общества ветерановъ, т. н. Kriegervereine, имѣющихъ по всей Германіи до 2 милліоновъ членовъ и ставящихъ себѣ цѣлью «соединеніе всѣхъ патріотически и монархически мыслящихъ бывшихъ солдатъ всѣхъ слоевъ общества для культивированія въ своей средѣ и въ народѣ любви къ отечеству». Противъ такой задачи нельзя бы ничего возразить, если бы эти хорошія слова находились въ соотвѣтствіи съ дѣломъ и дѣятельностью этихъ обществъ. Но бѣда въ томъ, что съ теченіемъ времени они оставили нейтральную сферу своей дѣятельности, ударились въ «высокую политику», сдѣлались послушнымъ орудіемъ офиціозныхъ, офиціальныхъ и просто не въ мѣру усердствующихъ политикановъ, стали съ пѣной у рта агитировать въ пользу расширенія арміи и флота,—и потому съ дикими криками ура! бей его! выгоняютъ изъ своей среды коллегъ-ветерановъ, если кто позволитъ себѣ имѣть на счетъ разныхъ предметовъ свое особое мнѣніе и свой особый образъ мыслей... Германія—классическая страна ферейнскихъ организацій, и неудивительно, если и бывшіе войны соединяются въ сословіе и образуютъ свой новый Kriegerverein. Но легко себѣ представить, въ какое общественное зло способна превратиться организація почти въ 2 милліона душъ, слѣдовательно столько же избирателей, когда весь этотъ народъ, вмѣсто независимаго политическаго образа дѣйствій, по командѣ извнѣ кричитъ ура! оретъ Wacht am Rhein и безпрекословно пріивѣтствуетъ всякіе предложенные ему свыше проекты и законопроекты... Kriegervereine и въ дѣйствительности сдѣлались теперь притчей во языцѣхъ. О нихъ теперь говорятъ, потому что почти каждый день приносятъ новое изувѣрство съ ихъ стороны, содѣянное подъ руководствомъ какого нибудь дѣйствующаго или отставнаго генерала.

Я не буду касаться патріотической дѣятельности разныхъ гимнастическихъ обществъ, націоналистическихъ, германизаторскихъ ферейновъ и т. п., а потому приведу вмѣсто того нѣкоторыя явленія изъ недавняго прошлаго, какъ нельзя лучше иллюстрирующія весь внѣшній, дутый, декоративный характеръ нѣмецкаго патріотизма.

Одинъ почтенный берлинскій журналистъ и бывший членъ рейхстага Фридрихъ Дернбургъ, печатающій свои всегда интересные воскресные фельетоны въ берлинскомъ Tageblatt'ѣ, замѣтилъ какъ-то недавно, что торжества справляются обыкновенно не только въ честь кого нибудь, но еще чаще *противъ* кого нибудь. И такъ какъ люди въ политикѣ являются очень большими ненавистниками, то ихъ политическія торжества заключаютъ въ себѣ обыкновенно значительную полемическую струнку.

Эта полемическая струнка, — чтобы не сказать: струя, — съ самаго

начала проходила и черезъ извѣстное, каждый годъ справляемое, Седанское торжество. Сколько пинговъ доставалось въ седанскихъ рѣчахъ на долю одного несчастнаго Наполеона III! Каждый патріотически мыслящій нѣмецкій профессоръ, каждый патріотически-настроенный пригостишка считалъ своимъ патріотическимъ долгомъ лягнуть злосчастнаго французскаго императора... И вотъ судя по всему, судя, главнымъ образомъ, по тому, какъ сошло въ послѣдній разъ седанское торжество (2 сентября),—можно думать, что и самимъ нѣмцамъ—(вѣрнѣе: седанскимъ энтузіастамъ, такъ какъ широкіе «патріотическіе» слогъ нѣмецкаго народа никогда ничего общаго не имѣли съ этими патріотическими «ляганіями») — здорово таки приѣлись седанскія демонстраціи.

Седанское торжество съ самаго начала было плохой и несчастной выдумкой. Дерибурзь, участвовавшій въ походахъ 1870—71 года, увѣряетъ, что ближайшія къ покойному императору Вильгельму I лица, посоветовавшія ему день Седанской битвы сдѣлать національнымъ праздникомъ, были болѣе придворными джентельменами, чѣмъ знатоками народной души и умными политиками. Это было не болѣе какъ лестью придворныхъ джентельменовъ по отношенію къ старому монарху, когда день кровавой, хотя и нерѣшительной, битвы поставили въ центръ національныхъ торжествъ. Дерибурзь полагаетъ далѣе, что всему духу и складу нѣмецкаго народа соответствовало бы болѣе, если бы исходнымъ пунктомъ и центромъ торжественныхъ поминокъ о великой войнѣ и священномъ съ нею возрожденіи Германіи былъ избранъ не день кровавой битвы, а день заключенія мира или моментъ санкціонирования императорской конституціи. И если нельзя себѣ безъ ужаса представить, какія послѣдствія принесло бы нѣмцамъ пораженіе въ той войнѣ, если нѣмцы имѣютъ всѣ основанія быть признательными тогдашнимъ вождямъ, руководителямъ и борцамъ, то все же трудно изъ года въ годъ, въ одинъ опредѣленный день, приходить по этому поводу въ неопишуемый восторгъ. Такія торжества скоро приобрѣтаютъ принужденный шаблонный характеръ. Съ нѣмецкими торжествами это обстоитъ тѣмъ болѣе фатально, что нѣмцы, въ противоположность французамъ, итальянцамъ или американцамъ, не отличаются духомъ большой инициативы по части публичныхъ демонстрацій. Покуда берлинецъ рѣшится вывѣсить флагъ надъ своимъ домомъ, необходимо, чтобы съ высоты казенныхъ зданій и всякаго рода присутственныхъ мѣстъ былъ ему сдѣланъ внушительный кивокъ.

Въ этомъ году въ первый разъ седанское торжество справлялось безъ князя Бисмарка, этого послѣдняго великаго паладина героической эпохи. И кто внимательно слѣдилъ за ходомъ торжества и еще раньше за настроеніемъ, вызваннымъ смертью князя,—тотъ не можетъ не признать, что съ желѣзнымъ канцлеромъ умерло не только его тѣло, но и многое, что составляло его духъ, такъ или иначе влиявшій на нѣмецкій народъ... Юркіе газетчики, имѣющіе на всякій случай въ запасъ слезные некрологи и чувствительныя lamentаціи, еще за недѣлю до предвидѣнной смерти

князя, сдали въ наборъ свои некрологи и тотчас послѣ полученія вѣсти о его смерти, не выходя изъ редакціонныхъ кабинетовъ, писали о всеобщемъ потрясающемъ народномъ траурѣ. Говорить въ такихъ случаяхъ отъ имени народа, констатировать непроявленные народныя чувства — таковъ ужъ установившійся обычай газетныхъ властителей думъ и патристическаго жаргона... На самомъ же дѣлѣ и въ поминѣ ничего подобнаго не было.

Смерть Бисмарка случилась подъ воскресенье. Кто въ это воскресенье выѣзжалъ изъ Берлина въ подгородную большую рошу — Грюневальдъ, тотъ могъ видѣть обычную тамъ картину. Десятки тысячъ настоящаго нѣмецкаго народа, отъ мала до велика, расположились для своего излюбленнаго *Katekochen* въ многочисленныхъ ресторанахъ роши или подъ сѣнью ея тѣнистыхъ деревьевъ. Въ ближайшихъ спортсменскихъ паркахъ происходили велосипедные бѣга, гдѣ другіе десятки тысячъ народа съ напряженіемъ слѣдили за «рекордами» возлюбленныхъ и патентованныхъ велосипедистовъ Мюллеромъ, Шульце и какъ они всѣ тамъ называются, — и это въ тотъ самый моментъ, когда въ Фридрихруэской рошѣ отпѣвалось тѣло великаго покойника, національнаго нѣмецкаго героя, основателя и объединителя нѣмецкихъ земель въ единую Имперію.

Въ спортсменскомъ паркѣ играла военная музыка отнюдь не траурныя мелодіи, въ смежныхъ съ паркомъ кафешантанахъ и танцзалахъ по обыкновенію пѣли и плясали воскресные гости, на добрыхъ $\frac{3}{4}$ состоящіе изъ почтенныхъ нѣмецкихъ бюргеровъ.

Только на слѣдующій и послѣдующій день, когда свыше былъ отданъ приказъ поднять траурныя флаги на дворцахъ и казенныхъ зданіяхъ, то и надъ Берлиномъ вообще появились кое какіе внѣшніе признаки траура. Нѣмцы не научились еще погружаться и въ трауръ иначе какъ по командѣ. И въ этомъ далеко не неповиненъ и самъ великій покойникъ. Можно кровью и желѣзомъ сковать великую имперію, — и это сдѣлалъ желѣзный ванцлеръ. Но онъ ничего не сдѣлалъ, или вѣрнѣе: сознательно мало сдѣлалъ, чтобы содѣйствовать разумному политическому воспитанію нѣмцевъ, создать изъ нихъ свободныхъ, въ лучшемъ смыслѣ независимыхъ гражданъ объединенной имперіи.

При такихъ условіяхъ немыслимы настоящія «народныя» торжества. Этимъ объясняется, что и седанское торжество большей частью справлялось изъ-подъ полицейской палки и особенно усердно до тѣхъ поръ, пока жилъ великій полицменъ объединеннаго народа. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что уже съ самаго начала къ седанскому торжеству стали во враждебное положеніе двѣ большія нѣмецкія партіи — католическая и особенно рѣзко — рабочая. Организованныя въ социаль-демократическую партію рабочія массы не только оставались въ сторонѣ отъ седанскихъ демонстрацій, но и дѣятельно агитировали противъ этихъ демонстрацій, видя въ нихъ ненужное растравливаніе старыхъ ранъ фран-

цузскаго народа и триумфъ шовинизма, милитаризма и буржуазіи *). Въ «національный» празднигъ была, такимъ образомъ, перенесена повседневная глубокая рознь и расколъ въ средѣ самого нѣмецкаго народа. Седанское торжество, выражаясь словами Дерибурга, получило вскорѣ сугубый полемическій характеръ: его стали справлять въ пику не только внѣшнему, но и «внутреннему врагу».

По несповѣдливой волѣ судебъ русская нота о международномъ мирѣ пришла къ разѣ ко времени послѣ смерти князя Бисмарка и непосредственно передъ седанскимъ торжествомъ. Я не хочу вдаваться здѣсь въ туманныя сферы высокой и высшей политики, но мнѣ кажется, что, подобно смерти князя, и названная нота оказала извѣстное вліяніе на народъ и размѣры седанскаго торжества. Впрочемъ, я упоминалъ уже выше, что многимъ уже порядкомъ пріѣлись седанскія демонстраціи и только патриоты изъ разряда нѣмецкихъ антисемитовъ, шовинистическихъ національ-либераловъ, юнкеровъ и военныхъ фрейновъ находятъ въ такихъ демонстраціяхъ свое пьянственное удовольствіе. Городскія управления большинства нѣмецкихъ городовъ рѣшили съ начала будущаго столѣтія справлять седанское торжество только черезъ продолжительные промежутки времени. Это уже шагъ къ упраздненію или радикальному видоизмѣненію этого торжества.

Но какъ быть безъ народныхъ торжествъ, безъ національныхъ празднествъ? Если прежнія и существующія теперь не оказываются на надлежащей высотѣ и не могутъ даже быть названы «національными» въ желательномъ смыслѣ слова, то не возникнутъ ли изъ нѣдръ жизни и времени болѣе подходящія?..

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ—съ 1889 года—каждое первое мая, или въ первое майское воскресенье нѣмецкій рабочій людъ справляетъ свой особый празднигъ. Это, пожалуй, народный, но не національный празднигъ. Онъ не охватываетъ всей націи. Болѣе того: это агитаціонный, боевой празднигъ, также заключающій въ себѣ «полемику» противъ другихъ классовъ той же самой націи. Это празднигъ такъ называемаго классоваго пролетаріата.

Вотъ еще одна попытка созданія національнаго праздника. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ группа лицъ съ барономъ Шенкендорфомъ во главѣ соединилась въ «Комитетъ для устройства дѣтскихъ и народныхъ игръ» и съ чрезвычайными усиліями старается ввести въ Германіи своего рода олимпійскія игры. Въ одномъ изъ премированныхъ «Комитетомъ» произведеніи по этому поводу мы между прочимъ читаемъ **): «25 лѣтъ тому назадъ на кроввыхъ поляхъ Франціи было сооружено могучее зданіе Германской Имперіи. Теперь вся задача въ томъ, чтобы украсить и укрѣ-

*) См. брошюру одного изъ вождей рабочей партіи Игнатія Ауэра: «Sedanfeier und Socialdemokratie».

**) См. Dr. Rolfs: «Unsere Volksfeste». Leipzig. 1896.

пить его во всѣхъ направлєніяхъ, разлитъ повсюду нашу народность и наши силы, чтобы не остаться позади другихъ націй и приумножить блескъ нѣмецкаго имени.

Если затѣмъ паче чаянія ударить часъ, когда вся Германія должна будетъ опять подняться на защиту своего отечества, тогда мы представимъ съ боевымъ юношествомъ, которое, какъ никогда раньше, въ силахъ будетъ защитить наши драгоцѣннѣйшія національныя сокровища...»

Какъ видно, и въ нѣмецкой національной Олимпіи не обойдется безъ полемическаго задора, безъ оглушительнаго ура! Для подлиннаго національнаго праздника время, очевидно, еще не пришло, и, чего добраго, нѣмецкая Олимпія можетъ принести одно печальное разочарованіе. Только тогда, когда въ средѣ самого народа исчезнетъ рознь между отдѣльными классами, сословіями и исповѣданіями, только съ наступленіемъ социальнаго равенства и культурной общности раздастся благовѣсть истиннаго національнаго праздника.

Г. Гроссманъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Къ вопросу о классическомъ образованіи.

Въ послѣдней книжкѣ «Образованія» передано было содержаніе любопытной статьи Бинэ о тѣхъ опытахъ, которымъ онъ подвергалъ учащихся съ цѣлью выяснитъ характеръ ихъ умственныхъ способностей и опредѣлитъ, какія науки представляются болѣе подходящими для того или иного ученика. Эти опыты вызвали въ *Revue des Revues* не менѣе любопытный комментарий А. Риффеля, могущій служить поучительнымъ матеріаломъ для знакомства съ положеніемъ вопроса о классическомъ образованіи въ современной Франціи.

Какъ помнятъ читатели, Бинэ заставляетъ учениковъ описывать какой-нибудь простой предметъ, положенный передъ ними. Одинъ ученикъ даетъ возможно точное описаніе этого предмета, другой сочиняетъ нѣсколько фразъ не о самомъ предметѣ, а по поводу его. Изъ этого Бинэ выводитъ заключеніе, что первый обладаетъ умомъ «научнымъ», а второй—«литературнымъ» и что, слѣдовательно, первому слѣдуетъ дать образованіе реальное, а второму—классическое.

По этому поводу Риффель вспоминаетъ о наставленіяхъ Флобера своему племяннику и ученику, Гюи де-Мопассану: «Ты только тогда будешь хорошимъ писателемъ, когда твои слова и ихъ движеніе ста-

нужь вызывать въ умѣ читателя точное представленіе о томъ, что ты хотѣлъ описать». Флоберъ именно и совѣтовалъ начинающему писателю положить передъ собою какой-нибудь предметъ и постараться описать его съ такою точностью, чтобы это описаніе явилось какъ бы воспроизведеніемъ предмета.

Стало быть, говорить Риффель, «литераторомъ» слѣдуетъ называть вовсе не того, кто говоритъ по поводу описываемаго предмета, а того, кто пристально, внимательно наблюдаетъ данный предметъ и описываетъ его такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ. А Бинэ придаетъ эпитетъ «литературныхъ умовъ» людямъ просто съ слабыми умственными способностями.

Въ самомъ дѣлѣ, почему ученикъ не описываетъ, какъ слѣдуетъ, положеннаго передъ нимъ предмета? Да просто потому, что внимательное разсмотрѣніе предмета требуетъ извѣстнаго умственнаго усилія; это—одна изъ самыхъ тягостныхъ умственныхъ работъ. И вотъ, ученикъ, не желая давать себѣ этого труда и въ то же время обязанный написать о данномъ предметѣ хоть нѣсколько строкъ, автоматически, пассивно начинаетъ излагать разныя мысли, воспоминанія, слова, такъ или иначе связанные съ даннымъ предметомъ. Но изъ того, что этотъ ученикъ не способенъ анализировать, не умѣетъ изображать реальныя объекты, слѣдуетъ ли, что его нужно освободить отъ реальныхъ занятій и направить къ изученію древнихъ языковъ? Другими словами: убѣдившись въ томъ, что этотъ ученикъ не наблюдателенъ, а слѣдовательно—и не уменъ, должны ли мы отказаться отъ желанія развивать и возбуждать въ немъ дѣятельность ума?

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается такъ называемое классическое образованіе?

«Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ», говоритъ авторъ статьи, —«ребенокъ, затѣмъ юноша, не знаетъ другихъ занятій, кромѣ механическаго подыскиванія словъ въ словаряхъ или изученія отрывковъ, въ которыхъ онъ понимаетъ только отдѣльныя слова, не разумѣя ихъ общаго смысла. Любой бакалавръ словесности сознается, если только онъ человѣкъ добросовѣстный, что при окончаніи своего классическаго курса онъ не имѣлъ никакого понятія о нравахъ, объ общественной жизни римлянъ или грековъ и былъ совсѣмъ не въ состояніи читать латинскую книгу,—даже самую легкую прозу Цицерона. Въ результатъ оказывается, что родители пожертвовали восьмью лучшими годами его жизни, не дали ему возможности пріобрѣсти самыя полезныя для жизни свѣдѣнія,—напр. какъ питаться и какъ вести себя, чтобы избѣжать болѣзней,—и все это только затѣмъ, чтобы онъ изучилъ два мертвые языка, знаніе которыхъ ему совсѣмъ не нужно и которыхъ онъ, вдобавокъ, вовсе и не знаетъ!.. Очевидно, такое классическое образованіе есть самый вѣрный способъ атрофировать умственныя способности».

Поэтому Риффель, въ противоположность Бинэ, полагаетъ, что именно учениковъ, не отличающихся наблюдательностью, а слѣдовательно—слабо развитыхъ умственно, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отдавать на жертву классицизму; напротивъ, нужно стараться пробуждать ихъ способности, постепенно приучая ихъ къ наблюденію реальныхъ явленій. Иначе такой ученикъ можетъ сдѣлаться или совершенно бесполезнымъ, или даже прямо вреднымъ членомъ общества: вреднымъ потому, что онъ, подобно своимъ товарищамъ, получить дипломъ (вѣдь для того, чтобы окончить курсъ на словесномъ или юридическомъ факультетѣ, требуется только память, или умственная пассивность) и займетъ такое мѣсто, которое поставитъ отъ него въ большую или меньшую зависимость судьбу его ближнихъ,—сдѣлается чиновникомъ, адвокатомъ, судьей нотариусомъ; каковы же будутъ послѣдствія?

Разбирая, далѣе, положенія Бинэ, Риффель находитъ, что данное послѣднимъ опредѣленіе «литературнаго» ума, какъ такого, который не отличается наблюдательностью, совсѣмъ не точно: всѣ выдающіеся писатели въ высокой степени одарены способностью живо представлять себѣ видѣнные ими предметы,—силою воображенія. Конечно, развитіе такъ называемаго «дара слова» облегчаетъ писателю его задачу; но писатель бываетъ плохимъ чаще всего совсѣмъ не оттого, что онъ не вполне владѣетъ искусствомъ слова, а потому, что у него нѣтъ умѣнья видѣть, анализировать, воображать, оттого, что онъ слишкомъ дурно или небрежно пользуется словами, и они не даютъ точной формулы его мыслямъ. Вообще же люди, умѣющіе хорошо наблюдать предметы или явленія, умѣютъ и хорошо передавать свои впечатлѣнія.

Что касается такихъ людей, которые, обладая очень развитымъ даромъ слова, въ то же время лишены способности ясно представлять себѣ предметъ въ пространствѣ,—то такіе люди едва ли могутъ претендовать на названіе «литературныхъ» умовъ, потому что они всегда будутъ плохими писателями. Они могутъ писать много, но все ими написанное будетъ неудовлетворительно. Въ самомъ дѣлѣ,—они лишены способности *видѣть* то, о чемъ они говорятъ; эта слѣпота заставляетъ ихъ употреблять неподходящія выраженія и риторическіе приемы, не имѣющіе между собою логической связи. Знаменитая фраза анекдотическаго М-г Prudhomme, представляющаго собою воплощеніе буржуазной мудрости: «Государственная колесница на всѣхъ парусахъ несетъ надъ вулканомъ» можетъ служить, конечно, карикатурнымъ примѣромъ слога подобныхъ людей, которыхъ Риффель, чтобы не профанировать слова «литераторъ», предлагаетъ называть «вербалистами». Ихъ очень много среди стихотворцевъ и политиковъ—газетныхъ и парламентскихъ. Они страдаютъ тѣмъ, что Шарль Рише называетъ «пситтализмомъ»: слова и фразы выходятъ изъ нихъ, какъ изъ фонографа,—и за этими словами и фразами нѣтъ ничего реального, никакого объекта: это—одни только слова, и больше ничего.

Именно такъ чаще всего пишутъ посредственные стихотворцы, не находя стиха, который точно выражалъ бы ихъ мысль и подбирая слова преимущественно только для рѣмы. Политики становятся вербалистами, такъ какъ для того, чтобы попасть въ палату, надо уметь хорошо оворить, но говорить въ неопредѣленномъ тонѣ; точное и ясное выраженіе своихъ мыслей можетъ иногда повредить политическому дѣятелю; оттого онъ и довольствуется однимъ только подборомъ пріятныхъ для слушателей словъ или фразъ.

Слѣдуетъ ли, спрашиваетъ авторъ, давать такимъ вербалистамъ классическое образованіе, т. е. приучать ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ тотъ періодъ жизни, когда формируется ихъ мозгъ, запасаться одними только словами и разсуждать только о словахъ?

Такая метода образованія можетъ только содѣйствовать развитію въ нихъ и безъ того уже развитой способности запоминать слова, думать только о словахъ, и нисколько не дастъ имъ ни знанія реальныхъ явленій, ни умѣнья судить о нихъ, такъ что въ результатъ вы получите людей весьма словообильныхъ, но ничего не знающихъ и неспособныхъ чему нибудь научиться или что нибудь понять. Они могутъ, пожалуй сдѣлаться народными трибунами или министрами; но само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ они могутъ приносить только вредъ. Они будутъ считать себя въ силахъ—и другіе люди признаютъ за ними эту силу—руководить толпой; а такъ какъ они ничего не знаютъ, то очевидно, что они могутъ вести другихъ только по ложной дорогѣ. Для того, чтобы понять огромное общественное значеніе нѣкоторыхъ выдающихся вербалистовъ, надо вспомнить, что толпа (а вѣдь палата депутатовъ, въ которой такъ много членовъ, есть не что иное, какъ толпа, чувствующая и дѣйствующая по законамъ психологіи массъ) всегда удивляется тому, кто говоритъ безостановочно и обильно; она механически увлекается ритмомъ и музыкой фразъ, точно такъ же, какъ отдѣльный человекъ увлекается музыкой полкового марша. И вотъ, великій ораторъ, который, въ сущности, есть не больше, какъ мельница словъ, или блестящій полемистъ, изъ котораго каждый день льются, какъ вода изъ крана, газетныя статьи, становится руководителемъ своей страны. Легко себѣ представить, сколько вреда могутъ натворить подобные господа, если они не одарены развитымъ нравственнымъ чувствомъ?

Впрочемъ, по мнѣнію Риффеля, вербалисты и не могутъ быть дѣйствительно нравственными людьми, даже и тогда, когда они сами этого желаютъ и когда они по природѣ люди добрые: вѣдь для того, чтобы знать, хорошъ или дуренъ тотъ или другой поступокъ, необходимо предвидѣть его послѣдствія; а для того, чтобы предвидѣть послѣдствія, необходимо знать факты настоящаго и уметь вообразить себѣ послѣдовательность фактовъ въ будущемъ, т. е. необходимо быть наблюдателемъ человекомъ, способнымъ представлять себѣ реальные факты.

Итакъ, заключаетъ Риффель, — «если у васъ на рукахъ мальчикъ, пишущій легко и обладающій «даромъ слова», — ради состраданія къ вашимъ согражданамъ и ради всего человѣчества, не давайте ему классическаго образованія, потому что оно можетъ сдѣлать этого мальчика язвой общества и почти навѣрное сдѣлаетъ его болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ гражданиномъ. Я могъ бы назвать изъ числа писателей, политическихъ дѣятелей, въ особенности же — изъ числа духовенства и филантроповъ, людей съ самыми благими намѣреніями, готовыхъ на самопожертваніе, которые, въ восьми случаяхъ изъ десяти, сами себя обманываютъ и, стремясь уменьшить человѣческія бѣдствія, только увеличиваютъ ихъ, именно потому, что они увлекаются пустыми словами и не умѣютъ объективно смотрѣть на людей и на факты общественной жизни».

Риффель замѣчаетъ, далѣе, что профессора риторики имѣютъ въ своемъ распоряженіи отличное средство для развитія «пситтацизма» или склонности къ словоизверженію: они задаютъ своимъ ученикамъ такія темы для сочиненій, на которыя, какъ ни старайся, ничего не напишешь, кромѣ пустословія. Напр., мальчика заставляютъ написать рѣчь Помпея къ войску наканунѣ битвы при Фарсалѣ; волей-неволей ему приходится придумывать и наизывать одна на другую безсодержательныя фразы: какъ можетъ онъ знать, что могъ сказать своимъ солдатамъ Помпей, который, по всей вѣроятности, совсѣмъ ничего имъ и не говорилъ? Подобныя темы составляютъ вѣрнѣйшее средство для умственного отупѣнія.

Мы нерѣдко удивляемся, вида, что иные, такъ называемые образованные люди, придерживаются разныхъ предразсудковъ и суевѣрій, которые, повидимому, давно должны были бы быть выброшены за бортъ; но спросимъ: какое образованіе, какое умственное воспитаніе получили эти люди въ молодости? Приучили ли ихъ все анализировать, во всемъ сомнѣваться, ко всему относиться критически, искать истины независимо отъ какихъ бы то ни было авторитетовъ? Позаботились ли ихъ воспитатели о томъ, чтобы развить въ нихъ понятіе о причинной связи между явленіями? Нѣтъ, — они заботились только о томъ, чтобы наполнить ихъ мозгъ словами, такъ же механически, какъ наполняется словами цилиндръ фонографа. Вы удивляетесь, что эти «образованные» люди вѣрують въ предзнаменованія числа 13, разбитаго зеркала, рассыпанной соли, въ предчувствія и т. п., — удивляетесь, потому что вамъ извѣстно отсутствіе какой бы то ни было причинной связи между опрокинутой солонкой и несчастіемъ; но заставляли ли ихъ когданибудь прослѣдить на реальныхъ фактахъ соотношеніе причины и дѣйствія? Ихъ родители и воспитатели старались только о томъ, чтобы сдѣлать ихъ умъ какъ можно болѣе пассивнымъ. «Учи уроки, слушайся и ни о чемъ не допытывайся», — вотъ какова была мораль воспитанія этихъ людей...

Знаменитый химикъ Бертелло напечаталъ недавно въ газетѣ «Temps» статью, въ которой говоритъ, что метода современнаго французскаго воспитанія должна быть кореннымъ образомъ измѣнена, потому что эта метода не даетъ странѣ ни промышленниковъ, ни агрономовъ, ни во обще людей полезнаго труда.

Дѣйствительно, рутина и умственная неподвижность или привычки до сихъ поръ заставляютъ французскихъ педагоговъ придерживаться давно отжившихъ свое время и утратившихъ теперь всякій смыслъ приѣмовъ такъ называемаго классическаго образованія.

Одинъ старый учитель рассказывалъ, что въ дѣтствѣ онъ очень старательно училъ уроки географіи, но вовсе не думалъ, что всѣ эти имена, которыя ему приходилось «зазубривать», соотвѣтствуютъ дѣйствительно существующимъ рѣкамъ, горамъ, городамъ: его обучали географіи такъ же отвлеченно, какъ метафизикѣ или алгебрѣ. Въ нынѣшнихъ университетахъ естественныя науки преподаются почти такъ же: учащимся даютъ книги, которыя имъ приходится «зубрить» почти такъ же, какъ они зубрили въ школѣ Виргилія, учебники зоологіи, химіи, физики, большею частью дурно написанныя, представляющіе огромное собраніе фактовъ, но безъ достаточно полнаго изложенія общихъ законовъ природы, безъ анализа дѣйствительныхъ реальностей, скрывающихся подъ явленіями напр., электричества, теплоты, свѣта и т. д.... Въ результатѣ оказывается, что ученики не знаютъ ни теоріи, ни практики. Для того, чтобы стать хорошимъ живописцемъ, недостаточно только копировать чужія картины.—необходимо внимательно присматриваться къ окружающему міру. Точно такъ же человекъ не можетъ сдѣлаться практически образованнымъ съ помощью однѣхъ только книгъ: ему необходимо внимательно наблюдать и изслѣдовать то, что онъ видитъ вокругъ себя. На развитіе способности къ такому наблюденію и должна быть прежде всего направлена забота воспитателя и учителя. вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо вызвать въ учащемся интересъ къ научнымъ занятіямъ, никогда не остывающую любознательность. А этого именно и не дѣлаетъ наша нынѣшняя школа: «Вслѣдствіе тупоумія нашихъ методовъ преподаванія, ученье является какой то барщиной, которую ученики отбываютъ въ школѣ изъ-подъ палки, а внѣ школы совершенно ничѣмъ не интересуются и по доброй волѣ ничего дѣлать не желаютъ. Пора же, наконецъ, позаботиться о томъ, чтобы сдѣлать ученье привлекательнымъ, какимъ оно не только можетъ, но и должно быть; надо будить въ ученикахъ живую любознательность, пріучать ихъ интересоваться всѣми явленіями окружающей жизни, все анализировать, обо всемъ спрашивать, стараться все понять... Но—увы! въ этихъ каторжныхъ тюрьмахъ, которыя во Франціи называются лицеями, нѣтъ даже садика, гдѣ несчастный мальчикъ могъ бы наблюдать жизнь растений, животныхъ, словомъ—живую реальность. Ему не даютъ ничего, кромѣ книгъ, ничего, кромѣ словъ! Это, дѣйствительно, наилучшій способъ

воспитать буржуазію, но состоящую не изъ промышленниковъ, агрономовъ и людей реального труда, о которыхъ мечтаетъ Бертело, а изъ болтуновъ и рутинеровъ, не умѣющихъ ничего различать дальше своего носа»...

Газетная индустрія во Франціи.

Нѣмецкій статистикъ Гялмаръ Шахтъ, опубликовавшій въ этомъ году обстоятельное изслѣдованіе по статистикѣ нѣмецкой печати, напечаталъ затѣмъ результаты своихъ изслѣдованій касательно того же предмета во Франціи (**). Въ pendant къ статьѣ г. Турковскаго о газетной индустріи въ Германіи не безынтересно будетъ привести здѣсь нѣсколько данныхъ о газетномъ дѣлѣ во Франціи,—что мы и намѣрены сдѣлать на основаніи упомянутой работы Гялмара Шахта въ *Beilage* къ «*Allgemeine Zeitung*».

Въ 1897 году въ европейской Франціи выходило 2,107 газетъ. Это означаетъ по газетѣ на 17,800 душъ населенія республики. Это число, естественнымъ образомъ, сообразно съ характеромъ отдѣльныхъ департаментовъ и ихъ населенія, колеблется то въ одну, то въ другую сторону. Впрочемъ, чтобы имѣть болѣе или менѣе точный критерій для сужденія объ отношеніи между числомъ газетъ и цифрой населенія, необходимо было бы еще имѣть данныя насчетъ размѣровъ изданій, т. е. числа экземпляровъ, въ какомъ та или другая газета расходуется. Такихъ точныхъ данныхъ въ распоряженіи Шахта не было. Поэтому цѣлесообразнѣе выяснить отношеніе между числомъ издательскихъ пунктовъ и общимъ числомъ коммунъ.

Въ этомъ случаѣ обнаруживается поразительный фактъ существованія во Франціи лишь 588 издательскихъ пунктовъ, слѣд. менѣе 1,7% числа французскихъ коммунъ. Между тѣмъ въ Германіи одна газета приходится уже на 15,354 души населенія, а число издательскихъ пунктовъ измѣняется 1,884.

При болѣе детальномъ изслѣдованіи численнаго отношенія газетъ къ отдѣльнымъ департаментамъ обнаруживается вполне натуральная норма, что менѣе оживленные сельскіе округа бѣдны газетами, тогда какъ въ пунктахъ усиленнаго движенія, сношеній, наѣзда иностранцевъ и иногороднихъ одна газета приходится уже на 6,800 душъ. Обильны газетами и промышленные округа у сѣвернаго побережья, точно также — у нижней Сены и вообще у устьевъ большихъ рѣкъ, какъ, напр., въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Бордо и Марсею.

*) Въ «*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*» проф. Конрада; III Folge, Bd. 15, Heft 4. — См. также статью г. Турковскаго о томъ-же предметѣ въ «*Образованіи*» № 9.

***) Въ Научномъ приложеніи къ Мюнхенской «*Allgemeine Zeitung*» № 129. 1898.

Но какъ въ названныхъ только что, такъ равно и въ другихъ мѣстностяхъ Франціи можно наблюдать явленіе, которое повидимому характерно для французской прессы и которое объясняетъ собою и приведенную выше крайне низкую цифру (588) издательскихъ пунктовъ во Франціи. Нѣсколько произвольно взятыхъ примѣровъ послужатъ этому иллюстраціей.

Департаментъ Doubsъ заключаетъ въ себѣ 638 коммунъ, изъ которыхъ только въ четырехъ издаются газеты. Число послѣднихъ составляетъ 19, изъ которыхъ опять цѣлыхъ 8 газетъ выходитъ въ Безансонѣ. Департаментъ Шаранты заключаетъ въ себѣ 426 коммунъ, 20 газетъ, но всего 5 издательскихъ пунктовъ, причеъ въ одномъ Ангулемѣ выходитъ 8, въ Коньякѣ—5 и въ Барберьѣ—3 газеты. Департаментъ Верхнихъ Пиреней заключаетъ въ себѣ 480 коммунъ, 15 газетъ и 5 издательскихъ пунктовъ, причеъ въ одномъ Tarbesъ выходитъ 8 газетъ...

Эти примѣры можно бы еще значительно пополнить. Они показываютъ, что французская пресса не есть широко развѣтвленная самостоятельная индустрія, какъ въ Германіи, но сосредоточивается въ извѣстныхъ, изолированныхъ главныхъ пунктахъ. Такой взглядъ подтверждается еще тѣмъ фактомъ, что изъ 2,107 газетъ европейской Франціи на одинъ Парижъ приходится 211, слѣд. 10%—отношеніе совершенно неслыханное въ газетной индустріи Германіи... При этомъ размѣры провинціальныхъ французскихъ изданій не такъ ужъ велики: 5,000 экземпляровъ считается особенно почтенной цифрой для наиболѣе крупныхъ провинціальныхъ газетъ. Это и не удивительно, если принять въ расчетъ, что парижскія газеты часто насчитываютъ одинъ, два и даже четыре милліона расходящихся экземпляровъ, изъ которыхъ значительная часть поглощается провинціей. Какъ бы преувеличены ни были эти рекламы парижскихъ «левѳановъ», тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что изъ парижскаго газетнаго центра лучи расходятся по всей странѣ... Дальнѣйшимъ доказательствомъ концентраціи французской газетной индустріи служитъ то обстоятельство, что въ 23 мѣстностяхъ издается по 10 и болѣе газетъ, а въ 61 мѣстностяхъ—по 6—9 газетъ. Если затѣмъ принять въ соображеніе, что только ничтожная часть французской прессы причисляется къ независимымъ «independant» органамъ, а болѣшая ея часть служитъ исключительнымъ интересамъ, то будетъ вполне основательно заключить, что французская пресса лишь въ слабой степени удовлетворяетъ одной изъ существеннѣйшихъ своихъ задачъ, а именно: служить хозяйственнымъ и политическимъ интересамъ не только народа въ цѣломъ, но и отдѣльныхъ мѣстностей и группъ населенія. Въ этомъ отношеніи французская пресса несомнѣнно очень уступаетъ нѣмецкой.

Что касается періодичности выхода органовъ французской прессы, то изъ 2,107 газетъ только относительно 42 не имѣется у Шахта указаній на счетъ выхода, 1,260 газетъ выходятъ разъ въ недѣлю, 277 — два раза и 144 — три раза въ недѣлю; 4 газеты выходятъ черезъ день,

3 газеты—4 раза въ недѣлю, 33—шесть разъ и 344—ежедневно. Если мы помянутыя 42 газеты оставимъ безъ вниманія, то приведенныя данныя въ относительныхъ цифрахъ представляютъ слѣдующую таблицу: Изъ французскихъ газетъ выходятъ въ недѣлю

одинъ разъ	61,01% (11,00%)
два »	13,40% (19,59%)
отъ трехъ до четырехъ разъ.	7,30% (33,53%)
шесть разъ	1,59% (30,68%)
ежедневно	16,70% (5,20%)

Бросается въ глаза чрезвычайно высокая цифра еженедѣльныхъ изданій, а затѣмъ и ежедневныхъ. Что касается послѣднихъ, то ихъ обиліе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что французская пресса, въ противоположность нѣмецкой, не знаетъ воскреснаго отдыха. Относительно первыхъ будетъ любопытно сравнить съ соответственными данными изъ нѣмецкой печати, которыя я для наглядности помѣстилъ въ скобки. Изъ сопоставленія цифръ въ выше приведенной таблицѣ видно, что доли еженедѣльныхъ изданій въ обѣихъ странахъ совершенно различны. Во Франціи центръ тяжести прессы, почти на $\frac{2}{3}$ ея, покоится на еженедѣльныхъ изданіяхъ, тогда какъ число газетъ, выходящихъ до шести разъ въ недѣлю, не составляетъ и пятой части всѣхъ французскихъ газетъ. Въ Германіи же газеты, выходящія въ недѣлю отъ трехъ до пяти разъ составляютъ третью часть всѣхъ газетъ; выходящія отъ одного до двухъ разъ въ недѣлю—другую болѣе слабую треть; выходящія до шести разъ въ недѣлю—послѣднюю добрую треть. Это отношеніе несомнѣнно болѣе нормальное. Замѣчательно сверхъ того, что между ежедневными французскими газетами имѣется едва пять газетъ, выходящихъ болѣе одного раза въ день, тогда какъ въ Германіи такихъ газетъ насчитывается болѣе 90.

Нѣсколько въ болѣе благоприятномъ свѣтѣ представляется дѣло спеціально въ Парижѣ. Изъ 211 парижскихъ газетъ 119 выходятъ, правда, только разъ въ недѣлю, но 82 газеты выходятъ ежедневно. Вся парижская пресса раздѣляется такимъ образомъ на еженедѣльную и ежедневную, причемъ первая категорія носитъ также характеръ газеты и не переходитъ въ сферу литературно-научныхъ журналовъ.

Такъ какъ во Франціи преобладаетъ розничная продажа газетъ, то цѣна отдѣльныхъ номеровъ имѣетъ преимущественный статистическій интересъ передъ цѣной абонементной. У Шахта имѣются на этотъ счетъ данныя относительно болѣе чѣмъ 97% всѣхъ газетъ. Согласно этимъ даннымъ изъ 2,107 экземпляровъ различныхъ газетъ у 1,133 отдѣльный номеръ стоитъ 1 су или 5 сантимовъ (2 коп.), у 781 газетъ, каждый номеръ стоитъ 2 су, у 111—3 су. Въ Берлинѣ средняя стоимость экземпляра газеты сведется къ 2 пфенигамъ—менѣе 1 коп. преимуще-

ство очевидно на сторонѣ нѣмецкой газетной индустріи. Концентрація французской прессы имѣетъ, пожалуй, свои политическія выгоды. Культурныя же и хозяйственныя выгоды несомнѣнно на сторонѣ децентрализованной нѣмецкой печати.

Г.

Изъ области знаній.

Успѣхи экспериментальной психологіи.

Экспериментальная психологія является въ настоящее время настолько обширной отраслью, что говорить о ея успѣхахъ въ небольшомъ очеркѣ можно не иначе, какъ ограничивъ задачу лишь немногими болѣе или менѣе опредѣленными вопросами. Но и при этомъ условіи всетаки приходится съузить задачу: мы будемъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ, хотя не исключительно, литературныя данныя за 1895 и 1896 года, оставляя до другого раза обзоръ успѣховъ названной отрасли за послѣдніе года. Исслѣдованія указанныя годовъ уже успѣли отчасти подвергнуться научной критикѣ и потому цѣнность ихъ выступать съ большею ясностью. Одинъ изъ вопросовъ, наиболѣе привлекшій къ себѣ вниманіе исслѣдователей, это психологія ребенка. Мы оставляемъ пока въ сторонѣ капитальное исслѣдованіе Балдуэна (Baldwin, «Mental development in the Child and Race» 1895 г.), которое заслуживаетъ особаго, болѣе подробнаго разсмотрѣнія, а остановимся на рядѣ болѣе краткихъ экспериментальныхъ исслѣдованій, касающихся психологіи ребенка. Существенный интересъ представляютъ наблюденія Вюрпа и Эггли, произведенныя надъ зрительными ощущеніями двухъ дѣтей 4 и 5 лѣтъ съ врожденнымъ катарактомъ обоихъ глазъ, но которымъ впослѣдствіи было возвращено зрѣніе посредствомъ операціи. У старшаго изъ нихъ, несмотря на катарактъ, еще сохранилась чувствительность къ колебаніямъ силы свѣта, а также и способность различать цвѣта. Умственно эти дѣти были слабо развиты и давали очень неполные и неточныя отвѣты на вопросы, которые имъ предлагали въ продолженіе двухъ недѣль послѣ операціи. Несмотря на это, наблюденія надъ ними имѣютъ серьезное значеніе и подтверждаютъ то, что уже было извѣстно относительно второстепеннаго значенія зрѣнія при составленіи понятій о формѣ, выпуклости и разстояніи. Руки маленькихъ слѣпцовъ были постоянно въ движеніи; они ими безпрестанно водили кругомъ себя, точно хотѣли путемъ осязанія ознакомиться съ предметами ихъ окружающими. Когда они держали какой нибудь предметъ въ рукѣ, то поворачивали и ощущивали его со всѣхъ сторонъ, затѣмъ подносили ко рту и водили по

немъ языкомъ. Оба ребенка были разсѣяны и было весьма трудно сосредоточить ихъ вниманіе на предметахъ ихъ окружающихъ: они забывали иногда даже о пирожномъ, которое было у нихъ въ рукѣ и которое они собирались съѣсть. Было между прочимъ замѣчено въ нихъ стремленіе составить себѣ представленіе о существахъ и предметахъ на основаніи звуковыхъ особенностей этихъ послѣднихъ: если спрашивали напримѣръ одного изъ нихъ, какова лошадь, онъ подражалъ ея ржанію и т. п. Но они представляли себѣ такимъ образомъ только тѣ предметы, которые не могли оцупывать. Непосредственно послѣ операціи не произошло никакой перемѣны: черезъ недѣлю они все еще продолжали распознавать предметы и ориентироваться въ своей комнатѣ только съ помощью осязанія, мышечнаго чувства, вкуса и слуха. Они видѣли, но не имѣли желанія пользоваться своими глазами. Когда клали, наприм., на полъ пирожное и предлагали ребенку его взять, — онъ искалъ его оцупью и пользовался зрѣніемъ только въ томъ случаѣ, когда ему мѣшали манипулировать руками. Они не могли даже нѣсколько дней спустя послѣ операціи составить себѣ съ помощью зрѣнія хоть какое нибудь представленіе о направленіи и разстояніи, на которомъ находятся предметы и распознать вещь, показываемую имъ, безъ помощи рукъ или языка. Лучше всего удавалось сосредоточить ихъ вниманіе на предметѣ ярко освѣщенномъ и свѣтъ не вызывалъ въ нихъ непріятнаго ощущенія.

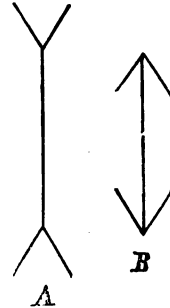
Во всякомъ случаѣ, пользованіе зрѣніемъ есть дѣло позднѣйшей привычки и состояніе этихъ прозрѣвшихъ дѣтей весьма напоминаетъ намъ свойственную маленькимъ дѣтямъ привычку все хватать, цупать, совать въ ротъ и т. д., привычку, указывающую на преобладающее значеніе въ этомъ возрастѣ органовъ «низшихъ» чувствъ, какъ называютъ теперь физиологи органы осязанія, вкуса и обонянія, въ противуположность органамъ высшихъ чувствъ: слуху и зрѣнію.

Къ области отправленій низшихъ органовъ чувствъ относится работа Гарбини, который изслѣдовалъ развитіе чувствъ обонянія у дѣтей и пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ. Обонятельныя ощущенія, вызываемыя у ребенка различными раздражителями, можно по времени ихъ появленія расположить въ слѣдующемъ порядкѣ: прежде всего, а именно уже три часа послѣ рожденія, ребенокъ реагируетъ на раздраженія обонятельнаго органа прикосновеніемъ, напр., щекотаніемъ въ носу бородкою пера или даже движеніемъ воздуха, напр., сквознымъ вѣтромъ; дѣйствіе же кислотъ, пищевыхъ веществъ и способность различать запахи обнаруживается только на 14 мѣсяцѣ. Острота обонянія различается весьма медленно и у ребенка отъ 3—6 лѣтъ она значительно слабѣе, чѣмъ у взрослого. Точно также и время реакціи, т. е. время, протекающее между моментомъ раздраженія и проявленіемъ результатовъ послѣдняго, у дѣтей гораздо продолжительнѣе, чѣмъ у взрослыхъ, но оно начинаетъ уменьшаться въ возрастѣ 3—6 лѣтъ.

Къ области зрительныхъ ощущеній относится и изслѣдованіе Бине

касательно силы зрительной иллюзии у дѣтей. Известно, что существуетъ много изображеній и различныхъ комбинацій, которыя неизбѣжно вызываютъ иллюзію: одна линія, напр., кажется при известныхъ условіяхъ короче другой, хотя она на самомъ дѣлѣ длиннѣе.

Желая измѣрить силу зрительнаго обмана у дѣтей, Бине пользовался для опытовъ слѣдующимъ приемомъ: если взять двѣ линіи А и В (рис. 1) одинаковой длины, то линія В покажется короче, и это кажущееся различіе въ длинѣ происходитъ отъ расположенія боковыхъ вѣтвей: съ линіей А эти вѣтви образуютъ тупой уголъ, съ линіей В острый. Причины этого явленія еще не выяснены и всѣ существующія объясненія очень противорѣчивы. Опытъ производился съ помощью метода Кюкса, состоящаго въ томъ, что дѣтямъ послѣдовательно показывали цѣлую серію линій различной длины, подобныхъ линіи В, пока они не находили равную А по длинѣ. Опыты эти произведены съ 60 дѣтьми и дали слѣдующіе результаты: 1) иллюзія сильнѣе при сравненіи фигуръ малыхъ, чѣмъ большихъ; 2) сила иллюзии зависитъ также отъ порядка, въ которомъ сравниваются данныя линіи: она рѣзче выражена, если серія линій В просматривалась въ нисходящемъ порядкѣ, т. е. начиная съ тѣхъ линій, которыя кажутся больше А; иллюзія была слабѣе, если просматривались линіи В въ порядкѣ восходящемъ, т. е. начиная съ тѣхъ, которыя кажутся меньше А (хотя бы на самомъ дѣлѣ онѣ были и больше; 3) если сравнивать линію В съ серіей различной величины линій А, то иллюзія слабѣе, чѣмъ при сравненіи линіи А съ серіей линіи В. 4) Въ общемъ дѣти, повидимому, имѣютъ очень слабое представленіе о томъ, что это кажущееся различіе нужно приписать обману зрѣнія. 5) Иллюзія сильнѣе у дѣтей 9, чѣмъ 12 лѣтъ. Бине поэтому выводитъ заключеніе, что мы имѣемъ дѣло съ иллюзіей врожденной, а не приобретенной, хотя подобное заключеніе можетъ быть немного преждевременно, такъ какъ этотъ недостатокъ зрѣнія могъ быть приобретенъ въ первые годы жизни ребенка. Подобные-же опыты были произведены другимъ изслѣдователемъ—фанъ-Бервилье и онъ пришелъ къ аналогичнымъ съ Бине результатамъ.

Отмѣтимъ еще одинъ примѣръ зрительной иллюзии, на который обратилъ недавно вниманіе проф. Балдуэнъ. Онъ замѣтилъ, что между двумя квадратами неравной величины человѣческой глазъ не можетъ опредѣлить средину. Если попросить кого нибудь поставить точку посрединѣ вышеупомянутыхъ квадратовъ, то она окажется всегда поставленной ближе къ меньшему. Онъ прилагаетъ тѣ же наблюденія и къ нѣкоторымъ случаямъ практической жизни: если вѣшать картину посрединѣ между двумя другими разной величины или между окномъ и дверью, то она окажется повѣшенной всегда ближе къ меньшей или къ окну.

Вине въ совмѣстной работѣ съ Анри сообщаетъ результаты наблюденій, произведенныхъ ими надъ 300 учениками начальныхъ школъ Парижа въ возрастѣ отъ 7—13 лѣтъ, и имѣвшихъ цѣлью изслѣдовать степень точности зрительной памяти у дѣтей различнаго возраста. Опыты эти производились надъ запоминаяемъ линій определенной длины и были произведены двумя способами: методомъ распознаванія и методомъ воспроизведенія. Первый состоялъ въ слѣдующемъ: ребенку показывали какую нибудь линію определенной длины и потомъ заставляли его узнать ее среди цѣлой серіи линій различной длины, расположенныхъ соотвѣтственно ихъ длинѣ. Другой же методъ состоялъ въ томъ, что ребенка заставляли начертить на память линію только-что имъ видѣнную. Для того, чтобы судить о вѣрности памяти нужно сравнить длину, воспроизведенную ребенкомъ не съ реальной длиной показанной линіи, а съ тою, каковая ему она казалась. Если ребенокъ, имѣя образецъ передъ глазами начертить ея длину невѣрно, то это, естественно; произойдетъ не отъ недостатка памяти, но точно также онъ можетъ ошибаться и при черченіи на память. Такимъ способомъ было показано, что ошибки при распознаваніи, т. е. при непосредственномъ сравненіи данной линіи со многими другими, болѣе рѣдки, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда ребенокъ долженъ былъ на память воспроизводить видѣнную линію или же сравнивать длину находящейся передъ глазами линіи съ длиною, удержанною въ памяти.

Всѣ эти опыты привели къ слѣдующимъ выводамъ: зрительная память, вниманіе и т. п. правильно возрастаютъ съ годами. Ошибки при опытахъ, произведенныхъ методомъ распознаванія, представляли слѣдующія отношенія: дѣти отъ 7 до 9 лѣтъ ошибались 73 на 100; отъ 9—11 лѣтъ—69 на 100; дѣти же отъ 11—13 лѣтъ всего только 50 на 100. При методѣ распознаванія дѣти выказали стремленіе укорачивать линіи; при методѣ воспроизведенія они укорачивали короткія и удлинняли длинныя линіи.

Въ этомъ же направленіи были произведены опыты Балдуэномъ, но они касались уже не только одной зрительной памяти и имѣли въ виду измѣреніе ослабленія памяти черезъ извѣстные промежутки времени. Проф. Балдуэнъ примѣнялъ для этой цѣли три рода опытовъ. Первый рядъ опытовъ производился методомъ воспроизведенія, который состоялъ въ томъ, что испытуемому субъекту предлагалось рассказать или воспроизвести письменно что нибудь довольно давно имъ слышанное. Этотъ методъ примѣнялся обыкновенно въ учебныхъ заведеніяхъ. Второй, методъ идентичности, состоялъ въ нахожденіи сходныхъ чертъ въ данномъ предметѣ съ прежде показаннымъ. Третій, методъ селекціи или выбора, состоялъ въ томъ, что представлялся испытуемымъ субъектамъ цѣлый рядъ фигуръ или только описаніе ихъ, а затѣмъ было предложено среди нихъ узнать раньше видѣнныя. Была приготовлена колода картонныхъ квадратовъ различной величины, а потомъ заставили подвергнутьхъ

наблюденію, производить слѣдующее: 1) нарисовать карандашомъ на бумагѣ квадратъ равный по величинѣ показанному 10, 20 и 40 минутъ тому назадъ. 2) Опредѣлить, по прошествіи тѣхъ же промежутковъ времени величину новой колоды квадратовъ, т. е. сказать больше они или меньше прежде показанныхъ. 3) Выбрать изъ представленныхъ квадратовъ такіе, которые покажутся субъекту равными по величинѣ прежде показаннымъ, что производилось, какъ въ предыдущихъ опытахъ, черезъ промежутки въ 10, 20 и 40 минутъ. Всѣ эти три метода согласно показали, что къ концу первыхъ 10 минутъ сила памяти сильно ослабѣвала; въ промежуткѣ между 10 и 20 минутами она оставалась почти неизмѣнной; но къ концу сорока минутъ память совсѣмъ переставала дѣйствовать.

Вышеприведенные опыты относительно зрительной памяти у дѣтей, при ихъ дальнѣйшей разработкѣ, должны неизбѣжно повести къ выводамъ, которые не можетъ игнорировать современная педагогика. Но тѣ опыты, къ изложенію коихъ мы переходимъ и которые относятся уже къ высшимъ психическимъ функціямъ, и теперь въ ихъ неполномъ и несовершенномъ видѣ всетаки могутъ дать указанія для педагога. Опыты это касаются памяти словъ. Бине и Анри сравнивали результаты наблюденій касательно запоминательной способности у дѣтей и взрослыхъ надъ 380 дѣтьми въ возрастѣ отъ 7—12 лѣтъ съ наблюденіями, произведенными въ ихъ лабораторіи надъ 10 взрослыми. Авторы, какъ и слѣдовало ожидать, пришли къ заключенію, что количество отдѣльныхъ словъ, запоминаемыхъ заразъ, съ возрастомъ увеличивается, но не особенно рѣзко. Напримѣръ изъ 7 словъ среднее количество, удержанное въ памяти взрослого было 5—7, а у дѣтей отъ 7—12 лѣтъ 4—7. Авторы замѣтили, кромѣ того, что при прочтеніи цѣлой серіи словъ или нѣсколькихъ серій подрядъ запоминаются легче всего первыя и послѣднія слова этихъ серій; чаще случается, что слова совсѣмъ забываются, чѣмъ замѣняются другими, хотя вообще говоря, самое большое влияніе на запоминаніе словъ оказываетъ и ихъ значеніе. Наблюдая надъ способностью запоминать цѣлыя фразы, Бине и Анри констатировали, что у дѣтей эта способность запоминанія цѣлыхъ группъ словъ (или идей) увеличивается съ возрастомъ медленно, но постоянно. Затѣмъ оказалось, что цѣлыми фразами одинъ и тотъ же субъектъ можетъ запомнить приблизительно на 25 словъ больше, чѣмъ отдѣльными безсвязными словами. Число забываемыхъ словъ возрастаетъ вмѣстѣ съ длиною и количествомъ предлагаемыхъ для запоминанія фразъ. Второстепенныя части предложенія забываются легче, а главныя прочтѣе удерживаются въ памяти (главные и второстепенные съ логической или эмоціонной, а не грамматической точки зрѣнія). Въ короткой фразѣ замѣна забытаго слова синонимомъ случается чаще, чѣмъ полное забвеніе его, тогда какъ въ длинной—наоборотъ. У дѣтей была замѣчена наклонность упрощать синтаксическое строеніе фразы, удержанной въ памяти, и замѣ

нять забытыя слова синонимами изъ ихъ обыденной жизни. Часто, когда фраза слишкомъ длинна, они слегка искажали смыслъ замѣной или прибавленіемъ лишнихъ словъ; иногда они искажали силу выраженія или эмоціонное значеніе фразы, присоединяя какой нибудь новый эпитетъ.

Бурдонъ производилъ опыты со 100 учениками одного лицея, чтобы опредѣлить вліяніе возраста на память, а также измѣненія ея силы и точности, происходящія у наблюдаемыхъ субъектовъ съ возрастомъ. Опытъ состоялъ въ томъ, что онъ заставлялъ каждаго ученика отдѣльно повторять сейчасъ же, безъ всякой системы и группировки произнесенныя цифры, буквы, односложныя и двусложныя слова. Онъ замѣтилъ, что въ возрастѣ, начиная отъ 8 лѣтъ запоминаются весьма легко серіи изъ 5 цифръ, 4 односложныхъ и 4 двусложныхъ словъ, и ошибки при этомъ были рѣдки или ничтожны; онъ были рѣдки также и при запоминаніи четырехъ тресложныхъ словъ. Но серія въ 10 цифръ, 10 буквъ и 8 словъ не могла быть удержана въ памяти безъ ошибки, и даже при произнесеніи 9 цифръ, 9 буквъ и 7 словъ результаты были тѣ же, если не считать исключительныхъ случаевъ. Такимъ образомъ оказалось, что въ этомъ возрастѣ наибольшій интересъ для изслѣдователя представляютъ серіи въ 6, 7 и 8 цифръ и въ 5 или 6 словъ. Въ одну минуту ребенокъ могъ запомнить до 100 цифръ или буквъ. Отъ 8—20 лѣтъ колебанія при непосредственномъ запоминаніи очень незначительны, они болѣе или менѣе замѣтны отъ 8—13 лѣтъ, а съ 14—20 колебанія эти (если они только существуютъ) почти неуловимы. Такимъ образомъ оба изслѣдователя приходятъ къ почти сходному заключенію, что память словъ очень мало измѣняется съ возрастомъ.

Еще большое значеніе для педагога имѣютъ опыты Балдуэна, который давно уже выскивалъ болѣе точный способъ для психологическихъ наблюденій и послѣднее его изобрѣтеніе, кажется, можетъ служить для этой цѣли: это нѣчто въ родѣ аппарата для измѣренія мыслей, какъ онъ самъ его называетъ. Благодаря этому изобрѣтенію психологи, вмѣсто относительной вѣрности своихъ наблюденій, получаютъ возможность внести и въ свою, до сихъ поръ, почти гадательную область, математическую точность, которою до настоящаго времени пользовались только физическія и чисто-натуралистическія науки. Прежде всего для точныхъ наблюденій необходимо было опредѣлить промежутки времени, нужный для воспріятія ощущеній. Для этой цѣли проф. Балдуэнъ пользовался своимъ новымъ изобрѣтеніемъ. Онъ помѣщалъ одного изъ своихъ учениковъ около колокола, составляющаго одну изъ принадлежностей его аппарата, устроеннаго такъ, что первыя vibraціи этого колокола, вызванныя самимъ субъектомъ, приводили въ движеніе часы, находящіяся тамъ же. Испытуемый субъектъ долженъ былъ, сейчасъ же, какъ услышитъ звукъ колокола, придавить находящуюся подъ его руками пуговку, вслѣдствіе чего прерывался электрическій тонъ и часы останавливались.

Такимъ образомъ часы показывали весьма точно промежутокъ времени отъ удара колокола до того момента, когда субъектъ, услышавъ звукъ, придавливалъ пуговку электрическаго провода. Но какъ это ни странно, оказалось, что этотъ промежутокъ почти у каждаго индивида является различнымъ. Онъ измѣняется даже у одного и того же субъекта въ различное время. Это измѣненіе зависитъ отъ обстоятельствъ, которыя на первый взглядъ кажутся незначительными, но которыя такъ или иначе направляютъ вниманіе субъекта въ данный моментъ. Если индивидъ сосредоточиваетъ вниманіе на колоколѣ и если палецъ его поэтому придавливаетъ пуговку какъ бы машинально, то промежутокъ времени былъ значительно длиннѣе; если же наоборотъ онъ направлялъ вниманіе на пуговку, предоставляя одному слуху замѣчать звукъ колокола, то интервалъ оказывался минимальнымъ. Вообще проф. Балдуэнъ дѣлитъ людей на три категоріи: во-первыхъ, на такихъ, которые наиболѣе чувствительны къ мышечнымъ ощущеніямъ; потомъ на такихъ, которые воспримчивѣе къ зрительнымъ ощущеніямъ и, наконецъ, на такихъ, которые скорѣе всего реагируютъ на раздраженія слуха. Зрительныя и слуховыя ощущенія острѣе у людей съ быстрымъ и живымъ умомъ, ощущенія мышечныя—у флегматиковъ. Проф. Балдуэнъ полагаетъ, что подобнаго рода классификація можетъ быть полезна при распредѣленіи дѣтей въ классахъ, такъ какъ благодаря его методу каждый воспитатель получитъ возможность легко и точно опредѣлить натуру и особенности каждаго ученика, и что поэтому, когда подобныя изысканія будутъ производимы болѣе систематично, то они должны быть приняты во вниманіе при выборѣ того или другого метода воспитанія и обученія. Къ флегматику, естественно, нельзя примѣнять того же метода, какъ и къ сангвинику. Для того, чтобы еще съ большей точностью опредѣлить, къ какому роду ощущеній данный субъектъ чувствительнѣе всего, проф. Балдуэнъ изобрѣлъ подобный первому аппаратъ, но въ которомъ электрическій токъ, останавливающаяся часы, прерывался однимъ дуновеніемъ. Опыту были подвергнуты 5 учениковъ проф. Балдуэна, которые не были посвящены въ тайну этого опыта. Результаты показали, что каждый субъектъ отвѣчалъ черезъ болѣе короткий промежутокъ времени, когда подвергался раздраженію, къ которому онъ былъ болѣе отъ природы чувствителенъ. На основаніи цѣлаго ряда опытныхъ изслѣдованій такого рода, Балдуэнъ вывелъ заключеніе, что большинство людей болѣе чувствительны къ мышечнымъ ощущеніямъ, т. е. къ прикосновенію, чѣмъ къ зрительнымъ или слуховымъ.

Бине и Анри производили опыты другого рода съ вышеупомянутыми 300 дѣтьми, въ возрастѣ 7—13 лѣтъ, чтобы опредѣлить степень стойкости ихъ сужденій. Они изслѣдовали троякаго рода внушенія. Во-первыхъ, они изслѣдовали силу внушенія, вслѣдствіе предвзятой идеи. Опытъ произведенъ былъ только надъ 240 дѣтьми. Шестьдесятъ дѣтей были исключены, а именно тѣ, которые въ предыдущемъ опытѣ, касающемся зрительной памяти,

сдѣлали значительныя ошибки, для того, чтобы ошибки, произведенныя въ этомъ новомъ опытѣ не были отнесены къ недостатку памяти или неспособности къ точному опредѣленію длины. Опытъ производился слѣдующимъ образомъ: ребенку показывали какуюнибудь линію, потомъ давали ему таблицу, въ которой она находилась на самомъ дѣлѣ, а затѣмъ другую, гдѣ она отсутствовала; ребенокъ, найдя линію въ первой таблицѣ, думалъ, что найдетъ ее также и во второй. Вліяніе этого самовнушенія еще значительнѣе, когда испытуемый субъектъ долженъ найти данную линію, сравнивая ее на память съ прежде показанною, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда прибѣгали къ прямому сравненію. Такъ, при опытахъ непосредственнаго сравненія ошибки составляютъ 38 на 100; а при сравненіи на память онѣ составляютъ уже 65 на 100. Вліяніе возраста при этомъ очень значительно, такъ что ошибки въ младшемъ классѣ (т. е. у дѣтей отъ 7—9 л.) равняются 88 проц., въ среднемъ (отъ 9—11 л.)—60 проц. и въ старшемъ (отъ 11—13)—47 проц. Во-вторыхъ, авторы изслѣдовали силу непосредственнаго внушенія словами. Когда ребенку показывали линію и просили ее потомъ найти непосредственнымъ сравненіемъ въ таблицѣ или же на память, то, указавъ на какуюнибудь линію, большинство дѣтей указывало на другую, если экспериментаторъ ему при этомъ говорилъ: «Увѣрены ли вы, что это дѣйствительно та линія, которую вы видѣли? Развѣ это не та, которая съ ней рядомъ?» И внушеніе подобнаго рода тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ребенокъ моложе. Оно еще болѣе сильно въ опытахъ, въ которыхъ играетъ роль память. Въ случаяхъ, когда отвѣтъ былъ вѣренъ, 50 на 100 отказывались отъ первоначальнаго показанія; въ случаѣ же невѣрнаго отвѣта, отказывались отъ перваго рѣшенія 72 на 100. Изъ этой послѣдней группы 81 на 100 давали въ такомъ случаѣ болѣе вѣрный отвѣтъ, чѣмъ первоначально, и только 19 менѣе вѣрный. Въ третьихъ, авторы изслѣдовали силу раздражательнаго внушенія при коллективныхъ опытахъ. Четверо дѣтей помѣщались противъ доски съ начерченными на ней линіями и отвѣчали вмѣстѣ. Въ такомъ случаѣ они давали отвѣты, болѣе вѣрные, чѣмъ въ отдѣльности. Въ одномъ изъ младшихъ классовъ на сто дѣтей вѣрные отвѣты коллективно давали 34, а по одиночкѣ лишь 23. Бине и Анри изъ своихъ опытовъ заключили, что возрастъ имѣетъ чрезвычайно важное вліяніе на силу внушенія и чѣмъ ребенокъ моложе, тѣмъ это вліяніе сильнѣе.

Переходя къ эмоціоннымъ явленіямъ, отмѣтимъ изслѣдованія того же Бине касательно страха у дѣтей. Онъ пытается дать объясненіе происхожденія физиологическихъ условій и различныхъ видоизмѣненій страха у дѣтей. Авторъ пользовался для этой цѣли наблюденіями людей, могущихъ въ настоящемъ случаѣ быть компетентными. Такъ онъ предлагалъ вопросы воспитателямъ 6-ти различныхъ учебныхъ заведеній. Проконтролировавъ затѣмъ результаты, полученные имъ такимъ образомъ, и сравнивъ ихъ съ наблюденіями надъ собственными дѣтьми и

дѣтьми знакомыхъ, а также и съ отвѣтами, данными взрослыми, которые, по его мнѣнію, способны были хорошо анализировать собственные ощущенія, онъ пришелъ къ заключенію, что, хотя эти изысканія и не могутъ доставить много данныхъ для объясненія психологическаго механизма страха, такъ какъ подобный вопросъ можно рѣшить только съ помощью экспериментальныхъ изслѣдованій, но все же они могутъ служить до нѣкоторой степени вступленіемъ для будущихъ болѣе серьезныхъ работъ въ этомъ направленіи. Общее заключеніе, вытекающее изъ его наблюденій то, что страхъ есть депрессивная эмоція и тѣмъ сильнѣе выражена ея угнетающій депрессивный характеръ, чѣмъ менѣе реально причина вызвавшая его, т. е. когда страхъ является безразсудною боязнью чего-то неяснаго, невѣроятнаго или воображаемаго. Онъ приводитъ нѣсколько главныхъ формъ страха: 1) страхъ передъ неизвѣстнымъ, таинственнымъ, какъ напр., боязнъ ночной темноты и воображаемыхъ существъ, которыми, по мнѣнію ребенка, она населена; 2) страхъ въ соединеніи съ удивленіемъ, напр., испугъ, произведенный грохотомъ, выстрѣломъ; 3) страхъ съ чувствомъ омерзѣнія или отвращенія, напр., боязнъ нѣкоторыхъ животныхъ; 4) страхъ передъ опасностью только возможною; 5) продолжительное напряженіе, вызванное дѣйствительною, самимъ пережитою опасностью или же видомъ ужаснаго приключенія. Физиологическимъ выразителемъ страха въ его легкой формѣ служатъ различныя движенія съ цѣлью самозащиты и бѣгство. Въ случаяхъ же серьезнаго и глубокаго страха является крикъ, дрожаніе всего тѣла, блѣдность лица, расширеніе глазъ, задержаніе дыханія, сердцебиеніе, плачь и, наконецъ, невозможность производить сознательныя движенія, а иногда конвульсивныя припадки. Затѣмъ его наблюденія показали, что дѣти слабыя и болѣзненныя чаще подвержены чувству страха, чѣмъ здоровыя. Это происходитъ независимо отъ ихъ умственнаго развитія. Но самому сильному и продолжительному приступу страха подвергаются дѣти съ живымъ воображеніемъ. Причинами чаще всего вызывающими страхъ онъ считаетъ слѣдующія: во-первыхъ, заразительность страха при общеніи съ боязливыми дѣтьми; затѣмъ чрезмѣрное возбужденіе воображенія разсказами, а также и видомъ различныхъ ужасовъ; потомъ наследственное предрасположеніе (хотя полученные имъ результаты въ этомъ направленіи неясны и сомнительны) и, наконецъ, страхъ вызванный дурнымъ обращеніемъ. Статья Бине заканчивается не лишеною серьезнаго значенія главой, которую онъ посвящаетъ способамъ излѣченія чувства страха у дѣтей.

Пере (Perez) въ своей статьѣ о развитіи абстрактныхъ представленій у дѣтей, помѣщенной въ *Revue Philosophique* за 1895 г. приходитъ къ заключеніямъ, имѣющимъ тоже громаднѣйшій интересъ для педагога. Ребенокъ перенимаетъ отъ старшихъ слова съ абстрактнымъ значеніемъ и сначала эти слова для него представляютъ пустые, бессмысленныя звуки. Но, по мѣрѣ того какъ растетъ его опытность и когда онъ становится способнымъ различать всѣ качества, сгруппированныя въ одномъ предметѣ, и

замѣчать по наружному виду, по аналогическимъ качествамъ сходство предметовъ, различающихся между собою, только тогда онъ научается представлять себѣ, что значитъ произнесенное имъ слово. Вначалѣ абстрактныя выраженія имѣютъ слишкомъ широкое и неопредѣленное значеніе. Слово птица, напримѣръ, можетъ быть примѣнено ребенкомъ ко всему, что летаетъ, но въ такомъ случаѣ ребенокъ будетъ имѣть очень слабое, неточное понятіе о существахъ летающихъ. Постепенно, благодаря двойной работѣ анализа и синтеза, онъ привираивляетъ свои отвлеченныя понятія къ нашимъ и слова, которыя онъ употребляетъ, въ концѣ концовъ для него значатъ то же, что и для насъ. Можно ускорить развитіе способности къ абстрактному мышленію, заставляя ребенка методически анализировать и воспроизводить образы, т. е. дѣлать то, что совершалось бы въ немъ незамѣтно, посредствомъ бессознательнаго сравненія постоянно увеличивающагося само собою количества образовъ и понятій. Работа Пере посвящена главнымъ образомъ этому вопросу практической педагогики.

Попытка автора найти наилучшій способъ для воспитанія означенной способности въ ребенкѣ, приводитъ его къ обзору цѣлаго ряда примѣровъ, заимствованныхъ изъ собственной практики и показывающихъ, какую форму принимаютъ у дѣтей абстракціи, какъ-то слова, выражающія понятіе о цѣломъ классѣ существъ, дѣйствій или состояній, абстракціи психологическія и моральныя, а также числовыя (идея времени), наконецъ метафизическія (идеи жизни и смерти). Анализъ числовыхъ абстракцій сдѣланъ авторомъ съ наибольшей подробностью.

Чтобы покончить съ вопросомъ о высшихъ психическихъ явленіяхъ у дѣтей, надо сказать нѣсколько словъ о статьѣ дочери извѣстнаго Ломброзо или лучше о той суровой критикѣ, которой эта статья подверглась со стороны Марилье (Marillier). Г-жа Ломброзо, въ статьѣ, озаглавленной, *L'instinct de la conservation chez les enfants*, помѣщенной въ *Revue Philosophique* 1896 г., пытается подчинить многочисленныя проявленія жизни ребенка одному общему закону. Она объясняетъ большую часть явленій изъ интеллектуальной и аффективной жизни ребенка инстинктивнымъ и часто почти бессознательнымъ стремленіемъ избѣгать всего того, что сопряжено съ потерей энергіи и силъ. Подъ вліяніемъ этого закона слагается его нравственное сознаніе и воля. Въ общемъ значеніи, особенно метафизическомъ, данная г-жею Ломброзо формула закона, управляющаго развитіемъ умственныхъ силъ, по мнѣнію Марилье, представляетъ собой лишь нѣсколько измѣненную главную мысль философіи и психологіи Спинозы: всякое существо стремится сохранить жизнь и совершенствоваться. Но, становясь на исключительно научную почву, Марилье считаетъ невозможнымъ допустить точность и общее значеніе закона, формулированнаго Ломброзо, особенно въ примѣненіи его къ фактамъ. По ея мнѣнію, законъ, который проявляется въ бессознатель-

номъ стремленіи ребенка оградить свое «я» и избѣгать всякой излишней затраты энергіи, управляетъ всѣми психическими движеніями ребенка и кромѣ того легко объясняетъ, почему ребенокъ реагируетъ такъ или иначе на тотъ или другой стимулъ. Нужно однако замѣтить, что Ломброзо съ одной стороны для того, чтобы съ большею легкостью сгруппировать факты въ одну общую систему, всѣ части которой подчинены одному общему закону, обходитъ молчаніемъ или же отрицаетъ существованіе тѣхъ фактовъ, объясненіе которыхъ могло бы быть затруднительно; а съ другой—среди примѣровъ, которые она приводитъ въ доказательство поддерживаемаго ею положенія, есть большое число актовъ, чувствъ, тенденцій и интеллектуальныхъ привычекъ, могущихъ имѣть другое, болѣе простое толкованіе. Нельзя напримѣръ согласиться съ мнѣніемъ, что меньшая чувствительность у дѣтей къ болевымъ ощущеніямъ, чѣмъ у взрослыхъ, можетъ быть объяснена инстинктомъ само-сохраненія. Гораздо болѣе точнымъ и очевиднымъ объясненіемъ этого факта могутъ служить слабость умственного синтеза, недостатокъ памяти, неясность чувствованій и смутность сознанія.

Отмѣтимъ со своей стороны тотъ фактъ, что болѣе низко, чѣмъ позвоночныя, организованныя животныя, представляютъ намъ такое же явленіе слабого развитія болевой чувствительности. Пчела, потерявъ жало, что ей грозитъ смертью, почти не замѣчаетъ этой потери и продолжаетъ свои обычные занятія. Актинія, оторвавшая чуть не $\frac{1}{4}$ своего тѣла, продолжаетъ медленно передвигаться, не обнаруживая никакихъ признаковъ боли. Такъ что меньшая болевая чувствительность дѣтей можетъ быть своего рода возвратомъ къ тому, что мы наблюдаемъ у болѣе низко стоящихъ формъ.

Еще менѣе вѣрно допущеніе, что эта слабая чувствительность ребенка къ болевымъ ощущеніямъ можетъ быть объяснена неспособностью его локализовать ихъ: всякая локалізація ощущеній есть чувствованіе прибрѣтенное и изученіе топографіи нашего собственнаго тѣла, включая сюда и увеличеніе дискриминативной чувствительности, *) не находящаяся въ сношеніи съ увеличеніемъ аффективной чувствительности.

Точно также было бы странно утверждать, что ребенокъ изъясняется жестами для того, чтобы не утруждать себя разговоромъ, когда всякому извѣстно, какою болтливостью и стремленіемъ къ подражанію отличаются дѣти въ возрастѣ, когда они начинаютъ говорить. Если ребенокъ примѣняетъ одно и то же слово для различныхъ предметовъ, то это происходитъ не отъ лѣни, не отъ нежеланія искать новыхъ словъ, а потому, что генерическія представленія появляются раньше прибрѣтенія нужныхъ словъ и что у него больше идей, чѣмъ словъ для ихъ выраженія.

*) Дискриминативной чувствительностью называется способность различать отдѣльное прикосновеніе двухъ болѣе или менѣе сближенныхъ предметовъ, напр. концовъ циркуля, которыми прикасаются къ кожѣ. Способность эта въ различныхъ частяхъ кожи весьма различна.

Мюнцъ въ своей «Логикѣ у дѣтей» проводить ту же самую мысль, что ребенокъ прежде чѣмъ начнетъ говорить, уже способенъ къ сужденіямъ.

Было бы слишкомъ смѣлымъ предположить, что неспособность ребенка къ абстрактному представленію есть доказательство его интеллектуальной лѣни, тогда какъ очевидно, что абстрактныя понятія рождаются изъ медленнаго накопленія однообразныхъ представленій, изъ соединенія этихъ представленій съ извѣстными словами. Несправедливо также полагать, что ребенокъ лишенъ сердечныхъ и нѣжныхъ чувствъ и утверждать, что дѣти отдаются душевному движенію только въ тѣхъ случаяхъ, когда это для нихъ не сопряжено со страданіемъ. Напротивъ, трудно найти что либо, хотя столь краткое (да и то не всегда), но въ то же время и столь сильное, какъ горе ребенка. Есть напр. грустныя, очень грустныя дѣти; но это, конечно, не благодаря стремленію къ само-сохраненію. Г-жа Ломброзо приводитъ въ доказательство корыстной любви ребенка и его неспособности къ глубокой привязанности тотъ фактъ, что дѣти рѣдко влюбляются; но любовь въ физическомъ значеніи этого слова въ этомъ періодѣ физиологическаго развитія человѣка можетъ существовать только въ случаѣ болѣзненной аномаліи.

Несмотря на все уваженіе, внушаемое фамиліей автора, Марилье приходится къ заключенію, что статья Ломброзо не представляетъ новыхъ данныхъ для психологіи ребенка. Въ ней трактуется о фактахъ уже извѣстныхъ. Притомъ же она заключаетъ въ себѣ наблюденія, согласныя съ большинствомъ авторовъ, которые занимались изученіемъ первыхъ стадій умственнаго развитія людей. Объясненія этихъ фактовъ тоже не только уже извѣстны, но стали общепринятыми. Тѣ же, которые являются оригинальными, находятся въ прямомъ противорѣчій съ уже прочно установленными законами.

На этомъ мы и покончимъ съ успѣхами въ области психологіи ребенка и перейдемъ теперь къ другому вопросу, съ которымъ читатели «Образованія» отчасти уже знакомы.

Въ обзорѣни, помѣщенномъ въ одномъ изъ № «Образованія» 1897 г. и касавшемся явленій сна, была подробно изложена теорія сна Дюваля, согласно коей самый актъ сна вызывается расхожденіемъ отростковъ нервныхъ клѣтокъ, во время бодрствованія соприкасающихся между собой при помощи этихъ отростковъ. Разобщеніе связи между отдѣльными клѣтками, входящими въ составъ нашей нервной системы и вызываетъ разобщеніе нашего внутренняго міра съ внѣшнимъ. Правда эта гипотеза встрѣтила значительныя возраженія со стороны гистологовъ, какъ Келикверъ, считающихъ недоказаннымъ самый фактъ сократимости и подвижности отростковъ нервныхъ клѣтокъ, фактъ, на которомъ и построена гипотеза Дюваля. Но съ другой стороны не было недостатка и въ голосахъ въ пользу гипотезы Дюваля. Однако самое расхожденіе отростковъ нервныхъ клѣтокъ, если только оно существуетъ, должно быть чѣмъ нибудь вызвано.

Эррера въ 1896 г. выступаетъ вновь съ своей гипотезой, предложенной имъ еще въ 1887 г., и объясняющей сонъ накопленіемъ въ организмѣ ядовитыхъ продуктовъ или токсиновъ. Накопленіе токсиновъ, образующихся какъ побочный продуктъ при бодрствованіи, въ опредѣленныхъ частяхъ мозга, и вызываетъ явленіе сна. Дѣйствуютъ ли токсины на отростки нервныхъ клѣтокъ, заставляя ихъ сокращаться и расходиться, или непосредственно сами по себѣ—это вопросъ другой. Но что продолжительное бодрствованіе вызываетъ явленія, напоминающія отравленіе, это было замѣчено и ранѣе. Заслуживаютъ вниманія описанные недавно Патриккомъ и Жильберомъ опыты въ этомъ направленіи. Трое совершенно здоровыхъ мужчинъ 24—28-лѣтняго возраста были подвергнуты 90 часовой бессонницѣ.

Каждые 6 часовъ измѣряли ихъ вѣсъ, мускульную силу и умственные функціи. Опытъ оказался тяжелымъ для всѣхъ трехъ субъектовъ, особенно же для одного изъ нихъ. Уже послѣ второй бессонной ночи его стали преслѣдовать упорныя зрительныя галлюцинаціи: ему казалось, что полъ покрытъ сѣроватыми колеблющимися шариками, что воздухъ наполненъ роемъ оврашенныхъ частицъ и т. п. Битіе пульса у него было замедлено, тогда какъ у двухъ другихъ этого замедленія не наблюдалось, и галлюцинацій у нихъ также не было. Но одинъ изъ нихъ почувствовалъ сильную усталость, температура упала до 35° и продолженіе опыта дальше назначеннаго срока было бы для него опасно. Всѣмъ тремъ было очень трудно оставаться бодрствующими и сохранять глаза открытыми. Какъ только ихъ оставляли безъ надзора хоть на самый короткій срокъ или же когда они предавались какому нибудь однообразному занятію, они наполовину засыпали и несмотря на то что сонъ былъ неполный, видѣли сны и даже могли припомнить нѣкоторые изъ нихъ. Для того чтобы удержать ихъ въ бодрствующемъ состояніи нужно было говорить съ ними, заставляя ихъ двигаться и гулять по утрамъ на холодномъ воздухѣ. Мускульная сила, измѣренная съ помощью динамометра, оказалась пониженною во все время бессонницы, хотя замѣчены были довольно значительныя колебанія, такъ что подчасъ даже была выше нормальной. Острота зрѣнія увеличилась у всѣхъ троихъ. Чтобы опредѣлить ихъ способность и степень ловкости въ движеніяхъ, ихъ заставляли производить въ теченіи 5 секундъ удары указательнымъ пальцемъ, и оказалось, что способность двигательная и ловкость были весьма ослаблены подъ вліяніемъ бессонницы. Затѣмъ имъ было предложено выучить двѣнадцать слоговъ, лишенныхъ смысла и значенія или же запомнить 18 чиселъ для того, чтобы опредѣлить силу памяти. У одного субъекта изъ нихъ во второй трети времени, предназначеннаго для опыта, сила памяти даже увеличилась, но къ концу опыта была вполнѣ нормальной. У двухъ другихъ наоборотъ сила памяти ослабѣла, но при этомъ замѣчались такія рѣзкія колебанія, что иногда она была даже выше нормальной. У одного изъ этихъ послѣднихъ способность къ запоминанію

такъ ослабѣла, что онъ не могъ выучить въ 20 минутъ то, что обыкновенно выучивалъ въ 134 секунды. Силу вниманія и способность къ ассоціаціи опредѣляли количествомъ цифръ, сложенныхъ въ теченіи трехъ минутъ, и у одного изъ субъектовъ, подвергнутыхъ опыту эти способности не представляли замѣтнаго ослабленія, несмотря на довольно частыя колебанія. Для двухъ другихъ для той же цѣли былъ примененъ другой способъ изслѣдованія, немного отличающійся отъ предыдущаго: имъ была дана группа изъ 40 цифръ, которыя они должны были складывать по двѣ а потомъ складывать полученные суммы и т. д. и время, которое они употребили на эту операцію, было точно измѣрено. Этимъ способомъ было констатировано у одного значительное ослабленіе вниманія, у другого, хотя и наблюдались нѣкоторыя колебанія, но въ концѣ опыта вниманіе было такъ же интенсивно, какъ и въ началѣ. Изученіе всѣхъ этихъ психологическихъ явленій указываетъ на упадокъ интеллектуальныхъ способностей подъ влияніемъ бессонницы; но упадокъ этотъ довольно слабъ и непостояненъ.

Каждые 24 часа было измѣряемо количество выдѣляемой мочи, а также доза азота и фосфорной кислоты въ ней. Въ общемъ выдѣленіе мочи было меньше нормальнаго, а относительное количество фосфорной кислоты увеличилось. Къ сожалѣнію, авторомъ не сдѣлано никакихъ указаній относительно пищевого режима во время опыта.

По окончаніи опыта имъ дали заснуть, причемъ было обращено вниманіе на характеръ и глубину сна, а при пробужденіи подвергли ихъ снова цѣлому ряду наблюденій. Продолжительность сна послѣ этого періода бессонницы не оказалась значительно больше обыкновеннаго: для одного понадобилось лишнихъ $2\frac{1}{2}$, для другого 4, для третьяго, однако же, $7\frac{1}{2}$ часовъ. Проснувшись они чувствовали себя совершенно отдохнувшими, всѣ отправленія стали нормальными. Такое быстрое возстановленіе силъ можно объяснить тѣмъ, что сонъ послѣ долгаго бодрствованія гораздо глубже нормальнаго.

Михельсонъ и Кольшюттеръ, измѣряя силу звука, нужную для того, чтобы произвести пробужденіе, показали, что сонъ достигаетъ максимальной глубины въ концѣ перваго часа. Патрикъ и Жильберъ пользовались для этой же цѣли электрическимъ токомъ, чтобы будить черезъ равные промежутки времени, и показали, что у субъекта, надъ которымъ они производили опытъ бессонницы, глубина сна была максимальной только въ концѣ втораго часа, а слѣдовательно, глубина и полнота сна была продолжительнѣе, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ.

Всѣ три экспериментируемые субъекта увеличились въ вѣсѣ во время бессонницы, а послѣ возстановляющаго сна вѣсѣ ихъ оказался ниже нормы. Увеличеніе вѣса, вѣроятно, обусловлено слабой выдѣлительной дѣятельностью организма, выразившейся въ уменьшеніи количества мочи, какъ было указано. Впрочемъ, за недостаткомъ точныхъ данныхъ относительно пищевого режима, можно говорить лишь гадательно.

Вопросъ о сновидѣніяхъ давно уже служить предметомъ различныхъ соображеній, но наибольшій интересъ представляютъ научно поставленные опыты и наблюденія. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія изслѣдованія де-Санктиса относительно сновидѣнія преступниковъ, и Фениція (Fenizia) относительно виѣшнихъ вліяній на характеръ сновидѣнія.

Де-Санктисъ сообщаетъ результаты статистическихъ изысканій надъ 125 преступниками, въ томъ числѣ 24 женщинами. Преступники всѣ относились къ числу приговоренныхъ за преступленія противъ личности. Де-Санктисъ приходитъ къ слѣдующему: если оставить въ сторонѣ случайныя причины бессонницы, — преступники спятъ обыкновенно глубокимъ и спокойнымъ сномъ, похожимъ на сонъ идіотовъ и старыхъ эпилептиковъ. Они рѣдко видятъ сны. Тѣ, которыхъ носѣщаютъ частыя сновидѣнія, и тѣ, которые совсѣмъ не видятъ сновидѣній, составляютъ меньшинство. Сновидѣнія отсутствуютъ совершенно у закоренѣлыхъ преступниковъ, лишенныхъ нравственнаго чувства, точно такъ же, какъ и у идіотовъ. Тюрьма благопріятствуетъ дѣятельности ума во время сна. Преступники видятъ больше сновъ въ заключеніи, чѣмъ на свободѣ. Большая часть этихъ сновидѣній лишена эмоціоннаго характера: это обыкновенно простое воспроизведеніе прежней жизни или событій прошедшаго дня. Это отсутствіе сновидѣній эмоціоннаго характера тѣмъ рѣзче выражено, чѣмъ безнравственнѣе преступникъ. Самыми частыми ощущеніями эмоціоннаго характера являются эротическія. Въ рѣдкихъ случаяхъ преступникъ видитъ во снѣ преступленіе, имъ совершенное, и еще рѣже случается, чтобы приснившееся ему собственное преступленіе вызвало въ немъ чувство жалости и раскаянія. Изъ этого видно, что умственная жизнь во снѣ нормальнаго человѣка сильно отличается отъ жизни преступника, и что у этого послѣдняго она приближается къ таковой идіотовъ и слабоумныхъ. Преступники съ повышенной чувствительностью нервной системы составляютъ рѣдкое исключеніе, и констатированная психическая дѣятельность въ теченіи ночи у большинства преступниковъ, въ особенности закоренѣлыхъ, показываетъ, что для нихъ характерными явленіями надо признать—инертное воображеніе или полную моральную и эмоціонную несостоятельность. Всякому изъ насъ приходилось испытывать, что раздраженія, полученныя извнѣ, имѣютъ вліяніе на характеръ сновидѣній. Небезъинтересны въ этомъ направленіи наблюденія Фениція. Эти наблюденія касаются, во-первыхъ, вліянія непосредственнаго прикосновенія. Такъ, напримѣръ, немного эфира, вылитаго на лѣвую сторону тѣла, вызвало во снѣ ощущеніе нестерпимаго жара. Во вторыхъ, онъ изслѣдовалъ дѣйствіе раздраженій, производимыхъ на разстояніи: напр., звука свистка, свѣта лампы, и оказалось, что ощущенія, вызванныя этими раздраженіями, во снѣ всегда представлялись въ сильно преувеличенномъ видѣ. Отмѣтимъ также наблюденія русскаго изслѣдователя, г. Чижевъ, относительно вліянія вниманія на

сонъ. Съ этой цѣлью онъ дѣлалъ опыты надъ самимъ собой въ теченіи трехъ лѣтъ, а именно, ложась спать, задавался предвзятой мыслью проснуться въ опредѣленный часъ. Изъ 134 наблюдений онъ считаетъ убѣдительными сто. Онъ просыпался обыкновенно ранѣе назначеннаго срока, ношибка не превышала $\frac{1}{4}$ часа, а въ среднемъ была равна 13 минутамъ. Этими данными, являющимися существеннымъ дополненіемъ къ вышеупомянутой статьѣ относительно сна и сопровождающихъ его явленій, мы и закончимъ нашъ обзоръ.

Л. Э. Жирардо.

Изъ жизни и литературы.

Н. Г. Помяловскій.

Тридцать пять лѣтъ минуло 5-го октября со дня смерти Николая Герасимовича Помяловскаго.

Это имя сейчасъ же вызываетъ воспоминаніе объ «Очеркахъ бурсы». Кому неизвѣстно это произведеніе, въ которомъ съ такою страшною правдой впервые раскрыта была передъ всѣми отвратительная язва семинарскаго воспитанія, безпощадно губившаго цѣлый рядъ поколѣній? Въ нашей литературѣ есть только три книги, рисующія во всей наготѣ ужасныя стороны сокровенныхъ сторонъ русской культуры прешняго времени: это—«Записки изъ Мертваго Дома» Достоевскаго, «Очерки бурсы» Помяловскаго и «Многострадальныя» Никитина. Эти три книги написаны далеко не съ одинаковымъ талантомъ, но имѣютъ между собою ту общую черту, что авторъ каждой изъ нихъ на собственныхъ плечахъ вынесъ всю тяжесть того, что онъ описываетъ, что здѣсь каждая строка пережитая, перечувствована, выстрадана человѣкомъ, ее написавшимъ, и звучитъ правдивой исповѣдью, заставляющей сердце сжиматься отъ боли и дрожать отъ скорби и негодованія. Ида слѣдомъ за нашими проводниками, мы словно опускаемся въ самыя глубокіе круги дантовскаго ада; но эти проводники—не Виргиліи, не поэты, и адъ, въ который они насъ вводятъ,—не фантастическій, а къ несчастію, совершенно реальный. У Достоевскаго онъ помѣщается въ далекомъ углу Сибири, у Никитина—гораздо ближе,—въ Нижнемъ-Новгородѣ, у Помяловскаго—въ самомъ центрѣ «русской интеллигенціи», въ Петербургѣ, подъ бокомъ у всяческаго прогресса. Въ «Мертвомъ Домѣ» передъ нами—міръ преступныхъ отверженцевъ общества, которымъ приходится тяжкими страданіями искупать свои вины; въ «Бурсѣ» и «Многострадальныхъ» мы видимъ ни въ чемъ не-

повинныхъ дѣтей, которыхъ безжалостно калѣчить жестокая рука тупоумной педагогин, обращающей «разумное Божье созданье» или въ забитое животное, утратившее всякій образъ человѣческій, или въ дикое, озлобленное существо, полное непримиримой вражды къ обществу, допускающему въ своей средѣ такіе «порядки»...

«Очерки Бурсы», при своемъ появленіи, произвели, по выраженію одного современника, впечатлѣніе внезапно разорвавшейся бомбы. Несомнѣнная искренность и правдивость разсказа, строгій до мелочей реализмъ и простой, безыскусственный языкъ автора, въ связи съ совершенною неожиданностью и поразительностью содержанія «Очерковъ», сразу доставили этому произведенію и его автору громкую извѣстность. Въ пору развитія такъ называемой «обличительной» литературы, ярко освѣщенная картина безобразнаго бурсацкаго воспитанія юношей, предназначенныхъ быть духовными пастырями народа, выступила во всей своей неприглядности. Помяловскій не старался намѣренно сгущать свои краски; за очень немногими исключеніями, гдѣ у него невольно прорывается горькій лиризмъ, онъ остается объективнымъ эпическимъ повѣствователемъ, избѣгая кричащихъ эффектовъ и подчеркиваній, которыми нерѣдко увлекались тогдашніе «обличители»; онъ старается строго держаться дѣйствительности и передавать одни только факты или, говоря его любимымъ выраженіемъ, «рисовать веселенькіе пейзажики», которые говорятъ сами за себя и не нуждаются въ лирическихъ комментаріяхъ. Человѣкъ, прошедшій отъ начала до конца ту тяжелую школу, которую онъ описываетъ, вынесшій ее буквально на собственныхъ плечахъ,—высѣченный, по собственному счету, четыреста разъ, онъ вышелъ изъ этого педагогическаго омута съ надломленными физическими и душевными силами, съ задатками роковой страсти къ пьянству, которая его преждевременно сгубила, и въ то же время—съ горячимъ сочувствіемъ ко всемъ несправедливо обиженымъ судьбою, ко всемъ, страдающимъ отъ дико сложившейся жизни, и съ горячимъ стремленіемъ спасти другихъ отъ той горькой участи, какую пришлось испытать ему самому. Литературный талантъ, грубый и неотесанный, какъ та среда, изъ которой вышелъ Помяловскій, но полный того наввно-искренняго чувства и той беззаботной правдивости, какою отличаются «нервыбитныя» сильныя натуры, помогъ ему сдѣлать свое дѣло. «Нѣтъ, вы узнайте, какая жизнь создала нашего брата», говорилъ онъ: я покажу вамъ, что значить бурсакъ, я заставлю васъ призадуматься надъ этою жизнью! Правдивымъ изображеніемъ жизни разнаго рода «неудачниковъ» *заставитъ призадуматься* надъ этою жизнью—такъ понималъ Помяловскій свое писательское призваніе, въ этомъ онъ видѣлъ цѣль и значеніе всей своей литературной дѣятельности. Онъ явился въ нашей литературѣ однимъ изъ представителей того класса «разночинцевъ», того «мыслящаго пролетаріата», который въ началѣ 60-хъ годовъ, благодаря реформамъ, измѣнившимъ складъ нашей общест-венности, сразу приобрѣлъ выдающееся вліяніе; какъ человѣкъ, сочув-

ствія котораго всецѣло лежали на сторонѣ низшихъ классовъ общества, близкихъ ему по происхожденію и воспитанію, онъ стремился освѣтить эту жизнь, заинтересовать ею общество, начинавшее сознательно относиться къ различнымъ сторонамъ своего быта, и показать «душу живу» въ такихъ людяхъ, на которыхъ до той поры мало обращали вниманія. Отъ близкихъ его сердцу бурсаковъ его сочувствіе перешло на всѣхъ, такъ или иначе обиженныхъ жизнью, — на всѣхъ пасынковъ общества, даже на такъ называемые «подонки», къ которымъ влекла его скорбная братская симпатія. Онъ находилъ, что прошло уже время безпечальнаго наслажденія изящными литературными образами и настало иное время— серьезнаго, пристальнаго изученія окружающей дѣйствительности во всей ея наготѣ, хотя бы, подчасъ, и очень некрасивой и даже циничной. До сихъ поръ литература изображала преимущественно жизнь такихъ классовъ общества, которыхъ интересы, понятія, весь складъ мысли и жизни совсѣмъ чужды большинству; теперь настаетъ очередь этого большинства. Вотъ какія рѣчи влагаетъ Помяловскій въ уста молодой дѣвушки, героини скромнаго романа «Мѣщанское Счастье»:

«Тамъ, въ книгахъ, люди живутъ не по нашему,—тамъ не тѣ убѣжденія; большею частью живутъ безъ труда, безъ заботы о насущномъ хлѣбѣ. Тамъ все помѣщики,—и герой помѣщикъ, и поэтъ помѣщикъ. У нихъ не тѣ стремленія, не тѣ приличія, обстановка совсѣмъ не та. Страдаютъ и веселятся, вѣрятъ и не вѣрятъ не по нашему... Какъ же я буду жить чужой, несвойственной мнѣ жизнью? Надобно читать, да и помнить себя. Отчего не полюбоваться на чужую жизнь? Но какъ переложить ее на наши нравы? Это невозможно... Барина описываютъ съ замиѣтной къ нему любовью, хотя бы онъ былъ и дрянной человѣкъ, и воспитаніе, и обстоятельства разные, все поставлено на видъ; притомъ, баринъ всегда на первомъ планѣ, а чиновники, понады, учителя, купцы всегда выходятъ негодными людьми, безобразными личностями, играютъ унизительную роль, и смѣшно часто такъ рассказано дѣло, что они и виноваты въ томъ, что баринъ худъ или страдаетъ. Пусть безобразна среда... все же она не совсѣмъ мертвая. Такъ или иначе, а надо отыскать добрую сторону въ *своихъ* людяхъ. Безъ того жить нельзя!».

Въ этихъ словахъ—и цѣлый обвинительный актъ противъ тогдашней литературы, какъ она представлялась автору, и цѣлая программа для будущихъ писателей. Въ другомъ мѣстѣ,—въ отрывкѣ изъ рукописи романа «Братъ и Сестра», еще не приготовленнаго къ печати, Помяловскій еще точнѣе опредѣляетъ эту новую задачу:

«У насъ есть огромный слой общества, цѣлая масса людей, живущая особенною, мало извѣстною для такъ называемаго образованнаго общества, жизнью,—это бѣдный разрядъ разночинцевъ. Люди они или нѣтъ? Узнаемте же, что за существа, и разоблачимте гнойную язву нашего — да, *нашего* общества. Докторъ изучаетъ сифилисъ и гангрену, опредѣляетъ вкусы самыхъ мерзкихъ продуктовъ природы, живетъ среди тру-

повъ, однако его никто не называетъ циникомъ; стряпчій входитъ во всѣ тюрмы, видитъ преступниковъ по всѣмъ пунктамъ нравственности, отцеубійца, братоубійца, дѣтоубійца, воровъ, поддѣлывателей фальшивыхъ бумагъ и т. п. личностей, изучаетъ ихъ душу, проникаетъ въ самый центръ разложенія нравственности человѣческой, однако и его никто не называетъ циникомъ, а говорятъ, что онъ служитъ человечеству; священникъ часто поставленъ въ необходимость выслушивать ужасающую исповѣдь людей, желающихъ примириться съ совѣстью, но и онъ — не циникъ. Позвольте же и писателю принять участие въ этой же самой работѣ и такимъ образомъ обратить вниманіе общества на ту массу разврата, безнадежной бѣдности и невѣжества, которая накопилась въ нѣдрахъ его. Не сразу я рѣшился на это дѣло, зная, что у насъ общество затыкаетъ глаза и уши, чтобы не видѣть и не слышать горестныхъ звуковъ изъ его же жизни. Но найдется же нѣсколько,—да вѣроятно, и не мало—людей, желающихъ видѣть правду голую, неподдѣльную, взятую изъ выводимаго нами быта,—для нихъ и пишемъ. *Впередъ предупреждаю, что я не обличитель*: можно ли человѣка съ отшибленной смолodu головой обличать въ томъ, что онъ дуракъ?.. Я и не поучаю никого, — это тоже ни къ чему не поведетъ въ настоящемъ случаѣ... *Будемъ заявлять только факты* и, по возможности, ихъ причину, — изъ нихъ всякій можетъ дѣлать выводъ, какой кто хочетъ: — *наше дѣло сторона*. Мы покажемъ вамъ развратъ глубокій, невѣжество поражающее... покажемъ бѣдность, до того облежавшуюся, что потеряно и притуплено чувство страданія отъ нея; покажемъ забитость неисконную; покажемъ подлость и низость души закоренѣлую; покажемъ язычество этого слоя, невѣдѣніе основныхъ началъ гражданственности и т. п. *Полубуйтесь!*»

Такія требованія, такая программа литературной дѣятельности были новостью для того времени, когда Помяловскій заявилъ себя писателемъ: онъ былъ первымъ по времени, — да, пожалуй, первымъ и по силѣ таланта и анализа, — представителемъ класса «разночинцевъ» въ нашей литературѣ 60-хъ годовъ, той поры, когда застоявшееся теченіе русской жизни всколыхнулось новыми вѣяніями, въ обществѣ почувствовался приливъ новыхъ, свѣжихъ силъ, пробужденныхъ реформами, забродили небывалые до тѣхъ поръ вопросы, пыльнымъ цвѣтомъ расцвѣли юношескія упованія... Всѣ, наперерывъ другъ передъ другомъ, спѣшили высказать все, что накопило на сердцѣ въ долгіе годы молчанія, разобраться въ новыхъ теченіяхъ, намѣтить пути для рѣшенія новыхъ задачъ. По своей натурѣ и воспитанію чуждый всякихъ условностей и привыкшій высказывать свои мнѣнія искренно и на чистоту, Помяловскій выступилъ въ литературѣ съ міросозерцаніемъ вполне определеннымъ и цѣльнымъ, съ мыслями твердыми и ясными и съ глубокимъ, до конца безстрашнымъ, анализомъ тѣхъ сторонъ русской жизни, которыя близко извѣстны были ему по собственному опыту. Вслѣдъ за окончаніемъ семинарскаго курса,

еще не остывшія горькія впечатлѣнія бурсацкой педагогіи, естественно, направили его мысль къ вопросамъ воспитанія: первымъ печатнымъ его произведеніемъ былъ небольшой «психологическій очеркъ» подъ заглавіемъ «Вуколъ», появившійся въ одномъ изъ только что возникшихъ въ то время (1859 г.) нашихъ педагогическихъ журналовъ. Вопросы дѣтской психологіи и отношеніе ребенка къ получаемому имъ воспитанію не разъ занимали Помяловскаго и вполнѣдствіи, и въ разныхъ своихъ произведеніяхъ и неоконченныхъ наброскахъ онъ отводилъ имъ болѣе или менѣе замѣтное мѣсто. Вскорѣ отъ этого круга вопросовъ онъ перешелъ къ другому, болѣе широкому, — къ вопросамъ о характерѣ и направленіи новой, тогда только что слагавшейся, русской общественности и о той роли, какая въ ней должна принадлежать «мыслящему пролетариату». Сближеніе съ передовыми литературными сферами, сразу замѣтившими и оцѣнившими его крупный самородный талантъ, увлеченіе университетскими лекціями, раскрывшими передъ нимъ новый, дотолѣ невѣдомый, міръ идей, не менѣе пылкое увлеченіе порывами къ общей дѣятельности, — все это, такъ или иначе, опредѣляло характеръ будущей литературной дѣятельности молодого писателя въ предѣлахъ той программы, которую онъ такъ прямо, такъ категорически поставилъ себѣ и своимъ товарищамъ по «разночинству». Въ 1861 г. въ «Современникѣ» явился его небольшой романъ «Мѣщанское счастье» и вслѣдъ за нимъ — повѣсть «Молотовъ», составляющая непосредственное его продолженіе. Эти произведенія должны были практически осуществить поставленную авторомъ общую программу: Помяловскій явился здѣсь не только внѣшнимъ живописателемъ, но и внутреннимъ глубокимъ аналитикомъ «разночинской» жизни мелкихъ людей, пробивающихъ себѣ трудную житейскую дорогу собственными усиліями, живущихъ изо дня въ день только заботами о кускѣ насущнаго хлѣба, о дѣтяхъ, о службѣ, мечтами о томъ, какъ бы устроить себѣ скромное, незамѣтное «мѣщанское счастье», приобрести нѣкоторую долю комфорта и независимости, не измѣняя ради нихъ своимъ убѣжденіямъ, не «сжигая» своей совѣсти въ угоду «средѣ», такъ часто «забѣдающей» порядочнаго по натурѣ, но слабого по характеру человѣка. Воплощеніемъ такихъ стремленій къ «мѣщанскому» счастью является Молотовъ, котораго авторъ мѣтко характеризуетъ названіемъ «честнаго Чичикова». Рядомъ съ нимъ стоитъ его пріятель Череванинъ, представитель той все разбѣдающей рефлексіи, того мрачно-пессимистическаго взгляда на жизнь, который заставляетъ мыслящаго человѣка во всемъ видѣть прежде всего отрицательную сторону и не даютъ ему возможности убаюкивать себя мечтами о буржуазной сытости и эгоистическомъ довольствѣ. Это настроеніе, близкое душѣ самого Помяловскаго, которому онъ въ послѣдніе годы жизни все больше и больше отдавался, онъ называетъ «темнымъ владѣнствомъ». Вотъ какъ разсуждаетъ онъ о жизни устами своего Череванина:

«Любовь, дѣва, луна, поэзія... На свѣтѣ нѣтъ любви, а есть аппе-

тить здороваго человѣка; нѣтъ дѣвы, а есть бабы; вмѣсто поэзіи въ жизни мерзость какая-то, скука и тоска неслыханная; ну, луна, пожалуй, и есть,—да мнѣ наплевать на луну: какого чорта я въ ней не видалъ? «все на свѣтѣ скоропреходяше и тѣнно», — мнѣ только это вдолбили смолоду. Я постоянно слышалъ объ антихристѣ, кончинѣ міра, о тѣнноти благъ земныхъ... Мы жили подлѣ кладбища, я еженедѣльно видѣлъ покойниковъ, и тогда уже дѣтскими, пытливыми глазами всматривался въ мертвецовъ. Постоянно я безъ нужды смирился, усиленно откашлявая въ себѣ всевозможные пороки и гадости, воображалъ себя червемъ, прахомъ, ничтожествомъ, человѣкомъ, недостойнымъ счастья; я презиралъ себя въ дѣтствѣ! Потомъ я очнулся, протянулъ руки къ жизни,—но уже поздно было. Взглядъ мой былъ направленъ къ тому, чтобы видѣть одно только зло въ себѣ и людяхъ. Гадко и мрачно! Если вкусъ человѣка испорченъ, то хотя послѣ онъ убѣдится, что пища, употребляемая другими, хороша, а все-таки не будетъ онъ способенъ питаться ею. Но мало ли нашего брата?—и всѣ они идутъ своей дорогой, всѣ они понимаютъ, что они такое. Отчего это всѣ веселы, а я одинъ только ничего не понимаю? Оттого, что было время, когда я принималъ все близко къ сердцу, въ плоть и въ кровь вошли убѣжденія; а когда очнулся,—вкусъ мой былъ уже испорченъ, трудно было перевоспитаться. Мало только понять новую жизнь,—надо жить всѣмъ организмомъ, быть цѣльнымъ, здоровымъ человѣкомъ. Разныя сомнѣнія и нерѣшимые вопросы для васъ, людей иного воспитанія, быстро проходятъ и не имѣютъ никакого значенія, а для насъ, специалистовъ въ этомъ дѣлѣ, они составляютъ неискоренимое вліяніе, такъ что и на новую жизнь, которая предъявляла права свои, я набросилъ тайный флеръ... Да, братецъ ты мой, какъ ни закрывай глаза и не затыкай уши, а печальныя явленія печальной жизни ежедневно и повсюду совершаются и неотступно требуютъ нашего вниманія...»

Мы съ намѣреніемъ привели эту длинную выписку, такъ какъ она довольно ярко характеризуетъ собственное «кладбищенство» самого Помяловскаго. Молотовъ исповѣдуется передъ своей невѣстой Надей завѣтныя свои вожделнія: «Мы—простые люди, люди толпы», говоритъ онъ: «неужели запрещено намъ устроить простое, мѣщанское счастье? Миліоны живутъ съ единственнымъ призваніемъ — честно наслаждаться жизнью... Не всѣмъ быть героями, знаменитостями, спасителями отечества... многого требовать нельзя, необходима умѣренность, тихій гласъ и протвое отношеніе къ существующимъ интересамъ общества», и т. д. Надя бросается въ объятія своего жениха. «Тутъ и конецъ мѣщанскому счастью», заключаетъ авторъ: «*Эхъ, господа, что-то скучно!*»

Въ самомъ дѣлѣ,—тутъ, именно въ этотъ мигъ объятій, конецъ роману и мѣщанскому счастью, потому что сейчасъ же потомъ начнется самая будничная, самая сѣрая проза съ ея деньжонками, пеленками и пр. Не могла такая идиллія удовлетворить Помяловскаго, какъ ни сочув-

ственно думалъ онъ отнестись къ ней сначала. Онъ уже въ ранней юности привыкъ жить не личными, а общественными интересами и заботами; въ его душѣ слишкомъ глубоко и сильно отзывались всѣ общественныя боли. «Подъ вліяніемъ лучшихъ дней своей жизни», говоритъ его товарищъ-биографъ Н. А. Благовѣщенскій, «онъ успѣлъ выработать прочныя убѣжденія—и когда увидѣлъ, что по этимъ убѣжденіямъ напрямикъ дѣйствовать нельзя, когда замѣтилъ, что «въ жизни—та же бурса», нѣ впалъ въ апатію, а уступки никакой сдѣлать не хотѣлъ и не могъ. Онъ разъ на всегда сказалъ: «не хочу я вашего спокойствія»—и дѣйствительно, увлекающаяся, энергическая натура его не терпѣла ни въ чемъ застоя, жаждала жизни и дѣятельности; не было этой дѣятельности,—онъ и запыль, мертвымъ поемъ запыль и затосковалъ. Но вино только усиливало его муки; вообще, оно никогда не давало ему веселья или утѣшенія, и напрасно онъ думалъ въ немъ забыться. Желчными, глубоко рвущими сердце страданіями выражалось его опьяненіе, такъ что, глядя на эти муки, и жалко, и страшно становилось за него... И какъ сильно, какъ ожесточенно ненавидѣлъ онъ тогда общество, въ которое до того сидѣлся вѣрить!..»

«Знаешь ли ты»,—говоритъ онъ самъ устами все того же Череванина,—«знаешь ли ты, что значить честно мыслить, не бояться своей головы, своего ума, смотрѣть въ свою душу, не подличая, а если не вѣришь чему, такъ и говорить, что не вѣришь, и не обманывать себя? О, это—тяжелое дѣло! Кто надуваетъ себя, тотъ всегда спокоенъ; но я не хочу вашего спокойствія! Есть страшныя мысли въ мірѣ идей, и бродятъ онѣ днемъ и ночью... Особенно, когда находишься одинъ, глухо вокругъ тебя, задумаешься, замечтаешься, фантазія и образы растутъ, мысли поднимаются на такую высоту, что кажутся дикими, но идетъ за ними душа до тѣхъ поръ, что начинаешь бояться за свой разумокъ и въ страхъ хватаешь въ руки голову. Мысли рождаются, растутъ и живутъ свободно,—ихъ не убьешь, не задавишь, не подкупишь. Въ этомъ царствѣ—полная свобода, которой добиваются люди, изъ-за которой рѣжутся они...»

«Но рѣдко я живу теперь мыслью, — состарѣлся и измучился бесплодно. Гаснетъ хмѣль въ рѣчахъ, всякая мечта замираетъ, не чувствую злости ко злу, расположенія къ добру; смѣхъ пропадаетъ; хоть бы совѣсть мучила,—и того нѣтъ; скоро я, кажется, совѣсьмъ мучиться перестану,—останется одна безчувственность, и скажутъ: «этотъ человѣкъ совѣсьмъ сгнилъ»...»

«Не желалъ бы я воротить свою молодость! Ей-Богу, не желалъ бы! Не надо мнѣ ея, не надо! Это время выработыванія идей, непониманія жизни и осмысливанія ея, взъерошиванья волосъ,—одушевленные лица, безсонныя ночи, горячія рѣчи, — все это опротивѣло мнѣ, потому что человѣкъ какъ ни горячится, а все-таки кончится тѣмъ, что оплѣшивѣетъ и окиснетъ»...

Скучно было писателю любоваться картинами мѣщанскаго счастья, жестокая тоска овладѣла имъ при видѣ общества, которое, послѣ короткаго оживленія, снова готово опуститься въ застои и апатію подъ вліяніемъ неожиданныхъ ударовъ... И онъ ушелъ и отъ эгоистически-самодовольной мѣщанской идилліи, и отъ окружавшаго его общества—въ грязныя вертепы «подонковъ», въ которыхъ онъ хотѣлъ раскрыть и показать душу человѣческую, чтобы заставить общество призадуматься надъ «веселенькими нейзажками» этой невѣдомой ему жизни. «Надоѣло мнѣ это подчищенное человѣчество», желчно говорилъ онъ: «я хочу узнать жизнь во всѣхъ ея видахъ, хочу видѣть наши общественныя язвы, нашъ забытый, изможденный нуждою людъ, на который никто и смотрѣть не хочетъ. У меня хватить присутствія духа, чтобы разглядѣть безъ отвращенія эти подонки человѣчества: нашего брата такими вещами не удивишь!.. Вотъ уже я выставлю эти картинки на показъ нашему обществу,—пусть полюбуются!»

Но здѣсь, въ этой средѣ, съ которой онъ дѣлилъ время, въ безпробудныхъ оргіяхъ своего мрачнаго запоя, ему, въ минуты просвѣтленія, становилось уже не скучно, не тоскливо, а страшно: «Господа! страшно жить въ томъ обществѣ, гдѣ подобныя жизни совершаются сплошь и рядомъ!» — такимъ безотраднымъ восклицаніемъ завершаются наброски романа «Братъ и сестра», въ которомъ онъ, между прочимъ, задумывалъ изобразить и эту неприглядную жизнь...

Чувство гнетущей тоски и неудовлетворенности жизнью, мучительныя припадки «кладбищенства», отъ котораго писатель искалъ спасенія въ запое, смѣнялись состояніемъ полной апатіи, полнаго равнодушія ко всему окружающему. «Во мнѣ не только положительнаго, — во мнѣ и отрицательнаго ничего нѣтъ, полное безразличіе и пустота!» восклицаетъ Череванинъ. — «У меня такъ голова устроена, что я во всякомъ словѣ открываю безсодержательность, во всякомъ явленіи какую нибудь гадость. Торричелліева пустота и сожженная совѣсть! Прежде, бывало, ломался и кричалъ: трудъ, отечество, любовь, свобода, счастье, слава и много иныхъ прекрасныхъ словъ; но и тогда уже чувствовалъ, что лгалъ, а теперь ничего не хочу, кромѣ сна, забвенія, обморока»...

Нежданная болѣзнь, въ двое сутокъ сломившая уже распатанный организмъ, покончила съ этими нравственными и физическими мученіями. Помяловскому не было еще полныхъ 29-ти лѣтъ, когда онъ успокоился навѣки на томъ же малоохтенскомъ кладбищѣ, посреди могилъ котораго прошло его дѣтство и которое обвѣяло его своимъ кладбищенствомъ...

Большая часть произведеній Помяловскаго,—романъ «Братъ и Сестра», очерки охтенскихъ нравовъ подъ заглавіемъ «Порѣчане», даже «Очерки бурсы»,—остались далеко не конченными: у автора не хватило ни охоты, ни времени довести задуманныя сочиненія до конца; вѣроятно же всего, что онъ бросилъ ихъ подъ вліяніемъ того тяжелаго разочарованія въ жизни и литературѣ, какое уже сквозитъ въ рѣчахъ Череванина. Вся его лите-

ратурная дѣятельность продолжалась около четырехъ лѣтъ (1859—63), полное собраніе его сочиненій составляетъ всего двѣ небольшія книжки; но и этого небольшого литературнаго наслѣдства достаточно для того, чтобы видѣть, какимъ сильнымъ и самобытнымъ талантомъ одаренъ былъ Помяловскій, какъ оригинально смотрѣлъ онъ на жизнь, съ какимъ глубокимъ и безстрашнымъ анализомъ умѣлъ онъ подходить къ тѣмъ ея явленіямъ, которыя еще никѣмъ не были затронуты и освѣщены до него и которыхъ никому послѣ него—за исключеніемъ, развѣ, Достоевскаго,—не удалось захватить такъ глубоко, представить въ такой полнотѣ и опредѣленности. Ближайшіе къ нему по времени представители «разночинскаго» элемента въ нашей литературѣ,—Рѣшетниковъ, Левитовъ, Слѣпцовъ, Николай Успенскій,—шедшіе по пути, имъ впервые указанному, едва ли могутъ равняться съ нимъ по силѣ дарованія, по широтѣ и твердости взгляда, благодаря которымъ его произведенія и въ наше время, тридцать пять лѣтъ спустя послѣ смерти Помяловскаго, почти совсѣмъ не утратили своей свѣжести, не выдохлись и не помялись, какъ многое изъ литературы не только 60-хъ годовъ, но и позднѣйшихъ десятилѣтій.

П. Морозовъ.

Пѣвецъ протестующей тоски.

(М. Горькій. Очерки и рассказы. 2 тома. 1898 г.)

Въ художественномъ произведеніи мы воспринимаемъ дѣйствительность, преломленную сознаниемъ художника. Художникъ обогащаетъ и расширяетъ жизнь своимъ творческимъ талантомъ. Многое непосредственно недоступное нашимъ чувствамъ становится доступнымъ черезъ посредство художественныхъ произведеній. Ихъ можно сравнить съ физическими приборами Рентгена, при посредствѣ которыхъ дѣлаются для нашихъ чувствъ доступными невидимые свѣтовые лучи.

Чѣмъ сильнѣе талантъ художника, тѣмъ больше невидимыхъ жизненныхъ лучей, преломившись черезъ его творческую призму, дѣлаются видимыми, тѣмъ больше обогащается имъ дѣйствительность, доступная обычному зору.

Художникъ отгрызаетъ намъ новые звуки, новыя краски въ окружающей природѣ, онъ отгрызаетъ намъ новыя черты, новыя душевныя движенія въ окружающихъ насъ людяхъ и въ насъ самихъ. Взглянувъ на картину или статую, прослушавъ музыкальную вещь, прочитавъ повѣсть, мы нерѣдко чувствуемъ, что въ нашей душѣ начинаютъ звенѣть новыя незнакомыя намъ доселѣ струны, что наша духовная жизнь обогащается, расширяется.

Человѣчество обладаетъ уже многими истинно художественными произведеніями, многое невидимое стало видимымъ, но было бы слишкомъ

смѣло утверждать, что этимъ сужены задачи художественнаго творчества, что художникамъ придется вскорѣ лишь повторять созданное ихъ великими предшественниками. Предѣлы художественнаго творчества также широки, какъ предѣлы научныхъ изысканій. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ жизнь и природа, повидимому, неисчерпаемы. Но, конечно, ни новыя научныя открытія, ни новыя произведенія художественнаго творчества не являются изолированными отъ ранѣ созданнаго или открытаго. Какъ бы ни былъ оригиналенъ современный художникъ, онъ все же связанъ съ своими предшественниками, онъ продолжаетъ ихъ творчество, въ его сознаніи преломляется дѣйствительность, въ той или другой степени обогащенная и расширенная ихъ художественнымъ творчествомъ.

Могучъ и оригиналенъ художественный талантъ Максима Горькаго, нова и оригинальна та дѣйствительность, которая, преломившись въ его сознаніи, переливается передъ нашими глазами такимъ поразительнымъ разнообразіемъ красокъ; и все же многіе основные тоны этихъ красокъ уже знакомы намъ изъ другихъ произведеній, что, впрочемъ, отнюдь не ослабляетъ значенія и интереса его произведеній.

Многія черты и душевныя настроенія героевъ Горькаго встрѣчались не разъ въ произведеніяхъ лучшихъ русскихъ писателей, но сами герои тѣмъ не менѣе новы и оригинальны. Ново и оригинально, что черты и настроенія людей изъ среды привилегированной, среды барской и интеллигентно-разночинной, среды, художественными выразителями которой являются Гоголь, Щедринъ, Тургеневъ, Толстой и др. въ нѣсколько иномъ видѣ свойственны и героямъ М. Горькаго, перваго талантливаго художника-представителя рабочаго пролетаріата.

Ново и оригинально, что творческая призма Горькаго, вылитая изъ совершенно своеобразной массы, собирая лучи совершенно новой среды даетъ тѣ же основные тоны, какіе давали творческія призмы писателей привилегированныхъ, интеллигентныхъ слоевъ.

До сихъ поръ у насъ были писатели, въ произведеніяхъ которыхъ отражалось русское барство, русское чиновничество, русская интеллигенція, были у насъ и писатели, которые писали о народѣ, писали о немъ, такъ сказать, *со стороны*.

Горькій же является едва ли не первымъ талантливымъ писателемъ-художникомъ, въ которомъ непосредственно отразилась душа рабочей массы, душа русскаго бродячаго пролетаріата.

Многіе наши лучшіе писатели являются представителями дворянской, буржуазной и интеллигентной Россіи даже тогда, когда они изображаютъ народъ; Горькій остается писателемъ-пролетаріемъ, писателемъ-босыкомъ даже тогда, когда онъ рисуетъ купцовъ, разночинцевъ и интеллигентовъ.

Произведенія Горькаго слѣдуетъ сравнивать, по нашему мнѣнію, не съ произведеніями о «народѣ», понимая подъ нимъ крестьянскую и рабочую массу, а съ произведеніями, гдѣ привилегированная и интеллигент-

ная среда изображается ея собственными представителями. «Босаяцкіе» рассказы Горькаго, вроде «Коновалова», слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, сопоставлять не со слащавыми «народными» повѣстями Григоровича, даже не съ народными очерками интеллигентовъ Успенскаго и Златовратскаго, а съ «барскими» произведениями Гоголя, Тургенева и Щедрина.

Творческій талантъ Горькаго призванъ открывать общечеловѣческія стремленія и настроенія въ низшихъ, обездоленныхъ народныхъ слояхъ, какъ это дѣлали художественные таланты Гоголя, Тургенева, Толстаго и Щедрина въ родственной имъ привилегированной средѣ. Но какъ эти великіе дворянскіе и буржуазные писатели стремились подчинить своему художественному творчеству не только свою буржуазно-дворянскую, но и крестьянско-рабочую среду, такъ и Горькій пытается охватить своимъ пролетарскимъ сознаниемъ не только рабочую среду, но по возможности всѣ общественные слои.

Его настоящими героями являются босаяки. Въ моментъ художественнаго творчества онъ сливается съ ними, его душа *проникается* ихъ чувствами, ихъ стремленіями, ихъ любовью и ненавистью. На всѣхъ остальныхъ, на купцовъ, разночинцевъ, интеллигентовъ и даже крестьянъ онъ смотритъ *со стороны*, но смотритъ пытливо и проникновенно.

II.

Основное душевное настроеніе, воспринятое Горькимъ изъ окружающей дѣйствительности, можетъ быть охарактеризовано словомъ *тоска*, какъ и называется одинъ изъ лучшихъ его рассказовъ. Тоска—понятіе широкое; подъ него подойдутъ довольно различныя душевныя состоянія, *отчасти* представляющія развитие одного и того же настроенія.

Самую низшую ступень тоски, самое грубое ея проявленіе представляетъ изъ себя *скука*. Скука чрезвычайно характерна для русской жизни, какъ въ современномъ, такъ въ особенности въ дореформенномъ періодѣ. Вы помните, потрясающее по своей простотѣ и искренности восклицаніе, вырвавшееся у Гоголя въ концѣ его «смѣшной» повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ?.. Скучно жить на этомъ свѣтѣ, господа!»

Въ сущности эти слова могутъ вырваться по прочтеніи большинства бытовыхъ произведеній Гоголя.

Развѣ не убійственно скучна жизнь всѣхъ героевъ «Мертвыхъ душъ», «Ревизора» и «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ»? Скука, *внутренняя* скука, сочится сквозь вѣншее веселье, которымъ съ такимъ искусствомъ прикрылъ ее великій сатирикъ крѣпостной Россіи. Если вѣрно, что сквозь видимый смѣхъ Гоголя звучатъ незримыя слезы, то еще вѣрнѣе, что сквозь его веселье глядятъ мертвые глаза скуки дореформенной русской жизни съ ея пошлостью, мелкими мошенничествами и сплетнями, замѣняющими крупныя общечеловѣческія интересы.

Эти мертвые глаза глядятъ еще неизмѣримо страшнѣе въ глубоко-ужасныхъ произведеніяхъ великаго Щедрина—въ «Господахъ Головлевыхъ» и «Попехонской Старинѣ».

Прочитавъ эти произведенія, поймешь, какъ убійственна, какъ жестока можетъ быть скука.

Эту жестокую, грубую скуку отчасти воспринялъ въ свое творческое сознаніе и М. Горькій, пѣвецъ по преимуществу высшихъ стадій тоски,—именно *трусти* и *протестующаго недовольства*.

Жестокость обычной, съ виду вполне невинной скуки ярко выступаетъ въ его небольшомъ очеркѣ «Скуки ради». Очеркъ чрезвычайно характеренъ и интересенъ, но мы не рѣшаемся пересказывать его содержанія. Пересказывать произведенія Горькаго не то что трудно, а какъ-то жалко. Они—не рассказы о жизни, они—сама жизнь, которая тотчасъ замираетъ отъ грубаго прикосновенія пересказчика. Ограничимся указаніемъ на сущность фабулы.

Бучка служащихъ на брошенномъ въ степи желѣзнодорожномъ полустанкѣ «скуки ради» до смерти засмѣиваетъ тихую пожилую женщину-кухарку Арину за ея связь съ желѣзнодорожнымъ стрѣлочникомъ. Очеркъ написанъ безъ всякихъ подчеркиваній, но тѣмъ не менѣе, прочитавъ его трудно удержаться, чтобъ не воскликнуть: «Страшно жить на этомъ свѣтѣ, господа!»

Таже скука, но скука другой среды схвачена Горькимъ въ очеркѣ «Зазубрина».

Въ рассказѣ «Скуки ради» скучаютъ мелкіе желѣзнодорожные чиновники, полунинтеллигенты, одинъ изъ которыхъ постоянно говоритъ цитатами изъ Шопенгауера. Въ «Зазубринѣ» скучаютъ арестанты, скучаетъ «міръ отверженныхъ».

Для ихъ увеселенія тщеславный арестантъ «Зазубрина» замучиваетъ котенка, опуская его въ ведро съ зеленой краской.

Желѣзнодорожные философы ничуть не жалѣютъ новѣсившейся отъ срама несчастной Арины. «Отверженные» сначала смѣются надъ крашеннымъ котенкомъ, но затѣмъ, видя его страданія, чуть не плачутъ, жалѣютъ его и жестоко избиваютъ мучителя Зазубрину.

Въ сознаніи Горькаго «міръ отверженныхъ» отражается болѣе чело-вѣчнымъ, менѣе равнодушно-жестокимъ, чѣмъ среда полунинтеллигентныхъ желѣзнодорожныхъ чиновниковъ. Специально арестантовъ Горькій касается лишь вскользь, но онъ даетъ глубоко-прочувствованную и продуманную картину жизни другой категоріи «отверженныхъ», а именно «бывшихъ людей». «Бывшими людьми» Горькій называетъ обитателей «ночлежки» (ночлежнаго дома), выбитыхъ изъ жизненной колеи, лишившихся постоянного заработка и крова. Мы видимъ среди нихъ людей когда-то разныхъ положеній, разныхъ профессій: ротмистра, учителя, лѣсничаго, дьякона, тюремщика и т. д., но все они *бывшіе*, всѣхъ ихъ уравнила

«ночлежка», которая въ этомъ отношеніи значительно превосходитъ ка-торжную тюрьму.

И они стали *бывшими людьми* не потому, чтобы были хуже и глупѣе тѣхъ, которые ровно и спокойно катятся по жизненнымъ рельсамъ, а потому, что они съ одной стороны слишкомъ индивидуальны, чтобы спокойно брести съ людскимъ стадомъ, съ другой недостаточно сильны и развиты, чтобы подняться надъ нимъ и применить къ людямъ будущаго.

Надъ «бывшими людьми» тяготѣетъ уже не тоска-скука, а *тоска-злоба*..

«И вдругъ среди нихъ вспыхивала звѣрская злоба, пробуждалось ожесточеніе людей загнанныхъ, измученныхъ своей суровой судьбой. Или ощущалась близость того неумолимаго врага, который всю жизнь ихъ превратилъ въ одну жестокую нелѣпость. Но этотъ врагъ былъ неумолимымъ, ибо невидимъ.

«И тогда они били другъ друга; били жестоко, звѣрски били и снова, помирившись, напивались, пропивая все, что могъ принять въ закладъ нетребовательный Вавиловъ. Такъ въ тупой злобѣ, въ тоскѣ, сжимавшей имъ сердца, въ невѣдѣніи исхода изъ этой подлой жизни, они проводили дни осени, ожидая еще болѣе суровыхъ дней зимы».

Проявленія этой злобной тоски, этой тоски-злости, какъ видите, отвратительны, но она все же выше барской скуки, хотя бы и прикрытой голелевскимъ смѣхомъ.

Скука—неподвижна, безжизненна, мертва.

Тоска-злоба скрываетъ въ себѣ недовольство окружающими условіями, скрываетъ въ себѣ полусознательный протестъ противъ «подлой жизни». Злоба толкаетъ «бывшихъ людей» на борьбу, мелкую, почти безплодную, но все же борьбу. Борьба приноситъ бодрость и жизнь. Осенняя тупая злоба смѣняется по-временамъ злобой протестующей, злобой бодрящей и будящей тѣхъ несчастныхъ, которые никогда не были людьми.

«Бывшіе люди вносили съ собой въ среду забытыхъ бѣдностью и горемъ обывателей улицы свой духъ, въ которомъ было что-то облегчавшее жизнь людей, истомленныхъ и растерявшихся въ погонѣ за кускомъ хлѣба, такихъ же пьяницъ, какъ обитатели убѣжища Бувальды («ночлежки»), и такъ же сброшенныхъ изъ города, какъ и они. Умѣнье все говорить и все осмѣивать, безбоязненность мнѣній, рѣзкость рѣчи, отсутствіе страха передъ тѣмъ, чего вся улица боялась, безшабашная, бравирующая удача этихъ людей не могла не нравиться улицѣ. Затѣмъ почти всѣ они знали законы, могли дать любой совѣтъ, написать прошеніе, помочь немножко, безнаказанно смощенничать».

На ряду съ злобной тоской «бывшихъ людей», людей голодныхъ, людей-неудачниковъ, Горькій рисуетъ *тоску боязливую*, тоску сытыхъ людей, людей-удачниковъ, катящихся безпрепятственно по уготовленной для нихъ жизненной колеѣ. Въ этой тоскѣ страхъ смерти смѣшивается съ

недовольствомъ, вытекающимъ изъ внезапнаго сознанія полной пустоты прожитой жизни. Это—та тоска, которая гложетъ передъ смертью толстовскаго Ивана Ильича.

У Горькаго этою тоскою заболѣваетъ зажиточный мельникъ Тихонъ Павловичъ, герой разсказа «Тоска». Тихонъ Павловичъ до старости прожилъ сытымъ, довольнымъ человѣкомъ, пронинутымъ «стойкимъ, жизне-радостнымъ чувствомъ». И вдругъ это чувство «куда-то провалилось, улетѣло, погасло, и на мѣсто его явилось нѣчто новое, тяжелое, непонятное и темное».

Пережѣна въ Тихонѣ Павловичѣ, какъ и въ Иванѣ Ильичѣ произошла передъ лицомъ смерти, но у Ивана Ильича это была его собственная смерть, у Тихона Павловича — смерть неизвѣстнаго ему писателя, на похороны котораго онъ попалъ случайно. Разница въ данномъ случаѣ не существенная, такъ какъ смерть писателя вызвала въ Тихонѣ Павловичѣ представленіе о приближеніи его собственнаго расчета съ жизнью.

Иванъ Ильичъ—высокопоставленный и образованный чиновникъ, Тихонъ Павловичъ—полуграмотный мельникъ, но тѣмъ не менѣе основа ихъ тоски, ихъ ноющего и гложущаго душу недовольства жизнью—одна и та же. Приближаясь къ смерти они оба тоскуютъ, что всю жизнь угнетали живую душу мелкими, мертвыми дѣлами.

«Не живеть душа-то» — размышляетъ затосковавшій мельникъ — «Дѣла все—главная причина; о душѣ-то подумать нѣкогда. А она вдругъ и тово... и возстала, значить. Пустой часъ улучила да и воспряла... Вотъ-те и дѣла! И къ чему очень ужъ много дѣловъ затѣвать, коли все равно умирать? Для чего готовимъ себя, ежели голъемъ жизнь-то взять? Для... смерти. Съ чѣмъ пойдемъ предъ лицо Господа? Вотъ душа-то и напоминаетъ: встрепыхнись, дескать, человѣкъ, потому что часъ твой невѣдомъ»...

«И эта мертвая служба, и эти заботы о деньгахъ», — думаетъ умирающій Иванъ Ильичъ—«и такъ годъ, и два, и десять, и двадцать—и все то же. И что дальше, то мертвѣе. Точно равномерно я шелъ подъ гору, воображая, что иду на гору. Такъ и было. Въ общественномъ мнѣніи я шелъ на гору, и ровно на столько отъ меня уходила жизнь... И вотъ готово—умирай!»

Развѣ эти настроенія въ сущности не одинаковы?

III.

Предсмертная тоска Ивана Ильича и Тихона Павлыча родственна *тоскѣ-грусти, тоскѣ-скорби*, стоящей однако несомнѣнно выше ея и встрѣчающейся у натуръ несравненно болѣе сложныхъ и тонкихъ. Этой скорбной или грустной тоской въ различныхъ ея проявленіяхъ надѣлены почти всѣ наиболѣе характерные герои Тургенева, созданные имъ въ большей или меньшей степени по образу и подобию своему. Рудинъ,

Неждановъ, «Лишній человекъ», «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда» все они болѣютъ скорбною тоскою и все они родственны другъ другу, не смотря на громадное внѣшнее различіе.

Къ ихъ же скорбно-тоскливой семьѣ принадлежитъ и неграмотный босякъ Коноваловъ, одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ героевъ Горькаго.

Въ скорбною тоскѣ, періодически нападавшей на Коновалова, нѣтъ ни капли злобы. Въ своихъ неудачахъ и несчастіяхъ онъ винитъ исключительно самого себя, не ссылаясь ни на злыхъ людей, ни на злую судьбу.

Онъ винилъ себя, что не нашелъ точки, на которую могъ бы упереться, когда на него со всехъ сторонъ валила разная темная сила, толкая въ безпутную, пьяную босяцкую жизнь.

«...Я самъ виноватъ въ моей долѣ!»—говоритъ Коноваловъ — «Не нашелъ я точки моей! Ищу, тоскую—не нахожу».

«...И не одинъ я—много насъ такихъ. Особливые мы будемъ люди... и ни въ какой порядокъ не влячаемся. Особый намъ и счетъ нуженъ... и законы особые... очень строгіе законы — чтобы насъ искоренить изъ жизни! Потому пользы отъ насъ нѣтъ, а мѣсто мы въ ней занимаемъ и у другихъ на тропѣ стоимъ... Кто передъ нами виноватъ? Сами мы передъ собой и жизнью виноваты? Потому у насъ охоты къ жизни нѣтъ и мы чувствъ не имѣемъ...»

«Несчастный, этакій ядовитый духъ отъ меня исходитъ. И какъ я близко къ человекѣ подойду, такъ сейчасъ онъ отъ меня и заражается. И для всякаго я могу съ собой принести только горе... Вѣдь ежели подумать—кому я всей моей жизнью удовольствіе принесъ? Никому! А тоже, со многими людьми имѣлъ дѣло... Глѣбующій я человекъ...».

Какъ во всякомъ самобичеваніи, такъ и въ этомъ коноваловскомъ, много болѣзненнаго преувеличенія, но есть и значительная доля правды.

Коноваловъ добръ и отзывчивъ, *сознательно* онъ никому не причинить зла, но *безсознательно* онъ многимъ приноситъ горе, страданіе, и оно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе ему человекъ.

Особенно характерно его отношеніе къ женщинамъ. Онъ понимаетъ женскую душу и сердце, онъ относится къ женщинѣ *просто*, по человѣчески, и женщина оцѣниваетъ его безпристрастную дѣтскую душу, быстро и крѣпко привязывается, привыкаетъ къ нему, но тутъ-то и начинается ея горе, ея страданіе.

Коноваловъ, которому не справиться съ самимъ собою, со своими сомнѣніями, со своей тоской, окончательно теряетъ равновѣсіе, когда съ его душой стремится слиться душа беззавѣтно полюбившей его женщины. Эта душа тоже истерзана сомнѣніями, тоже полна горемъ и грустной тоской, потому что Коноваловыхъ любятъ вѣдь только изстрадавшіяся, несчастныя женщины. Въ любовь къ нему онѣ кладутъ весь остатокъ своихъ силъ, весь остатокъ своей жизни, но, увы, тоскующая душа Коновалова—не вѣрное хранилище. Еще сильнѣе поднимаются въ ней сомнѣнія, еще меньше остается вѣры въ свои силы, еще больше растутъ

недовольство и ноющая тоска. Измученный, изстрадавшийся, въ отчаяніи онъ бѣжить, наконецъ, отъ полюбившаго его человѣка, нанося ему этимъ нѣрѣдко послѣдній ударъ.

Этотъ неграмотный босякъ страшно въ сущности близокъ тургеневскому Рудину. Оба скитаются по міру одинокіе, бездомные, съ разладомъ и бесплодными порывами въ своихъ тоскующихъ душахъ. Оба ищутъ любви и боятся ея, оба влекутъ къ себѣ и отталкиваютъ отъ себя, обоимъ «суждены благіе порывы, но ничего совершить не дано».

У обоихъ, какъ говорить про себя Коноваловъ, нѣтъ въ душѣ «искорки», нѣтъ въ душѣ «смыла»,—обоимъ «некуда дѣться», обоимъ не къ чему присунуться». Оба стоятъ выше окружающей ихъ среды, оба чувствуютъ «безпорядокъ жизни», но обоимъ не хватаетъ сосредоточенности, любви, а еще больше ненависти, чтобы начать съ этимъ «безпорядкомъ» разумную, послѣдовательную борьбу...

Коноваловы гибнутъ, не свершивъ ничего, но ихъ тоска имѣетъ свое значеніе, въ ней—первый проблескъ протеста противъ царства мертвящей скуки, прикрытой или не прикрытой гоголевскимъ весельемъ.

Еще болѣе этого протеста въ душевныхъ состояніяхъ героевъ Горькаго, героевъ, для него наиболѣе характерныхъ: Григорія Орлова, «Озорника», Челлаша, Пилей и другихъ настоящихъ или будущихъ «босяковъ».

Всѣ они тоже тоскуютъ, но ихъ тоска болѣе походитъ на злобу «бывшихъ» людей, чѣмъ на грусть Коновалова.

Ихъ недовольство направляется не внутрь, а наружу, не на самихъ себя, а на окружающую обстановку, на условія жизни и на людей иного общественнаго положенія.

Въ нихъ уже чувствуется сознаніе групповаго, «босяцкаго» интереса, они уже пытаются ориентироваться среди другихъ общественныхъ группъ и ихъ интересовъ.

Прежде всего они сознательно противопоставляютъ себя крестьянству, которое, такъ сказать, выдѣлило ихъ, какъ элементъ, не подходящій къ деревенскому порядку. Но босяки отнюдь не считаютъ себя крестьянскимъ отбросомъ, напротивъ они чувствуютъ себя выше, сильнѣе и развитѣе мужиковъ, къ которымъ относятся полу-злбно, полу-презрительно. Босяцкую безпокойную и протестующую душу возмущаетъ мужицкая неподвижность и въ особенности мужицкая покорность, мужицкое спокойствіе.

Босякъ Сережка (въ «Мальвѣ») презрительно называетъ мужиковъ «землеѣдами тупорылыми, которые ни чорта въ жизни понимать не могутъ». Онъ ненавидитъ молодого крестьянина Якова за то, что отъ того «деревней воняетъ», «а я»—говоритъ онъ—«запахъ этого не терплю». Но къ презрѣнію у Сережки примѣшивается и нѣчто въ родѣ зависти.

«Я, видишь ты»,—говоритъ онъ Мальвѣ—«всѣхъ мужиковъ не люблю... они сволочи! Они прикинутся сиротами имъ и хлѣба дадутъ и... все! У нихъ вонъ есть земство и оно все для нихъ дѣлаетъ... хозяйство у нихъ, земля, скотъ... Они ноютъ да притворяются, но жить могутъ,

у нихъ есть зацѣпка-земля. А я что противъ нихъ?» Но, разумеется, Сережка за эту «зацѣпку» не отдалъ бы своей вольной босяцкой живни, какъ не пожелалъ бы, подобно деревенскому парню Якову, чтобы Черное море превратилось въ черноземную равнину.

Сережкѣ нѣтъ возврата въ деревню, земля потеряла надъ нимъ свою власть, слабый отголосокъ которой, впрочемъ, еще слышится въ завистливомъ расписываніи мужицкаго благополучія.

Этотъ отголосокъ звучитъ еще сильнѣе въ словахъ босяка и вора Челкаша, бесѣдующаго съ крестьянскимъ парнемъ Гаврилой о деревенскомъ житіи.

«Сначала онъ говорилъ, скептически посмѣиваясь себѣ въ усы, но потомъ, подавая реплики собесѣднику и напоминая ему о радостяхъ крестьянской жизни, въ которыхъ самъ онъ давно разочаровался, о которыхъ забылъ и вспомнилъ только теперь, — онъ постепенно увлекся и вмѣсто того, чтобы разспрашивать парня о деревнѣ и ея дѣлахъ, незаметно для себя сталъ самъ рассказывать ему.

— «Главное въ крестьянской жизни, братъ, это свобода! Хозяинъ есть ты самъ себѣ. У тебя твой домъ, — грошь ему цѣна, да онъ твой. У тебя земля своя, — всего итого ея горсть, — да она твоя! Куряца у тебя своя, яйцо свое, яблоко свое! Король ты на своей землѣ!.. И потомъ порядокъ... Утромъ всталъ, — работа, весной одна, лѣтомъ другая, осенью, зимой — опять иная. Куда ни пойдешь, воротиться въ свой домъ. Тепло!.. Покой!.. Король вѣдь? Такъ ли?», воодушевленно закончилъ Челкашъ длинный перечень крестьянскихъ преимуществъ, правъ, и почему-то запечатываясь объ обязанностяхъ».

Но воодушевленіе Челкаша немедленно смѣняется раздраженіемъ и презрѣніемъ, какъ только очарованный Гаврило начинаетъ вторить ему:

— «Это, братъ родимый, вѣрно! Ахъ, какъ вѣрно! Вотъ гляди-ка на себя, что ты теперь безъ земли? Ага! землю, братъ, какъ мать, не забудешь на долго.

Челкашъ одумался... Онъ почувствовалъ это раздражающее жженіе въ груди, явившееся всегда чуть только его самолюбіе безшабашнаго удалца, бывало задѣто кѣмъ-либо, и особенно тѣмъ, кто не имѣлъ цѣны въ его глазахъ.

— «Замололъ!... — сказалъ онъ свирѣпо, — ты можетъ думалъ, что я все это въ серъезъ... Держи карманъ шире!»

И для Челкаша нѣтъ возврата къ землѣ, и Челкашъ не промѣняетъ свою безшабашную безпокойную жизнь, на мужицкую «свободу», «покой» и «порядокъ».

Въ немъ уже живетъ жажда другой свободы, непримиримой съ мужицкой, въ немъ уже нѣтъ жадности собственника, этой главной опоры «власти земли».

Эта мужицкая жадность великолѣпно схвачена Горькимъ въ лицѣ

добродушнаго Гаврилы. Челкашъ понимаетъ ее, но самъ онъ поднялся надъ ней.

Замѣчая, какъ глаза Гаврилы разгираются при видѣ денегъ, Челкашъ задумчиво говоритъ:

— «А жаденъ ты... Не хорошо... Впрочемъ, что же?.. Брестьянинаъ...»

Челкашъ принадлежитъ къ той категоріи «босьяковъ», которые сами понимаютъ мужицкую душу, которые еще чувствуютъ въ себѣ нѣкоторую связь съ деревней, которые, если и презираютъ крестьянъ, то все же относятся къ нимъ по-человѣчески, безъ лютой ненависти. Но между «босьяками» есть такіе, которые сами не были крестьянами, въ душѣ которыхъ не осталось никакой связи съ деревней, которые не могутъ понять мужика, которые ненавидятъ его.

Таковъ Емельянъ Пилій.

— «Я бы его (мужика) чорта тугопузаго пронзилъ!—восклицаетъ Пилій

— Ну, что ужъ такъ жестоко! Смотри-ка вонъ, онъ голодаетъ, мужикъ-то, возражаетъ Пилію рассказчикъ.

— Какъ-съ? Голодаетъ?.. Хорошо-съ! Правильно-съ! А я не голодаю? Я, братецъ ты мой, со дня моего рожденія голодаю, а этого въ законѣ не писано. Нда-съ! Онъ голодаетъ почему? Неурожай? Сомнительно. У него сначала въ башкѣ неурожай, а потомъ уже на полѣ, вотъ что! Почему въ другихъ прочихъ имперіяхъ неурожая нѣтъ? Потому, что тамъ у людей головы не затѣмъ придѣланы, чтобъ можно было въ затылкѣ грести; тамъ думаютъ, вотъ что-съ!»...

Глядя на мужиковъ снизу вверхъ, на людей интеллигентныхъ босьяки,—по крайней мѣрѣ, наиболѣе развитые изъ нихъ,—смотрятъ, какъ на своего брата, на брата ученаго, обязаннаго давать «указаніе пути жизни». Этого указанія искалъ у интеллигенціи наборщикъ Гвоздевъ, прозванный за свои продѣлки «озорникомъ», искалъ и не нашелъ. Онъ встрѣтилъ разсужденія на тему «почему», встрѣтилъ разныя «точки зрѣнія», а ему было нужно прямое непосредственное указаніе, какъ подняться лично ему, Николаю Гвоздеву, подняться оттуда, гдѣ онъ «гниетъ въ невѣжествѣ и озлобленіи своихъ чувствъ»? Онъ чувствовалъ, что между интеллигентнымъ редакторомъ либеральной газеты, пишущимъ о несчастяхъ рабочаго люда и имъ наборщикомъ Гвоздевымъ, нѣтъ жизненной связи, что они чужіе другъ другу, что онъ, какъ человѣкъ, не имѣетъ для редактора никакой цѣны.

«Я чувствую обиду въ моемъ положеніи»—говоритъ Гвоздевъ—«Чѣмъ я хуже васъ? Только моимъ занятіемъ»...

«Какъ вы думаете»,—говоритъ онъ дальше,—«легко мнѣ теперь работать на моихъ товарищей, которымъ я въ старину носы расквашивалъ. Легко мнѣ съ господина судебного слѣдователя Хрулева, у котораго я съ годъ тому назадъ ватеръ-клизотъ устанавливалъ,—сорокъ копѣекъ на чай получать? Вѣдь онъ одного со мною ранга... И было его имя Мишка Сахарница... у него зубы гнилые и посейчасъ, какъ тогда были»...

Человѣческое достоинство Гвоздева возмущается различіемъ общественнаго положенія, возвышеніемъ одного человѣка надъ другимъ, разъ оно обуславливается *занятіемъ и знаніемъ*, но онъ примиряется съ этимъ, разъ оно обуславливается *происхожденіемъ*.

«Вы не настояще господъ жизни, не дворяне»—говоритъ онъ редактору изъ разночинцевъ.

«Съ тѣхъ нашему брату взяты гладки. Тѣ скажутъ: «пшоль къ черту!»—и пойдешь. Потому—они издревле аристократы, а вы потому аристократы, что грамматику знаете и прочее»...

Эта разница въ отношеніи къ аристократамъ по происхожденію и къ аристократамъ въ грамматикѣ очень характерна и совершенно понятна: съ общественнымъ превосходствомъ первыхъ Гвоздевымъ не приходится примиряться, оно для нихъ привычно, общественное же превосходство вторыхъ слагается на ихъ глазахъ и задѣваетъ проснувшееся въ нихъ человѣческое достоинство; превосходство первыхъ быстро вырождается, превосходство вторыхъ растетъ и развивается, ложась въ основу новой общественной структуры, при которой у Гвоздевыхъ пробуждается человѣческое достоинство, но которая все же оставляетъ ихъ «въ невѣжествѣ и озлобленіи чувствъ».

Мы указали на нѣсколько общихъ, групповыхъ чертъ героев Горькаго—бояжковъ. Этихъ чертъ немного и онѣ выражены не достаточно опредѣленно. Бояжки по самой своей сущности—индивидуальны. Ихъ, какъ и «бывшихъ людей», создали столкновенія особенностей той или другой личности съ установившимся складомъ общественной жизни. Въ сущности единственнымъ свойствомъ, дѣйствительно, общимъ для всѣхъ безъ исключенія бояжковъ является ихъ неприспособленность къ жизни. Неприспособленные обыкновенно неустойчивы, измѣнчивы, порывисты.

Таковы, дѣйствительно, почти всѣ бояжки Горькаго. Таковы въ особенности Григорій Орловъ и Емельянъ Пиляй. Про нихъ нельзя сказать, злы они или добры? Въ нихъ все неожиданно. Жестокость неожиданно смѣняется мягкостью, дикая злоба—рыцарскимъ великодушіемъ.

Пиляй собирается убить проѣзжаго купца и вмѣсто того съ женской нѣжностью утѣшаетъ купеческую дочку, спасая ее отъ самоубійства.

Орловъ послѣ самоотверженнаго ухода за холерными больными готовъ натравить на докторовъ толпу и разнести больницу, гдѣ онъ, казалось, только что обновился душой.

IV.

Горькій пишетъ кровью сердца своего. Онъ правдивъ, но не безстрастенъ. Когда онъ говоритъ, онъ страдаетъ, любитъ, ненавидитъ.

Читая его произведенія, чувствуешь, какъ бьется въ нихъ неспокойное, бурное сердце автора, и знаешь, что ему близко, что ему родственно, что онъ любитъ, что ненавидитъ.

Горькій тоскуетъ подобно своимъ любимымъ героямъ, но тоска его—дѣятельная, протестующая, тоска не отъ безсилія, а отъ избытка силъ, не находящихъ себѣ разумнаго выхода.

Горькій любитъ силу за то, что она сила, онъ любитъ могучіе порывы за то, что они нарушаютъ ненавистный ему самодовольный покой.

Правственное и сильное для него почти синонимы. Подвига ради подвига жаждутъ его герои и нѣтъ душевнаго состоянія, которое было бы болѣе близко самому автору. Его собственная душа бьется и тоскуетъ въ груди Орлова, когда тотъ хочетъ «встать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И сказать имъ: ахъ вы, гады! Зачѣмъ живете? Какъ живете? Жулье вы лицемерное и больше ничего! И потомъ внизъ тормашками съ высоты и... и въ дребезги! Н-да-а! Чортъ же возьми... скучно! И охъ какъ скучно и тѣсно мнѣ жить»!..

Стремленіе къ подвигу ради подвига, поклоненіе силѣ, какъ силѣ, особенно ясно выражено въ поэмѣ «Макарь Чудра» и въ двухъ стихотвореніяхъ въ прозѣ: «Пѣсня о соколѣ» и «Сказка о чижѣ».

Отважная пѣсня Чижа, «объявляющаго богамъ за право первенства войну», эта пѣсня самого Горькаго.

Горькій—это живительный протестъ противъ скуки и покоя общинно-деревенской русской жизни. Горькій—это реакція противъ славянской расплывчатости, мягкости и поворности.

И въ природѣ Горькій любитъ все сильное, порывистое, безпредѣльное. Онъ любитъ безпредѣльную ширь моря и степи, любитъ бездонное синее небо, любитъ то игривыя, то сердитыя волны, любитъ вихрь, любитъ грозу съ ея раскатистымъ грохотомъ, съ ея свергающимъ блескомъ.

Ярко и неожиданно-ново изображаетъ онъ страстно любимую природу.

Здѣсь его творчество стихійно, какъ стихійно творчество народа въ поэтическую пору его молодости.

Какъ въ молодомъ народномъ сознаніи, такъ въ сознаніи Горькаго мертвая природа одухотворяется, очеловѣчивается, оживаетъ. Горькій сливается съ ней,—съ безпредѣльной и безконечно измѣнчивой—всѣ волненія, всѣ порывы своей человѣческой души. Природа подъ его творческимъ дуновеніемъ смѣется, плачетъ, тоскуетъ, рвется впередъ и протестуетъ.

У Горькаго одинаково сильны и непринужденны какъ зрительныя, такъ и слуховыя впечатлѣнія. Съ необычайной легкостью онъ превращаетъ слуховыя представленія въ зрительныя и наоборотъ. Тѣнкія душевныя движенія онъ переливаетъ въ смѣлые матеріальные образы. Воспринятые читателемъ образы эти превращаются обратно въ душевныя движенія, заражая чуткія души тѣмъ же настроеніемъ, какое переживалъ авторъ.

Хотѣлось бы свой восторгъ передъ творческой, изобразительной способностью Горькаго подтвердить примѣромъ, подтвердить отрывкомъ изъ какого-нибудь его поэтическаго описанія природы, но что взять? Перелистываешь страницу за страницей, и все кажется одинаково прекраснымъ, все кажется лучшимъ.

Изъ 20 рассказовъ и очерковъ, вошедшихъ въ два томика сочиненій М. Горькаго слабѣе всѣхъ, пожалуй, «Старуха Изергиль», но посмотрите, какимъ чуднымъ описаніемъ южной бессарабской ночи начинается этотъ рассказъ!

«Однажды вечеромъ, кончивъ дневной сборъ винограда, партія молдо-ванъ, съ которой я работалъ, вся ушла на берегъ моря, а я и старуха Изергиль—только двое остались подъ густой тѣнью виноградныхъ лозъ и, лежа на землѣ, молчали, глядя, какъ таютъ въ глубокой мглѣ ночи и темной зелени листвы силуэты тѣхъ людей, что пошли къ морю.

Они шли, пѣли и смѣялись; мужчины—бронзовые, съ пышными, черными усами и густыми кудрями до плечъ, въ короткихъ курткахъ и широкихъ шароварахъ; женщины и дѣвушки—веселыя, гибкія, какъ лозы, съ темносиними глазами,—тоже бронзовыя. Ихъ волосы, шелковые и черные, были распущены, и вѣтеръ, теплый и легкій, играя ими, звякалъ монетами, вилетенными въ нихъ. Вѣтеръ текъ широкой, ровной волной, но иногда онъ точно прыгалъ черезъ что-то невидимое и, рождая сильный порывъ, развѣвалъ волосы женщинъ въ фантастическія гривы, вздымавшіяся вокругъ ихъ головъ. Это дѣлало женщинъ странными и химеричными. Онѣ уходили все дальше отъ насъ, а ночь и фантазія одѣвали ихъ все прекраснѣй.

Кто то игралъ на скрипкѣ... дѣвушка пѣла мягкимъ контральто, слышался смѣхъ.... и воображеніе рисовало *всѣ звуки ширландой разноцвѣтныхъ лентъ*, рѣявшихъ въ воздухѣ надъ темными фигурами людей, поглощаемыхъ мглой.

Воздухъ былъ пропитанъ острымъ запахомъ моря и жирными испареніями земли, незадолго до вечера обильно смоченной дождемъ. Еще и теперь по небу бродили обрывки тучъ, пышные, странныхъ очертаній и красокъ, тутъ—мягкіе, какъ клубы дыма, сизые и пепельно-голубые, тамъ рѣзкіе, какъ обломки скалъ, матово-черные или коричневые. Между ними ласково блестяли темно-голубые клочки неба, украшенные золотыми крапинками звѣздъ.

И все это—звукъ и запахи, тучи и люди—было волшебдо красиво; но грустно; *казалось началомъ чудной сказки*. Все было дивно и гармонично, но казалось остановившимся въ своемъ ростѣ и умирающимъ, такъ какъ мало было шума, живого нервнаго шума, пылающаго отъ времени все ярче; шумъ же, который былъ—былъ слабъ, часто прерывался и все гасъ, удаляясь и перерождался въ печальные вздохи сожалѣнія о чемъ-то, можетъ быть, о счастьи, которое такъ неуловимо и случайно.

Я созерцалъ все это, и во мнѣ рождались фантастическія желанія: хотѣлось превратиться въ пылъ и быть разнесеннымъ повсюду вѣтромъ, *хотѣлось разлечься теплой рпкой по степи, вливатъся въ море и дышать въ небо опаловымъ туманомъ,—хотѣлось наполнить собой весь этотъ чарующе-печальный вечеръ...* и было грустно почему-то».

Великолѣпно! Но найдутся навѣрное критики, которые, прочитавъ эту страницу, пожмутъ плечами, посмѣются надъ подчеркнутыми нами мѣстами и торжественно изрекутъ модное слово: «декадентство». Найдутся вѣроятно, даже и такіе критики, которые, перечитавъ всѣ произведенія Горькаго опять-таки изрекутъ: «декадентство». Да, господа, декадентство, но только декадентство вашего художественнаго чутья!

Вы назвали бы декадентскими и произведенія Гете, если бы только вамъ не сказали, кто ихъ авторъ.

Въ этомъ небольшомъ очеркѣ мы коснулись далеко не всѣхъ сторонъ художественнаго таланта Горькаго, далеко не исчерпали содержанія его произведеній, мы отмѣтили лишь наиболѣе яркое и законченное, но среди образовъ и настроеній законченныхъ, въ произведеніяхъ Горькаго разсыпано масса, такъ сказать, творческихъ намековъ, изъ которыхъ впоследствии должны вырасти крупныя художественныя творенія. Только бы хватило у него бодрости и здоровья!

В. Поссе.

Письма изъ провинціи.

(Изъ г. Кумура).

Замѣтки сельскаго учителя.

Да, не легка жизнь сельскаго учителя! Трудись, работай, а подѣ старость, когда силы не будутъ, мѣшокъ за плечи и ступай на всѣ четыре стороны. Не удивительно, что даже преданные своему дѣлу учителя, при первой же возможности, переходятъ на другую службу, гдѣ надѣются и подѣ старость имѣть кусокъ хлѣба. Одна отрада въ нашей жизни, это сознаніе, что приносишь пользу, а не бьешь баклуши. Положимъ, въ послѣднее время въ журналахъ и газетахъ, которые приходится читать, видишь, что есть люди, которые сочувствуютъ намъ и стараются обратить на это вниманіе людей, которые могли бы помочь. Пишутъ много, но дѣло не двигается. Все же спасибо и за то, что помнятъ о насъ: легче какъ то на душѣ дѣлается, когда прочитаешь подобную статью. Первое время даже вѣрилось, что авось что нибудь и для насъ сдѣлаютъ, но теперь этой вѣры ужъ нѣтъ. Остается сказать одно: живи, пока живется, работай, пока работается.

Впрочемъ теперь, пока есть силы работать, жить можно довольно сносно. Такъ, жалованье у насъ здѣсь довольно хорошее—300—480 р. въ годъ. Живя въ деревнѣ, гдѣ все дешевле, имѣешь возможность выписывать газеты и журналы, а во время каникулъ и попутешествовать немножко. Положимъ, женатый, имѣющій дѣтей, не поѣдетъ за 1,000 верстъ, но до уѣзднаго и губернскаго города всякій имѣетъ возможность добраться. А вѣдь и это не худо, все же немножко освѣжишься. У насъ въ уѣздѣ учителя народъ все болѣе молодой, въ деревнѣ сидѣтъ цѣлую зиму надоѣдаетъ, потому довольно часто сѣзжаются то къ одному, то къ другому. Эти сѣзды дѣйствуютъ очень благотворно. Поговоришь о прочитанномъ, объ школѣ, поспоришь, весь какъ то оживишься, а потомъ съ новой энергіей примешься за работу. Жаль только тѣхъ учителей, которые живутъ въ глуши, верстъ за 40—50 отъ ближайшаго училища. Тутъ ужъ не развѣздишься. Есть у насъ и земская учительская библіотека, но книгами пользуются всѣ другіе служащіе земства гораздо больше, чѣмъ учителя, хотя она основана для учителей. Но это не по винѣ учителей, а скорѣе по винѣ земства.

Да, тяжела наша жизнь, но если сравнить ее съ жизнью учителей церковныхъ школъ (школъ грамоты), то она окажется чуть не раемъ. Въ самыхъ лучшихъ школахъ грамоты преподаватели получаютъ около 100 руб. въ годъ, а въ нѣкоторыхъ только 30—40 руб. Ну, какъ тутъ жить? Поневоля задумаешься. А между тѣмъ находятся люди, которые и за такое минимальное жалованье служатъ. Какъ же они живутъ? А очень просто. Они руководствуются пословицей: *«сз міру по ниткѣ, голому рубашка»*, т. е. пользуются приношеніями крестьянъ. Нѣкоторые учителя, съ разрѣшенія наблюдателя, обязываютъ родителей учащихся доставлять имъ разные съѣстные припасы по мѣрѣ надобности и по силѣ возможности.

Въ нѣкоторыхъ журналахъ противники земскихъ школъ ратуютъ за такія церковныя школы. Читаешь и удивляешься. Интересно, видали ли эти защитники настояція деревенскія церковныя школы, изъ которыхъ только двѣ трети существуетъ въ дѣйствительности, а остальные...

Вотъ напр. такой фактъ:

Въ маленькой деревушкѣ, на границѣ двухъ смежныхъ уѣздовъ, существовала по отчетамъ церковная школа грамоты. Вдругъ, между Епархіальными училищными совѣтами возгорается споръ о правѣ завѣдыванія этой школой. Споръ этотъ продолжался болѣе года, была написана куча бумаги и, наконецъ, по постановленію Святѣйшаго Синода это право предоставлено не тому совѣту, который раньше завѣдывалъ, а другому. Условились въ извѣстное число прибыть въ эту школу и сдать ее съ рукъ на руки. Пріѣзжаютъ—и что же? О школѣ то никто даже и не слыхалъ.

Да и можетъ ли церковная школа при условіяхъ ея существованія исполнѣ замѣнить земскую? Знаю примѣры, что изъ той деревни, гдѣ

есть церковная школа, учащіяся ходять въ земскую за 2—3 версты. Это значить, что школа грамоты, какъ дѣтей, такъ и отцовъ ихъ, не удовлетворяетъ. А почему это? Весь секретъ въ томъ, что подборъ учащихъ въ школахъ грамоты очень плохой. Есть напр. такіе учителя, что не умѣютъ трехъ словъ написать безъ ошибки. Говорятъ, что въ церковныхъ школахъ болѣе вниманія обращаютъ на религію. Такъ ли? Вѣдь и въ земскихъ школахъ занимаются тѣ же законоучителя, да ходять еще исправнѣе, потому что получаютъ поурочную плату, а въ церковной школѣ они занимаются бесплатно. Если же въ нѣкоторыхъ земскихъ школахъ и занимаются Закономъ Божьимъ учителя, то это же дѣлается чуть не во всѣхъ церковныхъ школахъ. И мнѣ кажется, что земскій учитель гораздо лучше воспитаетъ учащихся, чѣмъ какой нибудь малограмотный учитель школы грамоты. Пишутъ еще, что тамъ болѣе занимаются по славянски. Это опять не правда. Тамъ дѣйствительно по славянски читаютъ больше, но нельзя сказать, чтобы лучше, да кромѣ того и переводить почти не умѣютъ. Тогда какъ въ земской школѣ на переводъ обращается серьезное вниманіе.

Программа въ церковныхъ школахъ почти та же, что и въ земскихъ, но она никогда не выполняется, чего нельзя сказать про земскія училища.

Все вышесказанное не относится къ церковно-приходскимъ школамъ, которыя въ большинствѣ случаевъ поставлены хорошо.

З. У. М.—ъ.

Голодное житье.

(Изъ Гдовскаго уѣзда).

Въ февралѣ настоящаго года состоялся волостной сходъ В—ой волости. Среди прочихъ вопросовъ былъ поднятъ вопросъ: о содержаніи сельскихъ общественныхъ школъ. Школы эти въ послѣднее время отодвинуты на задній планъ и существованіе ихъ незавидное. Бюджетъ этихъ школъ годъ отъ году урѣзывается въ пользу другихъ училищъ, и онѣ еле влачатъ свое существованіе. Однако послѣдній волостной сходъ, вмѣсто того, чтобы увеличить средства этихъ школъ, пришелъ къ неожиданному заключенію. Вмѣсто мѣсячнаго содержанія выдавать жалованье учителямъ въ два срока, а именно: первую половину къ Рождеству, а вторую къ Пасхѣ, т. е. одну въ срединѣ, а другую въ концѣ учебнаго года.

Причина такого постановленія кроется, во-первыхъ, въ слѣдующемъ: ежегодный волостной сборъ на училища простирается до 2,294 руб., изъ него 900 руб. идетъ на содержаніе В—каго двухкласснаго ми-

нистерскаго училища, 200 руб.—въ пособіе двумъ земскимъ училищамъ и 385 руб. въ помощь пяти церковно-приходскимъ школамъ. Такимъ образомъ, изъ общаго сбора остается 809 руб., на которые и должны содержаться одиннадцать общественныхъ школъ. Но на такія скудныя средства существовать правильно школы не могутъ.

Во-вторыхъ, съ наступленіемъ Новаго года, волостныя сборы на школы могутъ поступать не ранѣе 15 марта. Слѣдовательно, откуда же волостной старшина можетъ взять денегъ, чтобы выдать жалованье учителямъ за январь и февраль мѣсяцы. Прежде, волостныя старшины дѣлали позаймствованія на этотъ предметъ изъ запаснаго мірскаго капитала. Но эти займы прекращены по распоряженію земскаго начальника, по мнѣнію котораго,—всякій капиталъ имѣетъ лишь свое назначеніе и не долженъ быть прикосновеннымъ на постороннія нужды. Вотъ эти то причины и заставили волостной сходъ отмѣнить ежемѣсячную выдачу жалованья учителямъ и производить ее въ два срока.

Конечно, волостной сходъ могъ бы вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ такой негодной мѣрѣ, увеличить сборъ хотя бы по одной гривнѣ съ души. Тогда бы общественныя школы могли стать на ноги, потому что въ волости болѣе 4,700 душъ. Вѣдь тотъ же сходъ увеличилъ содержаніе канцеляріи волостнаго правленія. Здѣсь писаря получаютъ отъ 15 до 35 руб. мѣсячнаго содержанія, а учителя 50 руб. въ годъ. Волостной писарь, кромѣ того, пользуется нѣкоторыми побочными доходами. А учитель вовсе ихъ не имѣетъ. Вся бѣда въ томъ, что сходами плохо руководятъ. А простой народъ—темная толпа, и куда ее направлять, туда она и тянетъ.

Но и помимо жалованья, какая разница въ общественномъ положеніи волостнаго писаря и сельскаго учителя. Часто безграмотный волостной писарь играетъ роль маленькаго начальника въ волости, къ которому обращается всякій крестьянинъ. Безъ волостнаго писаря ничего не творится въ волости. А учитель? Учитель въ глазахъ народа лицо незначительное, въ особенности въ тѣхъ школахъ, гдѣ дается самое скудное содержаніе. Къ нему обращаются незачѣмъ. А скорѣе всего онъ обратится къ крестьянину, чтобы взять займы два-три фунта хлѣба, или чего съѣстнаго *). При скудномъ содержаніи, учитель волей-неволей часто становится въ обязательное отношеніе крестьянина. А это отношеніе роняетъ его достоинство и лишаетъ его уваженія окружающей среды. Учителя министерскіе и земскіе, получающіе болѣе приличное содержаніе, находятся въ гораздо менѣе зависимомъ отношеніи отъ крестьянъ и больше ими поѣтому уважаются. Напротивъ, учителя общественныхъ и тому подобныхъ школъ не пользуются никакимъ значеніемъ.

*) Мѣстные учителя пользуются присылкою изъ своихъ семей съѣстныхъ припасовъ.

Существуетъ, однако, къ несчастію убѣжденіе, что хорошій учитель, въ какой бы онъ средѣ и условіяхъ ни находился, можетъ снискать себѣ довѣріе и уваженіе. Но это убѣжденіе опровергается фактами. Снискиваетъ къ себѣ довѣріе и уваженіе лишь тотъ учитель, который не стоитъ въ зависимости отъ окружающихъ, а напротивъ, самъ помогаетъ имъ чѣмъ можетъ: выручкою, добрымъ совѣтомъ и вниманіемъ.

Но гдѣ та независимая обезпеченность, о которой я только что сказалъ, для учителя общественной школы? Волостной сходъ остатокъ суммы сбора 809 руб. дѣлитъ на одиннадцать шкѣль. И на эти средства нужно нанять квартиру подъ школу, съ отопленіемъ, освѣщеніемъ, и прислугою, и дать жалованье учителю.

Скудные средства даются учителю за трудъ, но если они даются своевременно, то встаетъ онъ кое какъ перебивается—кормится. Но при выдачѣ жалованья въ два срока, учитель становится въ тупикъ. Ему придется безъ денегъ пробиваться въ школѣ около трехъ мѣсяцевъ въ ожиданіи 20—25 руб. полочки содержанія. Волостной сходъ не подумалъ о томъ, какъ же учитель будетъ существовать въ промежутокъ ожидаемой манны? Если бы сходъ понималъ важность учительскаго служенія, то не только бы не стѣснялъ средствами личность учителя, но опредѣлил бы ему вознагражденіе и натурою, какъ это дѣлается во многихъ губерніяхъ. Но здѣсь ничего не дается: кромѣ убогаго жалованья, да и то лишь въ продолженіи пяти зимнихъ мѣсяцевъ. А такой порядокъ вещей отобьетъ у учителей и охоту, и энергію къ честному труду.

Во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ жалованье служащимъ выдается 20 числа каждаго мѣсяца. Въ прочихъ же частныхъ учрежденіяхъ жалованье служащіе получаютъ 1 числа. А на фабрикахъ и заводахъ заработокъ выдается два раза въ мѣсяцъ. Это дѣлается для удобства жизни, чтобы не прибѣгать къ кредиту. Здѣсь же учительское вознагражденіе не разлагается помѣсячно, а будетъ выдаваться въ видѣ пенсіи или пособія. Впрочемъ, да какъ и разлагать такое жалованье, какъ 40—50 руб. въ зиму, вѣдь въ мѣсяцъ пришлось бы всего 7—8 руб. Ну, а въ два то срока, такъ оно какъ будто бы и ничего...

— Но чѣмъ же учитель будетъ существовать въ трехмѣсячный промежутокъ?—Спросятъ меня читатели.—А вотъ чѣмъ.

— Сначала учитель будетъ должать обывателямъ и за хлѣбъ, и за соль, и за картофель. А въ концѣ концовъ и въ этомъ ему могутъ отказать.

— Тогда что?—Тогда учитель долженъ будетъ изобрѣтать средства для своего пропитанія. На что и умъ данъ человѣку. А мало ли средствъ къ этому. Напр. учитель можетъ приказать дѣтямъ, чтобы всѣ оставшіеся куски хлѣба отъ обѣда рыть въ одну кучу, въ одинъ столъ. А когда дѣти уйдутъ, онъ можетъ питаться ими. Но и эта изобрѣта-

тельность можетъ быть усмотрѣна обывателями, — и дѣтямъ будетъ воспрещено бросать хлѣбъ, а приносить его домой. Молъ свинья съѣсть... А послѣ этого? — А послѣ этого учитель можетъ просто выманывать у дѣтей хлѣбъ, мѣняя его на бумагу, перья, карандаши и пр. — А если въ школѣ и учебныхъ принадлежностей мало, то какъ тутъ быть?

— Въ такомъ случаѣ учителю остается одно бѣжать безъ оглядки на всѣ четыре стороны.

Я зналъ учителя одной школы грамоты, получавшаго точно такое же мизерное жалованье, и также не помѣсячно, а въ два срока. Онъ жилъ сначала въ кредитъ, забирая съѣстными припасами у мѣстныхъ обывателей. А затѣмъ ему отказали въ этомъ — Молъ деньги нужны. — А жить до получки жалованья оставалось еще болѣе мѣсяца. Что тутъ дѣлать? Бѣднякъ учитель хотѣлъ было бѣжать, да одумался, потому что и бѣжать то ему некуда было. Онъ сталъ изобрѣтать средства къ жизни. И дѣйствительно скоро изобрѣлъ ихъ. Онъ каждый день въ обѣденное время придумывалъ новыя и новыя игры съ дѣтьми, во время которыхъ кое что перепало въ его голодный желудокъ. Въ одинъ день напр. учитель изъ оставшихся кусковъ хлѣба у дѣтей — складывалъ пирамиду. Въ другой — изъ нихъ чудную арку. Въ третій — устраивалъ памятникъ Суворову. Всѣ эти архитектурныя постройки онъ оставлялъ у себя и кормился ими. Но эти игры были усмотрѣны крестьянами и воспрещены, въ виду того, что грѣшно играть даромъ Божьимъ. Дѣти повесли куски домой и учитель лишился насущнаго хлѣба. Но онъ не унывалъ. Разъ выдуманная средства ведутъ къ дальнѣйшей изобрѣтательности. Онъ выдумалъ новую игру съ дѣтьми. На слѣдующій день, дѣти садятся обѣдать, кто что принесъ изъ дому, а учитель прохаживается по классу. Вдругъ онъ неожиданно заявляетъ:

— Дѣти! Хотите я вамъ покажу новую игру? — Покажите, покажите! Никаноръ Наумычъ! кричатъ дѣти. — Ну такъ вотъ!.. Я сяду на столъ, но кто изъ васъ попадетъ мнѣ блиномъ въ ротъ?.. — Дѣти рады новой забавѣ. Начинается стрѣльба въ цѣль. Летятъ въ ротъ учителя куски блина, пирога, лепешки... Но не всякій стрѣлокъ можетъ попасть вѣрно въ цѣль: куски летятъ мимо. Но у учителя и на это имѣется сноровка. Онъ схватываетъ на лету промахи и кладетъ ихъ въ карманъ, говоря.

— Это не взычетъ!.. Стрѣляй снова!.. И снова стрѣльба. — Это фактъ!

Такъ вотъ до чего доводятъ бѣдняка учителя скудные средства содержанія. И тѣмъ болѣе, что это содержаніе дается не ежемѣсячно, а въ два срока.

Разумѣется, рѣдкій учитель способенъ на подобныя выходки, — иной лучше съ голоду умереть, чѣмъ возьметъ даровой кусокъ хлѣба отъ ребенка. Но большая часть учителей, получающихъ такимъ образомъ содержаніе, — пробиваясь изо дня въ день, — входятъ въ долги обывателямъ, а тѣ берутъ за все въ три дорога, потому что берется въ кре-

дѣть и подѣ росписку. Но вотъ, наконецъ, пришло и то желанное время—выдача жалованья. Предъявляются счета и росписки учителю по забору провизіи, часто превышающіе сумму получки. Но кое какъ рассчитавшись съ долгами, у учителя на рукахъ ничего не остается; и ему снова нужно жить. И онъ снова входитъ въ долги, да такъ никогда и не видитъ своей трудовой копѣйки на рукахъ. Между тѣмъ обувь и платья изнашиваются, починить ихъ нечѣмъ, приходится ходить въ дырявыхъ сапогахъ и въ лохмотномъ пиджакѣ. А при такой обстановкѣ учитель не жди къ себѣ уваженія окружающей его среды. И непыющій человекъ прослыветъ за пьяницу. Вотъ здѣсь какъ нельзя лучше оправдываются слова Некрасова: «И голоднаго отъ пьянаго—

«Не могутъ отличить!»

А. Хромцевъ.

Критика и библиографія.

Юбилейныя изданія сочиненій Бѣлинскаго.

Со дня смерти Бѣлинскаго прошло пятьдесятъ лѣтъ, и сочиненія знаменитаго критика сдѣлались, по закону, общимъ достояніемъ. Это обстоятельство, какъ и надо было ожидать, вызвало появленіе нѣсколькихъ новыхъ изданій, причемъ,—какъ это тоже всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ,—издатели постарались послѣтъ къ сроку 26 мая, такъ что почти всѣ изданія вышли въ одинъ и тотъ же день. По своему внѣшнему виду, по характеру, наконецъ—и по цѣнѣ эти новыя изданія Бѣлинскаго во многомъ существенно отличаются отъ прежняго. Прежнее изданіе стоило 12 рублей и было въ типографскомъ отношеніи далеко не удовлетворительно: плохая бумага, плохой шрифтъ, а главное—бездна самыхъ недѣльныхъ опечатокъ вызывали справедливую досаду читателя. Новыя изданія гораздо дешевле: самое дорогое изъ нихъ стоитъ всего пять рублей, а есть и рублевое; правда, бумага и шрифты, по-прежнему, «оставляютъ желать очень многого», но за то количество опечатокъ и ошибокъ значительно поубавилось. Но, съ другой стороны, прежнее изданіе имѣло за собою одно достоинство: оно было полное, или почти полное; новыя изданія—всѣ сокращенныя, причемъ сокращенія обусловливались весьма различными соображеніями, отъ экономическихъ до филологическихъ включительно, а потому и вышли весьма разнообразными. Достоинство это или недостатокъ,—сказать не легко: все зависитъ отъ точки зрѣнія на предметъ—и, разумѣется, отъ умѣнья сокращать...

Разсмотримъ каждое изъ новыхъ изданій въ отдѣльности.

Самое полное (и вмѣстѣ—самое дорогое, 5 р.) изъ нихъ—изданіе № 11. Отд. II.

г. Павленкова, составляющее четыре большіе тома въ два столбца убористой печати. Здѣсь помѣщены, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ критическія статьи Бѣлинскаго и почти всѣ статьи о театрѣ; что же касается мелкихъ рецензій, то онѣ воспроизведены съ выборомъ и, большею частью, въ извлеченіяхъ. Извѣстно, что во времена Бѣлинскаго въ нашей журналистикѣ считалось обязательнымъ давать отчеты рѣшительно обо всѣхъ продуктахъ, появившихся на книжномъ рынкѣ,—и критику приходилось писать, наряду съ сочиненіями Пушкина и Гоголя, о какомъ-нибудь «руководствѣ къ руководству» или о книгѣхъ подъ заманчивымъ заглавіемъ: «Нѣтъ болѣе клоповъ!» Само собою разумѣется, что сохранять подобныя библиографическія замѣтки только потому, что онѣ написаны тѣмъ же перомъ, что и статьи о Пушкинѣ, нѣтъ никакого основанія. Это было понято еще первыми издателями Бѣлинскаго, помѣстившими въ концѣ каждаго тома списокъ такихъ замѣтокъ о книгахъ, которыя, по своей незначительности, не были включены въ изданіе. Но хотя первыми издателями и было выброшено много такого ненужнаго балласта, однако, довольно значительное его количество, все-таки, осталось въ изданіи. Теперь, 50 лѣтъ спустя послѣ смерти критика, когда его значеніе уже вполне опредѣлилось, эти мелкія библиографическія замѣтки и рецензій, давно уже никѣмъ не читаемыя и только безъ надобности увеличивающія объемъ, а слѣдовательно—и цѣну собранія сочиненій Бѣлинскаго, конечно, слѣдовало исключить, оставивъ изъ нихъ только то, что дѣйствительно сохраняетъ до сихъ поръ значеніе для нашей литературы. Такъ и поступилъ г. Павленковъ,—и за это, разумѣется, его нельзя упрекнуть.

Къ изданію, кромѣ обычнаго портрета и факсимиле Бѣлинскаго, приложенъ полиптихъ съ извѣстной картины Наумова «Бѣлинскій передъ смертью», а взамѣнъ біографіи—статья Н. К. Михайловскаго «Бѣлинскій и Прудонъ», интересная остроумными сопоставленіями русскаго писателя съ его французскимъ современникомъ.

Почти по той же методѣ, какъ изданіе г. Павленкова, составлено изданіе «Избранныхъ сочиненій» Бѣлинскаго О. Н. Поповой, въ двухъ томахъ, подъ редакціей Н. А. Котляревскаго (ц. по 1 р. 20 к. за томъ). Составитель этого сборника поставилъ себѣ цѣлью выбрать изъ сочиненій Бѣлинскаго всѣ наиболѣе важныя статьи, сохраняющія историко-литературное значеніе. Къ числу такихъ статей онъ отнесъ, во-первыхъ, тѣ, въ которыхъ «наиболѣе ясно и полно отразилось послѣдовательное развитіе взглядовъ Бѣлинскаго на самые существенные вопросы жизни и духа», и, во-вторыхъ, критическіе разборы самыхъ выдающихся произведеній русской литературы. Въ текстѣ статей не допущено никакихъ измѣненій или сокращеній, такъ что всѣ онѣ представляютъ точную перепечатку съ перваго изданія сочиненій Бѣлинскаго,—1858—62 гг.; только въ рѣдкихъ случаяхъ вмѣсто цѣльной статьи напечатана изъ нея отрывокъ, показавшійся составителю особенно характернымъ и важнымъ,—что всякій разъ и оговорено. Само собою разумѣется, что въ такое изданіе, общедоступное по цѣнѣ, не могли войти всѣ крупныя статьи Бѣлинскаго; но, все-таки, изъ сочиненій критика взято все самое существенное, такъ что настоящее изданіе можно признать вполне удовлетворяющимъ потребностямъ школы или самообразования и смѣло реко-

мендовать его, напр., взрослымъ гимназистамъ. Оглавленіе каждаго тома составлено въ видѣ подробнаго конспекта содержанія статей, что, конечно, облегчаетъ пользованіе ими для справокъ; кромѣ того, къ изданію приложены указатели—личный и предметный. Къ сожалѣнію только, первый изъ этихъ указателей не полонъ, а второй расположенъ безъ всякаго порядка, такъ что въ немъ вы никогда сразу не отыщете того, что вамъ нужно. Указатели къ сочиненіямъ писателей—дѣло очень полезное и даже необходимое, но если ужъ заниматься этимъ дѣломъ, такъ надо его дѣлать такъ, чтобы указатель отвѣчалъ своей цѣли, а не записывать наскоро и какъ попало разныя опредѣленія, какія придуть въ голову при чтеніи корректурныхъ листовъ книги. Послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія сочиненій Бѣлинскаго, въ 1862 г., къ нимъ былъ составленъ систематическій указатель (К. П. Петровымъ), предназначенный служить пособіемъ при изученіи теоріи и исторіи словесности; этотъ указатель, отличавшійся полнотою и порядкомъ, могъ бы послужить и теперь образцомъ для подобнаго рода работы.

Вступленіемъ къ изданію г-жи Поповой служитъ прекрасная, оригинальная статья о Бѣлинскомъ Н. А. Котляревскаго, сумѣвшаго счастливо избѣжать повторенія избитыхъ мыслей и фразъ, которыя въ такомъ изобиліи расточались по случаю годовщины, и дать своеобразное, удачное освѣщеніе многихъ сторонъ жизни и дѣятельности нашего критика.

За названными двумя изданіями, имѣвшими цѣлью дать читателямъ возможность болѣе или менѣе полно познакомиться со всею дѣятельностью Бѣлинскаго, слѣдуютъ изданія отдѣльныхъ его статей. Такъ, г. Сувориныхъ перепечатавъ, въ составѣ извѣстной «Дешевой Библиотеки», статьи о Пушкинѣ,—безспорно, самое важное произведеніе Бѣлинскаго; въ Москвѣ, ко дню юбилея, выпущены, подъ редакціей П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина, «семь статей Бѣлинскаго», которыхъ текстъ дополненъ и исправленъ по подлиннымъ рукописямъ, попавшимъ на толкучку послѣ смерти Н. Х. Кетчера, который редактировалъ первое изданіе сочиненій критика. Въ книгу вошли статьи: «Гамлетъ въ переводѣ Полевого», «Уголино», „Сто русскихъ литераторовъ“, „Стихотворенія гр. Растончиной“, „Сумароковъ“, „Взглядъ на русскую литературу 1846 г.“, „Мертвыя Души“. Кромѣ этихъ статей, въ рукописяхъ нашлось еще четыре другихъ, но издатели спѣшили выпустить книжку и потому не успѣли этихъ статей напечатать.

Изъ переписки Бѣлинскаго мы знаемъ, какиимъ сокращеніямъ, измѣненіямъ и нерѣдко искаженіямъ подвергались самыя важныя его статьи, проходя черезъ тогдашнюю цензуру; извѣстно, что еще при жизни критика въ одномъ изъ тогдашнихъ иллюстрированныхъ изданій появился его карикатурный портретъ съ книжкой „Отечественныхъ Записокъ“ въ рукахъ и съ подписью: „Своей собственной статьи не узнаю въ печати!“ Это восклицаніе не разъ повторяется и въ его письмахъ. Издатели московскаго сборника, коротко объясняя исторію рукописей Бѣлинскаго, указываютъ, что текстъ его статей имѣлъ иногда по четыре послѣдовательныхъ редакціи: первая—подлинная редакція, въ томъ видѣ, въ какомъ статья была сдана въ печать, въ этомъ подлинномъ текстѣ редакторъ журнала нерѣдко дѣлалъ свои поправки и измѣненія, тѣкъ что получа-

лась вторая редакция; затѣмъ статья поступала въ цензуру—и оттуда возвращалась уже въ третьей редакціи; наконецъ, при изданіи сочиненій Бѣлинскаго образовалась опять новая, четвертая по счету редакція: Кетчеръ воспользовался рукописями Бѣлинскаго, но не вполне, такъ что изданіе сочиненій во многихъ мѣстахъ сохранило пропуски и измѣненія журнальнаго текста. Кромѣ того, Кетчеръ самовольно дѣлалъ измѣненія и сокращенія въ текстѣ печатаемыхъ статей. Наконецъ, при отдѣльномъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго цензура иногда не пропускала даже того, что было раньше напечатано въ журналѣ. Такимъ образомъ, текстъ, напечатанный въ первомъ собраніи сочиненій Бѣлинскаго, представляется по отношенію къ журнальнымъ статьямъ, только отчасти исправленнымъ и дополненнымъ, а отчасти—сокращеннымъ и измѣненнымъ.

Зная, въ общихъ чертахъ, эту исторію рукописей Бѣлинскаго, мы ожидали увидѣть въ новомъ ихъ изданіи болѣе или менѣе важныя и любопытныя восстановленія первоначальнаго текста; но, къ сожалѣнію, сохранившіяся въ рукописяхъ статьи не принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ произведеній нашего критика, а потому и разница между новой и старой редакціей ограничивается, въ большинствѣ случаевъ, лишь несущественными мелочами. Нельзя не пожалѣть, что судьба не сохранила въ подлинномъ видѣ, напр., статьи Бѣлинскаго о Петрѣ Великомъ, напечатанной въ № 6 „Отеч. Зап.“ 1841 г., о которой авторъ въ свое время писалъ: „Въ рукописи это—точно о Петрѣ Великомъ, и не хвалюсь скажу, статейка умная, живая, но въ печати это—рѣчь о проницаемости природы и склонности человѣка къ чувствамъ забвенной меланхоліи.. Ея напечатана только треть, и смыслъ весь выключенъ, какъ опасная и вредная для Россіи вещь..“ Интересно также было бы прочесть въ ряду статей 1847 г. „Отвѣтъ Москвитянину“, о которомъ Бѣлинскій писалъ, что его „страшно ошельмовали,—горше всего то, что совершенно произвольно: выкинуто о Мицкевичѣ, о шапкѣ-мурмолкѣ, а мелкихъ фразъ, строкъ—безъ числа.. Это довело меня до отчаянія, и я выдержалъ нѣсколько тяжелыхъ дней“. Многие и другое въ томъ же родѣ представило бы, по всей вѣроятности, серьезный литературный интересъ, но.. этого «многого» теперь уже вѣтъ, а есть только то немногое, что сохранили намъ издатели „Семи статей“. И за то спасибо.

Сравнивая то, что есть въ этой книжкѣ новаго, съ тѣмъ, что было уже извѣстно прежде, находимъ, прежде всего, двѣ-три характерныхъ для эпохи Бѣлинскаго цензурныхъ поправки. Такъ, въ статьѣ „Взглядъ на русскую литературу 1846 года“ Бѣлинскій писалъ: „Уже безвозвратно прошло то время, когда всякій переводный вздоръ убивалъ оригинальное русское произведеніе, а всякій иностраный авторитетъ давилъ русскую литературную славу,—когда даже всякая посредственность иностранная казалась выше всякаго таланта русскаго“. Подчернутыя слова не были пропущены цензурой.. Но гораздо характернѣе поправки редакторскія, Краевскаго въ „Отеч. Запискахъ“ и Никитенка въ „Современникѣ“. Въ статьѣ о сборникѣ „Сто русскихъ литераторовъ“ Бѣлинскій пишетъ: „Картичка къ повѣсти Вельтмана очень плоха“,—Краевскій поправляетъ: „порядочна“; „картинка къ повѣсти Надеждина плоха, а портретъ его не

отличается большим сходством—замѣнено словами: «картинка изрядна, а портретъ не отличается поразительнымъ сходствомъ, какъ другіе». Поправка Никитенка—въ иномъ стилѣ: какъ человѣкъ умѣренный и аккуратный, онъ особенно заботился о томъ, чтобы сообщить эти качества похваламъ и порицаніямъ Бѣлинскаго. Такъ, напр., ему не нравится, что критикъ видигъ въ произведеніяхъ Достоевскаго «необыкновенный» талантъ и говорить о «славѣ» молодого писателя, у котораго „бездна“ ума, истины и «художественнаго мастерства». Зачѣмъ же студія ломать? рѣшаетъ умѣренный редакторъ—и замѣняетъ отмѣченныя слова болѣе скромными выраженіями: «сильный» талантъ, «много» истины, причѣмъ умъ и художественное мастерство совсѣмъ улетучиваются, а «слава» обращается въ «успѣхъ». Точно также Никитенко не позволяетъ Бѣлинскому сказать: «По нашему крайнему разумѣнію и искреннему, горячему убѣжденію, Мертвыя Души стоятъ выше всего, что было и есть въ русской литературѣ» и вмѣсто этой фразы пишетъ: „Мертвыя Души“ стоятъ весьма высоко въ русской литературѣ“. Такъ и видишь передъ собою будущаго академика...

Изданіе «Семи статей» интересно также и въ другомъ отношеніи. Оно показываетъ, что Кетчеръ, редактируя собраніе сочиненій своего знаменитаго друга, относился къ нимъ далеко не съ тою внимательностью, каково они заслуживали. Къ сожалѣнію, эта редакторская невнимательность теперь, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, уже не можетъ быть исправлена: рукописи пропали.

Это наводитъ насъ на мысль о томъ, какого изданія еще дожидаются статьи знаменитаго критика,—не ad usum Delphini, а для людей, серьезно занимающихся изученіемъ русской литературы: статьи эти слѣдовало бы напечатать, строго провѣривъ текстъ какъ по журналамъ, гдѣ онъ первоначально появились, такъ и по первому собранію сочиненій и по имѣющимся еще обрывкамъ рукописей,—напечатать безъ всякихъ произвольныхъ пропусковъ, въ хронологическомъ порядкѣ, и снабдить возможно полнымъ и обстоятельнымъ библиографическимъ и историко-литературнымъ комментариемъ: вѣдь онѣ даютъ, помимо выраженныхъ критикомъ общихъ идей, огромнѣйшій и драгоцѣнный матеріалъ для изученія русской литературы не только за тѣ 15 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ дѣйствовали въ литературѣ Бѣлинскій, но и за все предшествовавшее время. Само собою разумется, что такое изданіе должно быть снабжено подробнѣйшимъ указателемъ личныхъ именъ, систематическимъ указателемъ предметнымъ. Въ такомъ видѣ сочиненія Бѣлинскаго явились бы поучительнѣйшимъ курсомъ исторіи нашей литературы до половины XIX столѣтія и исходнымъ пунктомъ для научнаго изслѣдованія позднѣйшей эпохи. Дождемся ли мы когда-нибудь такого изданія? Не будемъ терять надежды. А пока будемъ продолжать пересмотръ того, что уже явилось.

Изданія г. Павленкова и г-жи Поповой не имѣютъ какой-нибудь специальной цѣли; здѣсь въ основу выбора и расположенія статей Бѣлинскаго не положено какого-нибудь теоретически выработаннаго плана. Но кромѣ этихъ изданій появились еще и другія, составители которыхъ поставили себѣ совсѣмъ особенныя задачи, именно—школьно-учебныя. Это, такъ сказать, Бѣлинскій въ гимназическомъ мундирѣ,

отвѣчающій уроки учителю словесности. Учитель, напр., спрашиваетъ: что есть искусство? что такое эпосъ, лирика, драма? въ чемъ заслуга Пушкина, Гоголя, Лермонтова? какое значеніе имѣетъ романъ? и т. д., а прилежный мальчикъ Виссаріонъ Бѣлинскій отвѣчаетъ на эти вопросы разсужденіями, взятыми изъ статей, написанныхъ имъ въ разное время и при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ и соединенными на живую нитку будто бы въ одно цѣлое, а на самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ, въ большую путаницу. Таковы изданія: «Изъ сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, избранныя статьи для семьи и школы», подъ редакціей В. П. Острогорскаго (изд. ред. журнала «Дѣтское Чтеніе» въ Москвѣ), «Эстетика Бѣлинскаго, избранныя статьи и отрывки (кажется, по грамматикѣ слѣдовало бы сказать: избранные?) съ вопросами и дополненіями Ц. Балталона» (изд. Коммисіи преподавателей рус. языка при Учебномъ отдѣлѣ Об-ва распространенія техническихъ знаній, въ Москвѣ) и «Систематическое собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, основанія его критики и отзывы о выдающихся произведеніяхъ литературы», изданіе Николая Зинченко, СПБ. 1899 г. Кромѣ приблизительно одинаковой цѣли, эти три изданія имѣютъ еще одно общее качество: каждое изъ нихъ стоитъ только 1 рубль и, такимъ образомъ по цѣнѣ является вполне доступнымъ небогатому читателю. Книга редактированная В. П. Острогорскимъ, не смотря на свое искусственное построеніе, представляется, все-таки, полезнымъ учебнымъ пособіемъ, особенно—въ виду того поистинѣ жалкаго положенія, какое отведено въ современной нашей школѣ такъ называемой «словесности» и исторіи литературы. Почтенный педагогъ поставилъ себѣ очень скромную цѣль,—выбрать изъ сочиненій Бѣлинскаго, примѣнительно къ гимназической программѣ и въ ея порядкѣ, такіе отрывки, изъ которыхъ ученики получили бы «хотя нѣкоторыя основныя понятія объ искусствѣ, преимущественно—поэзіи, со стороны ея сущности и значенія», а вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомилъ бы съ оцѣнкою Бѣлинскимъ по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ изъ новыхъ русскихъ писателей,—Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова Майкова, а также съ понятіями Бѣлинскаго о театрѣ. Составитель книги смотрѣлъ на нее только какъ на средство для первоначальнаго ознакомленія съ Бѣлинскимъ,—и съ этой точки зрѣнія она вполне удовлетворяетъ своему назначенію и служитъ хорошимъ дополненіемъ къ скуднымъ и нерѣдко безжизненнымъ отечественнымъ учебникамъ. Но вѣрно потому, что книга приурочена къ такъ называемому «учебному плану», живое слово критика обращается въ ней во что-то безжизненно-школьное: чѣмъ-то сухимъ, схоластическимъ вѣетъ отъ всѣхъ этихъ подраздѣленій и классификацій, которыя давно пора бросить, какъ семинарское наслѣдье, и которыя не выдерживаютъ сколько-нибудь научной критики. Выводать въ этомъ, однако, не составитель книги, а самый «учебный планъ», заставившій его вырѣзывать кусочки изъ живого тѣла и изготовлять изъ нихъ нѣчто вродѣ анатомическихъ препаратовъ. Видимо, это занятіе было не особенно по душѣ составителю, который постарался оживить сборникъ прекрасно составленнымъ биографическимъ очеркомъ (заимствованнымъ, большею частью, изъ его же двухъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ въ мартѣ нынѣшняго года и изданныхъ отдѣльной книжкой

подъ заглавіемъ «В. Г. Бѣлинскій какъ критикъ и педагогъ», ц. 60 коп.) и воздержался отъ какихъ бы то ни было собственныхъ прикрасъ. Совсѣмъ иначе поступилъ г. Ц. Балталонъ: онъ «преслѣдовалъ» цѣль (скоро ли отдѣлаются наши писатели отъ этого нелѣпаго жаргоннаго выраженія?) философскую: «представить заслуги Бѣлинскаго въ области теоріи творчества», и для этого «выдѣлили изъ массы матеріала, отошедшаго въ исторію, наиболѣе цѣнные и неувядаемые элементы»; такимъ образомъ, его сборникъ, состоящій изъ двухъ отдѣловъ: текста, принадлежащаго Бѣлинскому, и дополнительныхъ къ нему статей самого г. Балталона, долженъ представлять собою «попытку систематическаго расположенія и освѣщенія разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго матеріаловъ, относящихся къ психологіи художественнаго творчества и теоріи литературной критики». Въ предисловіи составитель книги подробно объясняетъ свою систему препарирования Бѣлинскаго подъ придуманнымъ для этой цѣли эстетическимъ соусомъ, а въ самой книгѣ, можно сказать, производитъ нашему критику форменный экзаменъ по хитроумно составленной, схоластически-претенціозной программѣ, «поправляя» и «дополняя» его слова цитатами изъ Тэна («Чтенія объ искусствѣ») и Жоржа Пелисье («Литературное движеніе въ XIX столѣтіи»),—двухъ книгъ, случайно и только благодаря появленію ихъ въ русскомъ переводѣ появившихъ на глаза экзаменатора накануне экзамена, но дающихъ ему возможность блеснуть передъ гимназистами своей ученостью. «Вопросы и дополненія для изученія текста», помѣщенные въ концѣ книги, представляютъ собою великолѣпный образецъ школьнаго пережевыванія теоретическихъ опредѣленій учебника «словесности»,—упражненія, которое можетъ только нагнать на учениковъ невыносимую тоску и внушить имъ глубокое отвращеніе къ предмету, казалось бы, живому и интересному. Въ самомъ дѣлѣ, что, кромѣ мертвящей скуки, могутъ дать, напр. хоть бы такія задачи:

«Указать въ данномъ отрывкѣ случаи употребленія идеалистической философской терминологіи».

«Дѣйствительно ли послѣ выясненія историческихъ условій возникновенія художественныхъ произведеній не остается ничего болѣе? Могутъ ли эти условія объяснить причину художественности впечатлѣнія и опредѣлить степень и хъ художественнаго совершенства?» (Кстати-кого это и хъ?)

«Какое различіе между сюжетомъ и поэтическимъ содержаніемъ художественнаго произведенія?» и т. д.

Недостаетъ только, чтобы учениковъ начали заставлять писать по Бѣлинскому хрипъ прямыми и превращенными!..

Не довольствуясь этого рода вопросами, г. Балталонъ «дополнилъ» Бѣлинскаго еще собственнымъ сочиненіемъ «Образность и сходство, какъ условія художественности». Сочиненія этого мы разбирать не станемъ, потому что, по нашему скромному мнѣнію, оно по ошибкѣ попало въ печатную книгу изъ гимназической тетради 5-го класса. Впрочемъ, можетъ быть, и не по ошибкѣ: вѣдь и вся книга очень похожа на тетрадь «прилежнаго» ученика, у котораго, отъ чрезмѣрныхъ усилій понять рѣчь учителя, умъ заходитъ за разумъ...

Г. Николай Зинченко распорядился съ Бѣлинскимъ совѣмъ не поученому, а «даже очень просто»: онъ выработалъ программу въ такомъ родѣ: 1. Краткій биогрѣфическій очеркъ.—2. Нравственныя и философскія обоснованія критики Бѣлинскаго. Педагогическія воззрѣнія.—3. Русскій человѣкъ и русскій народъ. Французы. Нѣмцы. Англичане. Личность. Общество. Народъ. Жизнь.—4. Искусство. Художество. Творчество. Талантъ. Геній. Бездарные писатели. Публика», и т. д., затѣмъ выбралъ изъ сочиненій Бѣлинскаго болѣе или менѣе подходящія къ этимъ рубрикамъ отрывки и соединилъ ихъ между собою въ одно цѣлое, даже не указывая, изъ какихъ именно статей эти отрывки взяты. Такимъ образомъ и получилось «систематическое» собраніе сочиненій Бѣлинскаго, въ которомъ дѣйствительно есть внѣшняя система, т. е. расположеніе текста по указаннымъ въ оглавленіи рубрикамъ, но внутри этихъ рубрикъ получается нѣчто, въ просторѣчій называемое кашей, въ которой разобратъся—дѣло довольно хитрое. Мы не считали нужнымъ изслѣдовать приемы, съ помощью которыхъ г. Зинченко сшивалъ изъ обрѣзковъ статей Бѣлинскаго свой «систематическій» костюмъ, похожій на платье арлекина; но, кажется, дѣло не обошлось безъ нѣкоторыхъ заплатъ собственнаго издѣлія. Впрочемъ, хорошо и то, что составитель сборника не пустился въ глубокомысленныя разсужденія въ стилѣ г. Ц. Балгалона...

Наряду съ изданіями, въ томъ или иномъ видѣ, сочиненій Бѣлинскаго появилось и нѣсколько посвященныхъ знаменитому критику сочиненій биогрѣфическаго содержанія. Изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить: «В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ» Евг. Соловьѣва (СПб. 1898, ц. 1 р. 75 к.),—старательно составленную компіляцію, для которой главнымъ матеріаломъ служила извѣстная книга А. Пыпина; «Бѣлинскій биогрѣфическій очеркъ» Ив. Ив. Ивановъ (Москва 1893, ц. 10 к.) и «В. Г. Бѣлинскій» А. Алферова (М. 1898 г. ц. 5 к.). Послѣднія двѣ маленькія книжечки, въ особенности—книжку г. Алферова, написанную просто и безъ всякихъ претензій, можно смѣло рекомендовать для простаго читателя и пожелать имъ возможно болѣе широкаго распространенія.

Наконецъ, необходимо упомянуть о прекрасно изданномъ въ Москвѣ г. Фишеромъ «Альбомѣ выставки Бѣлинскаго», дающемъ въ изящныхъ фототипическихкихъ снимкахъ портреты не только самого критика, но и всѣхъ выдающихся русскихъ писателей его времени, а также и позднѣйшихъ, дѣятельность которыхъ имѣла хотя бы отдаленное отношеніе къ дѣятельности Бѣлинскаго. Альбомъ этотъ уже оцѣненъ публикой по достоинству: его первое изданіе разошлось, и теперь, судя по газетнымъ извѣстіямъ, скоро должно выйти второе, дополненное. Эта портретная галлерія новой русской литературы, безъ сомнѣнія, найдетъ себѣ мѣсто въ библіотекѣ всякаго, кто интересуется судьбами нашего просвѣщенія.

Ц. Морозовъ.

Луи Рейбо. Жеромъ Потюро въ поискахъ за общественнымъ положеніемъ. Спб. 1898.

Сатирическій романъ Луи Рейбо принадлежитъ къ тѣмъ политическимъ и общественнымъ романамъ, которые процвѣтали во Франціи въ сороковыхъ годахъ и вносили въ литературу обсужденіе политики и кри-

тики общественной жизни. Жорж Зандъ, увлекавшаяся одно время социалистическими теоріями, стала во главѣ этого временнаго теченія въ французской литературѣ. Эжень Сю, слѣдуя за ней, топилъ общія мѣста свободоловной гражданской морали въ ультраромантическихъ интригахъ своихъ нескончаемыхъ романовъ, Эрманъ-Шатрианъ создавалъ національный романъ, проповѣдывалъ идеалъ свободной гражданской жизни, превозносили обычаи народной старины. Луи Рейбо принадлежитъ къ той же семьѣ политическихъ мечтателей, недовольныхъ всеобщей порчей нравовъ подъ вліаніемъ политическихъ осложнений и погони за внѣшнимъ успѣхомъ и властью. Рейбо не выступаетъ въ роли учителя и моралиста, онъ не предлагаетъ своимъ современникамъ новыя экономическія ученія, какъ это дѣлали многіе романисты его времени. Экономическія и политическія теоріи его самого интересовали гораздо меньше, чѣмъ вопросы литературы и искусства—и поэтому недовольство своимъ временемъ пробудило въ немъ не создателя лучшихъ общественныхъ основъ, а остроумнаго юмориста: онъ не хотѣлъ исправлять свое время, а только пользовался обширнымъ матерьяломъ, который ему доставляла дѣйствительность, для чисто художественной цѣли, т. е. для ряда остроумныхъ, мѣтко и зло написанныхъ картинъ нравовъ.

Отсутствие положительныхъ идеаловъ ясно чувствуется въ романѣ Рейбо и лишаетъ его болѣе глубокаго значенія. Сатира лишь тогда достигаетъ своего высокаго значенія, когда она отрицаетъ дѣйствительное во имя недосыгаемой правды, и чѣмъ выше святыня, вдохновляющая художника, тѣмъ больше ложныхъ святынь она разрушаетъ своимъ смѣхомъ надъ пошлостью существующаго. Если же насмѣшка надъ дѣйствительнымъ лишена вѣры въ болѣе высокую правду, она становится лишь литературнымъ упражненіемъ, болѣе или менѣе интереснымъ, смотря по таланту сатирика. На романѣ Рейбо отсутствие высшаго критерія въ оцѣнкѣ дѣйствительности отразилось въ самомъ характерѣ сатиры. Главное для Рейбо вышутить жадность, карьеризмъ и другіе недостатки своего времени—и ему по существу безразлично, отъ чьего имени производится критика, кто судья порочнаго суетнаго общества. А между тѣмъ сдѣланный имъ выборъ судьи чрезвычайно ослабляетъ значеніе сатиры. Жеромъ Патюро честный буржуа, идеалъ котораго спокойный семейный очагъ, упорный трудъ, накопленіе капитала и обезпеченная будущность. Всего этого онъ лишается, соблазнившись всеобщей погоней за блескомъ, легкой наживой и успѣхомъ. Разорившись вслѣдствіе своего увлеченія мишурными радостями минуты, Патюро возвращается наконецъ къ тому единственному образу жизни, который соответствуетъ потребностямъ его натуры: онъ поселяется съ женой въ сельской тиши и начинаетъ тамъ „planter des choux“—высшая радость жизни для мелкаго французскаго буржуа. Съ точки зрѣнія этого буржуа, временно попавшаго на несоответствующій ему общественный путь, разсматривается жизнь Парижа, нравы политическихъ дѣятелей, пресса, міръ художниковъ и т. д. Картина нравовъ, изображаемая Рейбо, получается очень неутѣшительная, но едва ли идеалы самого Патюро болѣе высоки, чѣмъ обличаемый имъ эгоизмъ общественныхъ дѣятелей. Буржуазное скопидомство и равнодушіе ко всему,

что не связано непосредственно съ благополучіемъ домашняго очага такая же крайность, какъ противоположная ей, т. е. прожиганіе жизни среди минутныхъ наслажденій, стремленіе властвовать надъ людьми, проявлять свою личность въ необузданномъ удовлетвореніи всѣхъ желаній и въ томъ, чтобы много хотѣть. Ошибка Рейбо въ томъ, что онъ какъ бы побиваетъ одну крайность другой, а не ищетъ совершенно иной правды, столь же чуждой вождѣлнн Патуро, какъ и мелкимъ корыстнымъ цѣлямъ обличаемыхъ имъ карьеристовъ.

Но если отвлечься отъ ложной основы сатиры Рейбо, то самое изображеніе общества въ романѣ доставляетъ истинное удовольствіе читателю своимъ остроуміемъ и мѣткостью. Рейбо тонко подмѣтилъ смѣшныя стороны всякой дѣятельности, скрывающей мелкіе корыстные мотивы подъ лицемѣрнымъ служеніемъ обществу; его сатира поэтому также соответствуетъ политическимъ нравамъ современной Франціи, какъ и условіямъ общественной жизни при Луи Филиппѣ. Исторія выборовъ, мытарства депутата, осаждаемаго просьбами и требованіями своихъ избирателей, нравы журналистики, изготовленіе сенсационныхъ романовъ для фельетона, искусство дѣлать купюры, т. е. обрывать фельетонъ на самомъ интересномъ моментѣ дѣйствія—все это кажется и теперь зеркаломъ дѣйствительности, изображеніемъ парижской прессы и парламентской политики послѣднихъ дней. Романъ Рейбо появился въ 1843 г. — и за полъ-вѣка, истекшіе съ тѣхъ поръ измѣнилось много правительствъ, но въ нравахъ не произошло никакихъ перемѣнъ, и административная рутина осталась той же и также мало какъ и во времена Патуро сообразуется съ мѣняющимися представителями правительства. Рейбо съ большимъ юморомъ изображаетъ охоту за министерскими портфелями и незавидное въ сущности положеніе министра, владѣтеля временнаго пышнаго дворца какого нибудь изъ министерствъ. Въ министерствахъ все идетъ установленнымъ порядкомъ помимо временнаго хозяина помѣщенія. Привратникъ легкимъ кивкомъ головы прощается съ уходящимъ министромъ и низкимъ поклономъ привѣтствуетъ новаго, слуги исполняютъ свои обязанности и служатъ какому-то отвлеченному министру; перемѣна личности министра ничего не измѣняетъ, никого не удивляетъ. Это положеніе дѣлъ осталось неизмѣннымъ и теперь, какъ и тогда, министры въ большинствѣ случаевъ только пользуются своимъ временнымъ положеніемъ для личныхъ цѣлей, и управленіе страной дѣлается случайнымъ и нетвердымъ. Журнальные нравы очень бойко изображены въ романѣ Рейбо, а говоря о художникахъ, онъ какъ бы имѣлъ въ виду новѣйшихъ импрессионистовъ, рѣпайстовъ и символистовъ въ лицѣ своего Оскара, „художника короля“ съ его губительной страстью къ желтому и зеленому цвѣту. Среди отдѣльныхъ юмористическихъ эпизодовъ романа одинъ изъ наиболее удачныхъ—статья Патуро объ овечьей оспѣ, написанная для того, чтобы внушить избирателямъ уваженіе къ литературному таланту и къ уму кандидата. Въ блестящей формѣ, съ множествомъ чрезвычайно убѣдительныхъ доказательствъ Патуро убѣждаетъ крестьянъ для предупрежденія оспы на овецъ, давать животнымъ синильную кислоту. „Если эти бараны“, восклицаетъ онъ съ жаромъ, „умрутъ послѣ того отъ оспы, то современной химіи останется подать въ отставку“. Очень удачно также объявленіе

„доктора противъ неизлѣчимыхъ болѣзней“, съ указаніемъ, въ сколько дней онъ вылѣчиваетъ чахотку 1-ой, 2-ой и т. д. степеней и другія болѣзни. Эпизодъ съ мнимой русской „воеводшей“, у которой правительство конфисковало ея 32 тысячи барановъ, пасущихся на берегахъ Дона, очень характеренъ: онъ показываетъ, въ какомъ полномъ невѣдѣніи пребывала Франція того времени относительно Россіи и все, что возможно и что невозможно въ этой диковинной для французовъ странѣ.

3. Венгерова.

А. К. Бороздинъ. Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII в. Спб. 1898.

Настоящая книга—не популярный очеркъ, а специальное изслѣдованіе, оставленное всѣми признаками такъ называемаго „ученаго аппарата“. Тѣмъ не менѣе, по свойству самой темы она должна привлечь къ себѣ вниманіе не однихъ специалистовъ. Исторія Аввакума—слишкомъ яркая страница изъ жизни русскаго общества, въ связи съ ней неизбежно встаютъ слишкомъ важные общіе вопросы о такомъ видномъ явленіи въ развитіи русской культуры, какъ расколъ, чтобы посвященное ей изслѣдованіе не нашло себѣ доступа также и въ средѣ большой публики, по крайней мѣрѣ тѣхъ ея группъ, которыя не совсѣмъ равнодушны къ историческимъ судьбамъ русской жизни. Роль Аввакума въ исторіи раскола двойнѣ характерна. По свойствамъ своей натуры онъ явился наиболѣе вышуклымъ представителемъ выразившихся въ расколѣ теченій народной мысли. По времени своей дѣятельности онъ сдѣлался однимъ изъ инициаторовъ раскола, однимъ изъ его первыхъ вождей. Вотъ почему научно поставленное изученіе жизни и дѣятельности Аввакума непрѣменно должно привести изслѣдователя къ двумъ капитальнымъ вопросамъ:—въ чемъ заключалось существенное содержаніе раскольничьяго движенія и каковы были причины и условія его первоначальнаго возникновенія. Обнаруживъ въ своемъ сочиненіи замѣтную эрудицію и давъ этимъ критикѣ право предъявлять его труду серьезныя научныя требованія, г. Бороздинъ возбуждаетъ въ читателѣ законныя ожиданія того, что указанные выше вопросы непрѣменно будутъ имъ, если не разрѣшены, то во всякомъ случаѣ обстоятельно рассмотрѣны. Къ сожалѣнію эти ожиданія не находятъ себѣ полнаго удовлетворенія. Нельзя сказать, чтобы авторъ сознательно уклонился отъ этихъ вопросовъ. Напротивъ, и подзаголовокъ его сочиненія и еще болѣе нѣкоторыя строки его предисловія ясно указываютъ на то, что автору отнюдь не было чуждо сознание необходимости трактовать свою специальную тему въ широкомъ научномъ освѣщеніи. Изученіе дѣятельности Аввакума—говорится въ предисловіи къ книгѣ—„должно быть поставлено въ связь съ тѣми культурными движеніями, которыя вызвали протестъ защитниковъ старины и обусловили выступленіе Аввакума въ качествѣ литературно-общественнаго бойца“. Но почему-то это совершенно правильное методологическое соображеніе не нашло себѣ надлежащаго приложенія въ самой работѣ автора. Г. Бороздинъ даетъ обстоятельный повѣствовательный очеркъ о жизни Аввакума и затѣмъ представляетъ анализъ его литературныхъ произведеній. Но ни въ той, ни въ другой

части книги мы не находимъ систематическаго обслѣдованія основныхъ культурныхъ теченій эпохи, „въ атмосферѣ которыхъ зародился и окрепъ расколъ“. Правда, при пересказѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ изъ жизни Аввакума авторъ производитъ эпизодическія экскурсіи въ ту или иную область народнаго быта, общественныхъ нравовъ и понятій. Но всѣ эти экскурсіи носятъ характеръ случайныхъ отрывочныхъ иллюстрацій, не помогая связать изучаемое авторомъ теченіе съ общимъ контекстомъ культурной жизни тогдашняго общества. Въ концѣ концовъ и самъ Аввакумъ и раскольникове движеніе въ его первоначальномъ фазисѣ, современномъ дѣятельности Аввакума, изучены, вопреки обѣщаніямъ автора, вопреки требованіямъ науки, совершенно изолированно.

Среди повѣствованій о различныхъ поворотахъ многострадальной жизни Аввакума авторъ удѣляетъ нѣсколько строкъ изложенію своего общаго взгляда на происхожденіе и характеръ раскола. Не подерѣженный самостоятельнымъ изслѣдованіемъ эволюціи господствующихъ въ древнерусскомъ обществѣ идейныхъ теченій, высказанный какъ бы мимоходомъ, этотъ взглядъ не отличается ни оригинальностью, ни глубиной. Въ сущности онъ представляетъ собою возвращеніе къ популярному воззрѣнію на расколъ только какъ на религію неподвижнаго обряда. Расколъ—говоритъ г. Бороздинъ—по существу чисто церковное явленіе. Ни элементъ социальнаго протеста, ни націоналистическая тенденція не составляютъ его существенныхъ сторонъ. Соціальныя элементы влетаютъ въ раскольниковій протестъ сравнительно позднѣе, элементъ націоналистическій всегда игралъ въ немъ второстепенное, служебное значеніе по отношенію къ чисто религіознымъ мотивамъ. Мы не думаемъ, чтобы съ такимъ взглядомъ можно было безусловно согласиться. Если социальный протестъ дѣйствительно сыгралъ важную роль не столько въ возникновеніи раскола какъ ученія, сколько въ его распространеніи въ широкихъ слояхъ народной массы, какъ общественнаго движенія, то націоналистическая идея—думаемъ намъ—съ самаго начала входитъ неотъемлемою органическою частью въ составъ ученія расколоучителей вообще и въ частности—самого Аввакума.

„Раскольники—говоритъ г. Бороздинъ—отстаивали народность, не какъ таковую, но какъ носительницу совершеннаго православія, что и было для нихъ единственно существеннымъ“ (стр. 131). Но спрашивается, что являлось при этомъ критеріумомъ для отдѣленія совершеннаго православія отъ несовершеннаго? Такимъ критеріумомъ какъ разъ и служила національная старина. Народность въ глазахъ расколоучителей была не только носительницей истинной вѣры, но и *источникомъ* ея. Все, что национально,—не можетъ быть неправославно, вотъ—отправная точка расколоучителей, являющаяся переживаніемъ официальной доктрины XVI вѣка. Идея неподвижности религіознаго обряда органически сплеталась такимъ образомъ въ ученіи раскола съ идеей противоположенія авторитету вселенскихъ патріарховъ и соборовъ авторитета національнаго преданія.

Какъ бы то ни было, важный и сложный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ тѣхъ религіозныхъ, национальныхъ и социальныхъ элементовъ, изъ которыхъ сплелось раскольникове движеніе, нельзя трактовать, какъ

это сдѣлано въ книгѣ г. Бороздина, въ формѣ бѣглыхъ, попутныхъ замѣчаній по поводу отдѣльных фактовъ. Напротивъ, избранная авторомъ тема неизбѣжно требовала обстоятельнаго изслѣдованія этого вопроса, въ такомъ изслѣдованіи, можно сказать, состояла основная научная задача, отерывавшаяся передъ авторомъ разсматриваемаго сочиненія. Устранившись отъ этой задачи, г. Бороздинъ отнялъ у своего произведенія значительную часть научнаго интереса. Выполненное авторомъ детальное описаніе жизни Аввакума, детальный разборъ его произведеній внесутъ конечно нѣкоторыя частныя поправки и дополненія въ предшествующую спеціальную литературу по соответствующимъ вопросамъ. Но этимъ и ограничится значеніе его труда. Въ изученіе собственно *раскола*, какъ одного изъ крупныхъ явленій въ исторіи умственной жизни русскаго общества, въ выясненіе причинъ его возникновенія—книга г. Бороздина не внесетъ новыхъ лучей свѣта.

Ал. Кизеветтеръ.

Проф. П. Гиро. Фюстель де-Куланжъ. Пер. А. Н. Чеботаревская (Научно-популярная библіотека «Русской Мысли»). М. 1898. Цѣна 50 коп. 208 стр.

Эта небольшая книга представляетъ живо написанную біографію и характеристику покойнаго французскаго историка, такъ много сдѣлавшаго для выработки историческихъ методовъ и для выясненія многихъ основныхъ вопросовъ древней и средневѣковой исторіи. Авторъ книги П. Гиро въ настоящее время извѣстный главнымъ образомъ изслѣдованіемъ соціально-экономическихъ явленій древности,—ученикъ Ф. де-Куланжа. Изложеніе книги показываетъ, что покойный былъ близокъ и дорогъ автору; это обстоятельство однако не мѣшаетъ безпристрастію изложенія, за то способствуетъ тому, что авторъ біографіи воспроизводитъ предъ читателемъ живой образъ Ф. де-Куланжа. Цѣнность очерка Гиро еще увеличивается вслѣдствіе того, что онъ эксплуатируетъ неизданныя письма и бумаги Ф. де-Куланжа, помѣщая нередко болѣе или менѣе значительныя извлеченія изъ нихъ. Книжка содержитъ не только біографію: она знакомитъ съ личностью Куланжа, съ основными идеями его историческихъ сочиненій, его методомъ, стилемъ, его педагогическими приѣмами, его политическими воззрѣніями. При такой широкой постановкѣ темы книга Гиро, знакомя съ Ф. де-Куланжемъ, даетъ немало матеріала для размышленій и по общео-историческимъ вопросамъ. Куланжъ затрогивалъ столь важные вопросы историко-общественныхъ наукъ, что разборъ его сочиненій въ высшей степени способствуетъ расширенію историческаго міросозерцанія. Въ этой области Куланжъ является защитникомъ реального изслѣдованія, врагомъ всякой соціологической метафизики. Онъ не допускаетъ историческаго провиденціализма, мистическаго пониманія «народнаго духа», преувеличенія роли личности (Гиро, стр. 148—167). Правда, взгляды Ф. де-Куланжа относительно факторовъ соціальной эволюціи мѣнялись. Не всегда его анализъ шель одинаково глубоко. Отъ превознесенія роли религиозныхъ представленій, которымъ отличается «Cité antique», онъ доходитъ позднѣе почти до историческаго матеріализма. Нельзя не признать нѣсколько.

наивнымъ то объясненіе, которое самъ Куланжъ даетъ этому различію своихъ взглядовъ (Гиро, стр. 159). Но такъ или иначе взгляды Ф. де-Куланжа тяготѣли въ сторону реализма. Для характеристики его историческаго реализма очень интересно извлеченіе изъ неизданной его рукописи, помѣщенное у Гиро (стр. 111 прим.), гдѣ Куланжъ доказываетъ, что его не слѣдуетъ считать ни романистомъ, ни германистомъ. Интересныя замѣчанія найдетъ читатель на страницахъ, посвященныхъ взглядамъ Куланжа на историческій методъ, чему въ книгѣ Гиро отведена особая глава. Стоитъ отмѣтить здѣсь крайнюю нелюбовь Куланжа къ утвердившимся въ наукѣ мнѣніямъ, принимаемымъ безъ критики лишь потому, что они давно пущены въ оборотъ выдающимися учеными, но разсыпавшимися въ прахъ при попыткѣ провѣрить ихъ данными источника. Анализъ источниковъ для Куланжа всегда является фундаментомъ работы. Только опираясь на этотъ фундаментъ, можно пользоваться болѣе сложными методами, напр., историко-сравнительнымъ. Самый слогъ Ф. де-Куланжа отличается реализмомъ. Форма, говоритъ Гиро (стр. 183), служила у него только одеждой, а отнюдь не украшеніемъ мысли... Онъ повторяетъ, что, если человѣкъ пишетъ дурно, то это значитъ, что онъ неправильно мыслитъ. Онъ даже утверждалъ, что напыщенной декламаторской манерѣ писать весьма трудно согласоваться съ добросовѣстностью изслѣдованія и прямою сужденія".—Не меньшій интересъ представляютъ и воззрѣнія покойнаго профессора на задачи и характеръ преподаванія. Очень любопытны его замѣчанія о преимуществахъ чисто-научнаго преподаванія надъ профессиональной выучкой въ дѣлѣ подготовки преподавателей (Гиро, стр. 79). Эти слова Куланжа не мѣшаетъ принимать въ соображеніе теперь, когда у насъ много говорятъ о подготовкѣ преподавателей къ ихъ дѣлу. Симпатичною чертою Ф. де-Куланжа является его стремленіе выработать себѣ политическое міросозерцаніе на научной основѣ, хотя нельзя не признать, что его политическіе взгляды, изложенные у Гиро, иногда носятъ отпечатокъ кабинетнаго доктринерства.

Гиро не ограничивается простой передачей воззрѣній своего учителя. Онъ сопровождаетъ изложеніе своими критическими замѣчаніями. Иногда эти послѣднія мѣткі и правильны. Такова, наприм., оцѣнка, дѣлаемая Гиро (по поводу «La cité antique») роли религіознаго фактора въ древнемъ обществѣ (стр. 32). Но иногда критическія замѣчанія Гиро представляются нѣсколько поверхностными. Таковы, напр., его разсужденія о роли личности (стр. 154 Іс.), о задачахъ исторіи (стр. 118 ст.).

Во всякомъ случаѣ книга Гиро принадлежитъ къ числу такихъ книгъ, которыя читаются и съ интересомъ, и съ пользою и даютъ болѣе, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе.

Русскій переводъ сдѣланъ правильно и легкимъ языкомъ. Кое-какія неточности, впрочемъ, можно отмѣтить (напр. Вайцъ, благодаря неточности перевода, находится въ числѣ «второстепенныхъ историковъ») Внѣшность изданія вполне удовлетворительна.

М. М. Хвостовъ.

А. Черевкова. Очерки современной Японіи, съ 12 гравюрами, стр. 218 ц. 1 р. 50 к.

Д. Шрейдеръ. Страна восходящаго солнца. Разказы о японцахъ, съ рис., стр. 60, ц. 20 к.

Предъ нами двѣ книги о Японіи. Дѣйствительно, страна эта заслуживаетъ нашего особаго вниманія прежде всего потому что она теперь нашъ сосѣдъ и соперникъ, далѣе, потому, что она представляетъ весьма любопытную и единственную въ своемъ родѣ страну, которая съ наименьшимъ количествомъ внутренняго тренія сумѣла слить и совмѣстить національныя особенности своей жизни со всѣми безъ всякаго исключенія полезными плодами, предоставляемыми нынѣ живущему человѣчеству европейской цивилизаціей.

Трудно оцѣнить это явленіе по достоинству, еще труднѣе понять его, особенно намъ русскимъ. Самое изумительное—это быстрота, съ которою совершилось это превращеніе. Сорокъ лѣтъ тому назадъ Гончаровъ описалъ намъ японцевъ, жившихъ еще на прочномъ укладѣ своей своеобразной культуры и цивилизаціи, а всѣ современные путешественники описываютъ Японію какъ страну, вполне и навсегда усвоившую себѣ нашу цивилизацію. Для великаго народа (въ Японіи по переписи 1896 г. 44.312, 429 ж.) внѣдрить въ самобытную жизнь свою чужеземныя корни задача чрезвычайно трудная. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду пропасть, существующую между человѣкомъ крайняго востока Азіи и человѣкомъ крайняго запада Европы. Не только исторія, но вся донто-рическая эпоха раздѣляютъ ихъ. То, что у нихъ общее, скрыто въ глубокое туманѣ сѣдой древности. И тѣмъ не менѣе при первой встрѣчѣ они узнаютъ другъ друга, и одинъ съ легкостью воспринимаетъ отъ другого почти все, что послѣдній выработалъ вѣками тяжелаго физическаго и умственнаго труда, цѣной столькихъ страданій и потрясеній. Одежда, манеры, фабрики, заводы, желѣзныя дороги, школы, университеты, правительство, все воспринято, и тѣмъ не менѣе сквозь эти яркія чужеземныя заплатки просвѣчиваетъ прежній національный духъ, вся основа *своей* народной жизни. Переодѣвшись въ нѣмецкое платье, японецъ все же остался японцемъ. Эта удивительная способность усвоить чужое, не измѣнивъ своему, можетъ быть отчасти объяснена расовыми особенностями. Дѣйствительно, японцы—монголы. Монголы же сильно отличаются отъ насъ. Душа монгола не способна чувствовать такъ глубоко и сильно, какъ душа арія; умъ его ограниченнѣе и, главное, поверхностнѣе; въ немъ нѣтъ того творческаго начала, которое создаетъ великія религіозныя и философскія концепціи, останавливаясь наконецъ на глубоко-обдуманномъ и твердо-выработанномъ научномъ методѣ. Отсюда бѣдность внутренней жизни и сравнительное богатство и разнообразіе, хотя сопровождаемое мелочностью, жизни внѣшней; отсюда же упорный механический трудъ, разбивающійся на множество деталей и неспособный окинуть однимъ взглядомъ и постигнуть все значеніе своего единства. Вотъ почему великая монгольская раса не создала великихъ религій, великихъ общечеловѣческихъ философскихъ системъ и не внесла въ общечеловѣческое искусство, литературу и науку ничего такого, что могло бы послужить для міровой культуры новой точкой опоры, новой точкой исхо-

да. Этимъ же объясняется удивительный практическій духъ и переимчивость этой расы. Способность рѣшать простыя задачи практической жизни и успѣшно примѣнять эти рѣшенія въ своей дѣйствительности монголы доказывали не разъ. Понимая подъ словомъ «монголы» всю великую расу, охватывающую и западныя вѣтви ея (финны и тюрки) и заселяющую всю сѣверо-восточную и центральную Азію и сѣверо-восточную Европу, мы неизбежно включаемъ сюда и нашихъ финновъ. И не доказали ли жители Финляндіи, что они съ успѣхомъ усваиваютъ здравыя понятія, когда ихъ научаютъ имъ здраво и разумно, не представляютъ ли они подобіе своихъ отдаленныхъ восточныхъ родичей, перещеголявшихъ ихъ на пути усвоенія западной культуры. Конечно, для Японіи дѣло прививки западной цивилизаціи врядъ ли закончено, тѣмъ не менѣе можно сказать, что главныя трудности остались позади, и если этой странѣ угрожаютъ какія либо затрудненія, то затрудненія эти того же порядка, которыя съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе угнетаютъ Европу, и разрѣшеніе которыхъ уже не за горами.

Какъ нашъ сосѣдъ, Японія двойнѣ любопытна: съ одной стороны она живой укоръ намъ, съ другой стороны — угроза. Врядъ ли гдѣ существуетъ подобный культурный контрастъ, какъ на этомъ дальнемъ востоѣ. На материкѣ наша окраина (Приморская область) съ дикимъ и рѣдкимъ населеніемъ, а по ту сторону неширокаго моря поголовно грамотная цивилизованная страна. Но наша окраина пребываетъ въ своемъ состояніи, высасывая соки изъ метрополи, а Японія развивается на свои средства. Правда, это развитіе, такъ же, какъ и король великой державы, обходится ей дорого, но за то страна эта не развернула еще своихъ силъ въ полной мѣрѣ, а пертурбаціи, ожидающія сосѣдній Китай, сулятъ ей новую арену для приложенія своей предприимчивости. Но это дѣло будущаго.

Объ указанныя въ заголовкѣ книги посвящены Японіи. Г-жа Черевкова провела въ Японіи нѣсколько лѣтъ и совершила нѣсколько экскурсій внутрь страны. Описанія ея мѣстами довольно любопытны, но въ общемъ до такой степени поверхностны и мелочны, что не способны удовлетворить читателя, желающаго получить болѣе или менѣе полное представленіе объ этой интересной странѣ. Въ значительной части книги авторъ прямо скученъ, потому что голое, притомъ мелочное и лише кое разъясненій описаніе не развиваетъ, а подавляетъ любознательность. Мѣстами книга г-жи Черевковой напоминаетъ путеводитель, страшицы котораго нисколько не оживляютъ обычныхъ дорожныя приключенія. За то рисунки не дурны и часто характерны.

Небольшая книга г. Шрейдера даетъ, хотя и вкратцѣ, болѣе полное представленіе о странѣ и людяхъ. По размѣру и по цѣнѣ она предназначена, повидимому, для народа, но по характеру своего вялаго слога и изложенія она совершенно не соответствуетъ подобному типу изданій. Ей можно сдѣлать еще одинъ упрекъ: въ книгѣ много рисунковъ — это хорошо, но рисунки имѣютъ очень мало отношенія къ тексту; часть ихъ заимствована изъ старыхъ номеровъ «Всемирнаго Путешественника», куда они въ свое время перекочевали изъ нѣмецкаго журнала «Globus», часть взята изъ географической коллекціи Хирта. Картины первой кате-

горія устарѣли, напр. на стр. 28 есть картина, изображающая школу, въ которой учитель водворяетъ порядокъ среди своей аудиторіи палкой; можетъ быть это и было когда то. На стр. 6 изображенъ обрядъ официального почетнаго самоубійства (замѣнявшаго для знати казнь), называвшійся *саражири*; но во всей книгѣ нѣтъ даже единаго упоминанія о немъ, и такъ какъ *ни одинъ рисунокъ не имѣетъ подписи*, то картина эта буквально представляетъ загадку. Если картины заимствованы, то почему было не заимствовать и подписей?

Н. Березинъ.

Л. Коне. Вліяніе среды на организмы. Доцента зоологіи въ Нансійскомъ Университетѣ. Переводъ съ французскаго под. ред. В. К. Агафонова. Цѣна 40 к. Спб. 1898 г. Изданіе. Павленкова.

Книжка Коне написана съ цѣлью доказать наследственное вліяніе внѣшнихъ факторовъ на животный организмъ.

Правда, вліяніе это весьма ограничено, по утверженію автора.

«Но было-бы не благоразумно преувеличивать значеніе этихъ внѣшнихъ вліяній въ процессѣ образованіи видовъ, какъ то дѣлаетъ школа французскихъ и американскихъ неоламаркѣянцевъ, говоритъ онъ; только нѣкоторыя детали въ окраскѣ или въ формѣ могутъ быть приписаны прочному вліянію среды; главную же роль въ этомъ процессѣ играетъ, какъ то думаютъ чистые дарвинисты, естественный подборъ». (стр. 69).

Для доказательства своей мысли авторъ приводитъ цѣлую серію толково сгруппированныхъ наблюденій и опытовъ. Они читаются съ интересомъ, даже съ большимъ. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается недостаточно критическое отношеніе къ приводимымъ опытамъ. Такъ опыты Шманкевича (стр. 44) касательно превращенія одного вида рачковъ въ другой подѣ вліяніемъ измѣненія концентраціи морской воды, въ которой они воспитывались, безусловно нуждаются въ повѣркѣ. Шманкевичъ послѣ этого сдѣлалъ на одномъ изъ сѣздовъ еще одно ботаническое сообщеніе въ этомъ родѣ, но уже тогда ясно сказались явные признаки психическаго разстройства автора, разстройства, которое и сведо его преждевременно въ могилу. Опыты Юнга (стр. 48) надъ головастиками вопреки мнѣнію самого Юнга не признаются убѣдительнымъ доказательствомъ, что животная пища способствуетъ развитію самокъ въ потомствѣ болѣе, чѣмъ растительная.

Многое успѣло измѣниться со времени выхода книжки Коне, и она нуждалась-бы въ дополненіяхъ при переводѣ. Такъ опыты Мона (стр. 48), утверждавшаго, что на появленіе пола у животныхъ можетъ вліять и температура, опровергнуты Нусбаумомъ (см. изъ области знаній Образование, октябрь 1898). Возникла цѣлая литература касательно вліянія температуры на развитіе окраски у бабочекъ и т. л.

Точно также на стр. 8 приводятся данныя относительно измѣненія желудка чайки и голубей подѣ вліяніемъ пищи и цитируется опытъ Гольмгрена относительно того, что голуби, если ихъ кормить мясомъ, приобретаютъ строеніе желудка, свойственное хищнымъ птицамъ. Эти опыты были проверены въ 1896 г. Брандесомъ и онъ получилъ отрицательные результаты. Строеніе желудка чайки вообще очень варьируетъ, незави-

симо отъ пищи, а у голубей — никакого особеннаго измѣненія пища не вызываетъ. Интересно, что опыты Гольмгрена тоже дали отрицательные результаты. Только тѣмъ обстоятельствомъ, что эти опыты были описаны на мало распространенномъ языкѣ можно объяснить, что Земперъ приписалъ Гольмгрелю ошибкой совершенно противоположные результаты, чѣмъ тѣ, къ которымъ онъ пришелъ. Изъ книги Земпера эта ошибка попала во всѣ книжки, толкующія объ этомъ вопросѣ, въ томъ числѣ и въ книжку Кено. Книжка Кено вышла довольно давно, но разъ она переиздается, хотя-бы и на другомъ языкѣ, необходимо подобныя неточности устранить.

Но главный недостатокъ аргументаціи Кено, какъ и всѣхъ защитниковъ наследственнаго вліянія вѣншихъ факторовъ на организмы— это одностороннее толкованіе приводимыхъ ими опытовъ и наблюдений. Дѣло въ томъ, что, вопервыхъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ не было доказано *наследственной* передачи потомству приобретенныхъ этимъ путемъ признаковъ, и во вторыхъ, когда это, повидимому, и имѣло мѣсто, то объяснить эту передачу одинаково возможно и на почвѣ подбора. Возьмемъ примѣръ. Опыты Пультона (стр. 9—10) показали, что гусеницы бабочекъ принимаютъ ту или другую окраску въ зависимости отъ того, содержатъ ли хлорофиллъ листья, идущіе въ пищу или нѣтъ. Въ другихъ случаяхъ, было показано, что вліяетъ не составъ пищи, а ея цвѣтъ, причемъ не черезъ зрительныя впечатлѣнія, а реагируя прямо на кожу. Вопервыхъ, нѣтъ никакого доказательства, что цвѣтъ гусеницы, приобретенный ею вслѣдствіе состава или окраски пищи, можетъ передаваться слѣдующему поколѣнію. Во вторыхъ, мы можемъ подойти къ вопросу совершенно съ другой стороны, какъ это и сдѣлалъ Уоллесъ. Передается гусеницей потомству вышедшей изъ нея бабочки не самая окраска, а *способность видоизмѣнять эту окраску подѣ вліяніемъ окраски пищи или среды*. Способность эта можетъ быть полезной для гусеницы, такъ какъ дѣлаетъ ее незамѣтной среди листьевъ, которую она покидаетъ, и слѣд. можетъ регулироваться подборомъ.

Правъ или не правъ Уоллесъ, примѣняя это толкованіе,—это вопросъ другой, но разъ возможны два объясненія одного и того же факта, то онъ уже теряетъ характеръ несокрушимаго аргумента. Вотъ эта-то сторона вопроса совершенно опущена изъ виду Кено, а равно и многими другими біологами неоламаркистскаго направленія. Переводъ сдѣланъ недурно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ шероховатостей.

По массѣ сообщаемыхъ фактовъ и умѣлой группировкѣ ихъ книжка заслуживаетъ полнаго вниманія русскихъ читателей, но при этомъ надо помнить, что факты освѣщены иногда неполно или односторонне. Да и вообще по части освѣщенія фактовъ Кено не въ мѣру скупъ и сдержанъ. Изданіе весьма опрятное.

проф. В. Шимкевичъ.

Ложель. «Что такое жизнь». Популярно-научные очерки возникновения и развития на землѣ жизни. Переводъ съ франц. Н. Гончаровой и А. Орлова. Всеобщая бібліотека. Изд. Ф. Югансона. Кіевъ-Харьковъ. Цѣна 30 к.

Для популяризаціи мало однихъ только передовыхъ взглядовъ, разнообразной начитанности и бойкаго языка. Нужно прочное, критическое знаніе,—нужна школа. Это мы говорили по поводу популярной биологій г. Лункевича, а книжечка г. Ложеля производитъ тоже самое впечатлѣніе, что и произведение нашего біолога.

Авторъ читаль и довольно много, не лишентъ и нѣкоторыхъ познаній и въ области философіи, но все-таки его литературныя свѣдѣнія не идутъ далѣе знакомства съ французскими авторитетами добраго прошлаго времени, когда Франція стояла еще во главѣ умственнаго движенія Европы. Но вѣдь съ тѣхъ поръ создалась громадная нѣмецкая естественно-историческая литература, и получила широкое развитіе—англійская, и все это несуществуетъ для нашего автора. Поэтому его фактическій балластъ не только леговъ, но и состоитъ по большей части, изъ безусловно устарѣвшихъ и невѣрныхъ данныхъ. Не имѣя подъ рукой подлинника, можетъ быть, я нѣкоторыя неточности перевода отнесу и насчетъ автора, но въ сущности это не такъ важно, такъ какъ нѣкоторыя ошибки, безусловно принадлежащія автору, настолько крупны, что грѣхи переводчиковъ не особенно ихъ увеличатъ.

На стр. 237 читаемъ: «инфузоріи, производящія у овецъ болѣзнь верченія, это ужасное побданіе мозга паразитами, зародились также въ другомъ мѣстѣ (гдѣ?—не объяснено)». Кому-бы ни принадлежало открытіе инфузорій въ мозгу овецъ, автору или переводчикамъ—оно одинаково нелѣпо. Дѣло идетъ, вѣроятно, о ленточныхъ глистахъ, которые также похожи на инфузорій, какъ сама овца на глисту. Дальше на той же страницѣ: «Инфузоріи какъ доказалъ это Баландини (?!), снабжены органами размноженія. Органы эти, по мнѣнію Ламарка, находятся у гидры, медузы и многихъ другихъ». Допустимъ, что гг. переводчики изъ имени весьма извѣстнаго зоолога Бальбиани сдѣлали Баландини, но курьезъ въ томъ, что авторъ для доказательства существованія органовъ размноженія у всѣхъ животныхъ считаетъ нужнымъ сослаться на авторитетъ Ламарка. Въ прошломъ столѣтіи, когда свѣдѣнія о размноженіи животныхъ были сбивчивы и неясны, такая ссылка была-бы умѣстна, но теперь, пожалуй, она излишня и курьезна. Но главное то, что ссылка на наблюденія квази-Баландини уже совсѣмъ не умѣстна, такъ какъ его воззрѣнія на размноженіе инфузорій давнымъ давно оставлены и опровергнуты. Неудивительно поэтому, что говоря о классификаціи животныхъ, авторъ не идетъ далѣе Кювье и Бэра. Для 1898 года—это немножко запоздалыя данныя.

Неудивительно послѣ этого, что авторъ на стр. 201. провозглашаетъ авторитетомъ въ области сравнительной анатоміи г. Ларте, но это уже чисто патріотическая любезность.

Можетъ быть, если литературныя данныя г. Ложель поотстали, то онъ покрайней мѣрѣ силенъ въ общихъ соображеніяхъ? Нѣтъ, на стр. 169. онъ повторяетъ ходячее возраженіе, дѣлаемое Дарвину относительно

роли такъ наз. *случайныхъ* измѣненій организмъ при образованіи видовъ и совершенно не понимаетъ, что Дарвинъ разумѣлъ подъ словомъ «случай». На стр. 175—онъ уже поднимаетъ тонъ и храбро заявляетъ: «отрицая всѣ перевороты на земномъ шарѣ, геологія, по моему мнѣнію, идетъ по ложной дорогѣ. Разсматривая природу по частямъ, она не видитъ ея въ ея цѣломъ. Разрываютъ холмики, чтобы найти тамъ остатки животныхъ, и совершенно забываютъ горы».

Совершенно тотъ-же тонъ и тоже отношеніе къ наукѣ, какъ у г. Дункевича. Люди столѣтіями работаютъ, создаютъ постепеннымъ и упорнымъ трудомъ научное зданіе, а тутъ является съ вѣтру господинъ прочитавшій два десятка книжекъ, и объявляетъ: «все-то вы глупости дѣлаете; послушали бы лучше меня. Никакихъ холмиковъ рыть не надо, прочитайте-ка нѣсколько книгъ, да и рѣшайте все съ плеча». Неудобно ли посмотрѣть, что толкуетъ г. Ложель на стр. 79 относительно физиологіи нервной системы. Онъ вездѣ дома и вездѣ самобытенъ. Про философію и говорить нечего. Тамъ авторъ совсѣмъ свой человекъ. Такое отношеніе, лицу уважающему науку, не можетъ не показаться возмутительнымъ.

Зато сколько поэзіи и вдохновенія у автора: «Любимая женщина не должна имѣть изумрудовъ, сапфировъ, рубиновъ, всѣхъ этихъ жестыныхъ и холодныхъ камней, научаетъ авторъ на стр. 11. Изъ ея глазъ льется свѣтъ нѣжниѣ, чѣмъ опаль и блестяще, чѣмъ бриллиантъ. Золотыя кольца эти символы рабства. не должны жечь ея руки». Не говоря уже о томъ, что можно носить кольца, не подвергая ихъ предварительному нагрѣванію, какъ это въ большинствѣ случаевъ, кажется, и дѣлаютъ, причемъ же тутъ вопросъ: что такое жизнь?—поставленный на заглавномъ листѣ книги. Господа переводчики также, повидимому, не мало потрудились, чтобы сдѣлать книгу мѣстами довольно нелѣпой. Такъ на стр. 217. сообщается, что у человекъ «черепъ вырастаетъ», начиная съ дѣтства до возмужалости отъ 115 до 170 сантиметровъ (вѣроятно, надо сказать что объемъ черепа увеличивается на 115—170 куб. сант.). «У обезьянъ онъ за это время совсѣмъ не увеличивается (читаемъ тамъ-же) и даже, что особенно оригинально, уменьшается». Это уже дѣйствительно оригинально! Неужели господа переводчики не поняли, что рѣчь идетъ (я такъ, предполагаю) объ относительной величинѣ черепа, а не абсолютной, и что въ приведенной формѣ эта фраза чистѣйшая нелѣпость. Или не угодно ли понять смыслъ слѣдующей подчеркнутой мною фразы (на стр. 170)

«Человѣкъ, это не только Адамъ, это—Адамъ и Ева. *Варіации плодотвореннаго элемента могутъ все болѣе и болѣе размножаться*».

Оказывается, что и для перевода не мѣшаютъ кое-какія познанія, и что переводчикъ не можетъ передать точно фразы, которой смысла онъ не понимаетъ. Интересно также спросить переводчиковъ, думаютъ-ли они что авторъ дѣйствительно отвѣтилъ на вопросъ, что такое жизнь, и чѣмъ они руководились, выбирая для перевода именно книжечку г. Ложеля?

проф. В. Шимкевичъ.

Проф. А. П. Павловъ. Морское дно съ 43 рисунками и 2 роскошными картинками. Изд. журнала «Миръ Божій» СПб. 1898 г. ц. 60 к.

Проф. Павловъ знакомитъ читателей съ строеніемъ морского дна. Такъ какъ дно морское главнымъ образомъ выстлано осадками наименѣе разрушаемыхъ частей животныхъ и растений, то естественно, что онъ начинаетъ съ ознакомленія читателя съ нѣкоторыми представителями морского населенія и со способами изслѣдованія морского дна. Что касается до послѣднихъ, то пр. Павловъ даетъ описаніе только одного снаряда—лота (или точнѣе зонда) Брука, а что касается до ознакомленія читателя съ животнымъ населеніемъ моря, то оно могло бы и не имѣть нѣкоторыхъ довольно курьезныхъ ошибокъ. Какъ зоологамъ, такъ и геологамъ хорошо извѣстно, конечно, одна многокамерная корненожка—Globigera. Извѣстно всѣмъ, что она имѣетъ известковую раковину, чрезъ поры которой выпускаетъ отростки—псейдоподіи, и до сихъ поръ никто не находилъ глобигеринъ съ иглами поверхъ раковины. Но по увѣреніямъ проф. Павлова, отъ раковины глобигеринъ отходятъ «во всѣ стороны тонкія и гибкія иглоочки» «Впрочемъ эти лучи скоро (т. е. когда же?) отпадаютъ и остается одна раковина».... (стр. 4). Мало того, проф. Павловъ на стр. 6 рисуетъ глобигерину, покрытую иглами, и глобигерину съ отпавшими иглами. А дѣло очень просто: ходячій рисунокъ глобигеринъ, выдаваемый г. Павловымъ за открытую имъ раковину съ иглами, на столько грубъ, что изображенные на немъ псейдоподіи были приняты г. Павловымъ за иглы. Нѣчто подобное наблюдалось у другой корненожки (Orbulina), но ни текстъ, ни рисунки г. Павлова къ ней относиться не могутъ, и вообще иглы у корненожекъ—явленіе совершенно исключительное.

Далѣе, относительно самаго тѣла, т. е. протоплазмы глобигеринъ, сообщается, что это «комочекъ живого бѣлого вещества» (стр. 5). Про радиоларій уже говорится, что ихъ протоплазма не однородна, а содержитъ «болѣе уплотненные комочки (ядра).» (стр. 7). Не въ правѣ ли читатель заключить, что протоплазма глобигеринъ не содержитъ ядеръ?... Можетъ быть, проф. Павловъ этого не думаетъ, но читатель легко можетъ это подумать.

Хотя свѣченіе животныхъ и не имѣетъ прямого отношенія къ темѣ г. Павлова но разъ онъ его затрогиваетъ, то слѣдовало-бы дать не только вѣднѣшнюю картину этого явленія, описывавшуюся многократно во многихъ популярныхъ книгахъ, но и взглянуть поглубже на вопросъ, а именно на его біологическую и фізіологическую сторону. Очеркъ-же, данный авторомъ, носитъ сбивчивый и поверхностный характеръ. Однако всѣ эти недостатки зоологическаго характера, а геологическая и палеонтологическая сторона разработаны весьма обстоятельно. Довольно подробный очеркъ посвященъ вопросу о коралловыхъ островахъ и приведены нѣкоторые сравнительно новыя данныя. Съ этой стороны брошюрка Павлова можетъ быть прочтена съ пользою. Таблицы (картинки, по терминологіи автора) и рисунки исполнены сносно, но не болѣе. Рис. 2 не имѣетъ собственно отношенія къ тексту, а рис. 5 непонятенъ для лица незнакомаго съ діатомовыми водорослями, которыхъ онъ изображаетъ, и лишень объяснительнаго текста.

Проф. В. Шимкевичъ.

Библиотека «Дѣтскаго чтенія». Пумъ. Изъ исторій маленькаго мальчика. Поля и Виктора Маргерить. Пересказано съ франц. Е. Н. Тихомировой. М. 1898 г.

Пумъ—сынъ полковника, живетъ онъ въ большой холѣ и богатой обстановкѣ. «Среда», окружающая его, повидимому, весьма обычнаго «житейскаго» характера. Очень рано забавляютъ его крайне фантастическими сказками, отдають ему «въ полное распоряженіе круглый столъ» для игры въ солдатики. Онъ, кажется, отъ природы уже нѣсколько трусоватъ, тѣмъ не менѣе зачастую надъ нимъ шутятъ, пугая болѣе или менѣе остроумными цѣльностями. «Злой гений» Пума кузень Стефъ. «Никто не умѣлъ такъ хорошо, какъ Стефъ, нарядиться дикимъ» или «привидѣнемъ»; никто не умѣлъ такъ хорошо, какъ Стефъ, передразнить грубый голосъ продавца или «дудука», который приходитъ за маленькими дѣтми». «На охотѣ» Пуму описываютъ страшное чудовище, которое изрыгаетъ лягушекъ при каждомъ дыханіи, питается огнемъ, и взглядъ его глазъ, какъ молнія, убиваетъ каждаго, кто къ нему приближается». Пуму было предложено посадить за столъ съ «большими», изъ за того только, что иначе собралось-бы тринадцать человѣкъ. Дѣдушка и Пумъ между прочимъ развлекаются «балаганомъ». «Въ самыхъ интересныхъ мѣстахъ, когда будочникъ бьетъ палкой Петрушку, или когда схватываетъ (хватаетъ?) Петрушку за носъ, Пумъ толкаетъ дѣдушку», и пр. Въ «Зоологическомъ саду» Пумъ опять со Стефомъ-же, и тотъ поучаетъ его такимъ диковинкамъ, что мальчикъ, «о безумѣ въ отъстраха, со всѣхъ ногъ бросился бѣжать, оглашаявоздухъ отчаянными криками». Эти указанія наши, надѣмся, достаточно ясно очерчиваютъ «внутреннее» содержаніе исторіи Пума, ея «идейный» матеріалъ. Пересказано все это и граціозно, и првесело, заразительно весело, безъ всякихъ ужъ „декадентскихъ“ рефлексій, съ бодростью и жизнерадостностью, хочется сказать, прямо—зоологическою. Очень немногими чертами обозначенная, напр., бабушка Теодора—настоящій талантливый каррикатурный портретъ. Стычка Пума съ мальчикомъ де-Трассуаромъ изъ за ревности въ дѣвчкѣ Сеттѣ—весьма искусно воспроизведенный эпизодъ изъ . . бульварнаго романа. Книжка издана прекрасно, картинки недурныя, русское переложеніе сдѣлано не безъ мастерства, цѣна поставлена совсѣмъ уже не дорогая—всего 35 коп. И все же мы въ недоумѣніи: чѣмъ руководствовалась редакція «Дѣтскаго Чтенія», предлагая русской публикѣ подобный «поэтический» ..калейдоскопъ.. калейдоскопъ болтовни—пошловатой и не всегда опрятной? Развѣ такое «легкое чтеніе»—какая нибудь посредствующая ступень? Развѣ иные «любители чтенія» чѣмъ-нибудь выше Гоголевскаго Петрушки? Развѣ мы поминали Бѣлинскаго для того, чтобы въ вопросѣ о дѣтскомъ чтеніи—опять начать сказку про бѣлаго быка? Пускай г. Цоль и Викторъ Маргерить пишутъ бойко, красно, остро; пускай они поэтизируютъ—хотя-бы людскую и тупость, и суетвѣрія, и низменные наши инстинкты, но какое до этого дѣло—русскимъ дѣтямъ?

Библиотека «Дѣтскаго Чтенія». Два таланта Повѣсть И. Н. Потапенко М. 1898.

Что такое талантъ; каковы нормальныя условія его зарожденія и цвѣтенія; насколько неразлученъ онъ съ самымъ высپرненнымъ и словно

мучительнымъ тщеславіемъ! нелегіе все это вопросы. И посейчасъ на нихъ не найдете мало-мальски опредѣлительныхъ отвѣтовъ ни въ психофизиологіи, ни въ просто психологіи или въ такъ называемой метафизикѣ, ни у теоретиковъ эстетики, ни въ этикѣ. А пожалуй, еще затруднительнѣе возсоздать этотъ феноменъ въ его движеніи—путемъ поэтическихъ образовъ. Самые сильные художники со склонностью къ «психологическому анализу», рисуя намъ личность, характеръ, душу героя, только попутно занимались подобною деликатною темою. Процессъ развитія страсти, идеи, практическаго замысла—гораздо удобнѣе поддается изображенію, нежели исторія талантивности, очень сложнаго конкретнаго факта. Въ концѣ концовъ, всѣ искусства своего рода символика. И символизировать смутное, неуловимое явленіе—талантъ—задача, мало кому сподручная. Тѣмъ болѣе такіе сюжеты не идутъ для «дѣтскаго» чтенія. Пускай дѣти наблюдаютъ и изучаютъ дѣйствительность съ разныхъ ея сторонъ, пускай размышляютъ и надъ тѣмъ, что далеко неясно и не просто. Но книжная, и особливо беллетристическая передача имъ жязни—требуетъ прежде всего осмотрительности. Читая «повѣсть», юнецъ иной разъ впервые задумывается надъ тѣмъ или другимъ жизненнымъ факторомъ—и вы отвѣчаете за тусклость или кривизну предложеннаго зеркала.

Прилагаю-же, такъ сказать, настоящую, не игрушечную мѣрку въ разсказу г. Потапенки, мы отчетливо видимъ пробѣлы творчества. Нѣтъ художественной яркости, рельефности или цѣльности въ воспроизведеніи роста таланта. Нѣтъ и внушительной правды дѣйствующаго реализма письма. Даже разсужденія дѣйствующихъ лицъ о талантѣ едва-ли остроумны: «Что такое талантъ? Это корзинка, шкатулка.. Можно напихать туда негодный соръ, и тогда она ничего не стоитъ, а можно наложить въ нее жемчужовъ и алмазовъ, тогда она стоитъ очень дорого»... Образъ—довольно натянутый. Талантъ скорѣе всего сила, а не форма; формы продуктъ этой силы. Этические и эстетическія соотношенія въ талантѣ затронуты авторомъ какъ-то двойственно. Впрочемъ, беллетристику г. Потапенки можно опѣивать и, пользуясь инымъ (старымъ, вѣчно юнымъ еще) мѣриломъ—дидактическимъ. «Два таланта» у Потапенки это два юныхъ скрипача. Одинъ сынъ садовника-нѣнца—Германъ. О немъ учитель такъ высказывается: «Германъ скромный. Но Германъ имѣетъ свой талантъ, которымъ онъ много возьметъ, онъ умѣетъ работать и терпѣть. И Германъ съ этимъ далеко пойдетъ». Другой молодой артистъ—Шубинъ, сынъ управляющаго. Онъ «геніальный» мальчикъ. О немъ заговорили во всемъ городѣ. «Надо замѣтить, что изъ публики, рѣшительно никто не слышалъ, какъ играетъ девятилѣтній Павелъ Шубинъ, но объ этомъ такъ много кричали, что всѣ чувствовали себя такъ, какъ будто слышали и восхищались. «Павелъ Шубинъ» эти слова были напечатаны на афишахъ огромными буквами, они повторялись въ гостинныхъ, въ простыхъ домахъ и на улицѣ. Павелъ Шубинъ уже сталъ гордостью губернскаго города, который считалъ его своимъ питомцемъ».

Послѣ шумныхъ успѣховъ на губернскомъ публичномъ концертѣ Павелъ совсѣмъ возгордился и пересталъ окончательно работать. Но въ консерваторіи Германа похвалили и приняли; а Павлу отказали. Честный и трудо-

любивый пѣмецъ, однако, умиротворилъ Шубина, и онъ сознается въ своихъ недостаткахъ вообще и въ крайнемъ сомнѣнн въ частности. Въ концѣ концовъ, разумѣется, подготовившись, и Павелъ благополучно поступаетъ въ консерваторію для блистательной карьеры. Словомъ, повѣсть г. Потапенки написана на «тезисъ», какъ говорятъ французы. Передъ читателемъ проходятъ и необычныя настроенія еще семилѣтняго мальчика, когда онъ «сливался съ природою», когда ему казалось, что онъ мотылекъ, и рыба, и птица, и листокъ камыша, и зеленая трава, и бѣлое облачко, плывущее по небу». (Припоминая свою собственную внутрешнюю исторію, читатель согласится скорѣе, что ребенокъ, раскрывшая самосознаніе, именно отъ и ч а е т ъ прежде всего себя отъ окружающаго міра—пѣтается мысленно ориентироваться въ непонятномъ и н о ж е с т в ѣ). И отыскиваніе струнъ въ душѣ, струнъ, „отеликающихся“ на звуки скрипки, и это знакомое, слишкомъ знакомое живописаніе «священнаго огня», который «дается только немногимъ, только избранныкамъ» эти «художественные» подходы къ дидактической цѣли сдѣланы у автора довольно блѣдно «сдѣланы». Понадобились ему тутъ чересчуръ эффектныя, экстраординарныя краски. Германъ изумительно самоотверженный поклонникъ рѣдкаго таланта. Еще почти мальчикъ, онъ не имѣетъ никакихъ личныхъ страстей или страстишекъ и съ мудростью старца обсуждаетъ напередъ всю жизнь своего пріятели—генія.

Популярный среди мѣстнаго общества, старикъ учитель Германа, на колѣняхъ умоляетъ Шубина не губить своего дарованія—участіемъ въ концертѣ. Заключительныя рѣчи героя годны даже и для мелодрамы: «Германъ, я буду работать день и ночь! Я буду всю жизнь работать! Германъ, я дрянный, гадкій мальчишка, а вы—у васъ такое славное сердце! Я буду всю жизнь на васъ молиться» и пр. Такой повышенный тонъ взятъ авторомъ, впрочемъ, не сразу. Слово для разнообразія въ первыхъ главахъ повѣсти г. Потапенко держится какъ-то юмористически: мало симпатично для взрослыхъ, мало доступно для несовершеннолѣтнихъ. Незабвенный Бѣлинскій порадовался бы, что для дѣтей пишутъ патентованные литераторы. Но его завѣты—избытокъ насильственнаго дидактизма—не почтены авторомъ «Двухъ талантовъ». Трудиться всѣмъ нужно—такая «мораль басни», что говоритъ, одобрительна. Но въ данной «поэтической» формѣ она послужила не для творчества, а для одного только письменнаго «дѣланія», хотя бы и извѣстнаго писателя. Талантъ прежде всего носитъ человѣкъ и членъ общества. Такія отношенія въ сущности ничуть незатронуты авторомъ. А ихъ художественное представленіе было бы доступнѣе дѣтямъ, нежели «психологизмъ» автора, вдобавокъ еще смастеренный рѣзко—дидактически. Повѣсть и издана очень мило, и снабжена картинками приличными, и изложена гладко, ясно, живо; но этого мало, конечно, для того, вѣтъ гордятся иные дѣтскіе журналы и изданія.

А. Налимовъ.

Ил. Смирновъ. Школьные годы. Съ рисунками Литвиненко.
Москва 1898. Стр. 194. Ц. 80 коп.

«Школьные годы» г. Смирнова служатъ продолженіемъ его книги «Дѣтскіе годы», которая, какъ уже было говорено въ свое время, оставляетъ по себѣ пріятное впечатлѣніе и прочтена будетъ не безъ интереса дѣтми. Живымъ и симпатичнымъ языкомъ авторъ рисуетъ въ ней картины своего дѣтства со всѣми его радостями и печалами, занятіями и забавами дѣтства, проведеннаго на свободѣ въ провинціальномъ городкѣ. Во второй части книги «Школьные годы» авторъ раскрываетъ передъ читателемъ уже другой міръ, а именно школьный. Мы видимъ героя отправляющимся въ гимназію на пріемный экзаменъ для поступленія въ первый, т.-е. младшій классъ. Благополучно выдержавъ испытаніе, мальчикъ вступаетъ уже въ новую жизнь. Не безъ интереса прослѣдить юный читатель за всѣми перипетіями знакомой ему въ большинствѣ случаевъ школьной жизни и обстановки и за всѣми перемѣнами, происходившими по мѣрѣ перехода героя разсказа изъ класса въ классъ въ его взглядахъ, стремленіяхъ и убѣжденіяхъ. И надо отдать ему справедливость, онъ самъ очерчиваетъ себя вполне откровенно, раскрывая всѣ недостатки и достоинства своего характера и поведенія.

По изложенію вторая часть нисколько не отличается отъ первой: тотъ же спокойный ровный тонъ разсказа, который ведется отъ перваго лица, и та же манера въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ и описаніяхъ природы.

Внѣшній видъ изданія вполне приличенъ, хотя рисунки носятъ нѣсколько «старомодный» характеръ.

М. Васильевъ. Изъ природы. Разсказы и сказки изъ жизни и природы, для дѣтей младшаго возраста съ 40 рисунками въ текстѣ.
Москва 1898 г. Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина. Стр. 48.
Ц. 30 коп.

Передъ нами только что вышедшая книжечка М. Васильева «Изъ природы» для дѣтей младшаго возраста. «Младшій возрастъ» для нашихъ дѣтскихъ авторовъ самое больное мѣсто, и литература для маленькихъ дѣтей далеко не можетъ похвастаться обиліемъ достойныхъ произведеній; но все же изъ этого не слѣдуетъ, чтобы угощать малышей такимъ вздоромъ, какой представляютъ изъ себя эти двѣнадцать безсодержательныхъ разсказцевъ. Сорока, укравшая у галки «чашечку блестушечку», лиса, испуганная стадомъ гусей, ворона, испуганная лисой, синичка, выпущенная добродѣтельнымъ мальчикомъ на свободу,—вотъ сюжеты для разсказовъ изъ «природы». Сказка «Отчего волки злы» прямо взята авторомъ изъ какой-то хрестоматіи, да и всѣ вообще разсказы оставляютъ впечатлѣніе искусственно пристегнутыхъ къ заранѣе приготовленнымъ рисункамъ. Правда, этихъ рисунковъ сорокъ на сорокъ восемь страницъ книжечки, и при другихъ обстоятельствахъ такое обиліе иллюстрацій сдѣлало бы книжечку привлекательной хоть съ наружной то стороны для маленькаго читателя, но иллюстраціи эти столько разъ встрѣчались на страницахъ не только изданій самого г. Клюкина, но и другихъ, болѣе

распространенных книжекъ, что ребенокъ не заинтересуется даже и ими. Не можемъ не отмѣтить также довольно грубыхъ орфографическихъ ошибокъ, встрѣчающихся въ книжкѣ, присутствіе которыхъ вовсе не желательно въ книгахъ вообще, а въ дѣтскихъ—въ особенности.

О. Лорисъ-Меликова.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Исторія Философіи. **А. Фуллье**. Пер. Николаева. Изд. 2-ое Ефимова Ц. 2р 50 к.

«Сны». **Вл. Немировичъ - Данченко**. Изд. 2-ое Ефимова. Москва. 1898 г.

Учебникъ Ариметики. **М. В. Клименко**. Часть 1-ая. Цѣлыя числа. Полтава 1898 г. Ц. 50 к.

«Волшебный фонарь и его примѣненіе при публичныхъ лекціяхъ при преподаваніи и для препровожденія времени». Составилъ **Буяковичъ**. Изд. Щепанскаго. Ц. 1 р. 1898 г.

«Химія жизни и здоровья. **Кимминсъ**. Перев. подъ редакціи проф. Тимоеева. Изд. Сабашниковыхъ. Москва. 1899 г.

Труды комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ. Выпускъ 1-ый С.-Петербургъ 1898 г.

Отчетъ общества взаимнаго вспоможенія учителямъ и учительн. народн. учил. СПб. губери. СПб. 1898 г.

Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ Проф. **Бокъ**. Пер. съ нѣм. подъ редакц. докт. Орѣчкина. Т. I. Половина I. Изд. Щепанскаго. СПб. 1898 г. Подписн. Ц. 4 р.

Новыя Англосаксонскія общества. Австр. и Новая [Зеландія. Южн. Африка. **Пьеръ Леруа - Волье**. Пер. съ франц. Изд. Пантелѣва. СПб. 1898 г.

Исторія новой философіи. **Ибервегъ Гейнце**, пер. съ нѣмецкаго Колубовскаго выпуска I. Изд. Пантелѣва. СПб. 1898 г.

Указатель числа арием. дѣйств. необход. для рѣш. кажд. задачи сборника Евтушевскаго часть I **Маджи**. Тобольскъ 1895 г.

Матросы ворабля Надежда. **Сѣрошевскаго**. Изд. О. Н. Поповой СПб. 1899 г. Ц. 35 к.

Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ Великая пустыня. Описаніе Сахары, **Круковская**. Изд. О. Н. Поповой СПб. 1899 г. Ц. 40 к.

Капиталъ Карла Маркса. Томъ I. Выпускъ I пер. съ нѣмец. подъ редакц. П. Струве Изд. О. Н. Поповой СПБ. 1899 г. Ц. за оба выпуска 3 р.

Ріенци. Послѣдній изъ римскихъ трибуновъ. Романъ. Эдв. Бульвера - Литтона. Пер. съ англ. С. А. Гулишамбаровою. Изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1898 г. Ц. 1 р.

Отчетъ о дѣятельности комиссін по составленію коллекцій гнѣвныхъ картинъ за 1897 г. Москва. 1898 г.

Критика научныхъ и художеств. ученій Гр. Толстого. Н. К. Энгельмейера. Москва 1898 г. Ц. 85 к.

Путь къ истинѣ. Изреченія Буддійской нравственной мудрости. Переводъ Герасимова. Москва 1898 г. Ц. 60 к.

Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства. Вюхера. Переводъ съ нѣмец. подъ редакц. Дена. Изд. Водовозовой СПБ. 1898 г. цѣна 60 к.

Отчетъ о дѣятельности комис. по устрой. нар. чтеній въ Томскѣ за 1897—8. Сост. секрет. комиссін В. А. Игнатьевымъ. Томскъ 1898 г.

Вольтеръ по Колина, Ваннеру, Штраусу и др. пер. съ нѣм. Андреева. Редакт. Протопопова. Изд. товарищества «Знаніе» СПБ. 1899 г. Цѣна 1 р.

Журналы засѣданій Александрійскаго уѣднаго Земскаго Собранія Херсонской губ. Майской XXXIV очередной сессіи 1898 г. Александрія. 1898 г.

Перепись учащихся въ однокл. земскихъ школахъ Александрійскаго уѣзда въ 1898 г. Александрія 1898 г.

О прогрессѣ. П. Виноградова. Москва 1898 г. Ц. 30 к.

На пути къ счастью. В. Немировича Данченко. Ром. въ 2-хъ частяхъ Изд. Маркса. СПБ. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

Система логики Милла. Переводъ съ англійск. подъ редакц. Ивановскаго выпуска V. Изд. магазина «Книжное дѣло». Москва 1898 г.

Монтескье А. Сореля. Переводъ съ франц. подъ ред. П. Виноградова Изд. магаз. «Книжное дѣло». Москва Ц. 40 к.

Гигіеническое лѣченіе неврастеніи А Proust и G. Ballet пер. съ франц. Петрушневича. Изд. маг. «Книжное дѣло». Москва. Ц. 1 р.

Иллюстрированная исторія религій. Ивантели - де - ла Соссей переводъ съ нѣм. подъ ред. Линдъ. Вып. VI. Изд. маг. «Книжное дѣло» Москва 1898 г.

Мимочка. В. Микуличъ. Изд. II Ц. 1 р. 1898 г.

Зарницы. " " Изд. II Ц. 1 р.

Черемуха. " " Рассказы Ц. 1 р.

Исторія земли Проф. Неймайра. Перев. Ламанскаго и Нечаева подъ ред. проф. Иностранцева. Ц. за всѣ 30 вып. по подпискѣ 12 р. 80 к. СПБ. 1897 г.

Братская помощь Армянамъ. Литерат. научный сборникъ. 2-ое Изд. Москва 1898 г.

К. Гильти. Популярныя очерки по нравств. философ. пер. Гольдмерштейна. СПБ. 1898 г. Ц. 50 к.

Развитіе силы и нарощеніе мышцъ гирями. Проф. Гаррисона СПБ. 1898 г. Ц. 35 к.

Воспитательное значеніе литературы. Дж. Морлея. Перев. съ англ. Гольдмерштейнъ. СПБ. 1898 г. Ц. 15 к.

Любовь съ психологической точки зрѣнія проф. Данвилль. Пер. съ франц. Гольдмерштейна. СПБ. 1899 г. Ц. 60 к.

Заграничные наброски. И. Ингеницкій. Ц. 50 к. СПБ. 1898 г.

Въ защиту искусства. Вальтеръ. СПБ. 1898 Ц. 40 коп.

Практическая Зоотомія. Вып. I. сост. П. Беркосъ и И. Ингеницкій. СПБ. 1898 г. Ц. 50 к.

Къ вопросу о матеріалистич. взглядѣ на исторію. А. Лабріола. Перев. съ франц. Изд. Березина и Семенова. Ц. 50 коп.

Учебникъ приуголинейной тригонометріи. Е. Кедрина. Изд. Тихомирова. Москва 1898 г. ц. 50 к.

Курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Галяшкинъ и Успенскій. М. 1898 г. Ц. 95 коп.

Каталогъ книгъ и учебныхъ пособій ученической и фундаментальной бібліотеки педагогическаго музея Ставропольской дирекціи народныхъ училищъ. Сост. Жилѣнко. Ставрополь 1898 г.

Современное естествознаніе и психологія. Фаминцынъ. Изд. жур. «Міръ Божій». СПБ. 1898 г. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 25 к.

Сборникъ аримет. зад. и прим. для нач. нар. учил. Выпускъ I. Сост. вружовъ учител. Московскихъ городск. школъ Изд. Тихомирова. Москва. 1898 г. Ц. 15 коп.

Поэты Финляндіи и Эстляндіи. Изд. подъ ред. Новича. С.-Петербур. 1898 г. Ц. 50 коп.

КНИЖНЫЙ ЛИСТОКЪ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

— Книгу: «Л. Ф. Германъ, д-ръ. Заслуги женщины въ дѣлѣ ухода за больными и ранеными. Харьковъ. 1897. Стр. 81. Цѣна не обозначена»— одобрить для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ женскихъ, такъ и мужскихъ.

— Книжку: «Л. А. Ребинна, врачъ. Элементарная гигиена и основы анатоміи и физиологіи. Руководство для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 20-ю рисунками. С.-Пб. 1898. Стр. 90. Цѣна не обозначена» — одобрить для ученическихъ библиотекъ преимущественно женскихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читальнъ.

— Брошюру: Dr. п. Меблусъ Болѣзни нервной системы. (Das Nervensystem des Menschen und seine Krankheiten). Переводъ съ вѣмецкаго В. Г. С.-Пб. 1896. («Международная библиотека» № 41). Изданіе I. Юровскаго. 48, 15 коп.—допустить: ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ платныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: «Руководство къ чтенію Новаго Завѣта. Посвящается выпускнымъ ученицамъ среднихъ учебныхъ заведеній Н. Д. Рейссыгъ. С.-Пб. 1898. 159. 60 коп.—допустить библиотеки мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: Русскій астрон(ическій календарь на 1898 годъ Нижегородскаго Кружка любителей физики и астрономіи. Подъ редакціей председателя общества С. Щербача. Съ приложеніемъ подвижной карты звѣзднаго неба и карты солнечнаго затмѣнія М. 1898. XII+217. 75 коп.—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: «М. Н. Катк Собраніе передовыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей (1833-87 г.), 25 томовъ. Изд. С. П. Катковой. М. 1887—1898. Цѣна 75 р.—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительскихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ семинарій и городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читальнъ и библиотекъ, но съ тѣмъ, чтобы уплата денегъ за изданіе могла бы быть ссрочена для тѣхъ учебныхъ заведеній, которыя затруднились бы пріести ее одновременно.

— Книгу: «Вюильменъ, профессоръ медицинскаго факультета въ Нанси. Біологія растений. Переводъ А. Петровскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. К. А. Тимма. М. 1897. 200+II. Цѣна 50 коп.» одобрить для учительскихъ библиотекъ реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Брошюрку: «Крестре разоренье. (Бесѣда о сибирской язвѣ на скотѣ). Я. Я. Полферова. С.-Пб. 1897. Стр. 16. (Издано министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для разграниченія среди крестьянскаго населенія путемъ бесплатной раздачі допустить въ ученическія библиотеки народныхъ училищъ, въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ читальнъ).

— Брошюру: «Лшуряница, рыбнокопытная или афтозная болѣзнь». Составилъ Ф. А. Савинъ, ветеринарный врачъ Саратовскаго губернскаго земства. Съ рисунками. С.-Пб. 1897. Стр. 16. 10 коп. (Изданіе журнала «Деревня») — допустить въ библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Журналъ: Ветеринарный фельдшеръ. Общедоступный журналъ для сельскихъ жителей и городскихъ фельдшеровъ. Изданіе Общества ветеринарныхъ врачей Петербурга. 1897. Годъ 1-й. №№ 1—12 (съ

2 приложеніями къ №№ 4 и 5). Стр. 352. Цѣна въ годъ 2 р. 20 коп. съ пересылкою—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Изданныя Н. Аскархановымъ книги: 1) «Сказки Музеуса (Рюбецаль). I. Оруженосцы Роланда. Волшебница ручья. Искатель влады. Рахильда. Съ 4 хромолитографіями. Переработалъ для дѣтей д-ръ Ф. Мюллеръ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Линдегрень. С.-Пб. Стр. 182. Цѣна 1 руб.» 2) «Сказки Музеуса (Рюбецаль). II. Францъ Бременскій. Любуша. Мелексала. Легенда о Рюбецаль. Съ 4 хромолитографіями. Переработалъ для дѣтей д-ръ Ф. Мюллеръ. Перевелъ съ нѣмецкаго А. Линдегрень. С.-Пб. Стр. 138. Цѣна 1 руб.» и 3) Ф. Куперъ Конанчетъ, индѣйскій вождь. Разказы изъ жизни индѣйцевъ. Съ 36-ю иллюстр. и 7 хромолит. Переработалъ по Ф. Куперу Ф. Гофманъ. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Пб. Стр. 288. Цѣна 1 р. 75 коп.—допустить въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: «Ирвингъ. Жизнь Магомета. Переводъ Л. Никифорова. М. 1898. Стр. 407. Цѣна 1 р. 50 коп.» (Общепольная библіотека для самообразованія. Изданіе М. Ключкина)—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Журналъ «Русскій Паломникъ. Иллюстрированный еженедѣльный журналъ для религіозно-нравственнаго чтенія. С.-Пб. 1897. Стр. VI+840. Изданіе П. П. Сойкина. Цѣна 3 р. въ годъ, съ приложеніями 5 р.»—одобрить для библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Отдѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ его превосходительствомъ г. временно. и. об. товарища министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

Брошюру Архипова: «Наставленіе къ искусственному разведенію гѣса, преимущественно хвойныхъ породъ. Изд. Б. И. Тихомірова, Москва, 1898. Съ 20-ю рис. въ текстѣ, 64 стр. Цѣна 20 коп.»—допустить въ библіотеки учебныхъ заведеній министерствъ: народнаго просвѣщенія, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ курсъ коихъ входятъ предметы по сельскохозяйственной спеціальности.

— «Собраніе шрифтовъ—М. Маймистова, третье дополненное изданіе, Москва, 1897. 16 таблицъ. Цѣна 40 коп.»—одобрить, какъ учебное пособіе на урокахъ черченія, въ техническихъ и профессиональныхъ училищахъ.

— Брошюру доктора медицины Л. М. Симонова: «Главнѣйшіе съѣдобные и вредные грибы. Съ 8-ю табл. акварельныхъ рисунковъ, писанныхъ съ натуры г-жею Бемъ и напечатанныхъ въ Парижѣ у Лемерсье. Текстъ

проф. А. Н. Бекетова. Спб. 1889, 22 стр. Цѣна 2 руб.—одобрить для библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ, а равно низшихъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

— Брошюру профессора Императорскаго Варшавскаго университета Н. В. Насонова: «О пчелахъ и объ уходѣ за ними. Второе дополненное изданіе, Москва, 1896, 30 стр. Цѣна 10 коп.—одобрить для библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру Кожухова: «Бесѣды по пчеловодству. Спб. 1897, 66 стр., въ 8-ку».—одобрить для библиотекъ сельскихъ 2-класныхъ и начальныхъ училищъ.

Учебно-воспитательный Комитетъ

педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній (С.-Петербургъ, Соляной Городокъ) симъ объявляетъ конкурсъ на премію К. Д. Ушинскаго въ 1899 г.

1. Конкурсу подлежатъ сочиненія, какъ рукописныя, представляемыя для этой цѣли въ педагогическій музей, такъ и печатныя, вышедшія въ свѣтъ не ранѣе 1896 г.

2. Рукописи, представляемыя на конкурсъ 1899 г., доставляются въ педагогическій музей не позже 1 мая того же года. Онѣ должны быть написаны на русскомъ языкѣ и четкимъ почеркомъ. Въ случаѣ желанія автора скрыть свою фамилію, дозволяется снабжать рукописи девизомъ и прилагать особый запечатанный пакетъ съ тѣмъ же девизомъ и съ вложеніемъ въ него записки съ обозначеніемъ фамиліи автора и его мѣстожительства.

Примѣчаніе. Представленныя на конкурсъ рукописи могутъ быть взяты обратно или самими авторами или по довѣренности, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованной.

3. Печатныя сочиненія рассматриваются или по просьбѣ автора, или по указанію кого либо изъ членовъ учебно-воспитательнаго комитета.

Примѣчаніе. Время представленія ихъ авторами (не менѣе, какъ въ пяти экземплярахъ) то же, что и для рукописей.

4. Премія будетъ присуждена ко дню годовщины смерти К. Д. Ушинскаго, 21 декабря 1899 г., за выдающійся по своимъ достоинствамъ педагогическій трудъ одною изъ слѣдующихъ родовъ:

а) книги для класнаго чтенія, предназначаемыя для народныхъ

школь (сельскихъ, городскихъ, воскресныхъ и т. п.), какъ общественнаго, такъ равно и литературнаго, историческаго, географическаго или естественно историческаго содержанія;

б) сочиненія, обнимающія методику всѣхъ предметовъ начальной народной школы или группы предметовъ и наконецъ одного какого либо предмета;

в) сочиненія обще-педагогическаго характера: по исторіи народнаго образованія въ Россіи, по исторіи движенія педагогическихъ идей въ Россіи, по организаціи русской народной школы и т. п. и

г) по исторіи и организаціи женскаго образованія въ Россіи.

5. Размѣръ преміи составляетъ 600 руб.

6. Преміи за рукописныя сочиненія выдаются только по напечатаніи ихъ и въ такомъ случаѣ до выдачи автору преміи ему выдается удостовѣреніе о присужденіи преміи. Право на полученіе преміи сохраняется за авторомъ рукописнаго сочиненія въ теченіе 3-хъ лѣтъ.

7. Премія, не взятая авторомъ въ теченіе трехлѣтняго срока, причисляется къ основному капиталу, послѣ чего авторъ теряетъ право на полученіе ея.

8) Рецензія того сочиненія, которое удостоится преміи и протоколъ о присужденіи ея будутъ напечатаны въ Обзорѣ дѣятельности педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній за 1899—1900 учебный годъ, а о присужденіи преміи своевременно будетъ объявлено въ газетахъ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Д-р. Ласкала, 3.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

YC 23069

